
ИЗ КНИГ
И. И. Татарова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
-И-
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

1 9 3 4

№ 1—2 (CII—CIII)

МОСКВА

Э. А. КОРОЛЬЧУК

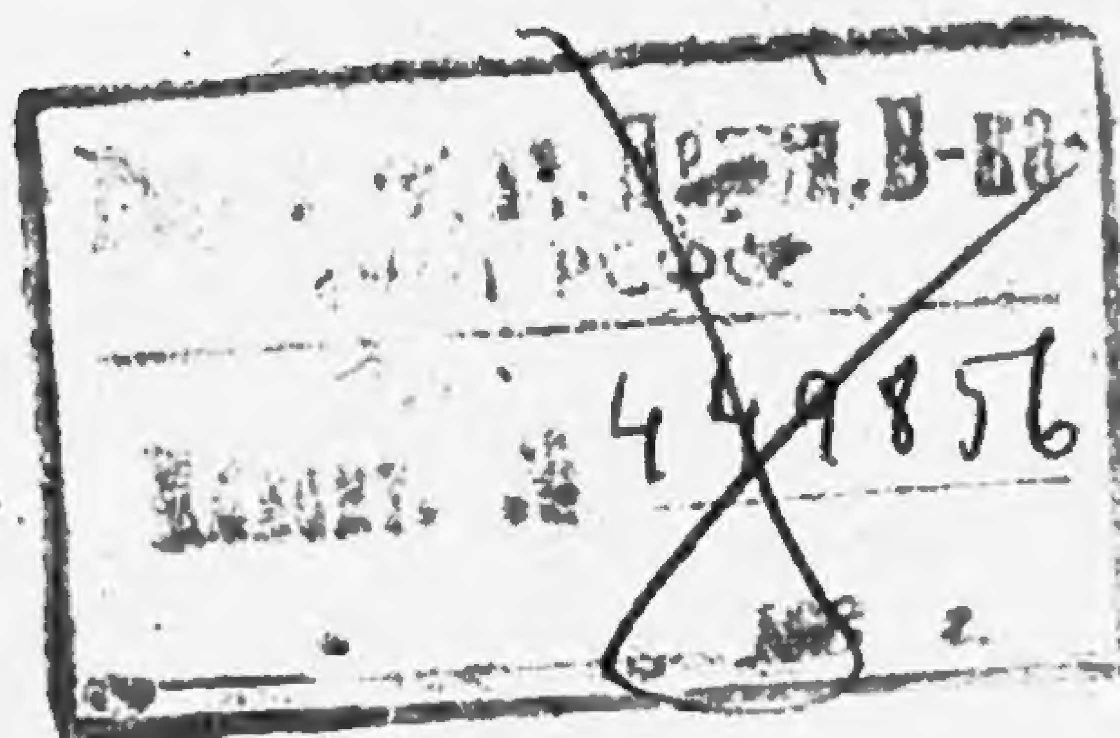
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

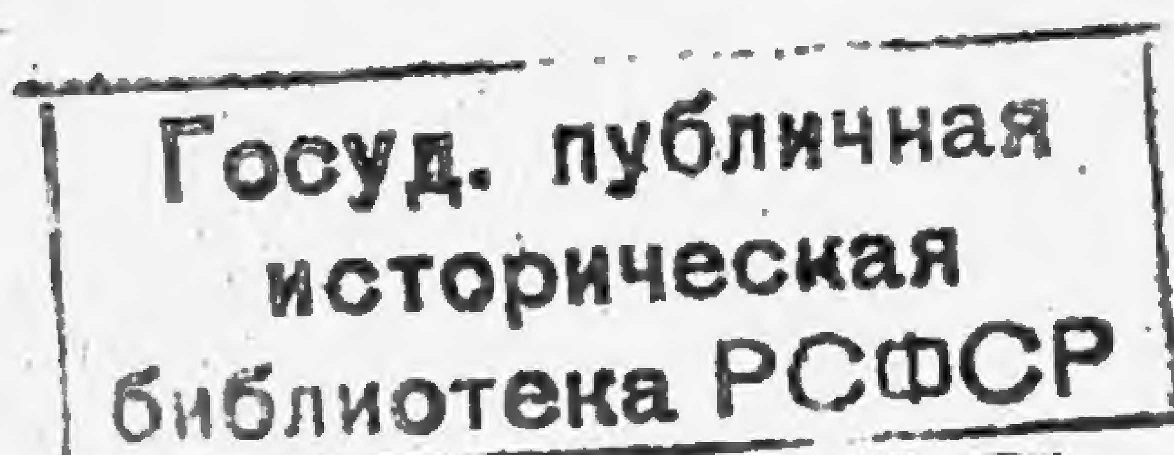
СБОРНИК
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
С ВВОДНОЙ СТАТЬЕЙ
И ДОПОЛНЕНИЯМИ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Обложка художника А. А. Толоконников

Ответственный редактор А. П. Голубков.
Технический редактор Ф. М. Точилин.
Сдано в набор 4/VI—34 г. Подписано к печ.
29/VII—34 г. Формат бумаги 62×94 см. 1/16.
17 печ. лист. 42.600 зн. в п. л. З. И. № 97.
Уполн. Главлита № В—60068. Тир. 5 000.
З. Т. 46. Отпечатано в 11 тип. и шк. ФЗУ.
Мособлполиграфа, Москва, 2-я Рыбинск., 3.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 70-х ГОДОВ

Крестьянская реформа, вследствие особых условий, при которых протекало ее осуществление, вызвала временный кризис промышленности. Рост индустрии замедлился, и первые годы после реформы характеризуются уменьшением числа рабочих, числа фабрик и количества переработанного сырья. Лишь понемногу, с середины 60-х годов, когда сеть железных дорог увеличилась чуть ли не в пять раз в сравнении с 1855 г., русский капиталист стал приспосабливаться к новым условиям.

С 1866 г. начинается неуклонный рост количества занятых в производстве рабочих. Выплавка чугуна достигает дореформенной (19½ млн. пуд.) только к началу 70-х гг. Текстильная промышленность быстрее оправилась от перенесенного ею кризиса, вызванного в значительной мере сокращением ввоза американского хлопка. Уже в 1866 г. количество ввезенного из-за границы и из Средней Азии хлопка достигло дореформенного (22 млн. пуд). Итак, благотворное влияние крестьянской реформы, развязавшей производительные силы страны, начинает ощущаться не сразу. 60-е годы в значительной мере протекают под знаком депрессии.

Рабочее движение 60-х годов отразило все характерные черты этого периода: оно примыкает еще вплотную к движению дореформенной эпохи. Значительная часть волнений и стачек представляет собой не что иное, как результат ликвидации крепостнических отношений, и вызвана болезненной подчас перестройкой быта освобожденных фабрично-заводских рабочих.

Стачки 1860—1861 годов — это стачки строительных рабочих. 1860 г. ознаменовался целым рядом волнений рабочих, занятых на постройке железных дорог, и является продолжением в этом отношении 1859 г., который дал аналогичную, но более сильную вспышку забастовочного движения. Летом 1860 г. происходили волнения на постройке Волжско-Донской ж. д., Нижегородской (на двух участках разных уездов), Феодосийской. Вызваны они были притеснениями приказчиков, недоброкачественной пищей, штрафами и задержкой отработанных денег. В этом же году бастовали рабочие, занятые на земляных работах в Керчи, в Петербургской губ.— на прорытии Новоладожского канала.

Все эти волнения не имели характера стачек позднейших лет. Они возникали в разных местах, перебрасывались с одного строительного участка на другой и быстро ликвидировались мелкими уступками.

В более серьезных случаях они квалифицировались как «бегство», и за нарушение контрактов следовало наказание розгами. Так, на линии Волжско-Донской железной дороги, как сообщалось во всеподданнейшем докладе главного начальника III отделения собственной е. и. в. канцелярии царю, «для удержания оставшихся людей от побегов царицынский городничий, при содействии стряпчего, начальника инвалидной команды и нижних чинов, жестоко наказал 20 человек розгами, рвал у них бороды и бил их ногами»[1].

Ушедшие с работ рабочие Новоладожского канала в 1861 г. также были все (50 чел.) наказаны розгами. Но это не остановило бегства: немного спустя «сбежало с работ еще 100 человек, поодиночно и партиями».

С 1862 г. характер стачек меняется. Бастуют и волнуются главным образом горнозаводские рабочие Урала. Волнения эти были вызваны тем, что под давлением заводовладельцев земельные наделы рабочих были урезаны: заводские рабочие получали только усадебные наделы без лугов и в редких случаях пахотную землю, но и то малогодную для земледелия. На этой почве вспыхнул целый ряд беспорядков. То рабочие отказывались вовсе от наделов и уставных грамот, как, например, 1 200 человек в Оренбургской губ. на Богоявленском, Белорецком и Тивлянском заводах; то, приняв наделы, но считая себя заводскими, не выполняли повинностей рекрутской и податной (на Благовещенском заводе Уфимской губ. и др.). На Демидовских заводах, по введении уставных грамот, до 2 000 человек лишились бесплатного пользования сенокосными лугами и в 1865 г. отказались от заключения контрактов на заводские работы.

В течение 1865 и 1866 гг. происходили волнения рабочих Людиновского и Сукременского заводов Мальцова в Калужской губернии. Не бросая работ, они отказывались от назначавшихся губернским присутствием и мировыми посредниками сельских старост и не платили недоимок.

В 1869 г. сопротивление рекрутской и податной повинности дошло среди горнозаводского населения до того, что в Алтайском округе, куда была послана для усмирения военная команда, 39 человек закрылись в доме и стреляли в солдат.

Эксцессы, вызванные трениями при проведении в жизнь крестьянской реформы, происходили, как мы видим, на протяжении всего почти десятилетия, и отзвуки крепостного права мы наблюдаем и в некоторых стачках 70-х гг. Мы отмечаем в табл. IV две стачки сельскохозяйственных рабочих и рабочих Урала, вызванные боязнью закрепощения.

В 60-х гг. насчитывается несколько стачек, вызванных и защитой чисто рабочих интересов. Они носили преимущественно оборони-

[1] «Красный архив», II, стр. 188.

тельный характер. Так, например, в июне 1864 г. бастовали рабочие фабрики Акчурина в Симбирской губ. из-за удержания фабрикантом заработной платы. Дело дошло даже до Особого присутствия правительствующего сената, которое постановило закончить его в гражданском порядке. В следующем году, в апреле, начались волнения на Холуницких заводах Вятской губ. 3 000 человек, не получая несколько месяцев денег, задержали отправлявшиеся с завода обозы с железом, отбили арестованных за это рабочих и успокоились только, получив частичное удовлетворение. Стачки на этих заводах продолжались и в 70-х годах. Бастовали также в середине 60-х гг. и рабочие Никольской мануфактуры в Орехово-Зуеве и фабрики Максвеля в Петербурге.

Но, в общем, стачечное движение 60-х гг. мало отличалось, от «бунтов» дореформенной эпохи. Как и при крепостном праве, доминирует Урал, где основной причиной волнений было ненормальное положение заводских крестьян в отношении не столько труда и условий его, сколько земли и повинностей, связанных с нею.

Дальнейшее развитие капиталистических отношений, подъем промышленности к концу 60-х гг. обостряют противоречия между капиталом и трудом. Стачка 70-х гг.— это уже большей частью орудие в руках рабочих, отстаивающих свои интересы как продавцов рабочей силы. На протяжении всего десятилетия мы видим, как оборонялись рабочие от наступления капитала, угрожавшего ухудшением их нищенского положения, как они в периоды промышленного подъема пытались вырвать у него хотя бы минимальные уступки.

Условия труда и жизни рабочих в течение десятилетий, ближайших к крестьянской реформе, все ухудшались. Повышение заработной платы непосредственно после нее, как следствие отлива рабочей силы к земле, продолжалось недолго. Через несколько лет повышение цен на предметы первой необходимости повело к падению реальной заработной платы, и в дальнейшем она продолжала понижаться. Так, по вычислениям Туган-Барановского, по сравнению с 50-ми гг. реальная заработная плата рабочих хлопчатобумажных фабрик Шуйского уезда понизилась в конце 80-х гг. не менее как на 30—40%. Средняя плата на фабриках трех уездов Московской губ. в начале 80-х гг. равнялась: для мужчин — 14 р. 16 к., для женщин — 10 р. 35 к. По производствам: машиностроительному для мужчин — 23 р. 74 к., прядильно-ткацкому — 16 р. 82 к. (женщины получали 7 р. 17 к.), ситценабивному — 16 р. 09 к. (женщины 6 р. 07 к.), бумагопрядильному — 31 р. 58 к. (женщины 11 р. 07 к.). Ниже всего была заработная плата на рогожных фабриках — 8 р. 89 к. для мужчин, и на фарфорово-фаянсовых заводах — 3 р. 90 к. для женщин. Заработок рабочих уменьшался штрафами, которые некоторым фабрикантам сберегали до 40% всей заработной платы, а также выдачей заработанного готовыми харчами или продуктами в лавке фабриканта. Этот вид закабаления рабочего приносил тысячные прибыли фабрикантам.

Средняя продолжительность рабочего времени (по Дементьеву) в начале 90-х гг. в трех уездах Московской губ. была такова:

Менее 12 час. в сутки	10%	фабрик
12 и $12^1/_2$ » » »	29,6%	»
13 и $13^1/_2$ » » »	44,0%	»
14 и $14^1/_2$ » » »	11,6%	»
15 и более » » »	5,4%	»

Около $^1/_3$ фабрик работало 12 и $12^1/_2$ час., на остальных (в 60%) продолжительность рабочего времени была свыше 13 часов. В той же Московской губ. были фабрики, где работали по 16 час. (канатная), 18 час. (рогожная), а на машиностроительном заводе Струве — даже 19 час.[1]

Здоровье рабочих разрушалось не только продолжительностью рабочего времени, но и его распределением: чередованием смен, при которых рабочий нередко имел для сна лишь пять-шесть часов (и то в два приема), краткостью перерывов, сверхурочными работами.

«Чем больше эксплоатируется рабочая сила, тем хуже вознаграждается труд»,— к такому выводу приходит д-р Эрисман, произведший санитарное обследование фабрик Московского уезда. И действительно, фабричный инспектор Песков, разбив московские фабрики на группы, нашел, что на 10 фабриках с 15-часовым рабочим днем средняя заработная плата равнялась 16 р. в месяц, на 13 фабриках с 14-часовым рабочим днем — 17 р. 89 к., на 14 фабриках с 13-часовым рабочим днем — 20 р. 11 к., на 8 фабриках с 12—11-часовым рабочим днем — 21 р. 66 к.[2]

Центральный промышленный район отставал в отношении как заработной платы, так и продолжительности рабочего дня от других районов Европейской России, главным образом Северного, с Петербургом. Петербургские фабриканты, обладая лучшим оборудованием, прежде других отменили ночные смены и высказались против эксплоатации труда малолетних рабочих. Условия труда на фабриках и заводах Петербурга были несколько легче, хотя и здесь в конце 70-х гг. заработная плата фабричного рабочего в среднем была от 15 до 17 р., а заводского — от 25 до 30 руб.[3]

Условия труда ухудшались совершенно неустранявшеюся вредностью производств, отсутствием вентиляции, плохим освещением. Смертность среди фабричного населения была очень велика. Д-р Богословский[4] писал о смертности на Реутовской фабрике в 1881—1882 гг.: «Население Реутовской мануфактуры вымирает». Очень велико было ко-

---

[1] Данные Дементьева («Фабрика, что она дает населению и что она у него берет») относятся к 80-м гг., когда продолжительность рабочего дня была сокращена из-за кризиса сбыта и ночные смены были почти всюду отменены.

[2] Труды комиссии, учр. московским ген.-губерн. Долгоруковым, 1882 г.

[3] Отчет земской управы Петербургского уезда за 1879 г. Спб. 1879 г.

[4] Труды 7-го губернского съезда врачей московского земства.

личество несчастных случаев, достаточно сказать, что на Ярцевской фабрике Хлудова было за три года искалечено 1 829 чел.[1]

Большая смертность в значительной степени объяснялась жилищными условиями и пищей рабочих. Спальни рабочих Клинцовских фабрик,— пишет С. Добрянский[2],— «это нечто в роде скотского двора, где каждый рабочий, к какому бы полу и возрасту он ни принадлежал, ложится кое-где и как попало».

Это — в 1869 г., но и через десять лет жилищные условия мало улучшились. На Морозовской мануфактуре в казармах, где помещалось 2½ тысячи чел., на 22 чел. приходилась камера в 3—8 арш.[3]

Пища состояла преимущественно из хлеба, капусты, грибов, не всегда — каши, а еще реже — мясо. Обследования быта рабочих раскрывают картину полного физического истощения и вымирания их. Рабочая сила поддерживалась лишь настолько, чтобы она продолжала быть производительной, но ее хватало не надолго; по данным Дементьева, на 100 рабочих, в возрасте 19—49 лет, приходилось рабочих в возрасте 40 лет и выше на обработке волокнистых веществ всего около 12%, в прочих производствах — около 20%. Выбывавшим из строя «старикам» фабриканты предпочитали дешевую и податливую рабочую силу детей и подростков.

Н. Благовещенский пишет: «Николаша принят на фабрику. Новый ребенок осужден на гибель. Через 2—3 месяца его и узнать нельзя будет: он сгорбится, исчахнет, пожелтеет, грудь у него ввалится, глаза загноятся, голос охрипнет»[4]. Шестилетние дети работали на московских фабриках и в начале 80-х гг.

Условия труда и быта рабочих были таковы, что Б. Каминская, одна из судившихся по процессу 50-ти, работавшая в 1875 г. на фабрике, писала в корреспонденции, взятой у нее при аресте: «Едва ли достаточно человеческой фантазии для того, чтобы хоть сколько-нибудь представить себе то ужасное положение, в котором находится рабочий на суконной фабрике Носовых». Интересно, что доклад помощника начальника московского жандармского управления от 30 июня 1876 г. начинается приблизительно такими же словами: «Достаточно лишь поверхностного взгляда, чтобы убедиться, насколько бедственно и безотрадно положение рабочих» (стр. 157).

Итак, материальное и бытовое положение рабочих ухудшалось параллельно с ростом производительных сил страны и обострением противоречий между капиталом и трудом. На этом фоне и развернулось рабочее движение 70-х гг.

В нашем распоряжении имеются сведения о 225 случаях волнений и стачек за все десятилетие — с 1870 по 1879 г. Из них в 49 случаях волнения не выливались в форму отказа от работ, и только 176 случаев можно назвать стачками в чистом виде. В дальнейшем изложении,

[1] «Врач» 1885 г., № 22.
[2] Труды имп. вольно-экономич. общества, 1869 г., т. II, вып. 5.
[3] Протоколы 4-го съезда земских врачей Тверской губ., Тверь, 1879 г.
[4] «На ткацкой фабрике» (Из заметок и наблюдений конторщика), «Неделя», 1870 г., № 19. То же см. Н. Благовещенский: Семидесятые годы на фабриках и заводах, стр. 31, М.—Л. 1929.

рассматривая их распределение по районам и производствам, мы приводим данные по обоим видам борьбы отдельно.

По годам случаи волнений и стачек распределяются следующим образом:

	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	Всего
Стачек . . .	17	13	18	10	23	9	19	6	20	41	176
Волнений . .	1	1	2	4	4	10	11	5	7	4	49

Подъем стачечного движения наблюдается в 1874 г., на довольно высоком уровне держится оно до 1876 г. В 1877 г. происходит резкое падение числа стачек, но зато в 1878 г. оно снова сильно повышается, а в 1879 г. увеличивается на 61%. по сравнению с предыдущим годом. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о количестве бастовавших рабочих очень недостаточны: из 225 стачек — всего о 96, да и то они не могут быть признаны совершенно достоверными, Количество бастовавших преувеличивалось нелегальной прессой и преуменьшалось донесениями жандармов. Поэтому пользоваться ими и делать какие-либо выводы было бы неосторожно. Те данные, которыми мы располагаем, показывают увеличение числа участников в 1872 г. благодаря стачке на Кренгольмской мануфактуре, охватившей свыше 4½ тысяч рабочих; в 1875 г. произошли стачки 2 500 рабочих на Семянниковском заводе в Петербурге и 2 500 раб. на фабрике Коншина в Серпухове, и в конце 70-х гг.: в 1878 г.— 9 292 (число бастовавших известно в 16 случаях из 27), в 1879 г.— 14 339 (число бастовавших известно в 26 случаях из 44).

Не располагаем мы также и достаточным количеством данных о размерах предприятий, которые были затронуты стачечным движением. «Указатель фабрик и заводов Европейской России» (Орлова) дает сведения лишь за 1879 г. При росте фабрично-заводских предприятий на протяжении 70-х гг. мы, конечно, не можем пользоваться цифрами 1879 г. для определения количества рабочих в предшествующие годы. Что же касается 1879 г., то мы имеем сведения о количестве рабочих лишь 18 предприятий из 44, и из них 17% приходится на предприятия, имевшие менее ста рабочих, 33% — на предприятия, имевшие от 100 до 1 000 рабочих, 22% — на предприятия, имевшие от 1 000 до 2 000 рабочих, и 28% — на предприятия с количеством рабочих свыше 2 000 чел.

Больше всего стачек и волнений за десятилетие 1870—1879 гг. отмечено в Северном промышленном районе — 86, т. е. 38,2% всех стачек, причем на Петербург приходится 63 стачки. На втором месте стоит Центральный промышленный район (с Москвою) — 62 случая, или 27,6, из них на Москву приходится всего 10 случаев. Из остальных районов наибольшее количество известных нам стачек произошло на юге — 27, т. е. 12%, и столько же в Западном районе (включая Польшу). Урал и Сибирь в рабочем движении 70-х гг. не играют такой роли, как в 60-х гг. Среди горнозаводских рабочих Урала и Сибири вместе нам известен всего 21 случай волнений и стачек, т. е. 9,3% (см. табл. I, стр. 12).

Речь здесь идет не обо всех происходивших в действительности, а только об известных нам стачках. Их, без сомнения, было больше, и, вероятно, именно в районах, удаленных от центра. Стачки, происходившие в Петербурге или вблизи него, скорее попадали на страницы современной прессы и возбуждали опасения III отделения, а, следовательно, оставляли след в архиве его. Возможно, что высокий процент известных нам стачек Петербурга и Северного района должен быть несколько корректирован вышеизложенными соображениями.

Рассматривая по годам число стачек Северного района, мы видим, что кривая их роста совпадает с кривой общего количества стачек: повышение в середине 70-х гг., падение в 1877 г. и еще большее повышение в 1878 и 1879 гг. В Центральном промышленном районе линия роста несколько иная: повышение в начале 70-х гг. и очень сильное повышение в конце. В 1879 г. стачки Северного промышленного района, несмотря на то, что абсолютное число их почти не уменьшилось, уступают, однако, место стачкам Центрального района: на Северный приходится только 26,6% всех стачек этого района, а на Центральный — 40%. Центр стачечного движения переместился, стало быть, к концу 70-х гг. в Центральный промышленный район.

Посмотрим теперь, как распределяются известные нам стачки и волнения 70-х гг. по производствам. Мы делим рабочих на следующие категории: 1) занятые на обработке металла и машиностроении, 2) на обработке волокна, 3) строительные рабочие, 4) транспортные рабочие, 5) горняки, 6) сельскохозяйственные рабочие и 7) рабочие прочих производств: кирпичных, кожевенных, стекольных, винокуренных заводов, табачных фабрик и т. п.

На протяжении всего десятилетия среди металлистов было 47 случаев стачек и волнений, или 20,9 общего числа, среди текстильщиков — 75 (33,3%), среди строительных рабочих — 19 (8,4%), транспортников — 14 (6,1%), горняков — 17 (8,0%), сельскохозяйственных рабочих — 2 (0,9%) и прочих (рабочих кожевенных, кирпичных, и других заводов) — 41 (18,2%). По годам они распределяются следующим образом (см. табл. II, стр. 12).

Приводимая на странице 12-й таблица показывает, что стачки металлистов возникают в сущности только в середине 70-х гг. и стачечное движение трехлетия 1874—1876 гг. является главным образом движением металлистов. В то время как в 1870—1873 гг. стачки и волнения металлистов составляли в среднем всего около 9,2% всех стачек за четыре года, в 1874—1876 гг. они сразу заняли 34%, стачки же текстильщиков в эти годы составляли всего 24,6%. Число стачек текстильщиков в середине 70-х гг. увеличивается незначительно и лишь к концу десятилетия дает резкое повышение. Стачки конца 70-х гг. — стачки преимущественно текстильных рабочих. С сокращением постройки железных дорог утихают и волнения строительных рабочих. В начале 70-х гг. мы имеем много стачек и волнений отхожих рабочих, собственно говоря, крестьян, нанимавшихся подрядчиками. Это преимущественно работы по обра-

Таблица I

	1870		1871		1872		1873		1874		1875		1876		1877		1878		1879		Всего			В %%		Всего случаев в %%
	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Всего случ.	Ст.	В.	
Север	7	—	3	—	6	1	1	3	11	3	2	5	11	4	—	3	11	3	10	2	62	24	86	35,2	49	38,2
В т. ч. Петербург	*5*	—	*2*	—	*2*	*1*	*1*	*3*	*8*	*3*	*2*	*4*	*3*	*4*	—	*2*	*10*	*3*	*8*	*2*	*41*	*22*	*63*	—		
Центральн. район	6	1	3	—	5	—	5	—	5	1	2	—	5	1	1	—	7	2	17	1	56	6	62	31,7	12,3	27,6
В т. ч. Москва	*2*	—	*2*	—	*1*	—	—	—	*1*	—	—	—	—	—	—	—	*2*	*1*	*1*	—	*9*	*1*	*10*	—	—	—
Юг	1	—	3	1	1	—	3	—	2	—	3	3	—	2	—	—	1	1	6	—	20	7	27	11,4	14,3	12
Запад	3	—	2	—	1	—	—	—	2	—	1	2	3	1	5	1	1	1	3	1	21	6	27	11,9	12,2	12
Сибирь и Урал	—	—	2	—	4	1	1	1	3	—	1	—	—	3	—	1	—	—	4	—	15	6	21	8,7	12,2	9,3
Неизвестные	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	2	1,1	—	0,9
	17	1	13	1	18	2	10	4	23	4	9	10	19	11	6	5	20	7	41	4	176	49	225	100	100	100

Таблица II

	1870		1871		1872		1873		1874		1875		1876		1877		1878		1879		Всего		Число случаев возмущения	%
	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.		
Металлисты	—	—	3	—	1	1	—	1	7	2	3	4	6	5	—	2	2	3	5	2	27	20	47	20,9
Текстильщики	7	—	2	—	4	—	3	—	7	—	2	4	4	2	6	2	9	2	21	—	65	10	75	33,3
Строительные рабочие	4	1	2	—	2	—	2	2	2	1	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	14	5	19	8,4
Транспортники	1	—	2	—	1	—	—	—	2	1	1	—	—	1	—	—	2	1	2	—	11	3	14	6,1
Горняки	—	—	1	—	4	1	1	1	1	—	—	—	1	1	—	—	1	—	4	1	13	4	17	8,0
С.-х. рабочие	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	2	0,9
Прочие	3	—	2	1	5	—	3	—	2	—	2	1	7	2	—	1	5	1	6	—	35	6	41	18,2
Неизвестные	2	—	1	—	1	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	1	9	1	10	4,2
	17	1	13	1	18	2	10	4	23	4	9	10	19	11	6	5	20	7	41	4	176	49	225	100

ботке пеньки, льна, которые производились на дому и раздавались подрядчиками. К концу же 70-х гг., с развитием машинной индустрии и замедлением постройки железных дорог, стачка, так сказать, кристаллизуется. От борьбы за землю 60-х гг., через борьбу с подрядчиками за выполнение контрактов, она переходит в организованное более или менее воздействие на фабрикантов и заводчиков, в борьбу за подлинные интересы рабочих.

Еще ярче подчеркиваются сделанные нами выводы из обследования стачечного движения 70-х гг., если проследить стачки по производствам в каждом отдельном районе. Сравнивая данные по годам, мы видим, что в начале 70-х гг. выше количество стачек текстильщиков Центрального промышленного района. В 1874—1876 гг. на высоком уровне стоят стачки металлистов Петербурга. Количество стачек петербургских текстильщиков и текстильщиков Западного района почти одинаково. В 1878 и 1879 гг. резко увеличивается количество стачек текстильщиков Центрального района и количество стачек текстильщиков Петербурга и запада, которое в 1879 г. спадает; вместе с тем снова повышается число стачек металлистов Петербурга.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные о стачечном движении 70-х гг. далеко не полны. Мало сведений о численности бастующих, в большинстве случаев отсутствуют сведения о продолжительности стачек. Разработке поддается лишь материал, отражающий требования рабочих.

Если мы рассмотрим детальнее характер стачек, связанных с вопросами заработной платы, то мы увидим, что из них значительная часть — 55, или около 26,5% участников стачек — предъявила требования наступательного характера; 152 случая, или 73,5%, стачка имеет оборонительный характер.

Движение наступательных стачек примерно такое: в начале 70-х гг. оно выражено сильно, затем в середине спадает с тем, чтобы повыситься в 1879 г. Оборонительные стачки, связанные с вопросами заработной платы, имеют тенденцию несколько иную: число их резко повышается в 1874 г., в 1877 г. падает, чтобы в конце 70-х гг., с ростом стачечного движения, снова повыситься.

Итак, налицо рост оборонительных стачек в середине 70-х гг., совпадающий с ростом стачек петербургских металлистов.

Проанализировав все имеющиеся у нас данные о распределении стачек и волнений рабочих по районам, производствам и причинам их возникновения, мы получаем следующую картину.

В 1870 г. бастуют рабочие текстильных фабрик Петербурга, Москвы и Западного района, предъявляя требования повышения существующей платы. Наступательный характер имеют и стачки рабочих других предприятий, среди которых преобладают строительные рабочие, грузчики, пильщики, т. е. преимущественно чернорабочие, а не настоящие фабрично-заводские рабочие.

В 1871 г. бастуют только 2 текстильных фабрики. Усиливается наступательный характер стачек механических рабочих и рабочих других предприятий в Северном и Западном районах.

		1870		1871	
		Ст.	Волн.	Ст.	Волн.
Север	Металлисты	—	—	1	—
	Текстильщики	3	—	1	—
	Строительные рабочие	1	—	1	—
	Транспортники	1	—	—	—
	Горняки	—	—	—	—
	Сельскохозяйственные рабочие	—	—	—	—
	Прочие	1	—	—	—
	Неизвестные	1	—	—	—
В том числе Петербург	Металлисты	—	—	1	—
	Текстильщики	3	—	—	—
	Строительные рабочие	—	—	1	—
	Транспортники	1	—	—	—
	Горняки	—	—	—	—
	Сельскохозяйственные рабочие	—	—	—	—
	Прочие	—	—	—	—
	Неизвестные	1	—	—	—
Центральный район	Металлисты	—	—	—	—
	Текстильщики	3	—	2	—
	Строительные рабочие	2	1	—	—
	Транспортники	—	—	—	—
	Горняки	—	—	—	—
	Сельскохозяйственные рабочие	—	—	—	—
	Прочие	1	—	1	—
	Неизвестные	—	—	—	—
В том числе Москва	Металлисты	—	—	—	—
	Текстильщики	1	—	1	—
	Строительные рабочие	—	—	—	—
	Транспортники	—	—	—	—
	Горняки	—	—	—	—
	Сельскохозяйственные рабочие	—	—	—	—
	Прочие	1	—	1	—
	Неизвестные	—	—	—	—
Юг	Металлисты	—	—	—	—
	Текстильщики	—	—	—	—
	Строительные рабочие	1	—	2	—
	Транспортники	—	—	1	—
	Горняки	—	—	—	—
	Сельскохозяйственные рабочие	—	—	—	—
	Прочие	—	—	—	1
	Неизвестные	—	—	—	—
Запад	Металлисты	—	—	—	—
	Текстильщики	1	—	1	—
	Строительные рабочие	—	—	—	—
	Транспортники	—	—	—	—
	Горняки	—	—	—	—
	Сельскохозяйственные рабочие	—	—	—	—
	Прочие	1	—	1	—
	Неизвестные	1	—	—	—
Сибирь и Урал	Металлисты	—	—	1	—
	Текстильщики	—	—	—	—
	Строительные рабочие	—	—	—	—
	Транспортники	—	—	—	—
	Горняки	—	—	1	—
	Сельскохозяйственные рабочие	—	—	—	—
	Прочие	—	—	—	—
	Неизвестные	—	—	—	—

1872		1873		1874		1875		1876		1877		1878		1879	
Ст.	Волн.	Ст.	Волн	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.	Ст.	Волн.
1	1	—	1	4	2	2	2	3	3	—	2	1	2	3	2
2	—	—	—	3	—	—	2	2	1	—	—	4	1	5	—
1	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
2	—	1	—	1	—	—	—	6	—	—	1	5	—	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	1	—	1	4	2	2	2	2	3	—	2	1	2	3	2
—	—	—	—	2	—	—	2	1	1	—	—	4	1	3	—
—	2	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	5	—	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	I	1	1	—
2	—	3	—	3	—	2	—	2	—	1	—	5	1	14	—
—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	1	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
—	—	2	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	1	3	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	2	—	—	5	1	—	—	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
3	1	1	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

В 1872 г. бастует Кренгольмская мануфактура, предъявляя ряд требований. Поводом к стачке послужили уменьшение заработной платы, притеснения и штрафы. Это была самая длительная и значительная по количеству участников и силе сопротивления стачка всего десятилетия. Увеличивается число волнений на сибирских золотых приисках, причины которых нам в большинстве случаев неизвестны. Северный район выделяется количеством оборонительных стачек прочих предприятий (строительные рабочие, столяры и др.).

В 1873 г. бастуют преимущественно текстильщики Центрального района из-за уменьшения заработной платы, рабочие других предприятий — из-за задержки денег.

В 1874 г. стачки начинают принимать оборонительный характер: текстильщики Москвы и Петербурга и металлисты Петербурга бросают работы, выведенные из терпения непомерными штрафами, а последние — и понижением зарплаты. Процент наступательных стачек уменьшается — 27%. Захвачен стачками и юг.

В 1875 и 1876 гг. заметно увеличилось количество оборонительных стачек металлистов Петербурга, бастовавших и волновавшихся из-за задержки денег. Здесь в списке заводов, где происходили волнения, не всегда заканчивавшиеся прекращением работ, мы видим такие гиганты, как Семянниковский завод, Путиловский, Александровский. Стачки текстильщиков и рабочих других производств также преимущественно оборонительные.

В 1877 г., в связи с войной, происходит резкое падение количества стачек. В 1878—1879 гг. мы видим, что стачечное движение начинает вновь нарастать, главным образом как движение текстильщиков Центрального района. Стачки же металлистов и текстильщиков Петербурга вызываются лишь задержкой заработной платы. В 1878 и 1879 гг. резко падает количество стачек, вызванных штрафами.

Если мы припомним положение русской промышленности на протяжении изучаемого десятилетия, то описываемые процессы станут совершенно понятны. Кривые, полученные нами при изучении стачечного движения, и кривые движения русской промышленности, приведенные Туган-Барановским в его работе «Русская фабрика в прошлом и настоящем», т. I, совпадают в своих крайних точках подъема и падения. То положение, что периоды подъема промышленности характеризуются наступлением рабочего класса на капитал, а периоды упадка — обороной их, получает блестящее подтверждение.

Возьмем самую характерную для роста промышленности цифру — общее количество рабочих. Мы видим, что, начиная с 1866 г., оно неуклонно растет до 1873 г. В 1874 г. число это несколько падает и приблизительно на том же уровне остается до 1877 г., а в 1878—1879 гг. стремительно взлетает вверх. Если же возьмем число рабочих, занятых на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках, то с 1867 по 1879 г. оно увеличилось почти в 1½ раза: с 97,8 тыс. до 159,7 тыс., а число металлистов — с 16,1 тыс. до 49 тыс., т. е. почти

Годы	Заработная плата				Рабочий день		Условия быта и труда				Условия найма	Боязнь закрепощения	Солидарность	Проч.	Всего
	Требования повышения зарплаты	Сопротивление понижению зарплаты	Задержка и неправильный расчет	Вычеты и штрафы	Требование уменьшения рабочего дня	Работа в праздн. и под праздники	Жилищные условия	Пища	Плохое обращение	Условия труда	Введение новых правил и книжек				
1870	6	1	2	3	1	—	1	2	—	1	—	—	—	—	17
1871	3	—	3	—	—	—	1	—	1	2	—	—	1	—	11
1872	3	3	—	2	1	1	—	2	—	—	—	—	—	—	12
1873	3	2	4	1	—	1	—	3	—	1	1	2	4	—	22
1874	5	3	4	6	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	20
1875	1	3	8	4	—	—	—	1	—	1	2	—	—	—	20
1876	5	1	7	5	—	—	—	2	2	1	2	—	1	—	26
1877	4	1	1	1	—	1	—	—	—	—	1	—	1	—	10
1878	4	3	6	5	1	1	1	2	—	2	—	—	—	—	25
1879	15	3	11	2	4	2	1	—	—	3	2	—	2	1	46
Число случаев предъявления требований	49	20	46	29	8	7	4	12	3	11	8	2	9	1	209
В %%	23,3	9,8	22,3	14	3,4	3,3	1,9	5,9	1,5	5,4	3,4	0,9	4,4	0,5	100%

в $3^1/_2$ раза[1]. Итак, подъем промышленности происходит примерно до 1873 г., в 1874—1876 гг. происходит замедление роста. Многие исследователи называют эти годы периодом застоя. Оборонительные стачки этого периода в значительной мере были вызваны банкротствами, которые в это время потерпели многие предприятия. В связи с этим фабриканты увеличивали штрафы, задерживали выплату заработанных денег.

Количество выплавляемого чугуна в 1876 г. достигает 29½ млн. пудов — самой большой цифры за все десятилетие. Период 1874—1876 гг. для металлобрабатывающей промышленности был периодом роста, и, может быть, этим объясняется, что в 1874 г., когда он начался, и металлисты вступили в стачечное движение. В связи с общим понижением финансовой конъюнктуры 1874 — 1876 годы отмечены в результате мирового кризиса 1873 г. и неурожая 1875 г. падением цен, сжатием рынка, банкротством предприятий — стачки их были только оборонительными. Заводские рабочие, обеспеченные гораздо лучше фабричных рабочих, также начинают в это время подвергаться штрафам (начало волнений металлистов в 1874 г. связано с усилившимися штрафами), а затем в 1875 и 1876 гг. сильный ропот вызывают задержки заработной платы, связанные с финансовыми затруднениями заводчиков. В конце 1879 г. выплавка чугуна падает, и делает скачок вверх кривая, указывающая количество ввезенного из-за границы хлопка. Эта цифра не абсолютно достоверна и показательна для роста текстильной промышленности, но рост ее в конце 70-х гг. подтверждается многими исследователями.

Безобразов пишет[2]: «...Нехватало рабочих рук: очень многие предприятия удвоили свое производство. Везде строились все новые и новые фабрики... На всех лучших бумажных фабриках вся выработка была продана за год вперед. Прибыли в 1878—1879 гг. исчислялись до 40, 50 и 70%...».

Число рабочих бумагопрядильных, бумаготкацких и ситценабивных фабрик с середины 70-х гг. увеличилось при этом относительно незначительно: с 162 тыс. (1876 г.) до 170 тыс. (1879 г.), т. е. приблизительно на 5%, вследствие введения на фабриках технических усовершенствований. Количество же стачек увеличилось больше чем в 4 раза. И действительно, указанные выше прибыли фабрикантов с одной стороны, повышение цен на хлеб и уменьшение реальной заработной платы, ухудшавшие и без того тяжелое положение текстильщиков,— с другой,— все это толкало их на борьбу.

Стачки металлистов и в конце 70-х гг. продолжают быть преимущественно оборонительными, абсолютное число их несколько возрастает (в 1879 г.), но, приняв во внимание, что число рабочих металлистов продолжает в это время довольно значительно увеличиваться (в 1879 г. с 49 тыс. до 56 тыс., т. е. на 15,2%), мы должны признать, что забастовочное настроение металлистов понизилось.

---

[1] Д. Тимирязев. «Развитие главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности в России с 1850 по 1879 г.».

[2] «Народное хозяйство России», I, стр. 289.

Итак, металлисты Петербурга в середине 70-х гг., текстильщики Петербурга и Москвы — в начале, а в конце 70-х гг.— текстильщики Центрального района,— вот тот бродильный фермент, который образовался в составе развивающегося рабочего класса России.

Наступали обездоленные нищие-ткачи, которые одной ногой стояли еще на земле; более обеспеченные — металлисты, потомственные рабочие-цеховики — оборонялись против капитала. Может быть, отчасти и в этом разгадка того отмечающегося постоянно факта, что народники 70-х гг. тяготели именно к фабричным рабочим.

Таблица V

	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	Всего
Случаи возмущения рабочих наступательного характера (стачки и волнения)	7	3	4	3	5	1	5	4	4	19	55
Случаи возмущения рабочих оборонительного характера (стачки и волнения)	10	8	8	19	14	19	21	6	20	27	152

Здесь имели они наиболее податливую для агитации среду и вместе с тем могли надеяться найти проводников пропаганды в деревню. Действительность однако опрокинула их планы. Очень немногие фабричные рабочие пошли «в народ». Среди заводских же рабочих, распропагандированных еще в начале 70-х гг., мало-помалу крепнет оппозиция против народников. Осознав необходимость сплочения и защиты собственных классовых интересов, они, при некоторой помощи небольшой группы интеллигентов, пытаются создать свою рабочую социалистическую организацию и первые выдвигают требования политических прав. Состав руководящего ядра рабочих организаций, преемственность которых можно проследить от кружка Низовкина начала 70-х гг. до Северного рабочего союза периода 1878—79 гг., меняется и отражает в известной степени выдвижение на передовые позиции стачечных отрядов рабочих отдельных отраслей промышленности. Если в первой половине 70-х гг. народникам противопоставляли свои самостоятельные задачи заводские рабочие и Северный рабочий союз в 1875—76 гг. зародился в их среде, то в конце 70-х годов руководящей головкой Северного рабочего союза мы видим немало рабочих-текстильщиков.

Как мы видим, даже предварительные выводы, которые мы сделали на первом этапе разработки истории рабочего класса 70-х гг., показывают, что и на этом участке «историю надо начать изучать сызнова» (Энгельс). 70-е гг. были периодом революционного подъема и для рабочего класса. Оставленный буржуазными историками в тени геро-

ической кучки интеллигентов-семидесятников, он становится для нас объектом изучения и исследования.

В таблицы, приведенные выше, вошли данные о стачках и волнениях за десятилетие 1870—1879 гг. Однако в конце сборника мы даем также документы о стачках и волнениях 1880 г. (с дополнениями по литературе), которые нам удалось найти. Делаем это с целью заполнить пробел, который образовался бы в литературе о стачечном движении 70—90-х гг., так как работа Ф. Матасовой посвящена стачкам 1881—96 гг. В приложении даны документы, отражающие мероприятия правительства, тесно связанные со стачками 70-х годов.

Документы воспроизведены нами с возможной точностью. Поправки, которые приходилось иногда делать, каждый раз оговорены.

При выявлении документов сплошь просмотрены фонды III отделения министерства юстиции и департамента полиции исполнительной (министерства внутренних дел) за соответствующие годы. Для дополнений использована вся известная нам литература и просмотрены газеты (газ. «Голос» сплошь за весь период). В тексте мы даем документы о некоторых волнениях, которые не вошли в наш подсчет, а между тем они фигурируют в литературе о рабочем движении 70-х гг. Это, напр., «стачки» извозчиков в Одессе, Ревеле, требовавших увеличения таксы.

В некоторых случаях мы приводим «обзоры» начальников жандармских управлений, рисующие положение и настроение рабочих и не посвященные отдельным стачкам.

Э. Корольчук.

1870 год

1. Стачка рабочих на Невской бумагопрядильной фабрике бывшей барона Штиглица в Петербурге 22 мая 1870 г.[1]

Доклад петербургского обер-полицеймейстера царю от 27 мая 1870 г.

22 сего мая на Невской бумагопрядильной фабрике бывшей барона Штиглица 63 человека рабочих потребовали увеличения рабочей платы. Получив отказ со стороны фабричной конторы, рабочие прекратили свои занятия, вследствие чего остановилось производство в одной части фабрики, где работают постоянно 800 человек.

Так как, несмотря на все убеждения полиции и конторы, рабочие продолжают упорствовать в своем намерении и отказ их от работы, последовавший вопреки существующих по этому предмету правил, составляет предусмотренную законом воспрещенную стачку, то виновные подвергнуты судебному преследованию.

Пока нет повода видеть в этом обстоятельстве какое-либо общее движение в рабочем населении; оно, вероятно, происходит лишь вследствие недостаточного сознания прав и обязанностей, существующих в силу закона между фабрикантами и рабочими. Тем не менее, в виду важности подобных случаев в промышленном отношении и необходимости подавить проявление незаконных и самоуправных

---

[1] О стачке на Невской бумагопрядильне см.: «Голос» 1870 г., № 148, 162, 167; «Неделя» 1870 г., № 25; «Русские ведомости» 1870 г., № 114, 116; «Новое время» 1870 г., №№ 147—161, 163, 164, 165, 166, 168; «Московские ведомости» 1870 г., № 116; «Судебный вестник» 1870 г., № 152. Сведения эти взяты большею частью из газ. «Ведомости с.-петербургской городской полиции» 1870 г., № 119; «Отечественные записки» 1870 г., VIII, стр. 248—253, и 1871 г., IV, стр. 257. О стачке см. также: «Архив истории труда в России», кн. III, 1922 г., статьи: Ю. Гессен — «К истории стачек среди фабричных рабочих» и Р. Кантор — «Жандармерия и первые рабочие стачки»; М. Балабанов—«Очерки по истории рабочего класса в России», ч. 2, стр. 216—228, 1925 г.; К. Пажитнов — «Положение рабочего класса в России», т. II, стр. 192—195, 1927 г., С. Прокопович — «К рабочему вопросу в России», Спб. 1905 г., стр. 48—50; Л. Мартов — «Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России», М. 1923 г., стр. 12; В. Невский — «К вопросу о рабочем движении в России в 70-е годы», «Историк-марксист» 1927 г., IV, стр. 126.

домогательств со стороны рабочих в самом начале, мною приняты тотчас самые настоятельные в сем отношении меры. С этой целью дело уже передано судебному следователю, и для достижения наибольшей быстроты в течение его на помощника моего мною возложено оказывать ему постоянно личное свое содействие. Затем, по соглашению моему с судебным ведомством, быстрое рассмотрение означенного дела обеспечено особыми распоряжениями, по коим оно выведено из общего порядка. Таким образом, можно надеяться, что впечатление, которое немедленное наказание виновных произведет на всю массу столичного населения, будет благодетельно.

Независимо от сего усилен особый надзор полиции по всем фабрикам.

Генерал-адъютант Трепов[1].

Доклад его же царю от 30 мая 1870 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше было мною доложено 27-го сего мая о беспорядках, бывших на Невском бумагопрядильном заводе Штиглица и К° между рабочими означенного завода и о тех мерах, какие приняты были мною, по соглашению с г. министром юстиции, для полного раскрытия всех обстоятельств означенного дела и обнаружения виновных.

Деятельностью сыскной полиции, которая сообщила собранные ею данные судебному следователю, обнаружено, что зачинщики стачки принадлежат к составу рабочих завода; их числом три человека; крестьяне разных губерний: Владимиров, 21 года, Потапов, 30 лет, и Акулов, 23 лет; они составили проект увеличения платы, который переписан был, по их личной просьбе, грамотным крестьянином Трусовым, торгующим в соседнем питейном заведении.

При столь удачном и быстром ходе следствия можно ожидать, что оно на-днях будет окончено и виновные в непродолжительном времени преданы в установленном порядке суду[2].

Генерал-адъютант Трепов.

---

[1] Дело III отделения с. е. и. в. канцелярии, 3 эксп., 1870 г., ч. I, л. 2.

[2] То же дело, л. 4. Дело о стачке на Невской бумагопрядильне слушалось 13 июля 1870 г. в петербургском окружном суде без участия присяжных заседателей. Рабочие Семен Владимиров, Фед. Петров, Бор. Потапов и Вас. Акулов были, как зачинщики, приговорены к семидневному аресту при полиции, 54 человека — к трехдневному аресту, пять оправданы. На докладе полк. Козлова о приговоре Александр II написал: «Весьма слабо».

Рабочие обжаловали решение окружного суда, вследствие чего дело перешло на рассмотрение судебной палаты, которая признала оправданными всех 58 человек. Но еще до подачи кассационной жалобы Владимиров и Акулов были высланы на родину, а затем выслали Петрова и Потапова. В 1871 г. Акулов вернулся в Петербург по паспорту, выданному Невельской городской думой, что повлекло длительную переписку и закончилось водворением его обратно. Только в 1873 г. Акулов был возвращен из ссылки, годом раньше вернулся Владимиров. Петрову разрешили вернуться в 1874 г. О Потапове сведений не имеется (Д. деп. полиции исполнительной, III отд., 1 ст., 1870 г., № 409, лл. 7—8 и сл.).

2. Волнения рабочих на Воронежско-Ростовской железной дороге в июне 1870 г.

Докладная записка воронежского губернатора управляющему министерством внутренних дел кн. Лобанову-Ростовскому от 13 июля 1870 г. за № 141.

Милостивый государь, князь Алексей Борисович!

Циркуляром от 6-го сего июля, за № 1906, ваше сиятельство изволили сообщить начальникам губерний высочайшую волю государя императора по вопросу о стачках рабочих на заводах и фабриках.

В Воронежской губернии фабричная и заводская промышленность так незначительны, что не предвидится возможности стачек между рабочими, тем более, что заводы винокуренные, свеклосахарные, салотопенные и т. п. имеют работников из местного сельского населения, для которого заработки на этих заводах служат только подспорьем в хозяйстве. Между тем, по всему протяжению Воронежской губернии производятся в настоящее время работы по устройству Воронежско-Ростовской железной дороги. По приблизительным, но довольно верным сведениям, число рабочих дошло до 30 тысяч, и они почти все без исключения принадлежат к другим губерниям. В течение минувшего июня месяца было несколько частных случаев недоразумений между подрядчиками и рабочими, которые тотчас же прекращались своевременными и благоразумными действиями полиции. Но тем не менее, предвидя возможность составления стачек между рабочими на железной дороге и имея в виду, что работы в пределах Воронежской губернии могут продолжаться еще в течение двух лет и затем является ряд предположений о проведении других железных путей в пределах той же губернии, я считаю долгом покорнейше просить ваше сиятельство разрешить, могут ли правила, изложенные в означенном циркуляре, быть применяемы к стачкам рабочих на железной дороге[1].

Примите уверения в совершенном почтении и преданности вашего сиятельства покорнейшего слуги.

Князь Трубецкой[2].

3. Стачка рабочих на постройке кронштадтских доков в июне 1870 г.[3]

Донесение исправляющего должность кронштадтского военного губернатора управляющему министерством внутренних дел от 13 июля 1870 г. за № 19.

Приняв к должному исполнению по городу Кронштадту высочайшее повеление, изъясненное в циркуляре вашего сиятельства от 6-го сего июля за № 1906, я имею честь испрашивать разрешения вашего,

---

[1] Рукою Лобанова-Ростовского на полях написано карандашом: «Да».
[2] Д. деп. полиции исполнительной, 3 отд., 1 ст., 1870 г., № 401, лл. 20—21.
[3] В газ. «Голос» (№ 173 от 25 июня 1870 г.) сообщаются следующие подробности об этой стачке, перепечатанные из «Кронштадтского вестника».

должны ли относиться указанные в сем циркуляре меры против стачек рабочих на фабриках и заводах также и в случае стачек между рабочими, производящими через подрядчиков государственные работы, как, например, по сооружению отдельных укреплений, доков и прочего в Кронштадте, где тому были уже и примеры, и именно при сооружении нового каменного дока каменщики и каменотесы, несмотря на контрактные условия с подрядчиком, отказались выходить на работы потому собственно, что подрядчик вычитал[1] из условной платы денег дождевые дни и часы, в которые работы не могли производиться, и рабочие требовали, чтобы подобных вычетов не делать; по сему случаю претензия разбиралась в Кронштадте судебным порядком, через мирового судью, и дело кончилось примирением при некоторых уступках в требованиях контракта со стороны подрядчика.

Исправляющий должность военного губернатора генерал-адъютант

Лесовский[2].

4. Стачка рабочих на судах Калашниковской пристани в Петербурге 29 июля 1870 г.

Донесение начальника с.-петербургского губернского жандармского управления управляющему III отделением с. е. и. в. канцелярии от 19 августа 1870 г. за № 112.

На предписание вашего превосходительства от 10-го сего августа за № 1401 имею честь донести, что по произведенному мною негласному дознанию относительно стачки рабочих, бывшей недавно на судах, находящихся около Калашниковской пристани, мною обнаружено, что с недавнего времени у мирового судьи 21-го участка г. С.-Петербурга стали возникать дела между судохозяевами и работниками их о денежных расчетах и паспортах. При разборе подобных дел исковая сторона, опираясь на неграмотность, отрицала существование домашних договоров и объясняла, что она согласия на рукоприкладство не давала. Подобное заявление, сделанное в установленный срок, должно-бы порождать уголовное преследование виновных, но в настоящем случае не могло быть этого исполнено. Ответная сторона, т. е. подрядчики, представляя домашние, на простой бумаге и нигде не явленные договоры, требовала исполнения их. В эти договоры подрядчики включили отяготительное для рабочих условие, не одобряемое законом (3 пункт 1529 ст. I части X тома), как, например, вычеты с рабочих за дождевой день по 1 рублю в пользу нанимателя,

---

«В двадцатых числах июня рабочие, занятые на постройке доков в Кронштадте, обратились с жалобами к мировому судье на подрядчиков Иконникова и Волкова. Причина — вычеты за дождливые дни, когда не производилась работа. По газетным сведениям, мировой судья, после безуспешных попыток примирить стороны, передал дело судебному следователю».

О стачке см. также: Прокопович, цит. раб., стр. 50; Мартов, цит. раб., стр. 12.

[1] В тексте: «вычитая».

[2] Д. деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1870 г., № 401, л. 18.

Затем стали появляться уже не писанные договоры, а печатные книжки с возмутительными условиями, абсолютно эксплоатирующими рабочих. Книжки эти печатались без цензуры в одной из типографий Петербурга, но где именно, еще неизвестно.

Лихоимственные извороты нанимателей порождают справедливый ропот рабочих и дают им повод к стачкам, которые, по всей вероятности, происходят в общественных местах, как-то: питейных заведениях, харчевнях и трактирах.

Подобному же положению подверглись рабочие судов, находящихся у Калашниковской пристани, из коих 29-го минувшего июля сего года к мировому судье 21-го участка явились крестьяне Архангельской губернии Холмогорского уезда: Прокофий Лопатин, Степан Лопатин, Парамон Лопатин, Еким Ермин, Игнатий Полуянов и Петр Потюхин, заявив словесно жалобу на хозяина своего Михайлу Васильева-Кунаева, заключавшуюся в том, что они, поступив на службу к Кунаеву и получив задаток, обязались жить до 14 ноября 1870 г., но так как ныне претерпевают страшную и крайнюю обиду, то они не желают служить у него, между тем он, Кунаев, не рассчитывает их и не выдает паспорта.

По однородности жалоб этих шести человек, а равно потому, что в последнее время рабочие толпами являются в суд и, отказываясь от заключенных условий, требуют возврата паспортов или прибавки жалованья, мировой судья 21-го участка сообщил об этом приставу 1-го участка Рождественской части, которым производится по сему предмету дознание, которое по окончании будет представлено по принадлежности.

При этом присовокупляю, что жалобы со стороны рабочих слышатся более на подрядчиков и судохозяев: Силина, Чекалова, Милютиных и Иконникова.

Генерал-майор Дурново[1].

5. Стачка на лесопилке близ Риги 3 августа 1870 г.

Телеграмма лифляндского губернатора министру внутренних дел от 4 августа 1870 г. № 282[2].

20 рязанских крестьян контрактом обязались работать на Вермайской лесопильне близ Риги с марта по ноябрь; вчера отказались от работы под предлогом, что слишком тяжела, не заявляя претензию на увеличение жалования. За ними прекратили работу еще 80 человек, но возвратились к работе, первые же 20 упорно отказываются работать. Следует ли применить к ним циркуляр 6 июля 1870 г., № 1906? Полагаю, что для восстановления порядка это было бы необходимо.

Губернатор Лизандер[3].

---

[1] Дело III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, л. 36.

[2] Управляющий мин. вн. дел. кн. Лобанов-Ростовский ответил на эту телеграмму, что «под словом стачка надлежит разуметь исключительно прекращение работ с целью вынудить хозяина к возвышению заработной платы». В данном случае он располагает недостаточным количеством сведений для того, чтобы решить вопрос, и предлагает обратиться к генерал-губернатору.

[3] Дело деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1870 г., № 401, л. 26.

6. Стачка рабочих заведения по выделке мехов В. И. Нечаева в Вологде 17 сентября 1870 г.[1]

Донесение вологодского губернатора министру внутренних дел от 29 сентября 1870 г. за № 2709.

Вологодский полицеймейстер от 18-го сего сентября за № 950 донес мне, что в г. Вологде рабочие в заведении для выделки мехов купеческого сына Нечаева утром 17-го числа устроили между собою стачку не приступать к работе до тех пор, пока хозяином не будет отпускаться мягкий хлеб, вместо получаемого ими черствого, что вследствие сего более 20 человек рабочих самовольно прекратили работу в мастерской и артелью ушли со двора, угрожая штрафом тем из них, которые остались при своих занятиях, и что виновными в подговоре к этому из числа рабочих было 5 человек; вслед за тем от 19 сентября полицеймейстер донес, что, по собранным им сведениям, главными виновниками в происшедшем между рабочими беспорядке были вологодские мещане Евграф Шутьков и Осип Иванов.

Так как изложенные в рапортах и приложенном дознании обстоятельства этого происшествия оказались неполными, то мною предписано было полицеймейстеру, с участием и. д. начальника губернского жандармского управления, лично произвести дополнительное и подробное дознание о ходе настоящего дела в последовательном порядке, согласно сделанным указаниям, причем обратить особенное внимание на действие главных виновных, на которых уже указывало первоначальное дознание, равно не было ли влияния посторонних лиц на стачку рабочих.

Из произведенного вследствие этого полицеймейстером дознания видно, что рабочие, которых в заведении Нечаева бывает летом до 30, а зимою до 120 человек, нанимаются по словесным условиям, понедельно, с платою от 1 до 4 рублей, с квартирою и содержанием от хозяина; пища, употребляемая рабочими, весьма хорошего качества, хлеб выдаётся чрез 3, 4 и 5 дней по изготовлении его (16-го числа рабочим выдан был хлеб, испеченный 13-го); затем, хотя не открыто другого побуждения к стачке рабочих, кроме неудовольствия их на то, что хозяином отпускается черствый хлеб, но при этом положительно обнаружено, что главными виновными происшедшего между рабочими беспорядка были мещане Евграф Шутьков и Осип Иванов, которые, как видно из показаний почти всех рабочих, подтвержденных отчасти и собственным сознанием Шутькова и Иванова, утром 17 сентября ходили по мастерским, возбуждая рабочих прекратить занятия и вместе итти со двора, и тем, которые не согласятся на это, угрожали разного рода штрафами; затем в одной из гостиниц, где рабочие по уходе от хозяев пили чай и водку, Осип Иванов составил письменное условие, которым все рабочие обязывались один другого не выдавать; если кого хозяин будет рассчитывать, то и другим не

[1] См. Пажитнов, цит. раб., стр. 195.

оставаться, а кто примется за работу, тот должен заплатить в пользу артели 2 руб. штрафу.

Хотя помянутая стачка рабочих, имевшая целью заставить хозяина отпускать мягкий хлеб, строго судя, не подходит под стачку, предусмотренную в 1358 ст. Улож. о нак., помощью которой фабричные и заводские люди хотят принудить хозяина к возвышению получаемой ими платы, по, тем не менее, я нашел, что означенный поступок рабочих, состоящий в прекращении работ и самовольном уходе от хозяина, как сделанный артелью, по характеру своему однороден со стачкою, запрещенною законом. В виду этого и в предупреждение повторения на будущее время подобного рода беспорядков, обнаружившихся между столь значительным числом рабочих в первый раз, я, на основании высочайшего повеления, изъясненного в циркуляре г. управляющего министерством внутренних дел от 6 июля сего года за № 1906, признал нужным выслать отсюда мещан Евграфа Шутькова и Осипа Иванова, первого в Архангельскую, а второго в Олонецкую губернию, как оказавшихся по дознанию виновными в подговоре мастеровых к прекращению работ в заведении Нечаева.

Сделав надлежащее распоряжение к отправлению Шутькова и Иванова по принадлежности, этапным порядком, я имею честь донести об этом вашему высокопревосходительству, согласно приведенному циркуляру, считая обязанностью доложить при этом, что прекращение работ в заведении Нечаева, по случаю ухода рабочих, продолжалось один день, так как все они, кроме удержанных при части, вечером возвратились к хозяину и на другое утро принялись за свои занятия, принося как полицеймейстеру, так и мне лично чистосердечное раскаяние в своем необдуманном поступке.

При этом не лишним считаю присовокупить, что влияния посторонних лиц на означенную стачку рабочих дознанием не обнаружено и что я не счел необходимым доносить вашему высокопревосходительству по телеграфу о сделанном мною распоряжении касательно высылки из Вологды мещан Шутькова и Иванова, так как происшествие это не заключало в себе важности по своим последствиям.

Свиты его величества

генерал-майор Хоминский[1].

7. Стачка рабочих сахарного завода Пасбург и К° в Москве в начале октября 1870 г.

Служебная записка от 7 октября 1870 г.

Пристав Басманной части представил 7 октября при рапорте за № 3186 протокол о произведенном им того же числа дознании по заявлению управляющего сахарным заводом Пасбург и К° о том, что из числа 123 человек рабочих на этом заводе, состоящем [в] Басманной части, 13 человек, под влиянием рабочих Емельяна Яковлева и Степана Андреева, потребовали от управляющего заводом прибавки

[1] Д. Ш отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, лл. 42—45.

жалованья, прекратив работу. По дознанию обнаружилось, что поводом к этому случаю послужил приезд в Москву из Киева из тамошнего сахарного завода мастера Гаммер, к которому Яковлев ходил с тремя товарищами и, узнав от него, что на киевском заводе плата рабочим производится выше здешней, сообщил о том другим рабочим, которые, как выше сказано, в числе 13 человек, как равно Яковлев и Андреев, вознамерились перейти на киевский завод, и одни из них потребовали от управляющего заводом Пасбург расчета, а другие прибавки жалованья; мастер же Гаммер отозвался управляющему заводом Пасбурга, что никого из рабочих к себе не примет, и они согласились попрежнему работать на здешнем заводе, кроме Андреева, который остаться на заводе не пожелал, ссылаясь на недостаточное жалованье. Особых условий и расчетных книг, которыми определялся бы срок найма рабочих на заводе Пасбурга, нет, и рабочие свободно рассчитываются Пасбургом во всякое время; производство на заводе через настоящий случай приостановлено не было, и все прочие рабочие в соглашении с упомянутыми лицами не участвовали; Яковлева же и Андреева управляющий заводом намерен рассчитать.

Так как причиною настоящего случая послужило лишь желание нескольких рабочих перейти на другой завод за более выгодную плату и при этом не выразилось ни общего характера стачки, ни какого-либо преступного намерения, предусмотренного в циркуляре министра внутренних дел от 6 июля 1870 г. за № 1906, то сделано распоряжение о передаче помянутого протокола на распоряжение мирового судьи Басманного участка по предложении Пасбургу, для отстранения недоразумений между рабочими его, завести для них расчетные книжки, в которых бы значились условия найма, и обо всем этом представлено, вместе с тем, на благоусмотрение г. московского генерал-губернатора [1].

8. Стачка рабочих шелковой фабрики С. Шелаева в Москве 15 октября 1870 г.

Служебная записка от 17 октября 1870 г.

Пристав Басманной части представил при рапортах за №№ 3281 и 3298 два акта о произведенном им дознании по заявлению содержащего в той части шелковую фабрику московского купца Степана Шелаева о том, что 15 октября из числа 80 человек рабочих на означенной фабрике 19 человек потребовали от фабричной конторы прибавки жалованья, прекратив работу. По дознанию обнаружилось, что поводом к этому случаю послужило недоразумение рабочих в получении зарабатываемой ими платы, что при найме хозяин обещал им будто бы прибавки платы за каждый аршин выработанной ими материи, но когда были уже начаты работы, то в прибавке отказал. Производство на фабрике через настоящий случай приостановлено не было, и все прочие рабочие в соглашении с упомянутыми лицами не участвовали.

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, лл. 39—40.

Так как причиною настоящего случая послужило лишь недоразумение рабочих о заработной плате и при этом не выразилось ни общего характера стачки, ни какого-либо преступного намерения, предусмотренного в циркуляре г. министра внутренних дел от 6 июля сего года за № 1906, то сделано распоряжение о передаче помянутых протоколов на распоряжение мирового судьи Басманного участка и вместе с тем представлено об этом на благоусмотрение г. московского генерал-губернатора[1].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1870 г.

Весной рабочие Ярославской железной дороги (в количестве 500 чел.) отказались работать из-за дурной пищи и обратились к мировому судье. («Неделя» 1870 г., 17 мая, № 20.)

Тогда же рабочие, занятые на постройке Харьковского вокзала, прекратили работу из-за задержки заработной платы. (Там же.)

Во второй половине мая в Петербурге в нескольких мастерских известных портных и в одной большой мастерской, где работали исключительно женщины, были прекращены работы. Были предъявлены требования о повышении заработной платы; мастерицы потребовали, кроме того, два свободных дня в неделю. Предприниматель последней мастерской ответил мастерицам предложением немедленного расчета. («Биржевые ведомости» 1870 г., № 128, 26 мая; см. также «Русские ведомости» 1870 г., № 112 — заимствовано из «Бирж. ведомостей».)

В конце мая (или начале июня) рабочие одной из варшавских фабрик отказались выйти на работу до тех пор, пока фабрикант не выплатит взысканного с них вычета за то, что они не работали на третий день пятидесятницы. Требование рабочих было удовлетворено («Голос» 1870 г., № 155, 7 июля, перепеч. из «Варшавского дневника».)

10 июня бросили работы рабочие, нанятые подрядчиком на постройку Тамбовско-Саратовской железной дороги, из-за задержки заработной платы. Жалоба их мировому судье осталась безрезультатной. («Саратовский справочный листок» 1870 г., № 127, 19 июня.)

В июле бастовали 50 рабочих суконной фабрики Н. Н. Шульца в Сетуни (под Москвой). Причина — отсутствие отдельных спален. Обещание фабриканта устроить спальни, успокоило рабочих, и они вскоре возобновили работы. («Голос» 1870 г., №№ 195 и 196, 17 и 21 июля; см. также «Новое время» 1870 г., № 198; «Судебный вестник» № 190 и 193; все эти сведения заимствованы из газ. «Русские ведомости» 1870 г., № 151 и 153.)

4 ноября рабочие ситценабивной фабрики купца С. В. Захарова в с. Тейково Шуйского у. Владимирской губ., в числе 146 чел., потребовали уменьшить длину куска миткаля, которую фабрикант все уве-

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, л. 47.

личивал. Расценки были повышены, но рабочие, не удовлетворившись этим, бросили работу. Стачка продолжалась 3½ дня. 8 ноября рабочие приступили к работам, не добившись удовлетворения требований. (Н. Шаханов. «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ. в 70-х гг. прошлого столетия». Владимир 1929.)

В 1870 г. бастовали ткачи в Белостоке. (Л. Мартов. «Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России», 1923, стр. 12.)

В 1870 г. произошла стачка на алебастровом заводе С. Д. Липина в Петербурге. Зачинщики Аким Григорьев и Петр Кузьмин были высланы в Архангельскую губ. и в марте 1871 г. возвращены на родину, в Смоленскую губ. (Д. III отд., 3 экс., 1870 г., 1870 г., № 64, ч. 1, л. 52.)

1871 год

1. Стачка рабочих по обработке льна у купца Грибанова в селе Шуйске Вологодской губ. в феврале 1871 г.

Донесение начальника вологодского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 5 мая 1871 г.

В феврале месяце сего года 38 рабочих, нанятые здешним купцом Грибановым для отделки льна в селе Шуйске, отказались, вопреки заключенному контракту, вследствие стачки между собою, продолжить эту работу под предлогом низкой платы, заявив, что лен будто бы не хорошей доброты и труден для отделки, требовали возвышения цены за работу.

По произведенному о сем, вследствие распоряжения губернатора, дознанию, оказались более виновными крестьяне Александр Тугаринов и Максим Соколов, которые, будучи заарестованы первоначально при шуйском волостном правлении, потом были препровождены в г. Вологду, где после личных губернатора допросов были уволены в места жительства, с тем, чтобы местная полиция имела наблюдение за их поведением.

Донося о сем вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что в прошлом году такого же характера событие случилось у здешнего купца Нечаева, по которому производилось дознание, за отсутствием моим, при адъютанте управления, но как последнее при случившемся ныне у купца Грибанова событии было упущено, то я просил губернатора от 4 марта за № 63, буде в будущем подобные случаи повторятся, мне предоставить возможность участвовать при производстве дознания, дабы тем получить верный взгляд о характере происшествия.

Подполковник фон-Мерклин[1].

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, л. 56.

2. Стачка рабочих Холуницкого железоделательного завода в Вятской губ. 4 апреля — 3 мая 1871 г.[1].

Донесение начальника вятского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 30 апреля 1871 г. за № 74.

Исправляющий должность вятского губернатора отношением своим от 23 апреля за № 2836 уведомил меня, что крестьяне Главно-Холуницкой волости, работающие на Холуницком заводе по условию, заключенному 23 августа 1870 г. сроком до 1 августа 1871 г., заявили желание ныне же изменить это условие и остановили работу, требуя от нового владельца завода барона Вагстаф прибавки платы за некоторые работы. Вследствие безуспешности принятых мер местною полициею и мировым посредником, составлена комиссия под председательством члена вятского губернского по крестьянским делам присутствия, г. статского советника Тучемского, в составе которой предложено быть и мне. По получении распоряжения комиссия тотчас в полном составе отправилась в Холуницкий завод, куда по случаю распутицы прибыла на следующий день, т. е. 24 апреля, в 2 часа пополудни. Здесь застали местного исправника Герасимова, который словесно передал о положении дела и предъявил отпуски с рапортов его г. управляющему губерниею, из содержания которых видно, что крестьяне, по стачке между собою, перед наступлением святой пасхи стали просить выдать им на праздник вперед денег, каждому сообразно его месячному заработку, в чем владелец завода барон Вагстаф отказал. После этого они вновь приступили с просьбой выдать им в счет платы хотя по одному рублю, и также получили отказ. Вследствие чего некоторые из рабочих и мастеровых в количестве 50 человек заявили, что по случаю отказа им в деньгах на праздник они на фабриках работать не будут, почему барон Вагстаф приказал окончательно рассчитать их, что вызвало общее неудовольствие всех мастеровых и рабочих. После праздника, когда нужно было открыть действие фабрик, мастеровые и рабочие хотя и собрались для работ, но, при выше объясненном неудовольствии, подстрекаемые неблагонамеренными из них людьми кричной фабрики, разошлись, не приступая к работам, и кричная фабрика осталась без действия; во всех же прочих фабриках ничего еще подобного не было, и они пошли в действие обыкновенным порядком. При видимой стачке мастеровых кричного цеха, чтобы пустить в действие кричные фабрики, они стали просить от владельца завода прибавки платы и изменения условия, заключенного в 1870 г. Главным зачинщиком из рабочих оказывается Аким Федотов Захватнин, который при открытии работ 4 апреля в большой кричной фабрике сказал мастеровым и рабочим: «Погодите, надо остановить», потом перебежал в малую кричную фабрику, где стал кричать: «Бросайте все, в большой кричной то же сделали», вследствие чего масте-

---

[1] О стачке см.: Пажитнов, цит. раб., стр. 195—196; «Архив истории труда в России», кн. V, 1922, ст. И. Сидорова «Материалы для истории стачек в начале 70-х годов 19 века».

ровые и рабочие, не приступая к работам, разошлись из кричных фабрик. Спустя шесть дней, именно 10 апреля, многие из мастеровых и рабочих, вероятно, обдумав свое увлечение, опять собрались и пошли было пустить в действие фабрики, но предварительно зашли во двор к доверенному купца Любимова купеческому сыну Сигову, чтобы попросить денег на водку. В это время случайно проходил мировой посредник Клеменко и, узнав цель прихода рабочих, сказал им, что требование их неприличное. Тогда вмешался крестьянин Прокопий Егор Киселев, который, вместе с братом своим Афанасьем, принимал деятельное участие в расстройстве и подстрекательстве мастеровых. Мировой посредник приказал волостному старшине отвести Киселева под арест, но Киселев против распоряжений этих оказал неповиновение и сказал посреднику: «Что скажет на это общество?», потом, обращаясь к толпе, закричал: «Ребята, меня берут под арест! что вы на это скажете?» Тогда главные зачинщики Захватин и Сигов воспрепятствовали исполнить распоряжение мирового посредника. Таким образом, кричные фабрики остались без действия, а затем по примеру их с 11 апреля остановилась в действии и плющильная фабрика; 18 апреля собран был сход всех заводских людей, а между тем некоторые из главных зачинщиков взяты были под арест. Посредник с исправником не успели еще отправиться на сход, как во двор квартиры их ворвалась толпа людей, человек до 80, с наглыми требованиями об освобождении взятых крестьян под арест. Убеждения посредника в этом случае не имели силы, толпа продолжала кричать: «Как могли взять этих людей, почему и за что хотите отправить их в город? Мы ни за что не дадим их отправить!» Тут несколько из самых главных и дерзких выдались вперед, оттеснив полицейских, насильно отворили внизу дверь и самоуправно арестованных освободили. На сходе на убеждения мирового посредника и исправника большая часть рабочих молчала, зачинщики же отстаивали нелепость своего требования и позволяли себе присутствующим лицам говорить грубости, почему дело и не приведено к ожидаемому умиротворению; после схода исправник распорядился собрать из окольных деревень до 50 человек сотских и десятников, а в качестве понятых потребовал до 70 человек бессрочно отпускных нижних чинов на предмет арестования главных зачинщиков, с помощью которых виновные взяты и отправлены в г. Слободской для заключения в тюремный замок, причем некоторые из виновных успели скрыться в лес, куда до 50 человек ушло и таких лиц, которые ни в чем не подозревались. Мировой же посредник о поступке крестьянина Киселева сообщил судебному следователю, который нашел, что ему не подлежательно выслано заявление мирового посредника, почему препроводил для разбирательства к мировому судье, которым дело это решено. По решению крестьянин Прокопий Егоров Киселев обвинен только в личном неповиновении мировому посреднику и за это подвергнут штрафу 15 руб., тогда как Киселев, как выше значится, своим подстрекательством вызвал других к возмущению и самоуправству против мирового посредника, и поэтому дело ни в каком разе не подлежит разбирательству г. мирового судьи.

Стараясь подробно открыть начало породившего в рабочих неудовольствия, по собранным мною сведениям о действия[1] владельца завода барона Вагстафа, оказалось следующее: 1) завод Холуницкий в настоящем году делает выпуск железа в меньшем размере сравнительно с прошлым годом; 2) барон Вагстаф делает часто мелкие займы по 2 и по 3 тысячи руб., что, без сомнения, показывает его не слишком сильные фонды, в особенности во мнении рабочих; 3) владелец законтрактовал изготовку угля, несмотря на необходимое требование его, к уплате следуемых за выделку угля денег не приступает и до настоящего времени, что небезызвестно мастеровым, и они предубежденно смотрят вообще на средства владельца, так как в 1865 году, когда завод был в ведении г. Пономарева, то был случай, что владелец не мог в срок выдать за рабочие[1] деньги, почему они до получения расчета самоуправно задержали караван с железом[2], что им в тот период времени прошло безнаказанно, почему зачинщики уверены, что в настоящем случае они не подвергнутся ответственности. Необходимо в этом случае применить циркулярное распоряжение от 6 июля 1870 года о высылке главных зачинщиков и подстрекателей в отдаленные губернии. Причем имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, в отстранении ошибочных суждений, относительно капитала барона Вагстафа поставить меня в известность.

Апреля 27 дня я из Холуницкого завода выехал в Вятку, а в первых числах наступающего мая вновь отправляюсь в завод и о положении дела буду иметь честь дополнительно вашему превосходительству донести.

Майор Брылкин[3].

Телеграмма вятского губернатора министру внутренних дел[4].

Мастеровые Холуницких заводов великобританского подданного Вагстафа, более 1 500 человек, по стачке произвели беспорядки, отказались работать, требуют увеличения платы, отмены условий и прочего. Приняты энергические меры. Зачинщики, подстрекатели арестуются. Безопасность владельца гарантирована. Командированная на заводы комиссия удостоверяет, что большинство мастеровых постоянно в кабаках, пьяны, а потому не успокаиваются. Прошу разреше-

---

[1] Так в тексте.

[2] По данным «всеподданнейшего отчета» III отделения (лл. 288—291), в апреле 1865 г. «взволновалось более трех тысяч рабочих и государственных крестьян, требуя уплаты им задельных денег. Они не допустили отправить с заводов проданное железо, не повиновались мировому посреднику и посланным для усмирения их чиновникам, а, по арестовании ими нескольких подстрекателей, напали толпою на волостное правление и освободили их» («Красный архив», т. II, А. Сергеев, «К истории рабочего класса в России», стр. 194—195).

[3] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, лл. 58—62.

[4] Печатается по копии, заверенной исправляющим должность начальника Вятского жанд. упр. майором Брылкиным и присланной им в III отделение.

ния до окончания смут закрыть [в] Холунице кабаки. Пока опасности большой нет. Прежде чем вводить военную силу, испрашиваю разрешения употребить более полезную и безвредную для народа, еще мало развитого, меру наказания розгами[1]. Вместе с сим воспользуюсь циркуляром 6 июля 1870 г., № 1906.

Подлинную подписал губернатор Чарыков[2].

Из донесения начальника вятского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 24 мая 1871 г. за № .87.

В дополнение рапорта моего от 29 апреля за № 74 имею честь донести вашему превосходительству, что 30 апреля, получив от губернатора должные сведения и инструкцию для председателя комиссии, я снова возвратился в завод, где 2 мая был собран сход, на котором председатель комиссии на основании полученной инструкции объявил рабочим, что если они в продолжение 24 часов не вступят в работу, то будут приведены войска и поставлены на их счет, что же касается их товарищей, породивших начало возникшего беспорядка, то они отправлены в вятский тюремный замок, и им не придется больше их видеть; потом председатель объявил, что он будет выкликать всех поодиночке, так, чтобы те, которые не изъявят желания вступить в работу, по выкличке выходили и становились бы на левую сторону, а желающие продолжать работу — на правую сторону; таким образом были перебраны все рабочие, и на левой стороне оказалось только 7 человек, а остальные все изъявили желание приступить к работам; не изъявившие желания упорно стояли на своем требовании, почему все и арестованы, да с ними же взят один из рабочих, который в начале переклички ходил между рабочими и говорил: «Ребята, подымайте руки и не соглашайтесь вступать на работу»; слова эти услышал унтер-офицер Коцубенко, почему, отделив его от толпы, представил к комиссии, что, без сомнения, много пособило к успеху умиротворения. Действием комиссии приведено все в порядок, и 3 мая все мастеровые приступили к работам. Комиссия, по открытии работ, нашла необходимым проследить некоторое время за точным исполнением рабочими своего дела, почему и пробыла в Холуницком заводе до 9 мая, после которого возвратилась в Вятку и результаты своих действий представила на усмотрение начальнику губернии. После чего губернатор

[1] Подчеркнуто в III отделении.

[2] Министр внутренних дел Тимашев, получив напечатанную выше телеграмму и представив ее Александру II, ответил, повидимому, по его приказу: «Примите для усмирения самые энергичные, законом указанные меры. Кабаки на время беспорядков можно закрыть».

Телеграммой 30 апреля 1871 г. вятский губернатор доносит министру внутренних дел: «Мастеровые Холуницкого завода после заключения в тюрьму зачинщиков и подстрекателей успокаиваются; надобности в особенно строгих мерах, в военной силе, не предстоит, кроме высылки главнейших возмутителей» (Д. деп. пол. исп., III отд., 1 ст., 1871 г., № 450, лл. 3—5).

под собственным председательством, при членах той же комиссии, рассматривал представленное ими дело для определения степени виновности лиц, оказавшихся главными подстрекателями к совершению бывшего беспорядка[1].

3. Стачка рабочих суконной фабрики Литтауера в г. Згерже 29—30 июня 1871 г.

Донесение начальника Варшавского жандармского округа в III отд. от 5 июля 1871 г. за № 7936.

В дополнение к телеграмме моей от 1 сего июля на имя господина генерал-адъютанта графа Левашова имею честь сообщить, что беспорядки между рабочими суконной фабрики Литтауера в г. Згерже возникли из следующего обстоятельства: 29 июня два рабочих упомянутой фабрики, бывшие до того в ссоре между собою, помирились, товарищи их по этому случаю сделали складчину, купили два боченка пива, которое и распивали в мастерской с 10 часов утра. Фабрикант Литтауер, ничего об этом не зная, в 5 часов пополудни послал в мастерскую 13-летнего сына своего за работником Кауцом. Мальчик этот, как объясняют рабочие, будто бы обидел их своим грубым обращением, за что они, будучи уже пьяны, вытолкнули его из мастерской. Мальчик возвратился с плачем к отцу, а рабочие избрали из среды своей четырех человек для принесения жалобы Литтауеру на его сына; после же к этим четырем присоединились и остальные рабочие, так что в квартиру фабриканта они вошли в числе 20 человек. Литтауер говорит, что рабочие, войдя в его квартиру, заперли дверь на ключ; по объяснению же рабочих, это сделал сам фабрикант, с тем, чтобы никто из них не имел возможности выйти до прибытия президента города, за которым он между тем послал. Затем, по прибытии президента со стражниками, 9 человек рабочих были арестованы. Тогда остальные рабочие, к которым присоединилось до 200 человек из других фабрик, собрались перед магистратом и требовали освобождения арестованных, что президент, опасаясь усиления беспорядков, и исполнил. После этого рабочие разошлись по шинкам и продолжали пьянствовать. На другой день, т. е. 30 июня, все принялись опять за работу, за исключением рабочих фабрики Литтауера; последние, по случаю прибытия в Згерж начальника Лодзинского уезда и начальника земской стражи, были собраны, и им, в присутствии местного жандармского офицера, было сделано внушение, после чего те из них 9 человек, которые были арестованы накануне, были снова отведены под стражу, а остальным приказано отправиться на фабрику и продолжать работы, что ими и было исполнено. Вслед за тем арестованные чрез несколько часов были освобождены из-под ареста и отправились также на фабрику; таким образом спокойствие вполне

[1] Из зачинщиков были высланы: в Архангельскую губ.— Косырев и Дювин без срока, Алпатов — на 5 лет, В. Раков и Юрков—на 3 г., Фед. Захватнин и Поздеев—на 2 г.; в Олонецкую губ.: Як. Захватнин— без срока, Прокопий Киселев—на 4 г.; в Новгородскую: Як. Киселев—на 5 лет. То же дело, л. 72.

было восстановлено. Несмотря на это, рабочие заявляют, что по окончании срока работ они не будут больше наниматься к Литтауеру. Причину подобного неудовольствия их жандармский офицер относит к бестактному обращению с рабочими самого Литтауера, который, не имея по беспечности своей надлежащего присмотра за ними, в то же время обращается с ними весьма грубо и с бранью, оправдывая также обращение тем, что знал всех рабочих еще детьми.

Свиты его величества генерал-майор барон Фредерикс[1]

4. Стачка каменщиков, работавших у подрядчика Львова в Петербурге 28 июля 1871 г.[2]

Записка царю от 31 июля 1871 г.

28 июля 1-го участка Литейной части рабочие (каменщики) подрядчика Львова, недовольные производимой им платою, отказались от работы и, явясь толпою к подрядчику, настоятельно требовали расчета.

Вследствие сего мною тотчас был приглашен на место участковый мировой судья, но убеждения его не имели успеха.

Дабы немедленным примером взыскания прекратить зло в самом начале и тем предупредить стачку между рабочими Львова на других его работах, мною сделано, с разрешения управляющего министерством внутренних дел и исправляющего должность шефа жандармов, распоряжение о высылке тотчас же четырех главных зачинщиков из столицы. Затем мировым судьею приговорены три человека к аресту на шесть недель, а 6 человек на четыре недели; остальные же обязались приступить к работам[3].

5. Стачка извозчиков в Одессе 9 августа 1871 г.[4]

Доклад царю от 1 сентября 1871 г.[5]

Начальник жандармского управления города Одессы доносит, что в Одессе всегда существовала такса для извозчиков, установленная

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, лл. 88—89.

[2] Повидимому, это и есть та стачка рабочих на перестройке Соляного Городка в музей, о которой сообщается в том же деле, л. 114. Совпадают: дата, место и приговор мирового судьи.

[3] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, л. 123.

[4] См. «Одесский вестник» 1871 г., № 173 и 176; С. Прокопович, цит. раб., стр. 50—51; Л. Мартов, цит. раб., стр. 12. (Мартов указывает число бастовавших извозчиков: 4 000 чел.); «Архив истории труда в России», кн. III, 1922 г., ст. Ю. Гессена «К истории стачек среди фабричных рабочих». В статье подробно изложена история циркуляра 30 сентября 1871 г. и переписка мин. вн. дел, шефа жанд. Шувалова и Левашова по поводу стачки извозчиков и рабочих тулупной фабрики Фадеева.

[5] Рукою главного начальника III отделения гр. Шувалова сверху страницы написано: «Доложено его величеству и сообщено телеграммою от сего числа г.-а. гр. Левашеву, что государь император изволит разделять взгляд местной администрации на необходимость принятия строгих административных мер, причем его величество повелел, чтобы состоявшееся в прошлом году высочайшее повеление, о котором здесь говорится, распространялось на всякого рода стачки».

обычаем и всеми соблюдавшаяся; между тем в последние годы извозчики перестали признавать этот обычай и начали дозволять себе произвол и неумеренность в своих требованиях относительно следуемой им платы за извоз. Вызванный этим обстоятельством всеобщий в городе ропот побудил полицеймейстера созвать в прошлом году извозчиков и, по соглашению с ними, составить таксу сроком по 1 апреля текущего года, которая и была принята хозяевами извоза; по истечении же этого срока означенная такса восстановлена не была и никогда не получала того формального утверждения, которое дало бы ей законную силу. Вследствие этого извозчики вскоре перестали признавать таксу, и публика вновь стала подвергаться весьма стеснительному со стороны их произволу. Такой порядок вещей обратил на себя внимание местной распорядительной думы, которая и сделала распоряжение о вызове извозчиков для соглашения, но так как они не явились и таким образом явно уклонились от соглашения, то дума установила таксу, которая была утверждена градоначальником на период времени с 1 текущего августа по октябрь 1872 года и, следовательно, получила законную силу. Мерою этою извозчики остались недовольны, и недовольство их проявилось тем, что 9 августа на улицах почти не было видно извозчиков, те же, которые выехали, требовали произвольную плату; вследствие этого в полдень около думы собралась толпа, около 80 человек, как извозчиков, так и седоков, с жалобами друг на друга, но городской голова внушил извозчикам, что они обязаны подчиниться законному постановлению и что уступки в их пользу не может быть сделано. При этом случае полицеймейстером задержано было несколько человек, не подчинявшихся требованию полиции немедленно разойтись; затем толпа разошлась, и вскоре извозчики стали показываться на улицах в значительном числе; на следующий же день совершенно установился прежний порядок, так что упомянутая стачка не имела последствий; тем не менее 9 августа пешие извозчики, идя по улице толпами в 5—6 человек, угрозами и насилиями прогоняли с бирж выехавших извозчиков и даже нескольких седоков сняли с дрожек. В заключение подполковник Кноп присовокупляет, что за означенные насилия со стороны извозчиков, дающие виновникам явный характер зачинщиков, подвергнуто аресту 7 человек и что по окончании производящегося ныне дознания по сему предмету одесский градоначальник предполагает главных из этих зачинщиков выслать в отдаленные губернии, на основании высочайшего повеления, последовавшего в прошлом году по поводу происшедшей стачки рабочих Невской бумагопрядильной фабрики.

Сущность упомянутого высочайшего повеления заключается в том, что, по поводу бывшей в начале лета 1870 года на одной из самых обширных фабрик близ Петербурга стачки рабочих между собою с целью вынудить хозяев фабрики увеличить заработанную плату, государю императору благоугодно было обратить на это явление, как совершенно новое, до того времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, высочайшее внимание, и потому его величеством повелено было поручить губернаторам, дабы они имели самое

строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением, и чтобы при первом полученном известии о стачке рабочих на каком-либо заводе и фабрике губернаторы, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полициею главных зачинщиков между фабричными людьми высылали таковых, не испрашивая на то разрешения министра внутренних дел, в одну из нижепоименованных губерний: Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую.

Существующими у нас законами предоставлено городским думам установлять таксу на мясо, хлеб и другие необходимые жизненные припасы; относительно же так называемых легковых извозчиков в законе нет указаний на то, чтобы городские думы или губернские власти имели право установлять таксы и чтобы занимающиеся легковым извозом были обязаны подчиниться этим таксам. Если в прежнее время действовали извозчичьи таксы, установленные в некоторых многолюдных городах, в том числе и в городе Одессе, то такая такса, как говорит и подполковник Кноп в своем донесении, была установлена обычаем[1], и если лица, занимавшиеся извозом, подчинялись ей, то делали это оттого, что находили ее достаточно для себя выгодною; в противном же случае извозчики и при установленной местными властями таксе постоянно уклонялись от оной, и такие таксы, не соответствующие и не удовлетворяющие их интересам, как доказано уже многократно было на опыте во многих местностях, обыкновенно уничтожались сами собою и заменялись добровольными соглашениями между извозчиками и седоками на проезд в известный конец или по часам. Таким образом, если извозчичья такса в Одессе не определена законом, то и неподчинение этой таксе со стороны извозчиков не составляет еще сопротивления законным распоряжениям властей и потому, казалось бы, не должно было влечь за собою и того наказания, которое полагается за сопротивление закону. В данном случае одесские власти если и могли преследовать некоторых из извозчиков, то не за то, что они не хотели подчиниться таксе, так как установление таксы представляется произволом со стороны местной администрации, а за то, что они подстрекали и других из своих сотоварищей не признавать таксу, гнали с бирж тех извозчиков, которые выехали на оные, останавливали экипажи и высаживали из них седоков и, таким образом, представляли собою зачинщиков беспорядков. Как такие зачинщики и вообще как люди, вредные для Одесского края, означенные лица (будь они извозчики или кто бы то ни было) должны бы были подвергнуться высылке не по собственному усмотрению градоначальника или даже генерал-губернатора, но по представлению о них в министерство внутренних дел и по сношению сего последнего с III отделением собственной его императорского величества канцелярии. Что же касается вышеупомянутого высочайшего повеления, после-

---

[1] За исключением столицы, в которой такса была установлена и отменена по особым высочайшим повелениям. (Примеч. III отд.)

довавшего в прошлом году по поводу стачки рабочих на Невской бумагопрядильной фабрике, коим предоставлено губернаторам зачинщиков пообных стачек высылать в отдаленные губернии, не испрашивая разрешения министра внутренних дел, то означенное высочайшее повеление, относящееся к стачкам рабочего населения на фабриках и заводах, едва ли может быть применимо к настоящему случаю, где место действия не есть ни фабрика и ни завод и где подвергаются высылке не рабочие люди, а хозяева извозчичьего промысла, занимавшиеся этим промыслом с разрешения городского начальства.

После вышеупомянутого донесения подполковника Кнопа о беспорядках между извозчиками в Одессе, поступило от означенного штаб-офицера второе по тому же предмету донесение, из коего видно, что при дознании о беспорядках, бывших между извозчиками в гор. Одессе по поводу установленной для них таксы, главными виновниками из них оказались 7 лиц, из которых 3 человека высылаются по распоряжению градоначальника в Олонецкую губернию, а 4—в Новгородскую; в числе их находится одесский купец Маслич, человек зажиточный, содержавший значительное число извозчиков-работников. Кроме того, в числе виновных в возбуждении беспорядков между извозчиками подозревается старшина одесской мещанской управы Палаузов, выражающий несочувствие к таксе и заступающийся за виновных в беспорядках, и если эти подозрения подтвердятся, то местная администрация предлагает и его подвергнуть высылке [1].

6. Беспорядки на тулупной фабрике Фадеева в Одессе 2 августа 1871 г. [2]

Записка царю от 3 сентября 1871 г.

Начальник жандармского управления города Одессы доносит, что при буйном характере одесского населения частые [3] беспорядки, драки и бесчинства сделались явлениями обыкновенными, в особенности при недостаточном составе тамошней полиции, а потому и не вызывали особых преследований или карательных мер. Между тем произошло следующее. На тулупной фабрике купца Фадеева занимается до 70 человек, которые большею частью работали 2—3 дня в неделю, в остальное же время пьянствовали и производили при этом

---

[1] В дополнительном донесении от 18 августа за № 194 сообщается о высылке зачинщиков: одесского купца Степана Маслича, кр. Кирилла Шабанова, кр. Андрея Богрова, тур. подданного Абрама Семенова, одесского мещанина Ивана Филиппова, кр. Петра Жалкова, кр. Карпа Ермоленко и аккерм. мещанина Тимофея Подкрашина; из них выслали троих в Петрозаводск, а четверых в Новгородскую губ. Кроме того, подполк. Кноп высказывает предположение, что главным виновником извозчичьей стачки был старшина мещанской управы Палаузов. (Д. III. отд., 2 эксп., 1871 г., № 589, лл. 22—28).

[2] См. цит. статью Ю. Гессена в «Арх. ист. труда», кн. III.

[3] В тексте: частные.

буйства; таким образом и 2-го истекшего августа толпа означенных рабочих, до 30 человек, напала на городского и околоточного надзирателя, вырвала от них рабочих, арестованных за убийство, оскорбила их и даже заставила обнажить шашки для защиты; по арестовании затем главных виновников означенного буйства и по передаче им мировому судье, двое из них, по недостатку доказательств их виновности, были подвергнуты лишь только штрафу в 10 руб., а остальные от всякой ответственности освобождены; вследствие же представления об этом со стороны полицеймейстера одесский градоначальник, в виду бывших в Одессе беспорядков во время минувшей пасхи и стачки извозчиков в самое недавнее время, нашел необходимым, в пример другим, наказать главных виновников из числа рабочих купца Фадеева, и так как они, кроме произведенных ими буйств, могут быть признаны виновными и в составлении стачки, потому что работали не более 2—3 дней в неделю, то применить к ним предоставленное губернаторам право виновных в составлении стачки высылать немедленно в отдаленные губернии, не испрашивая на то разрешения министра внутренних дел. На этом основании главные зачинщики, бессрочно-отпускной Малакаев, одесский мещанин Степанов и звенигородской мещанин Левицкий, 17-го истекшего августа высланы из Одессы по этапу.

В виду, с одной стороны, буйства, соединенного со сопротивлением полицейской власти и даже с оскорблением чинов полиции во время исправления ими служебных обязанностей, которое дозволили себе работники тулупной фабрики, а с другой стороны, того крайне легкого наказания, которому подверглись главные виновники в буйстве по рассмотрении их поступков в порядке судебном, нельзя отвергать того обстоятельства, что удаление зачинщиков такого буйства из края по распоряжению администрации представляется мерою небесполезною и, быть может, даже необходимою; но в то же время нельзя не заметить, что высылка означенных лиц из Одессы должна была бы скорее последовать в порядке, установленном законом, то есть по предварительном представлении о сем со стороны местных властей на разрешение министерства внутренних дел, которое, по всей вероятности, не встретило бы препятствия к удалению таких вредных лиц из края; применение же к означенным лицам высочайшего повеления, последовавшего по поводу стачки рабочих на Невской бумагопрядильной фабрике, коим предоставлено губернаторам высылать зачинщиков таких стачек в отдаленные губернии *без испрошения на это разрешения министерства внутренних дел*, казалось бы, не представляется основательным, так как означенное высочайшее повеление касается исключительно тех до того времени не проявлявшихся еще в нашем отечестве случаев, когда работники какой-либо фабрики все разом отказываются от продолжения работ с целью заставить хозяина фабрики возвысить заработную плату (что именно и разумеется под словом *стачка*), между тем как в данном случае работники тулупной фабрики в Одессе представляют собою людей ленивых, склонных к пьянству и в пьяном виде предающихся буйству,

что более или менее всегда составляло и составляет общую черту всего нашего рабочего класса, а не есть что-нибудь вновь занесенное к нам извне [1].

7. Стачка рабочих табачной фабрики Дурунча и Шишмана в Вильне 14 ноября 1871 г.

Донесение виленского губернатора министру внутренних дел от 19 ноября 1871 г. за № 3140.

Виленский полицеймейстер донес, что 14-го сего ноября рабочие табачной фабрики купцов Дурунча [и] Шишмана, в числе пяти человек, сговорившись между собой, возвысили цену за работу по 20 коп. от пуда табаку от всех сортов, о чем подали хозяину фабрики письменное условие, и когда предложение это не было принято, они оставили работу и ушли с фабрики.

Из произведенного по этому предмету дознания видно, что в стачке участвовали рабочие: мещанин Ошмянского уезда, Трабского общества, Айзик-Абрам Левин, 28 лет, работал на фабрике 3 месяца; одесский мещанин Калман Вайнштейн, 22 л., на фабрике 3 года; полтавский мещанин Иосель Юделиович, 29 лет, поступил на фабрику около месяца; молдавский подданный, уроженец г. Измаила, Мошка Абрамович, 24 лет, на фабрике ½ года, и житомирский мещанин Макар Чипличенко, 20 лет, в г. Вильне около года; что стачка совершена в квартире еврея Иоселя Юделиовича и инициатива оной, как заверяет полицеймейстер, принадлежит ему же. Еврей этот прибыл на фабрику Дурунча около месяца тому назад из Полтавской губернии и, зная, как известно из частных сведений, о подобных же стачках фабричных в г. Одессе и Кременчуге, по всей вероятности, имел намерение распространить это зло и на фабриках в г. Вильне.

По предоставлении заключения моего об этом на усмотрение г. виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора, его высокопревосходительство 18 ноября разрешил мне: полтавского мещанина Иоселя Юделиовича, как главного зачинщика стачки, на основании высочайших повелений, объявленных в циркулярах вашего высокопревосходительства от 6 июля 1870 г. за № 1906 и 30 сентября 1871 г. за № 227, выслать немедленно в Архангельскую губернию, а остальным 4 рабочим: Левину, Вайнштейну, Абрамовичу и Чипличенко, сделать строгое внушение и, вменив им арест в наказание, освободить.

Сделав вместе с сим надлежащее распоряжение к исполнению сего и сообщив об условиях высылки Юделиовича архангельскому губернатору, о том имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства в дополнение к телеграмме, посланной сего числа.

Губернатор Стеблин-Каменский [2].

---

[1] Д. III отд., 2 эксп., 1871 г., № 589, лл. 34—37.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. I, лл. 168—169.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1871 г.

В начале года (январь или февраль?) бастовали рабочие (в числе 1 000 чел.) по расчистке от снега железной дороги на участке Голендры Киево-Балтийской железной дороги. Причина забастовки — задержка заработной платы. («Голос» 1871 г., 12 февраля, № 43.)

В начале мая бастовали портовые рабочие в Николаеве, недовольные заработной платой. («Голос» 1871 г., 10 апреля, № 128.)

В начале мая рабочие-англичане на механическом заводе И. Н. Бабушкина в Петербурге протестовали против отведенного им помещения и отказались работать, требуя также отмены сдельной платы. Была назначена экспертиза, дело передано мировому судье. («Голос» 1871 г., 8 мая, № 125.)

27 июня 1871 г. на бумагопрядильной фабрике бр. С. М. и Ф. Горелиных в Иваново-Вознесенске малолетние и подростки (в количестве 32 чел.) потребовали увеличения заработной платы и прекратили работы. 28 июня, запуганные исправником и не поддержанные рабочими, они возобновили работы. (Н. Шаханов, «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ. в 70-х гг. прошлого столетия», Владимир 1929.)

В июне произошли волнения рабочих кирпичного завода А. Г. Гусарева в Москве из-за отказа заводчика уплатить за выделанный кирпич. Рабочие толпою направились к мировому судье. Полиция их разогнала («Голос» 1871 г., 29 июля, № 178.)

В июле произошла стачка рабочих на Тираспольско-Кишиневской железной дороге. (Опись делам департамента полиции исполнительной, III отд., ст. 1, 1871 г., № 447. Дело уничтожено.)

В сентябре произошли волнения на сибирском прииске Баландина (северно-енисейской системы). Рабочие отказались работать позже 10 сентября (это было первое применение контракта со сроком по 1 октября, слишком поздним при суровом климате этой местности). Рабочих вернули с помощью исправника и казаков. (В. Семевский, «Рабочие на сибирских золотых промыслах», т. II, стр. 653. 1898.)

Осенью бастовали рабочие фабрики Кюнцеля в Москве. Трое рабочих было выслано в Самарскую и Вологодскую губернии. (Д. III отдел. 3 эксп., 1871 г., № 64, ч. 1, л. 152.)

1872 год

1. Стачка рабочих-щетинщиков в г. Устюге 11 января 1872 г.[1]

Акт дознания по делу о стачке, производившегося 24—26 января 1872 г.

Вследствие предписания г. вологодского губернатора от 19-го числа сего января за № 171, советник вологодского губернского правления Квецинский производил 24, 25 и 26 числа сего января, при содействии устюгского уездного исправника Тишина, а по занятиям его рекрутским набором и при содействии помощника исправника Басистова, но без участия г. начальника губернского жандармского управления и его помощника по ненахождению их в это время в г. Устюге, дознание о причинах остановки с 11-го числа настоящего месяца работ щетины у некоторых устюгских купцов, занимающихся этой отраслью промышленности.

По строгому и тщательному дознанию оказалось: 1) что устюгские щетинопромышленники, нанимая артели рабочих для расчистки и сортировки щетины, по обыкновению не заключают с ними договоров, установленных для личного найма в 2218 и 2224 ст. I ч. X т. свода законов, а определяют заработные цены, по соглашению не с самими рабочими, а между собою, разнообразные, смотря по времени года, в которые рабочие, принадлежащие все без исключения к сельскому населению, более или менее свободны от своих домашних работ; 2) на этом основании купцы Костров и Азов, как сами заявили, с осени — первый по ноябрь, а последний даже под конец 1871 г.— рассчитывали робочих с пуда необделанной щетины по 1 р. 50 к.; но с конца того года и с наступлением 1872 г. как они, так и другие щетинопромышленники, у коих с 11-го числа произошла остановка работ, как-то: Красильниковы, Пинежанинов, Костров, Жилин и Казишников, посадив свои артели на работу, на спросы о заработной цене отвечали, что разочтут их почем и другие хозяева, один только Казишников обещал прибавить против других по 20 коп. с пуда, из этого и вышла только общая ссылка купцов один на другого, без всякой определенности заработной платы; 3) такая неопределенность,

---

[1] См. ст. И. Сидорова «Материалы для истории стачек в начале 70-х годов 19 века», «Архив истории труда в России», кн. 5, 1922 г.

равно то, что у купца Чабаевского с 7-го января артель села на работу по 1 р. 50 коп. с пуда, а также, что в исходе прошлого года заработная цена у Азова и Кострова была по 1 р. 50 к., и вызвала недовольство со стороны многих уже рабочих артелей; недовольство это впервые проявилось в праздник крещения, 6 января, между рабочими купца Красильникова, укорявших головку артели купца Азова — Минюхина, что будто он подбил заработную плату, согласившись на 1 р. 20 к. с пуда; но посылка 10-го числа в вечеру артелью, работающею у Красильниковых, двух своих рабочих, Краева и Подволоцкого, в мастерские Азова узнать, продолжается ли там работа, и прекращение артелью Жукова, работавшею у Азова, работ в сумерки, т. е. раньше всех, когда другие две артели Азова, работали до 7 и 8 часов вечера, убеждает, что между этой артелью и Красильниковской, под начальством головки Корякина, было предварительное условие действовать заодно, что подтверждается прекращением у Красильникова работ немедленно по возвращении Краева и Подволоцкого. Поэтому, если в стачке против хозяев и можно кого назвать зачинщиком, так это только Жукова и Корякина, Краев же и Подволоцкий были простыми исполнителями распоряжения своей артели и потому подлежат освобождению из-под ареста при полиции, которому подвергнуты с 24-го сего января. Затем, сторонних подстрекателей ни расспросами прикосновенных лиц, ни полицейским разведанием не обнаружено, и едва ли быть могли, так как дело возникло по вине самих щетинопромышленников, из коих гг. Казишников и Жилин сознали это со всею откровенностью, и 4) обстоятельство это заставило более благоразумных хозяев, как-то: Казишникова и Жилина, определить немедленно, а других спустя некоторое время, заработную плату, так что в настоящее время во всех мастерских работа идет правильно и безостановочно и притом по ценам неодинаковым, — так, у купцов Казишникова и Жилина по 1 р. 55 к., у Азова и Красильникова по 1 р. 50 коп., у Пинежанинова по 1 р. 65 к. и Кострова по двум ценам — 1 р. 58 к. и 1 р. 62 к. с пуда сырца. Рабочим, которые, впрочем, во все время приостановки работ вели себя совершенно спокойно, сделано советником внушение, чтобы договорных цен до окончания условных работ не поднимали, под опасением строгого взыскания, а купцам-щетинопромышленникам разъяснено, что в видах отвращения на будущее время подобных остановок в работах следует при найме рабочих непременно заключить с ними договоры о цене за работу; причем из гг. купцов Казишников и Жилин выразились, что настоящая прибавка заработной платы справедлива, особенно когда приняты, по мнению советника, во внимание продолжительность суточных работ, их утомительность и недостаток движения и свежести воздуха.

Подписали: Советник Квецинский, уездный исправник Тишин, помощник исправника Басистов.

Постановление: Настоящий акт дознания представить г. вологодскому губернатору с присланной при предписании его превосходительства перепиской; об освобождении же крестьян Василия Краева и Ва-

силия Подволоцкого из-под ареста сообщить в устюгское уездное полицейское управление.

Января 27 дня 1872 г., г. Устюг. Подписал: Советник Квецинский.

Верно: Свиты его величества генерал-майор Хоминский[1].

2. Стачка на Кренгольмской мануфактуре в августе и сентябре 1872 г.[2]

I. Записка эстляндского губернатора о беспорядках на Кренгольмской мануфактуре в августе 1872 г.

В исходе июля текущего года на Кренгольмской мануфактуре было несколько случаев заболевания холерою. С увеличением же размеров болезни начальник губернии 7 августа отправился туда лично и осмотрел во всей подробности фабричные помещения, в том числе и больницу и холерное отделение оной, причем ни фабричным начальством, ни рабочим населением не было заявлено губернатору никаких претензий. В видах скорейшего прекращения болезни начальник губернии счел, однако, необходимым командировать в Кренгольм инспектора врачебного отделения для указания мер, могущих препятствовать дальнейшему распространению на фабрике эпидемии. Исполнив возложенное на него поручение, чиновник этот, при вторичном посещении фабрики, нашел предположенные им меры приведенными в исполнение, соответственно данным им указаниям.

Между тем аллентакенский гакенрихтер телеграммою от 10 августа 1872 г. донес начальнику губернии, что накануне 120 рабочих Кренгольмской мануфактуры отправились в г. Нарву для заявления жандармскому штаб-офицеру майору Андреянову о том, что из опасения холеры они намерены оставить фабрику, и что несколько сот других рабочих по той же причине прекратили работу. III отделение собственной его императорского величества канцелярии, в ответ на представление майора по этому предмету, предписало ему: в случае, если со стороны фабричного начальства приняты меры к прекращению эпидемии и люди, вопреки увещаниям, не пожелают остаться на фабрике, то отпустить их, записав их имена. Получив 16 августа письмо от уполномоченного мануфактуры о том, что до 800 рабочих отказываются от работы, а также 19 августа телеграмму от товарища главного начальника III отделения о том, что беспорядки в Кренгольме продолжаются, начальник губернии счел нужным отправиться на

---

[1] Д. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1872 г., № 427, лл. 69.

[2] Корреспонденции о кренгольмской стачке печатались в газ. «Голос» 1872 г., №№ 136, 139, 141, 142, 143, 144; «Неделя» 1872 г., № 27—28; «Русские ведомости» 1872 г., №№ 196, 203, 204, 205, 206; «Московские ведомости» 1872 г., №№ 230, 232, 236, 238; «Современные известия» 1872 г., № 232; «Гдовско-Ямбургский листок» 1872 г., № 37; воспоминания о кренгольмской стачке; В. Герасимова «Жизнь русского рабочего полвека тому назад». См. о стачке цит. работы: С. Прокоповича, стр. 51—53, Л. Мартова, стр. 12—13, К. Пажитнова, стр. 196—197, М. Балабанова, стр. 228—237, ст. Ю. Гессена в «Арх. ист. труды», кн. III, ст. В. Невского «Историк-марксист», ук. кн., стр. 132—133.

Кренгольмскую мануфактуру, чтобы лично расследовать причины волнения рабочих и принять меры к прекращению беспорядков. Прибыв рано утром 20 августа на фабрику, князь Шаховской обошел все фабричные помещения и затем потребовал в контору фабрики выборных от разных разрядов рабочих.

Рабочее население застал он в сильном брожении, в особенности ткачи были в столь раздраженном состоянии, что, бросив работы, толпою ворвались в соседние с фабричною конторою комнаты и с громким криком заявляли, что не разойдутся, пока не будут удовлетворены все их претензии.

Губернатор вышел к ним, но приказание разойтись и оставить его одного с их выборными осталось без исполнения. Напротив, они с большим еще волнением и криком настойчиво заявляли, что не разойдутся, и требовали, чтобы губернатор объяснялся с выборными среди всей толпы. Начальнику губернии удалось, однакоже, убедить их возвратиться к прерванным занятиям.

Когда таким образом порядок был несколько восстановлен, губернатор продолжал опрашивать выборных.

Заметив из показаний сих последних, что главною причиною волнения и отчасти приостановки работ было неудовольствие на распоряжения фабричного начальства по предмету производства работ, опасение же эпидемии имело лишь второстепенное значение, начальник губернии предложил выборным изложить по пунктам их претензии, причем было им внушено быть как можно скромнее в своих требованиях. Претензии рабочих в присутствии их были записаны и затем предъявлены владельцам фабрики — гг. Солдатенкову, Кнопу и Кольбе, нарочно для сего прибывшим и признавшим с своей стороны большинство просьб рабочих заслуживающими уважения, тем более, что рабочие, как усмотрено самими владельцами, не требовали нововведений, но лишь возвращения того, чем они пользовались прежде и что у них в течение времени постепенно было отнимаемо фабричным начальством. В виду сего владельцы фабрики согласились на исполнение некоторых просьб, удовлетворившее выборных. Таким образом, начальнику губернии удалось склонить обе стороны к взаимному соглашению, на основаниях, изложенных в представляемых при сем актах. Во все время объяснений губернатора с выборными и представителями фабрики, продолжавшихся целый день, рабочие не прерывали более своих занятий.

Из ежедневно получаемых начальником губернии от жандармского штаб-офицера майора Андреянова записок было видно, что порядок со времени его отъезда не был нарушаем до 10 сентября, работы продолжались попрежнему и рабочие, оставившие фабрику, в нее малопомалу возвращаются.

Таким образом, общественное спокойствие на Кренгольмской мануфактуре в то время было восстановлено; но на начальнике губернии лежит еще обязанность изложить причины, которые привели рабочих к подобным беспорядкам, еще в большей мере повторившимся в сентябре месяце, так как при настоящем положении фабрики не пред-

ставляется достаточного ручательства в том, что подобные беспорядки не могли бы возобновиться еще раз. Вообще из расследования на месте нельзя было не вынести убеждения, что настроение умов, при котором проявились на мануфактуре помянутые беспорядки, было неизбежным последствием совершенной бесправности рабочих перед фабричным начальством и накопившегося годами раздражения, вызванного отсутствием возможности приносить справедливые свои жалобы на произвольное и самоуправное с ними обращение.

Кренгольмская мануфактура, учрежденная в 1856 г., постепенно увеличивая свое производство, а с тем вместе и число рабочих, занимает в настоящее время первое по своим размерам место между европейскими фабриками, заключая в себе до 7 тысяч рабочих, а с окончанием начатых уже построек новых фабричных зданий число рабочего населения увеличится до 12 тысяч человек [1]. При такой многолюдности фабрики весьма естественно, что между рабочим классом и фабричным начальством часто возникают разного рода недоразумения, взаимные жалобы и нарушения общественного порядка, а потому необходимо было бы учредить постоянное наблюдение за фабрикой в полицейском отношении, а также учредить присутствие в ней самой или вблизи ее власти, имеющей право разбирательства и решения дел по взаимным жалобам рабочих и фабричного начальства. Между тем, в настоящее время Кренгольмская мануфактура, по нахождению своему в Аллентакенском дистрикте Эстляндской губернии, состоит в полицейском отношении в ведомстве аллентакенского гакенрихтера, а в судебном — в ведомстве местных судебных учреждений и не имеет ни деятельного полицейского надзора, ни учреждения, соответствующего условиям быстрого и непрерывного отправления правосудия. Гакенрихтер, в лице которого сосредоточивается вся полицейская власть дистрикта, не имея помощников, обремененный множеством разнородных занятий и, сверх того, проживая в м. Иеве, в 52¾ верстах от Кренгольма, не может иметь постоянного бдительного наблюдения за фабрикой. По отношению к суду население Кренгольмской мануфактуры также поставлено в весьма невыгодные условия. Гакенрихтер, на основании 973 ст. I ч. св. мест. узак. [2], имеет право разбирательства и решения только таких маловажных дел, коих предмет не превышает по цене 15 руб. сер.

При столь ограниченном размере пределов власти гакенрихтера в наложении взысканий и в особенности по отдаленности места жительства его от Кренгольма, нельзя ожидать, чтобы деятельность гакенрихтера по полицейскому ведомству могла быть существенно полезною для Кренгольмской мануфактуры. Кроме гакенрихтера, существует

---

[1] На фабрике рабочие наполовину русские и эсты. (Прим. эстляндского губернатора.)

[2] «Ст. 973 п. 39. Разбор и решение на основании закона дел по маловажным преступлениям, как-то: краже и обману на сумму до 15 р. с., учиненным крестьянами и др. лицами нижних состояний, а равно наказание сих лиц за буйство, пьянство, непослушание, драки и т. п.» (Прим. эстляндского губернатора).

судебная инстанция, т. е. местный приходский судья, к которому, однако, рабочее население фабрики, по силе ст. 753 Полож. о крестьянах Эстляндской губернии, не может обращаться с своими жалобами на фабричное управление [1]. Наглядным доказательством того, что местные учреждения имеют мало значения для фабричного населения, может служить то обстоятельство, что рабочие, как выше было сказано, желая оставить мануфактуру из опасения холеры и по другим причинам, обратились с заявлением своего намерения не к гакенрихтеру, а к жандармскому штабс-офицеру в Нарве.

Если условия деятельности местных полицейского и судебного учреждения по отношению к Кренгольмской мануфактуре нельзя признать удовлетворительными в настоящее время, при 7 т. населения, то чего же можно ожидать в виду увеличения в недалеком будущем числа рабочих до 12 т. Затем, по мнению начальника губернии, необходимо безотлагательно принять меры к учреждению суда, доступного фабричному населению, и к организации полиции, соединяющей в себе условия действительного надзора за этим населением. Для достижения сей последней цели в настоящее время уже учреждается в губернии особый гакенрихтерский участок.

Эстляндский губернатор полагал бы, что вопрос об учреждении суда всего удобнее может быть разрешен введением в Эстляндской губернии судебной реформы, в виду же безотлагательности принятия по сему предмету соответствующей меры — временным подчинением Кренгольмской мануфактуры в судебном отношении С.-Петербургской губернии. Если город Нарва, входящий в состав С.-Петербургской губернии, в судебном отношении по настоящее время подчинен Эстляндской губернии, то едва ли встретится какое-либо существенное затруднение к подчинению в этом отношении Кренгольмской мануфактуры временно С.-Петербургской губернии, впредь до введения судебной реформы в Эстляндской. В виду того, что иски рабочих на Кренгольмской мануфактуре не достигают размеров, превышающих власть мировых судей, как в этом лично удостоверился начальник губернии, при определении на мануфактуру мирового судьи все дела по претензиям рабочих могли бы быть разбираемы на месте, а это в высшей степени способствовало бы предупреждению столкновений между фабричным начальством и рабочими. При таких условиях и при наблюдении за мануфактурой со стороны проживающего в Нарве жандармского штаб-офицера, можно с достоверностью предположить, что столкновения между фабричным начальством и рабочими были бы затруднены и не было бы допущено развития их до тех размеров, когда для прекращения их является необходимость прибегать к крайним средствам. Эта

[1] Ст. 753. Если люди, подведомственные приходскому суду, приносят жалобы на дворян, либо разночинцев, или на таких людей, кои только по свойству своего поземельного владения подлежат ведомству приходского суда, то судья обязан примирять обе стороны, несмотря на ценность предмета, составляющего причину жалобы. Тот, на которого истец намеревается произвести иск, обязан лично или через уполномоченного явиться в срок, означенный для полюбовной сделки приходским судьею (Прим. его же).

мера, вполне согласуясь с желанием владельцев мануфактуры, как они лично заявили об этом начальнику губернии во время последнего пребывания его в Кренгольме, была бы с удовольствием принята и рабочими, так как они и в настоящее время охотно обращаются по своим делам к властям С.-Петербургской губернии. Наконец, мера эта соответствовала бы распоряжению самого правительства, согласно коему с 11 марта сего года Кренгольмская мануфактура изъята из ведомства начальника Эстляндского жандармского управления и подчинена наблюдению находящегося в Нарве штаб-офицера, принадлежащего к составу с.-петербургского жандармского управления [1].

II. Акт соглашения между администрацией и представителями от прядильщиков.

1872 г. августа 21 дня, в присутствии г. начальника Эстляндской губернии свиты его величества генерал-майора князя Шховского-Глебова-Стрешнева, г. начальника с.-петебургского губернского жандармского управления полковника Бирина и уполномоченного Кренгольмской мануфактуры г. Кольбе выбраны были из прядильщиков 20 рабочих, а именно: Филипп Егоров, Феоктист Леонов, Алексей Павлов, Егор Иванов, Тимофей Иванов, Василий Иванов, Филипп Федотов, Степан Иванов, Никита Дмитриев, Ксенофонт Иванов, Федот Семенов, Фока Анисимов, Иоган Зифер, Андрус Перс, Михель Мильберг, Ян Вальгенбах, Илья Томсон, Иоган Гейсман, Василий Опас и Фриц Винклер, которые заявили не как претензию на фабрику, но просили, если возможно, сделать им следующие льготы, заявив заранее, что оные прежде существовали на фабрике и что нового они ничего не требуют, но просят:

1. Чтобы работа начиналась не в 5 час. утра, а в $5^1/_2$, выставляя причину дальнего расстояния их помещений от фабрики, полагая на проход некоторым из них до 15 минут.	На 1 пункт уполномоченным Кренгольмской фабрики г. Кольбе изъявлено полное согласие, но с тем, что колеса на фабрике приведутся в движение в $5^1/_4$ ч.; в случае же кто-либо из рабочих опоздает до $5^1/_2$ часов, то вычета с них за промедление фабрика делать не будет.
2. На обед, вместо полагаемых ныне 55 минут, просят дать $1^1/_2$ часа времени, на основании причин, выставленных в 1-м пункте.	На 2. На обед, вместо предложенного рабочими $1^1/_2$ часа, г. Кольбе согласен дать $1^1/_4$.
3. За испорченные части машин вычитать стоимость их в готовом виде, а не по произволу управления фабрики.	На 3. Заявление рабочих принято к сведению, и директор фабрики приступит с старшинами к составлению подробной таксы по этому предмету, с тем, чтобы вопрос этот был разрешен к 1 октября с. г.
4. Заработанные цены за № бумаги оставить прежними, которые существовали на фабрике, т. е. прибавить по 3 коп. на каждый №.	На 4. На заявленную цену рабочими не согласен, но и впредь цены будут установлены согласно существующих фабричных с.-петербургских цен.

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1872 г., № 50, ч. 1, лл. 91—99.

5. Не вычитать за носку пряжи кладельщицам шпуль.	На 5. Оставлено до 1 октября с. г.
6. Расчет делать при увольнении согласно заработанного времени и не увольнять рабочих без оного при неудовольствии их на наложенный штраф.	На 6. По вычете штрафа делать полный расчет при увольнении из фабрики.
	Со стороны г. Кольбе без предъявления просьбы рабочих вычета из жалованья по § 10 постановления фабрики по 2 процента с руб. не делать, а фабрика дает в дар прядильщикам.

Подлинный подписали:

Губернатор свиты его величества генерал-майор князь

Шаховской-Глебов-Стрешнев.

Начальник с.-петербургского губернского жандармского управления

полковник Бирин.

Обществом выбраны:

Алексей Павлов и за Фриц[а] Винклера и за Алексея Павлова; Никита Дмитриев и за Филиппа Федотова; Василий Александров и за Сливон[а] Иванова, Тимофей Иванов и за Федота Семенова, Феоктист Родионов, Juhhan Sepper, Филипп Егоров, и за Илью Томсена, Wassili Okas, Mihkel Mihbekk, Jaau Balgenbah, Iuhhan Reijman, Andrus Bars, Егор Иванов, Фока Анисимов.

С означенными льготами, данными г. уполномоченным Э. Ф. Кольбе, согласен.

Директор фабрики Козьма Терентьев Солдатенков.

Директор Л. Кноп[1].

III. Акт соглашения между администрацией и представителями от ткачей.

1872 года, августа 21-го дня, в присутствии начальника Эстляндской губернии свиты его величества генерал-майора князя Шаховского-Глебова-Стрешнева, г. начальника с.-петербургского губернского жандармского управления полковника Бирина и у полномоченного Кренгольмской мануфактуры Э. Кольбе, выбраны были из ткачей 40 рабочих, а именно: Захар Васильев Соколов, Николай Дмитриев, Алексей Степанов Носов, Василий Матвеев Дудин, Осип Степанов Никитин, Андрей Савельев Осипов, Иван Иванов Голиков, Василий Кириллов, Леон Дементьев, Антон Михайлов, Николай Васильев Ляпицкий, Дмитрий Егоров, Николай Федоров, Михаил Гаврилов, Михаил Павлов, Да-

---

[1] То же дело, лл. 24—25, по копии.

ниил Власов, Константин Пироговский, Платон Эдуардов, Трофим Шупенко, Влас Агафонов, Тоннс Юргенсон, Ганс Оя, Ян Киц, Кароль Седерс, Март Леппик, Мадис Трейберг, Иван Куман, Ганс Майкалла, Ян Ваннаталло, Андрес Тамберг, Иозеф Нем, Кристьян Юрна, Юрри Пюсс, Тоннис Кольц, Якоб Тамм, Адам Адосоп, Вильгельм Прейсман, Яков Ялакас, Михель Каск, Александр Рютель, которые просили:

1. Начинать работать утром в $5^1/_2$ часов.	1. Г. Кольбе согласен на то.
2. На обед, вместо часа и пяти мин., разрешить им $1^1/_2$ часа.	2. Г. Кольбе согласен дать час с четвертью.
3. Чтобы за кусок материи в 50 аршин платили сорок коп. за работу.	3. На то г. Кольбе не согласен, но впредь и цены будут установлены согласно существующих фабричных с.-петербургских цен.
4. За испорченные части машин вычитать только стоимость их в готовом виде, а не по произволу управления фабрики.	4. Заявление рабочих принято к сведению, и директор фабрики приступит с старшими к составлению подробной таксы, с тем чтобы вопрос этот был разрешен к 1 октября с. г.
5. За малую выработку не штрафовать, а дать расчет или удалить с машины.	5. Г. Кольбе согласен на то, с тем чтобы каждый рабочий день выработалось не менее 45 коп.
6. Чтобы давали записки на временную отлучку по болезни, домой или по другим необходимым обстоятельствам.	6. Г. Кольбе согласен на то.
7. Удалить из больницы фельдшера Палкина.	7. Не согласен, а жалобу на него следует представить по принадлежности.
8. Старосту Петра Сека сменить и разрешить на будущее время выбор старосты обществом фабрики.	8. Согласен на то, с предоставлением обществу права выбрать и представить на утверждение должности старшины 3 кандидатов.
9. За тех детей, которые не ходят в школу, не высчитывать деньги.	9. Нельзя сие ходатайство исполнить.
10. Не взыскать показанные в § 10 постановления фабрики 2 процента в пользу больницы и церкви, в том внимании, что сия последняя уже с некоторых лет не существует.	10. Г. Кольбе согласен на то.
11. Церковного старшину Кареля Сека, работников Густава Брунса и Кареля Пиккаме[1] удалить из фабрики за разные противозаконные действия.	11. В случае, если имеется законное основание на то, то предоставляется им на означенных лиц подать жалобу установленным порядком.

Подлинный подписали:

Губернатор свиты его величества генерал-майор князь
Шаховской-Глебов-Стрешнев

Начальник с.-петербургского губернского жандармского управления
полковник Бирин

По доверенности уполномоченный Кренгольмской мануфактуры
Э. Кольбе

[1] В тексте Брунска и Пикаме.

Выборные со стороны ткачей: Виллем Прейсман, Кристьян Юрна, Иозеф Нем, Ioan Kitz, Tonnis Jurgenson, Hans Qja, Karell Letas, Mart Leppik, Матвей Трейберг, Iwan Kuman, Hans Maikalo, Ioan Wanatallo, Andres Tamberg, Jurri Puss, Tonnis Koltz, Jakow Tamm, Adam Adoson, Jakow Ialakas, Mihel Kask, Alexander Rutel, Захар Васильев Соколов, Николай Дмитриев, Алексей Степанов Носов, Василий Матвеев Дудин, Осип Степанов Никитин, Андрей Осипов, Иван Голиков, Василий Кириллов, Леон Дементьев, Антон Михайлов, Николай Вас. Лялицкий, Николай Федоров, Дмитрий Егоров, Михаил Гаврилов, Михаил Павлов, Данила Власов. Конст. Пироговский, Платон Эдуардов, Трофим Щупенко и Влас Агафонов.

С означенными льготами, данными г. уполномоченным Э. Ф. Кольбе, согласен.

Директор фабрики Козьма Терентьев Солдатенков.

Директор Л. Кноп[1].

IV. Записка эстляндского губернатора о беспорядках, происходивших на Кренгольмской мануфактуре в сентябре 1872 г.

В августе текущего года на Кренгольмской мануфактуре, по случаю появления в оной холеры и вследствие столкновений между фабричным начальством и рабочим населением, происходили беспорядки, о которых было доведено до сведения министерства внутренних дел запискою, представленною начальником губернии. Принятие мер, указанных командированным на фабрику врачебным инспектором, о которых упоминалось в означенной записке, не только воспрепятствовало дальнейшему распространению эпидемии, но и способствовало в значительной мере прекращению оной, так что в первых числах сентября на фабрике заболевало не более как по 2 или по 3 человека в день. Что же касается столкновений фабричного начальства с рабочими собственно по предмету работ, то таковые были улажены на основании составленного о том в присутствии начальника губернии акта, и затем восстановленный к 21 августа порядок не был нарушаем до 10 сентября.

Накануне 9 сентября прядильщики Пиккамяги и Брунс[2] объявили некоторым из своих товарищей, чтобы они собрались в трактир не более 20 человек, преимущественно из русских прядильщиков, после прекращения работы в 6 часов вечера, и обещали им прочесть какую-то бумагу касательно новых порядков относительно работ на фабрике и вместе с тем угостить их водкой. Весть эта скоро распространилась между всем фабричным населением, которое вообразило себе, что хотят изменить порядок, установленный приложенными к первой записке в копиях актами, состоявшимися 21 августа, и заставить их работать

[1] То же дело, лл. 26—27, по копии.

[2] В тексте фамилии этих двоих рабочих пишутся различно: Пиккимяги и Пиккемеги, Брунесс и Брунс. Мы придерживаемся всюду одного начертания: Пиккамяги и Брунс, как они обозначены в приговоре.

на прежнем основании. К 8 часам вечера в трактире собралось более 150 человек (в числе их были и ткачи). Не найдя там Брунса и Пиккамяги, они отправили за ними одного из рабочих, но, вместо прихода, лица эти прислали деньги, чтобы напоить водкой собравшихся; многие из рабочих не хотели пить водки, но требовали непременного прихода их, интересуясь скорее узнать, в чем дело. За третьим только посланным Пиккамяги и Брунс явились к собравшимся рабочим и объявили, что читать бумаги им не будут на том основании, что собрались не те люди, которых они желали, и что есть между ними лица, которым они считают излишним прочесть эту бумагу, после чего тотчас же скрылись. Часть рабочих, возбужденных вином и предполагая, что это есть проделка фабричного начальства, кинулась отыскивать бежавших в контору управляющего хозяйственною частью фабрики Фрея; толпа за ними последовала, имея впереди ткачей Прейсмана и Тама. Первый из них от имени своих товарищей требовал выдачи скрывшихся у Фрея рабочих Пиккамяги и Брунса для прочтения помянутой бумаги, присовокупив, что они дали слово губернатору, приняв на свою ответственность, что никаких беспорядков на фабрике не будет; между тем как вышепоименованные лица мутят народ, сборища же законом воспрещены, а Пиккамяги и Брунс собирают рабочих. Фрей Пиккамяги и Брунса не выдал, а просил толпу разойтись, что и было исполнено рабочими.

Заведывающий фабричною полициею Фохт дал знать телеграммою местному гакенрихтеру, что несколько рабочих произвели ночные беспорядки на фабрике и ворвались насильно в дом Фрея.

Утром 10-го числа несколько человек рабочих, в том числе Прейсман и Там, явились к помощнику начальника с.-петербургского губернского жандармского управления майору Андреянову и заявили, что Пиккамяги и Брунс производят беспорядок на фабрике, собирая людей для прочтения какого-то закона.

Майор Андреянов, зная, что по случаю беспорядков, происходивших накануне в доме Фрея, вызван гакенрихтер, отпустил их, приказав им ожидать приезда этого чиновника, который и разберет их. Вечером 10-го же числа означенные люди вновь пришли к майору Андреянову с теми же заявлениями, но вслед за ними явился гакенрихтер и нашел нужным арестовать и посадить их в тюремное помещение нарвского магистрата[1].

Как скоро рабочие узнали, что 6 человек из них арестовано, они согласились между собою не итти на работу, а требовать непременной выдачи арестованных; некоторые из них угрожали разбитием тюрьмы для освобождения заключенных, и действительно, 11-го числа толпа до 300 человек пришла в г. Нарву и требовала от бургомистра выдачи арестованных. На это им было объявлено, что если они не разойдутся немедленно, то будет употреблена сила. После некоторого совещания между собою толпа разошлась, но стала собираться большими массами

[1] Есть некоторое основание предполагать с достоверностью, что конечною целью этих людей было отправиться в Ревель и просить губернатора о приезде на фабрику. (Прим. губернатора.)

па фабрике, требуя от уполномоченного фабрики г. Андре выдачи арестованных [1].

Увещания, как гакенрихтера, так и г. Андре, на них не подействовали; задние ряды стали кидать каменьями как в дом, занимаемый начальством фабрик, так и в увещевавших.

Гакенрихтер, видя, что меры кротости и увещания на народ не действуют, с разрешения губернатора, полученного по телеграфу, послал в город к командиру Енисейского пехотного полка, с тем чтобы немедленно были приведены воинские команды для усмирения бунтующих фабричных, сам же опять вышел к народу увещевать его, желая продлить время для прихода войск; тогда именно один из пущенных каменьев попал ему в голову, и он, пораженный ударом, упал. Придя в себя через несколько времени, он вновь вышел к шумевшей толпе, но в это время в числе около 300 человек уже войска входили на фабрику. Народ, видя пришедшее войско, стал медленно расходиться по казармам, так что оружие не было употреблено.

Утром во вторник, 12-го числа, многие из рабочих хотели итти на работу, в особенности прядильщики, но толпа из рабочего населения, преимущественно из ткачей, хотела воспрепятствовать желающим итти на работу и заняла мост, ведущий па фабрику, так что весьма немногим удалось пробраться чрез эту толпу. Войска хотели разогнать шумевший народ, почему, по приказанию командира полка полковника Рейнвальда, очистили от них мост, но при отступлении некоторые из фабричных бросали каменьями в солдат, не ранив, впрочем, никого. Войско цепью прогнало толпу, без выстрела, за черту фабричных строений, после чего никакого уже покушения со стороны фабричного населения противу войск и вообще беспорядков производимо не было. Полковник Рейнвальд, опасаясь, однако, чтобы в продолжение ночи не произошло каких-либо беспорядков, нашел нужным телеграфировать своему начальству о том, что он не отвечает за безопасность, имея в своем распоряжении такое малое количество войска противу 6 000 населения, и просил о присылке подкрепления [2].

Из полученных в ночь с 11-го на 12-е число телеграмм начальник губернии, усмотрев, что беспорядки в Кренгольме принимают угрожающие размеры, а также в виду помянутого заявления полковника Рейнвальда, телеграфировал в Ямбург командиру Красноярского пехотного полка полковнику Зассу, прося о немедленном выступлении полка в Кренгольм, в то же время распорядился сосредоточением необходимого числа вагонов в Ямбурге для безотлагательной перевозки полка по железной дороге и затем, получив от уполномоченных рабочих ночью с 11-го на 12-е число телеграмму с просьбою прибыть лично на фабри-

---

[1] 11 сентября майор Андреянов отправил шефу жандармов телеграмму, в которой писал: «Сейчас огромная толпа фабричных пришла в город, требуя выдачи арестованных. Положение крайне опасно».

[2] О том, какое впечатление произвела на рабочих Петербурга кренгольмская стачка, свидетельствует телеграмма обер-полицеймейстера Трепова гр. Левашову от 12 сентября: «О Нарвских беспорядках и бессилии войск толки ходят в столицах, что весьма вредно действует на фабричных рабочих».

ку для разбирательства и утром 12-го числа приняв депутацию рабочих, подтвердившую это ходатайство,— выехал 12-го утром из Ревеля, прибыв в Кренгольм почти одновременно с Красноярским полком, о прибытии которого был извещен по телеграфу и командир Енисейского полка. Приехав на фабрику, начальник губернии оставил Красноярский полк на соседнем поле, а сам вошел во двор, где застал фабричных в сборе. Приказание его разойтись по казармам было исполнено рабочими молча и беспрекословно.

По совместном совещании с командирами полков начальник губернии решил, чтобы Красноярский полк занял Кренгольмскую фабрику для содержания всех рабочих под домашним арестом в их казармах, а Енисейский полк вступил в место постоянного квартирования, т. е. в г. Нарву, дабы принять меры в случае, если рабочие захотят произвести какие-либо беспорядки в городе, в котором не оставалось войска, между тем как при магистрате содержались 6 человек рабочих, считавшихся зачинщиками всех беспорядков, которых, как ходили слухи, рабочие хотели освободить силою. Сверх того, этому полку было поручено рассылать по городу и по его окрестностям патрули, с целью задержания бродящих там толпами рабочих и отправления их под конвоем в Кренгольм для содержания совместно с прочими в фабричных казармах.

Ночью все было покойно, и никаких беспорядков со стороны рабочего населения произведено не было. Утром 13-го числа губернатор совместно с состоящими при нем чиновниками, гакенрихтером, прибывшим в Кренгольм накануне, начальником с.-петербургского губернского жандармского управления полковником Бириным и помощником его майором Андреяновым, приступил к производству дознания о причинах бунта, почему было приказано собрать немедленно всех уполномоченных от ткачей и прядильщиков, которые были выбраны во время бывших на фабрике 21-го прошлого августа месяца беспорядков.

Производство дознания продолжалось 14-го и 15-го числа; беспорядки более не повторялись, и притязаний со стороны рабочих за все это время высказано не было. Они хорошо поняли, что в отношении их приняты самые строгие меры и оказывали полное послушание. Из числа допрошенных за эти дни было арестовано 22 человека.

Хотя губернатором и было разрешено открытие фабрики 15-го числа для работы прядильщиков, под ответственностью их выборных, письменно в том обязавшихся, но они не могли начать работы потому, что не хотели ручаться за рабочих кард-машины, без действия которой они производить работы не могли.

16 сентября начали раздавать жалованье тем лицам, которым было разрешено производить работы. Войска, расположенные на фабрике, во все время вели себя отлично и не дозволяли себе никаких противозаконных действий, исполняя в точности данные им приказания.

Результатом вышеупомянутого дознания было убеждение, что в этих беспорядках не было ни стачки, ни связи с заграничными фабриками, и вообще ничего политического. Поэтому было решено продолжать следствие по этому делу обыкновенным порядком, т. е. поручить гакенрихтеру составить протокол предварительного следствия для передачи

такового, чрез губернское правление, в мангерихт на дальнейшее производство.

До приезда мангерихта были употреблены всевозможные средства для раскрытия более виновных, произведших беспорядки на фабрике и сопротивление властям, как административным, так и фабричным. Было также открыто и уличено несколько лиц, бросавших каменьями и угрожавших розгами как гакенрихтеру, так и уполномоченному фабрики Андре.

Вообще чиновникам, прибывшим с губернатором, и гакенрихтеру, а также полковнику Бирину и майору Андреянову, благодаря их неутомимой деятельности, удалось подготовить достаточно материала для облегчения производства формального следствия мангерихтом.

Начальник губернии 16-го числа отправился в г. Ревель, дабы ускорить прибытие в Кренгольм мангерихта, а в воскресенье, 17-го числа, возвратился в Кренгольм, куда на другой день утром прибыл в полном составе и мангерихт, немедленно открывший свои заседания, в присутствии прибывшего в тот же день из С.-Петербурга исправляющего должность эстляндского губернского прокурора Железовского. В этот же день начались на фабрике все работы, а так как во вторник, 19-го числа, фабричные все явились на работу, то признано было возможным вывести войска из Кренгольма. Возложив затем временное исправление обязанностей полицеймейстера на прибывшего в Кренгольм с 4 городовыми из С.-Петербурга, по сношении с генерал-адъютантом Треповым, губернского секретаря Оленина, начальник губернии 19 сентября возвратился в Ревель, в виду того, что порядок и спокойствие на фабрике можно было считать пока обеспеченным[1].

В заключение нельзя не упомянуть, что если беспорядки в Кренгольме не приняли бо́льших еще размеров и что при подавлении их не было прибегнуто к оружию, то это следует преимущественно приписать вполне благоразумным действиям полковника Рейнвальда, а также скорому прибытию на место полковника Засса с Красноярским полком. Что же касается причин совершившихся в сентябре на Кренгольмской фабрике событий, то начальник губернии позволяет себе сослаться в этом отношении на представленную им записку о беспорядках, бывших там в августе месяце, присовокупляя, что происки некоторых рабочих против соглашения 21 августа, которым было не чуждо и фабричное начальство, и затем арестование 6 человек, желавших этому воспрепятствовать, были только искрою, павшею па давно подготовленную почву. В виду сего нельзя не опасаться, что до устранения основной причины, т. е. бесправности фабричного населения, какой-нибудь непредвиденный случай может вновь возбудить на фабрике еще сильнейшее волнение[2].

---

[1] Не лишено интереса, что 19 сентября владельцы мануфактуры вручили эстляндскому губернатору Шаховскому в его распоряжение 10 000 руб. на «украшение божьих храмов» и устройство школ. («Эстляндские ведомости» 1873 г., № 113.)

[2] То же дело, лл. 136—148.

V. Рапорт исправляющего должность эстляндского губернского прокурора управляющему министерством юстиции от 4 октября 1872 г.

Вследствие ордера вашего превосходительства от 15 сентября с. г. за № 12773, я отправился 17-го числа в г. Нарву, куда и прибыл к открытию заседаний Вир-Иервского мангерихта, приехавшего из Ревеля для производства следствия по делу о беспорядках на Кренгольмской мануфактуре.

По данным, раскрытым следствием, фактическая сторона дела заключается в следующем:

В августе настоящего года на Кренгольмской мануфактуре появилась холера, вызвавшая брожение в среде рабочего населения фабрики; рабочие хотели остановить работы и соглашались продолжать таковые лишь по удовлетворении некоторых предложенных ими условий, касавшихся преимущественно уменьшения числа рабочих часов и ограничения произвола фабричного начальства при наложении штрафов за порчу машин.

Владельцы фабрики гг. Солдатенков и Кноп признали большинство просьб рабочих заслуживающими уважения, тем более, что рабочие не требовали нововведений, но лишь возвращения того, чем они пользовались прежде и что у них постепенно было отнимаемо фабричным начальством. Вследствие сего 21 августа, в присутствии прибывшего на фабрику эстляндского губернатора, был составлен подписанный владельцами фабрики и выборными от рабочих акт, которым фабричное начальство признало возможным удовлетворить большую часть из предъявленных рабочими условий. Такой поступок владельцев фабрики, а также прекращение холерной эпидемии, вследствие принятых губернским начальством санитарных мер, восстановили на фабрике спокойствие, которое и не было нарушено до 9 сентября. Перед этим же числом рабочие из прядильщиков Пиккамяги и Брунс явились к заведующему полицейскою частью на фабрике Фохту и просили его исправить составленное ими на имя фабричного начальства прошение, в котором, выражая начальству свою благодарность, просили возвратить им прежнее спокойствие и ходатайствовали об удалении с фабрики некоторых рабочих, как-то: Прейсмана, Тамм, Адоссона, Юрна и других, возбуждающих рабочих к неповиновению и беспорядкам. Фохт исполнил просьбу Пиккамяги и Брунса, которые 9 сентября обратились к некоторым из своих товарищей с просьбою собрать вечером в трактире рабочих, преимущественно из русских, для сообщения им вышеизложенной бумаги, обещая при этом угостить рабочих водкою. Рабочие, узнав о предположенной сходке, взволновались, думая, что хотят изменить только что установленный актом 21 августа порядок, и вследствие сего собрались в трактире в количестве до 200 человек. Пиккамяги и Брунс, явясь в трактир, отказались прочесть бумагу под тем предлогом, что собрались не те лица, присутствия которых они желали, и что между присутствующими есть такие рабочие, которым они считают излишним читать бумагу, после чего тотчас же скрылись.

Поведение Пиккамяги и Брунса показалось рабочим весьма подозри-

тельным, и они, под влиянием опасения лишиться полученных льгот, отправились в контору заведывающего хозяйственной частью Фрея, где, под предводительством Прейсмана и Тамма, стали требовать выдачи Пиккамяги и Брунса, настаивая, чтобы они прочли эту бумагу, для выслушивания которой рабочие собрались в трактире. Фрей обратился к толпе с требованием разойтись, что вскоре рабочими и было исполнено. Между тем фабричная полиция известила по телеграфу местного гакенрихтера о случившемся и просила его прибыть на фабрику. Гакенрихтер прибыл в Кренгольм на следующий день, т. е. 10 сентября, до его же прибытия несколько человек рабочих, в том числе Прейсман и Тамм, явились в г. Нарву к жандармскому офицеру майору Андреянову с заявлением, что Пиккамяги и Брунс производят беспорядки. Майор Андреянов отпустил рабочих, приказав им ожидать прибытия гакенрихтера, но, несмотря на это приказание, вечером в тот же день те же рабочие вновь явились к майору Андреянову, где и были арестованы прибывшим в Нарву гакенрихтером, который за произведенное ими в конторе Фрея буйство подвергнул их аресту при нарвском магистрате.

Узнав об аресте своих товарищей, рабочие согласились прекратить работу и требовать выдачи арестованных. 11 сентября толпа в несколько сот человек пришла в г. Нарву и стала требовать от бургомистра выдачи арестованных, в чем ей, конечно, было отказано; тогда толпа направилась в Кренгольм, а несколько человек рабочих, в том числе Кристиан Юрпа, пошли на телеграфную станцию и отправили к эстляндскому губернатору телеграмму, в которой просили его прибыть на фабрику.

Между тем в Кренгольме рабочие заняли мост, ведущий на фабрику, и не пропускали желавших итти на работу. Гакенрихтер арестовал на мосту нескольких рабочих, но, видя, что толпа не унимается, послал командиру Енисейского полка, квартирующего в Нарве, требование о присылке военной команды, рабочие же стали бросать каменьями в дом, занимаемый начальством фабрики, в гакенрихтера и майора Андреянова, причем один из брошенных камней попал гакенрихтеру в голову. В то же время рабочие, разбив окна у помещения, в котором содержались арестованные гакенрихтером на мосту лица, освободили их; прибывшая из Нарвы военная команда рассеяла толпу, но при этом рабочие бросали в солдат камнями. 12 сентября толпа народа вновь собралась около моста, но прибывший из г. Ямбурга Красноярский полк оттеснил рабочих в казармы и восстановил спокойствие.

Следствием собрано достаточно улик к обвинению нескольких лиц, из числа которых в особенности выдается некто Александр Кольга, в бросании камней в солдат, в дом, занимаемый фабричным начальством, и в должностных лиц; несколько рабочих изобличены, кроме того, в оскорблении гакенрихтера, майора Андреянова, подчиненных сему последнему нижних чинов корпуса жандармов и фабричных сторожей, и один рабочий, некто Николай Богданов, в оскорблении действием часового. Лица же, освободившие арестованных гакенрихтером рабочих, несмотря на все принятые меры, не могли быть разысканы.

Всего мангерихтом допрошено 35 человек обвиняемых и 80 свидетелей; из числа обвиняемых 6 освобождены мангерихтом от содержания под стражей, в том числе Пиккамяги и Брунс, которые, однако, по распоряжению эстляндского губернатора, были вновь арестованы и отвезены в Ревель; что же касается Прейсмана и Тамма, то они, как принимавшие участие только в ночном буйстве в конторе Фрея, за что и были уж подвергнуты взысканию гакенрихтером, дальнейшему преследованию не подлежат.

Таковы результаты произведенного мангерихтом следствия. Результаты эти нельзя признать вполне удовлетворительными, так как следствие раскрыло только наружную сторону дела, не выяснив причины беспорядков и внутренней связи между отдельными обнаруженными фактами. Такой исход следствия следует приписать тому, что мангерихт производит следствие, не выходя из известных рамок, принимая за основу своей деятельности протокол гакенрихтера и проверяя лишь те данные, которые в нем заключаются; единственным элементом, дающим дальнейшее развитие следствию, служат показания свидетелей, если они заключают в себе что-либо новое, не занесенное в протокол гакенрихтера; никаких же следственных действий, основанных на выводах, к которым приводят обстоятельства дела, мангерихт по своей собственной инициативе не предпринимает. Признавая, что выработанные следствием данные не исчерпывают всех обстоятельств дела, я, во исполнение словесного приказания вашего превосходительства, приложил все свое старание к собранию самых точных и подробных сведений о причинах беспорядков на Кренгольмской фабрике.

Собранные мною с вышеизложенною целью сведения привели меня к убеждению, что августовские и сентябрьские беспорядки следует признать за проявление издавна накопившегося чувства неудовольствия и раздражения рабочих на фабричное начальство в лице г. Кольбе.

Для полного уяснения причин неудовольствия рабочих необходимо проследить деятельность г. Кольбе и привести в ясность взаимное положение фабричного начальства и рабочих.

Г. Кольбе управлял фабрикою с момента ее возникновения, т. е. с 1856 года, и управлял ею без всякого, можно сказать, контроля со стороны каких бы то ни было властей. Высокопоставленные лица, посещавшие фабрику, не имели никакой возможности узнать истинное положение дела; местные же власти, стоящие ближе всех к фабрике, гакенрихтер и приходской судья, в силу разных условий, не могли иметь почти никакого влияния на Кренгольм. Аллентакенский гакенрихтер, в дистрикте которого находится фабрика, проживал в мест. Иеве, в 52 верстах от Кренгольма, и, конечно, не мог один, при многосложности своих занятий, быть существенно полезным для фабрики, ближайшая же судебная инстанция, т. е. приходский судья (kirchspielsrichter), по силе ст. 753 Положения о крестьянах Эстляндской губ., не может разбирать жалобы рабочих на фабричное начальство.

Независимо сего, будучи представителем столь громадного торгового предприятия, Кольбе приходил в соприкосновение с многими лицами, в том числе и с весьма высокопоставленными, и при своем уме и своей

ловкости успевал располагать к себе всех, кого хотел. Так, мне передавали, что, например, князь Суворов и высокопреосвященный Исидор относятся весьма благосклонно к Кольбе. Пользуясь этим расположением, рассчитывая на поддержку, Кольбе не только самовластно расправлялся с рабочими, но даже с лицами, ему вовсе не подчиненными, нисколько не стеснялся, если они не подчинялись ему. Он поссорился с нарвским магистратом, с соседом своим Крамером и даже считал возможным требовать от духовенства, чтобы оно действовало в его видах, доказательством чего может служить следующий факт. Несколько времени тому назад у Кольбе явилось желание закрыть фабричное кладбище и застроить его; местный священник по просьбе нескольких рабочих написал им прошение на имя митрополита о сохранении кладбища, каковое ходатайство и было уважено. Кольбе, узнав об этом, позволил себе площадными словами обругать священника, грозя ему притом лишением места; священник заявил о случившемся протоиерею нарвского собора, но дело осталось без дальнейших последствий. Насколько Кольбе, избалованный положением вещей на фабрике, не допускал в последнее время над собой никакого контроля и насколько он считал себя сильным, доказывает, между прочим, то, что когда в нынешнем году Кренгольм был подчинен наблюдению нарвского жандармского офицера, то Кольбе употребил все старания к тому, чтоб добиться отмены этого распоряжения, и когда это ему не удалось, то он нисколько не задумался взвести разные небылицы на майора Андреянова и едва не причинил ему больших неприятностей.

Таким образом, находясь вне всякого контроля, пользуясь своею властью, а также беспомощным состоянием рабочих и рассчитывая на свои связи и знакомства, Кольбе управлял фабрикою в течение многих лет совершенно самовластно; он был и судьею в своих собственных делах с рабочими и исполнителем своих решений. Неограниченный произвол г. Кольбе ложился тяжелым бременем на рабочее население; злоба и ненависть к Кольбе накипала в нем, но не проявлялась, удерживаемая страхом, который Кольбе внушал рабочим. Только этому страху и беспомощному состоянию рабочих в судебном отношении следует приписать, что раздражение фабричного населения не проявило себя до августа месяца нынешнего года; может быть, и по настоящее еще время неудовольствие рабочих не высказалось бы, если б опасения, внушаемые холерною эпидемиею, не побудили рабочих-каменщиков, людей пришлых и лишь временно связанных с фабрикой, а следовательно, и менее находившихся под гнетом фабричного начальства, оставить работы, вопреки требованию г. Кольбе. Пример каменщиков, решившихся ослушаться фабричного начальства, ободрил и остальных рабочих, и они в свою очередь решились предъявить свои требования.

Само собой разумеется, что такой человек, как Кольбе, не мог равнодушно взглянуть на поступок каменщиков; он уже и по поводу этого поступка обращался к майору Андреянову с требованием пустить в ход силу и остался крайне недоволен, когда майор Андреянов, имевший свои инструкции, отказал ему в этом. Когда же рабочие предъявили свои просьбы, Кольбе заявил губернатору, что для восстановления по-

рядка необходимо сослать административным порядком целую массу рабочих. Не достигнув и этого и поставленный в необходимость вести переговоры с рабочими, Кольбе пришел к убеждению, что только строгие репрессивные меры могут восстановить его поколебленный авторитет. Каким же путем вызвать эти меры? Оставалось или подготовить под рукою новые беспорядки в больших еще размерах, чем прежние, или же заручиться таким аргументом, который мог бы подействовать на администрацию и побудить ее к принятию строгих мер. Для этой цели Кольбе придумал составить адрес от имени рабочих к фабричному начальству, в котором бы рабочие признавали свое положение прекрасным и выставляли бы недовольными нескольких только лиц, мутящих остальное спокойное и благодарное население; собрать же подписи к этому адресу было бы вещью довольно легкою. Осуществление такого проекта Кольбе поручил рабочему Пиккамяги, снискавшему себе полное нерасположение рабочих, и 9 сентября Пиккамяги приступил к делу, хотя и весьма неудачно. Доказательствами того, что инициатива адреса Пиккамяги принадлежит Кольбе, служат следующие обстоятельства: а) дней за десять до 9 сентября, следовательно, когда Фохту еще ничего не было известно о существовании адреса, Кольбе в Ревеле говорил князю Шаховскому, что рабочие хотят подать ему прошение о восстановлении прежнего порядка на фабрике; б) когда некоторые рабочие, после удаления толпы из конторы Фрея, поодиночке являлись к нему с просьбой разъяснить, что за бумагу хотели читать им Пиккамяги и Брунс, то Фрей, расспросив, сколько они лет служат на фабрике и довольны ли они своим положением, предлагал подписать адрес, что тут же и исполнялось в присутствии Пиккамяги и Брунса, причем Кольбе находился в соседней комнате; в) необыкновенная заботливость фабричного начальства к Пиккамяги, выразившаяся, во-первых в том, что его спрятали от разъяренной толпы в Нарве в гостинице Емельянова, тогда как о старосте Петре Текке, ненавидимом рабочими, никто не заботился, и, во-вторых, в обращенных ко мне троекратно Кольбе и помощником его Андре просьбах об освобождении Пиккамяги из-под стражи, причем к участию остальных арестованных гг. Кольбе и Андре оставались совершенно равнодушными.

Изложенное выше мнение разделяется, как мне известно, и начальником с.-петербургского губернского жандармского управления полковником Бириным и эстляндским губернатором, как это видно из следующего места его записки о беспорядках на Кренгольмской фабрике: «происки некоторых рабочих против соглашения 21 августа, которым было не чуждо и фабричное начальство».

Г. Кольбе пожелал, конечно, воспользоваться и сентябрьскими беспорядками и вновь стал заявлять о необходимости ссылки административным порядком рабочих, рассчитывая на таковую меру как на самый лучший способ восстановления своей неограниченной власти. Когда же губернатор направил дело судебным порядком, неудовольствие г. Кольбе достигло крайних пределов; он хотел жаловаться государю императору на князя Шаховского, открыто порицал его действия и стал писать протест на распоряжения администрации, рассчитывая

произвести скандал, который, в виду жалобы эстляндского дворянства на удаление князем Шаховским от должности гакенрихтера барона Пилляра фон-Пильхау, мог бы дать правительству некоторое основание думать, что администрация действовала нецелесообразно и не на законном основании. Взятие дворянством назад жалобы на князя Шаховского подорвало расчеты Кольбе, и он сильно упал духом, вскоре же затем получено было известие, что Кольбе более не уполномоченный Кренгольмской мануфактуры и что его место занял г. Андре.

С удалением Кольбе устранены и главные причины неудовольствия рабочих; от действия нового фабричного начальства будет зависеть дальнейшее положение дела в Кренгольме, и если г. Андре возьмет пример с находящейся на другом берегу Наровы, против Кренгольма, фабрики барона Штиглица, на которой порядок никогда не нарушался, то спокойствие на Кренгольмской фабрике может считаться обеспеченным. Первые, однако, действия г. Андре нельзя назвать благоразумными: он начал с того, что, вопреки 3 пункта акта 21 августа, составил таксы штрафов за порчу машин без участия старшин, на что рабочие уже и заявили свое неудовольствие; впрочем, есть основание думать, что фабричное начальство поняло необходимость отказаться от прежней системы, так как, по последним полученным мною из Кренгольма сведениям, оказывается, что г. Андре сменил Фохта и отправился 1 октября в Ревель к князю Шаховскому с целью объясниться совершенно откровенно и выразить свое согласие на все необходимые уступки.

На основании всего предыдущего нельзя не притти к тому заключению, что беспорядки в августе сего года были вызваны управлением г. Кольбе, раздражавшего в течение многих лет рабочих своим произволом, против которого рабочие не могли найти себе защиты, и что беспорядки в сентябре были вызваны — если не прямо, то во всяком случае косвенным образом — стараниями г. Кольбе восстановить свое поколебленное предыдущими событиями полновластие.

Представляя все вышеизложенное на благоусмотрение вашего превосходительства, считаю долгом присовокупить: 1) что в настоящее время Аллентакенский дистрикт разделен на две части и что вновь назначенный в ту часть дистрикта, где находится Кренгольм, гакенрихтер барон Арнсговен будет иметь свое местопребывание в Нарве; 2) что же касается предоставления рабочим возможности обращаться к судебной власти для разбора их претензий на фабричное начальство, то вопрос этот, как мне известно, поднят уже начальником эстляндской губернии, и 3) что из только что полученных мною сего числа сведений оказывается, что в Кренгольм прибыл состоящий при с.-петербургском обер-полицеймейстере действительный статский советник Габерзанг[1]; командировка г. Габерзанга состоялась, как ходят слухи, вследствие ходатайства г. Кольбе.

Подлинный подписал: Исправляющий должность эстляндского губернского прокурора В. Железовский

[1] То же дело. Габерзанг, состоявший при министерстве вн. дел, входил в комиссию, назначенную в октябре для расследования беспорядков на

VI. Записка № 1 по вопросу о точном и подробном исследовании положения рабочих на Кренгольмской мануфактуре

(Из заключения комиссии по расследованию беспорядков на Кренгольмской мануфактуре)

Рабочие Кренгольмской мануфактуры, число которых к 1 октября сего года доходило до 4 644 человек, разделяются по национальности на две главнейшие группы: на эстонцев и русских; первых считается 3 244 чел., а вторых — 1 400 человек. Следовательно, эстонцы, как природные жители местности, прилегающей к Кренгольму, составляют собой элемент преимуществующий, который поэтому придает рабочим Кренгольма несколько особый характер, свойственный этому племени, а именно: жесткость в обращении, упорство, настойчивость, необщительность и пр. Способность к работе у эстонцев слабее, чем у русских, но зато, изучив какое-либо дело, эстонец становится более аккуратным и исправным работником, нежели русский, хотя, с другой стороны, опять-таки эстонец не так уживчив на одном и том же месте, как русский.

По сведениям мануфактуры, она располагает следующим числом старослужилых работников:

а) работающих от 5 до 10 лет:		
мужчин	496	
женщин	297	
		793 чел.
б) работающих от 10 и более лет:		
мужчин	314	
женщин	117	
		431 чел.
Всего		1 224 чел.

Столь значительный процент (24%) старослужилых рабочих, и по преимуществу русских, должен давать, так сказать, особый тон, особое направление всей массе, знакомя ее с прежнею жизнью и с теми порядками, которые существовали в старые годы и, быть может, имели за собой преимущества перед настоящими порядками.

Справедливость этих последних заключений отчасти подтверждается теми требованиями, которые были выражены губернатору 21 августа

Кренгольмской мануфактуре. Со стороны министерства финансов был назначен профессор технологического института Лабзин, а от III отделения — майор Андреянов. Комиссия работала по плану, данному ей министерством вутренних дел, и результатом ее исследований был ряд записок, из которых две напечатаны нами ниже.

Комиссия способствовала также тому, что вновь начавшиеся 20 октября беспорядки были ликвидированы, хотя товарищество Кренгольмской мануфактуры и не уступало ее настояниям в вопросе о выплате сдельщикам за прогульные дни. Выплата была произведена с условием, что спорные пять дней будут отработаны или по воскресеньям или по $1/_2$ часа в день с ноября по январь. В течение всего октября продолжались переговоры: товарищество угрожало закрыть фабрику, рабочие не соглашались на условия, предлагаемые директорами, хотя увольнение Кольбе и внесло некоторое успокоение.

сего года и вошли в акт соглашения, утвержденный выборными из рабочих и уполномоченным директоров правления товарищества.

По полу и возрасту рабочие распределяются таким образом:

Эстонцы	мужчин	1 351
	женщин	985
	малолетних	908
		3 244 чел.
Русские	мужчин	807
	женщин	333
	малолетних	260
		1 400 чел.
	Всего	4 644 чел.

Эстонцы, как сказано выше, приходят для найма на мануфактуру из окружающих Кренгольм местностей, а русские — по преимуществу из Гдовского уезда С.-Петербургской губернии.

Имея в виду, что на Кренгольмской мануфактуре существуют два специальные производства, прядильное и ткацкое, то, в зависимости от них, вся масса рабочих может быть разделена главнейше на две части: а) на рабочих прядильного отделения — 2 900 человек, из которых собственно прядильщиков считается 200 мужчин и свыше 1 000 мальчиков, а остальные заняты подготовительными для прядения работами — размоткой и укупоркой пряжи, и б) на рабочих ткацкого отделения — 1 470 чел., в числе которых обязанности ткачей исполняют свыше 900 мужчин и женщин, а все остальные находятся при подготовительных для ткачества работах и при укупорке товара. Кроме сего, до 274 человек из общего числа рабочих находится при побочных работах и обязанностях, не входящих непосредственно в состав главных разрядов — прядильного и ткацкого отделений.

Между малолетними рабочими необходимо отличить две особенно важные категории их — это мальчики и подручные мюльщиков, т. е. прядильщиков, и питомцы императорского воспитательного дома.

Мальчики и подручные мюльщиков нанимаются не мануфактурою, а самими мюльщиками, и заключают договор относительно вознаграждения только с этими последними, причем начальство мануфактуры наблюдает только, чтобы вознаграждение мальчиков и подручных не было менее 6 рублей в месяц; наибольший же размер вознаграждения их обыкновенно составляет около 10 рублей в месяц. Эти последние сведения сообщены доверенным правления товарищества мануфактуры лично, но, по непонятной и даже мало оправдываемой причине, управление мануфактуры уведомило в то же время письменно, что ему неизвестен размер платы мальчикам и подручным мюльщиков; со справедливостью такого показания вообще трудно согласиться. Обязанности подручных заключаются в присучивании обрывающихся концов выпрядаемой нити, что собственно делает также и сам мюльщик, работая на одной из половин прядильной машины (мюль-машина), а на обязанности мальчиков лежит сметание пыли с машины, заменение отработанных катушек ровницы (полупряжа, поступающая на мюль-машину) новыми и отчасти помогание подручному.

Питомцы императорского воспитательного дома, как мальчики (93 человека), так и девушки (110 человек), принимаются мануфактурою при возрасте не ранее 11 лет, на особых условиях, заключаемых с начальством воспитательного дома. Главные условия заключаются в том, что мануфактура принимает на себя полное содержание питомцев и питомиц, размещая их в особых домах и давая им как пищу, так и одежду до достижения питомцами 21-летнего вораста и питомицами — 18-летнего возраста. Жалование — от 3 р. 50 к. до 8 и 10 р. и в немногих случаях до 17 р. 50 к. (ткацкая) в месяц — обыкновенно не выдается питомцам и питомицам на руки сполна, и только при хорошем поведении они получают часть этих денег на некоторые свои потребности, а остальная сумма, за вычетом из нее расходов на одежду и содержание, сохраняется до достижения полного совершеннолетия в фабричной сберегательной кассе из 5% роста. Имея в виду, что большинство питомцев получает очень небольшое содержание, из которого значительная часть, а иногда и все содержание уходит на расходы по продовольствию и одежде, то столь стесненное материальное положение, в особенности взрослых питомцев и питомиц, развивает в них многие пороки, например, воровство и нередко разврат, почему, как кажется, в видах пользы дела необходимо было бы пересмотреть и изменить условия отдачи питомцев на мануфактуру. В течение всего обязательного пребывания на мануфактуре питомцы и питомицы состоят под непосредственным надзором фабричного начальства в пределах вышеизложенных условий, и только в весьма немногих случаях, а именно при очень хорошем поведении и старании в работах, питомцы освобождаются от этих условий, но не ранее 17-летнего возраста, и поступают в разряд обыкновенных рабочих, получая на руки все вырабатываемое ими жалование. Питомицы, выходя замуж, уже тем самым освобождаются от общих условий сверстниц своих и становятся независимыми. Последний прием питомцев (150 человек) был сделан уже на иных сравнительно с предыдущими условиях, а именно — они принимаются теперь только на срок 5 лет и при возрасте от 11 до 16 лет.

Ближайший наздор за питомцами вверяется двум сторожам, а за питомицами — матке и двум помощницам, которые наблюдают, чтобы они вставали и ложились спать в определенное время и к звонку являлись на работу, а также чтобы по окончании фабричных работ посещали школу, устроенную при мануфактуре. На обязанности сторожей, матки и ее помощниц лежит, кроме того, уборка комнат и постелей, а помощницы занимаются также стиркой белья на питомцев и питомиц.

За ослушание и вообще за проступки в нравственном отношении питомцы и питомицы подвергаются, по усмотрению и распоряжению управляющего мануфактурой, следующим наказаниям: 1) оставлению дома по воскресным и праздничным дням; 2) заключению в карцер; 3) наказанию для мальчиков розгами до 10 ударов.

Время занятий на мануфактуре для всех рабочих распределялось, до возникновения беспорядков, следующим образом: начало работ в 5

часов утра, окончание работ перед обедом в 12 часов, начало послеобеденных работ в 12 час. 55 мин. и окончание работ в 8 часов вечера. Следовательно, за исключением 55 минут, полагаемых для обеда, рабочие были заняты на фабрике в течение 14 час. ежедневно как для взрослых, так и для малолетних, причем последние должны были еще ходить в школу, оставаясь в ней с 8½ часов до 10 часов вечера.

На завтрак совсем не уделялось времени и даже было запрещено что-либо приносить с собой на фабрику; в настоящее время на завтрак дается от 8 до 8½ часов утра, но он ведется преимущественно всухомятку, без прекращения действия машин.

Подобные порядки и в особенности недостаток времени для обеда и слишком большое число часов ежедневной работы не могло не возбуждать постоянного неудовольствия со стороны рабочих, и их вполне справедливые требования были высказаны перед губернатором 21 августа, при посредстве которого и по соглашению с выборными из рабочих и уполномоченным мануфактуры назначено начало работ вместо 5 часов в 5½ часов утра и на обед определено не 55 минут, а 1 час с четвертью, так что рабочие в настоящее время заняты на мануфактуре по 13¼ часов в день, за исключением субботы, в которую работы оканчиваются, вместо 8-ми, в 6 часов вечера.

Однако фабричное начальство, согласясь начинать работы в 5½ час. утра, пускает в действие все приводы фабрики в 5 час. утра, дозволяя желающим тотчас приступить к работе, и потому большая часть задельных рабочих, и в особенности прядильщиков, начинает работы попрежнему в 5 часов утра, истощая свои силы и губя здоровье в видах лишнего заработка и, кроме того, привлекая к этой работе своих мальчиков и подручных, без которых прядильщики не могут вести своих работ.

Принимая во внимание, что рабочие, оставляя фабрику перед обедом, обыскиваются сторожем и что этот осмотр, по наблюдениям, продолжается четверть часа, а равно руководствуясь тем соображением, что жилища многих рабочих, даже и в черте Кренгольмской мануфактуры, не говоря уже о жителях гор. Нарвы, отстоят от самого здания мануфактуры по крайней мере на версту, является крайняя необходимость назначить на обед не менее 1½ часа времени. При основании мануфактуры и затем в течение нескольких лет, как оказалось из расспросов у старожилов, на обед давалось 1½ часа, а потом уже это время сокращалось администрацией мало-помалу и доведено было впоследствии до 55 минут.

Дневную работу в 13¼ часов следует считать крайне обременительной и вообще было бы желательно сократить ее по крайней мере на один час, назначив окончание работ в 7 часов, вместо 8 часов вечера. Двенадцатичасовая работа, насколько известно, уже существует теперь в С.-Петербурге на Самсониевской и г. Торшилова [? так в тексте.— *Э. К.]* бумагопрядильных фабриках.

По отношению к малолетним рабочим, которые обязаны еще вечером посещать и школу, даже и 12-часовая работа не должна быть

допущена. Для детей до 14-летнего возраста следовало бы назначить только дообеденную или послеобеденную работу, т. е. иметь две смены малолетних рабочих, причем распределять их на работы таким образом, чтобы одна смена работала в течение всей недели до обеда, а другая — после обеда; на следующей же неделе эти смены менялись бы своим временем. В таком случае школа могла бы быть посещаема одной сменой до обеда, а другой — после обеда, вследствие чего, уделяя для занятий более времени, чем теперь, и располагая учениками далеко не столь утомленными, возможно было бы ожидать несравннно лучших результатов в успехах. Такой порядок заведен на суконной фабрике барона Штиглица по другую сторону водопада, где работающие дети отличаются несравненно более здоровым видом, чем на Кренгольме. Достаточно только зайти в теперешнюю Кренгольмскую школу и посмотреть на крайне утомленных 13-часовою денною работою учеников, чтобы притти к заключению о невозможности достигнуть хотя самых посредственных успехов. Утомленные лица и слабый голос ясно свидетельствуют о физическом истощении, при котором, очевидно, нельзя ожидать и умственной деятельности.

Заявление, обыкновенно приводимое фабрикантами, что установление двусменной работы малолетних поведет за собою вздорожание изделий и тем поставит их в неодинаковые условия с теми из товарищей по производству, которые не введут двух смен, не может прямым образом относиться к Кренгольмской мануфактуре, во-первых, по большим размерам ее производства сравнительно с другими однородными с нею фабриками, причем все накладные расходы в значительной мере уменьшаются, и, во-вторых, по чрезвычайно дешевой движущей силе (воде), которою не располагает ни одна прядильная или ткацкая мануфактура в России; единовременные же расходы, произведенные на устройство водоподводного русла, необходимого при водяном двигателе, представляют собой, можно сказать, ничто с теми затратами, которые ежегодно употребляются другими мануфактурами на топливо для действия паровых машин. Кренгольмская мануфактура, располагая на своих фабриках водяным двигателем громадной силы (до 3 700 паров. лошадей) и, кроме того, дешевым подвозом хлопка из-за границы, не может бояться никакой конкуренции в отношении установления двух смен малолетних рабочих, всегда могла бы быть первой перед всеми бумагопрядильными и ткацкими фабриками, сделав почин в этом важном деле, имеющем даже государственное значение, потому что дети, работая по 12 и 14 часов в день, не могут быть здоровыми по достижении зрелого возраста и, следовательно, произведут слабое потомство.

Вознаграждение рабочих за труд бывает двоякого рода: или в виде месячного жалования, или в виде задельной заработки. В нижеследующей таблице показан средний размер месячной заработки в различных отделениях прядильной и ткацкой фабрики с подразделением ее для трех групп рабочих: мужчин, женщин и детей.

Всем собственно фабричным рабочим уплачивалось в 1871 году жалования средним числом в месяц по 35 000 рублей, судя по сведениям, доставленным управлением мануфактуры.

ОТДЕЛЕНИЯ	Месячная заработка мужчин	женщин	детей
	в рублях		
Прядильная фабрика			
Трепальное	от 9 до 10	от 6½ до 7	—
Кардное	» 10½ до 12½	—	от 6 до 8
Ровничное	—	от 7 до 12	—
Ватерное	—	—	от 3½ до 8½
Мюльное	» 20 до 30	—	—
Мотовильное	—	от 7 до 14	—
Ручные прессы	» 25 до 30	—	—
Гидравлические прессы . .	» 10 до 14	—	—
Ткацкая фабрика			
Катушечное	—	12½	—
Сновальное	—	15	—
Шлихтовальное	от 35 до 45	—	—
Пом. шлихтовальщ. . . .	» 16 до 20	—	—
Продевальное	—	—	7
Пом. продевальщ.	—	—	4
Ткацк. при одном стан. . .	» 7½ до 9	от 7½ до 9	—
» » двух » .	» 15 до 18	от 15 до 18	—
Браковщики	» 18 до 23	—	—
» помощники .	10	—	—
Паковальное	» 10 до 15	—	—
Ремизное	—	10½	—

Из рассмотрения представленной таблицы можно заметить, что из всех рабочих наиболее значительное вознаграждение получают шлихтовальщики (до 15 чел.), ткачи (900 чел.), рабочие при ручных прессах (до 16 чел.), браковщики (до 24 чел.) и прядильщики, т. е. мюльщики (до 200 чел.). Между всеми этими рабочими, очевидно, как по вознаграждению, так и в особенности числительности[1] своей, стоят на первом плане ткачи, которые, поэтому, составляя собой, так сказать, рабочую аристократию, имеют весьма большое влияние на остальную массу рабочих. Действительно, в беспорядках на Кренгольмской мануфактуре самую видную роль играли ткачи, а равно они менее других соглашались принять условия вознаграждения за 5 прогульных дней, предложенные правлением товарищества мануфактуры.

Жалование всем рабочим выдается раз в месяц, в первую субботу после 15-го числа текущего месяца за прошедший месяц, так что за фабрикой всегда остается двухнедельный заработок рабочих. Вся заработка, а также штрафы и вычеты вносятся в расчетную книжку, которая выдается на руки каждому рабочему, и по ней он получает деньги от кассира.

Что касается до жилищ рабочих, то в этом отношении они могут быть разделены на две главнейшие категории: во-первых, на принадлежащие мануфактуре и, во-вторых, на принадлежащие частным лицам; последнюю категорию следует еще подразделить на два разряда: к одному из них можно причислить жилища, занимаемые рабочими в самом городе Нарве, а к другому — жилища, отведенные в домах

[1] Так в тексте.

г. Крамера, землевладельца, имеющего участок — соседний с Кренгольмской мануфактурой.

Рабочие дома собственно Кренгольмской мануфактуры представляют собой казарменные постройки или отдельные дома на 2—4 и 8 семейств. Холостые казармы все двухэтажные, и в каждом из этажей устроены рядом нары, на которых и спят рабочие, один рядом с другим, имея свои отдельные матрацы, для которых, в случае надобности, солома отпускается от управления фабрики. По кубическому содержанию воздуха казармы нельзя считать достаточно просторными для числа помещающихся в них рабочих; кроме того, нельзя не упрекнуть управление мануфактуры за дозволение спать вместе всем рабочим без различия возраста. С каждого артельного номера, в котором помещается до 20 или 30 человек, управление мануфактуры взимает по 6 рублей в месяц, отпуская им дрова и освещение и предоставляя харчеваться по их собственному усмотрению, для чего рабочие имеют кухарку (матку) и старосту, который закупает провизию и по истечении месяца раскладывает расходы на всех поровну. Нефабричные же рабочие, а именно: каменщики, плотники, печники и чернорабочие, за помещение обыкновенно ничего не платят и нанимаются большей частью с весны по 15 октября или по 1 ноября.

Казармы для семейных также двухэтажные и имеют двоякое устройство. При одном из них эти казармы заключают в себе отдельные номера на 6 семейств с четырьмя комнатками и двумя углами, для которых имеется общая кухня с русской печью и плитой. При другом устройстве в казармах делается коридор, идущий по длине всего здания и разделяющий казарму на две половины, из которых каждая имеет в себе отдельные комнатки, назначаемые для семей; для всех номеров каждого этажа казармы имеется или одна общая кухня в особой пристройке, или по 3 печи с плитами, поставленными в каждом коридоре. Плата за номер в этих казармах назначается, по показанию управления мануфактуры, от 75 коп. до 1 р. 25 к. в месяц, но, по собранным сведениям, эта цена (и даже несколько выше) взимается только в летние месяцы, а зимой, считая от октября и по апрель, за дрова набавляется ежемесячно по 50 коп. на каждый номер. В каменных казармах отопление производится водой. Причем со стороны управления мануфактуры отпускаются дрова, вода и освещение кухни и коридоров. Отхожие места и чуланы или сараи устраиваются отдельно, вне казарм. В этих номерах могут жить также холостые рабочие и женщины, занимая отдельные номера вдвоем, втроем и даже вчетвером, чего, однако, на фабриках барона Штиглица не допускается, где для холостых и бессемейных женщин и девушек отведены отдельные казармы. Некоторые сведения, полученные комиссией, показывают, что на Кренгольме бывают даже случаи, что холостые и девушки живут в одном и том же номере. Всех казарм на Кренгольмской мануфактуре устроено одиннадцать, от 40 до 90 номеров в каждой, и в нынешнем году возводится еще несколько таковых в видах скорого увеличения числа рабочих до 10 000 человек, при предполагаемом устройстве новой фабрики.

Девять казарм, находящихся в нормальных условиях найма, стоят по заявлению управления мануфактуры, 145 081 руб. и приносят, также по заявлению управления мануфактуры, до 9 361 руб. валового годового дохода, или 6½%. Показанную управлением цену казарм, в особенности деревянных (до 15 000 рублей при 72 номерах, длине 30 саж. и ширине 7 саж.), нельзя не признать чрезвычайно высокой, и если остановиться на ней, то необходимо предположить недостаточность наблюдения и экономических расчетов при самом возведении казарм; нормальная стоимость таких казарм, как кажется, не должна бы переходить ⅔ указанной цифры, и тогда валовой доход будет составлять более 9½%. Если на отопление с освещением считать, даже согласно с данными управления мануфактуры (3¼%), то фабричные дома будут приносить по первому расчету 3¼%, а по второму — 6¼% дохода, не считая ремонта, который может быть далеко не так роскошен, как показывает фабричное управление (3¼% со стоимости строений), а также, кроме земли, страховки, водоснабжения, содержания сторожей и очистки отхожих мест. Эти последние расходы фабричное управление должно бы принять на свой счет, как делают многие фабриканты, потому что, в противном случае, за неимением фабричных домов, рабочие потребовали бы себе большей платы. Таким образом, на основании вышеупомянутых расчетов, можно желать, чтобы фабричное управление несколько понизило номерную плату, давая тем самым возможность к меньшему скоплению числа живущих в каждом отдельном номере и даже требуя, чтобы это число не переходило известной нормы, определяемой условиями гигиены.

Имея в виду весьма небольшую величину комнат в этих казармах, длиною 7 аршин, шириной 3½ арш. и вышиной 4½ арш., и большое скопление живущего в них народа (до 350 человек средним числом в каждой казарме), необходимо признать, с одной стороны, что номерные рабочие живут здесь весьма тесно, а, с другой стороны, что они платят за помещение довольно дорого; в некоторых номерах вышеупомянутого размера, как замечено, живет по 5 человек взрослых, 1 подростку и 1 ребенку; для чего, по крайней мере, необходимо 8½ куб. саж. воздуха, а его имеется только 4 куб. саж. Понятно, что при подобных условиях нельзя ожидать в этих казармах ни опрятности, ни достаточно чистого воздуха, тем более, что вентиляции в них нет.

Для рабочих, не имеющих своего хозяйства, мануфактурою устроено две кухни со столовыми для русских и эстонцев, в которых они могут харчеваться от мануфактуры с платой по 4 рубля в месяц. По положению, на каждые 10 рабочих назначается 8 фунтов мяса, и потому каждая артель в 10 человек, приняв мясо, выварпвает его в своем так называемом кошеле, т. е. в веревочном мешке. В отношении раздела между собой мяса замечается большая разница между русскими рабочими и эстонцами: первые крошат все мясо и кладут его в общую артельную чашку с супом или щами, тогда как эстонцы каждый требует себе отдельного куска, и большей частью не съедает его за обедом, а уносит в фабрику; объясняют, что такой

порядок вызывается свойственной эстонцам недоверчивостью и некоторою жадностью их.

Сравнивая семейные казармы Кренгольмской мануфактуры с такими же казармами соседних суконной и льнопрядильной фабрик барона Штиглица, нельзя не заметить громадной между ними разницы: номера в казармах барона Штиглица, куда допускаются только одни семейные рабочие, несравненно обширнее (по крайней мере вдвое), светлее, чище и с хорошей вентиляцией, а плата, взимаемая за них, простирается от 1 р. 50 к. до 2 р. в месяц, с водой и дровами. Холостые же и женщины, размещаемые в отдельных казармах с нарами для матрацов, за помещение ничего не платят, а только вносят по 15 коп. с человека в месяц для найма рабочего, который убирает казарму и носит дрова и воду, т. е. выполняет те обязанности, которые прежде возлагались на самих рабочих поочередно.

К постройке отдельных семейных домов на 2, 4 и 8 семейств приступлено в видах опыта только в самое последнее время, и, как заявило управление мануфактуры, оно теперь остановилось на выборе системы 4-семейных домов, для которых купило у г. Крамера соседний с мануфактурою участок земли (с дер. Иоала) и на нем на первое время построило нынешним летом 12 таких домов и заключило контракт на постройку еще 52 домов. Как в прежних семейных домах, так и во вновь возведенных каждый номер имеет русскую печь, чулан, отдельное отхожее место и чердак; кроме того, размер этих номеров несравненно более, чем казарменных, но плата, взимаемая за них,— 3 рубля в месяц, без дров и без воды,— представляется весьма высокою по стоимости самого дома: от 800 до 1 000 рублей. Такая высокая цена поэтому неохотно привлекает рабочих в новые дома и заставляет предпочитать казарменные номера, несмотря на все сравнительные неудобства их.

Относительно удобств этих последних домов вообще можно сказать, что они не оставляют желать ничего лучшего, и если бы управление мануфактуры понизило плату за наем номеров до 2 руб. 75 коп., отпуская в эту цену дрова и воду, то такую плату можно было бы считать весьма умеренною, и она подходила бы к плате номеров барона Штиглица, более или менее одинаковых с ними по размерам своим, но не имеющим только некоторых хозяйственных удобств, как-то: отдельной печи, чулана, чердака и отдельного отхожего места, за что совершенно справедливо несколько возвысить цены в вышеуказанных пределах.

Из всего вышеизложенного относительно вопроса о жилых помещениях для рабочих необходимо притти к тому заключению, что управление мануфактуры, затратив капитал на постройку домов, смотрит на это дело как частный человек, желающий извлечь из своих затрат прямые выгоды, а не как истинный фабрикант, который в удобном и дешевом помещении своих рабочих должен видеть задатки привязанности их к фабрике. Некоторая потеря, происходящая от предоставления рабочим дешевых жилых помещений, вознаграждается удержанием на фабрике старослужилых и, следовательно, опытных рабочих, всегда

удешевляющих производство. Наконец, благонамеренный фабрикант должен также смотреть на своих рабочих как на прямых деятелей, дающих ему возможность извлекать из дела известные выгоды и, следовательно, по справедливости, не может ставить их в условия обыкновенных жильцов, занимающих его квартиры.

Питомцы воспитательного дома помещаются в отдельной двухэтажной казарме: мальчики в нижнем этаже, а девочки в верхнем, причем, однако, при размещении их, хотя и довольно просторном, слишком мало обращается внимания на разделение по возрасту. Кровати с соломенными матрацами расставлены попарно, одна рядом с другой вплотную, что вообще следует считать вредным в нравственном отношении. Надзор за порядком в каждом номере вверяется старшему из питомцев, а общий надзор возлагается, как уже было выше упомянуто, на двух сторожей и матку с двумя помощницами. Имея в виду, что как мужское, так и женское отделения состоят из нескольких номеров (по 4 в каждом), то вышеупомянутый надзор представляется крайне недостаточным, тем более, что две помощницы матки заняты главным образом стиркой белья, и потому весьма возможно предположить справедливость слухов, что взрослые питомцы могут иметь тайные сообщения с питомицами, избегая надзора сторожей и матки в ночное время, когда они не обязаны бодрствовать и когда весь надзор ложится на ночных сторожей общего казарменного двора.

Столовая питомцев устроена в отдельном здании.

Все съестные припасы покупаются или в городе Нарве, или на базаре, для которого отведено место на главной улице, идущей мимо казарменных домов к мануфактуре. На этой же улице имеется трактир, устроенный мануфактурою и отдаваемый в аренду постороннему лицу, с обязанностью не продавать спиртных напитков, но надзор за выполнением этого условия весьма слаб.

Питейных заведений в черте Кренгольмской мануфактуры не имеется, но несколько таковых открыто на соседней местности, принадлежащей г. Крамеру.

Чистота, соблюдаемая на главном казарменном дворе, заслуживает полнейшей похвалы; все улицы выложены асфальтом, с значительным скатом и с водоотводными каналами. Такое же устройство улиц начато и на новом участке семейных домов, где, кроме того, между домами предполагается развести садики.

Относительно же старых домов, деревни Иоалы, находящихся на участке, купленном у г. Крамера, должно заметить, что они, по неудобствам и отчасти ветхости своей, требуют основательной переделки. Равным образом и те фабричные дома, которые устроены в так называемой Шуваловской яме, расположенной на берегу реки Наровы, в низменной и сырой местности и в значительном удалении от фабрики, далеко не могут быть сравниваемы по своим удобствам с прочими фабричными домами. Кроме того, идущая к ним дорога очень грязна и утомительна.

Число всех живущих в зданиях мануфактуры доходит, по сведениям

управления, до 5 055 человек, которые распределяются следующим образом:

	Работающих на мануф.	Заним. по хозяйству	Малолетн. неработ.	Всего
В казармах Кренгольмских .	2 518	426	465	3 409
» » Нового Острова .	808	102	87	997
» стар. дом. д. Иоалы	246	74	95	415
» сем. дом. на новом участке	137	53	44	234
	3 709	655	691	5 055

Вне границы мануфактуры живет до 935 человек рабочих.

Не останавливаясь на описании жилищ рабочих в городе Нарве, необходимо, однако, упомянуть о домах, построенных на соседней с мануфактурою земле г. Крамера и занятых исключительно рабочими мануфактуры. Грязь и неимоверное переполнение этих домов рабочими превосходило до начала беспорядков всякое описание, и потому свирепствовавшая в этом году холера находила здесь для себя обильную пищу; при осмотре этих домов одним из членов комиссии во время самого разгара холеры было замечено, что в одной и той же комнате помещались как умершие и больные в страшных мучениях, так и здоровые, которые при подобном зрелище скорее походили на двигающиеся тени, чем на живые существа.

В числе квартир домов г. Крамера можно было найти много таких, в которых помещалось до 20 человек, тогда как для соблюдения санитарных условий нельзя было бы дозволить в них помещаться более 6 человек. Но эту тесноту помещений вызывает, с одной стороны, сравнительная дороговизна и недостаток помещений в домах мануфактуры, а с другой — отсутствие надлежащего и периодического осмотра крамеровских домов окружным медицинским управлением. Относительно квартир в домах г. Крамера, несмотря на то, что многие из них отделаны в прежнем скотном дворе, конюшнях и сараях владельца усадьбы, должно заметить, что они по устройству своему совсем недурны, но только в видах личных выгод хозяев этих квартир они переполняются до неимоверной степени мелкими жильцами, и потому на необходимость постоянного осмотра и наблюдения за домами г. Крамера медицинскими властями следует обратить самое серьезное внимание, подчинив тому же наблюдению и дома Кренгольмской мануфактуры.

Для рабочих мануфактуры устроена управлением особая баня, которая топится для женщин по пятницам, а для мужчин по субботам; впрочем, как убедились лично сами члены комиссии, не возбраняется мужчинам и женщинам ходить в фабричную баню одновременно: как в пятницу, так и в субботу они раздеваются и моются в одной общей бане. Такой порядок, допускаемый управлением мануфактуры, заслу-

живает полного порицания. За пользование баней взимается со взрослых по 3 коп., а с малолетних — от 1 до 2 коп. с человека. Устройство бани неудовлетворительно в том отношении, что перед дверьми, идущими со двора прямо в раздевальню, не сделано тамбура, и потому холодный воздух, в особенности зимой, прямо охватывает моющихся при отворении дверей и тем, очевидно, может легко наносить простуду.

Имея в виду шеститысячное население Кренгольма, баня, и в особенности раздевальня, по размерам своим представляется крайне недостаточной, тем более, что занятые на фабрике рабочие могут ходить в баню только после окончания работ. Прачечною рабочие пользуются безвозмездно, получая от мануфактуры дрова и воду. Можно заметить, что на фабрике барона Штиглица за баню ничего не взимают и даже требуют, чтобы рабочие посещали ее еженедельно, на что указывается и в правилах рабочей книжки. Для мытья белья баня топится два другие дня недели, и в это время все работающие на фабрике женщины увольняются с работы часом ранее обыкновенного окончания работ.

Обучение грамоте всех малолетних рабочих, не достигших 16-летнего возраста и не умеющих читать и писать, обязательно, для чего управлением мануфактуры устроены две школы — русская и эстонская; в последней из них, кроме эстонского языка, преподаются обязательно для всех русский и немецкий языки. Кроме грамоты, закона божья и арифметики, обучаются и хоровому пению; для вспомоществования этой последней цели в эстонской школе имеется орган.

В обеих школах в настоящее время находится 643 учащихся, которые распределяются следующим образом:

В русской школе:

	Неработающих	Работающих	Питомцев	Всего
мальчиков	25	60	93	178 чел.
девочек	10	30	110	150 »
	35	90	203	328 чел.

В эстонской школе:

	Неработающих	Работающих	Всего
мальчиков	30	160	190 чел.
девочек	20	105	125 »
	50	265	315 чел.

При школе состоят два учителя из воспитательного дома — русский и эстонец, хорошо знающий русский и немецкий языки. Закон божий русским преподается по воскресеньям, утром, протоиереем нарвского

Преображенского собора, а иноверцам — тем же учителем; перед конфирмацией эстонцы-лютеране посещают по воскресеньям своего пастора.

Для поддержания школы взимается со всех малолетних (за исключением питомцев воспитательного дома), не достигших 16-летнего возраста и не умеющих читать и писать, по 20 коп. в месяц; чтобы устранить уклонение родителей от обучения их детей, от этой платы не освобождаются и те, которым по каким-либо уважительным причинам было дозволено управлением мануфактуры не посещать школы. Относительно содержания школы сведений не доставлено; учителям же выдаются все деньги, взимаемые мануфактурой с учеников, приписанных к той или другой школе, а равно они получают бесплатно квартиры с отоплением.

Читальни и библиотеки для рабочих на мануфактуре не имеется.

Фабричная больница, находящаяся на главном казарменном дворе, устроена и содержится весьма хорошо; в ней имеется до 150 постоянных кроватей с домашнею аптекой и покойницкою. В течение 1871 г. в ней пользовалось 2 021 человек, из которых умерло 30 человек; из эпидемических болезней тогда свирепствовала возвратная горячка, но не в значительном размере. Среднее ежедневное число больных, находящихся в больнице, никогда не упадало ниже 45 человек, как видно из прилагаемой при сем ведомости фабричного доктора за 1869, 1870, 1871 и 1872 годы. В холерную эпидемию нынешнего года в больнице находилось 430 человек, из которых умерло 189. Для холерных больных был устроен вдали от мануфактуры особый барак, но им не пришлось пользоваться, так как ко времени окончания постройки его эпидемия уже прекратилась. Наибольшее число больных, по заявлению доктора больницы, пользуется от простудных болезней и желудочных болезней; причину этого надо, вероятно, искать с одной стороны в слишком малом времени (55 минут), которое давалось на обед, а с другой — в обыске рабочих, выходивших с фабрики более или менее разгоряченными, на мосту через водопад, где всегда господствует ветер. Первая из кажущихся причин в настоящее время устранена, а для второй было бы желательно производить осмотр рабочих при выходных дверях фабрики.

До последнего времени на содержание больницы вычиталось со всех рабочих 2% из получаемого ими при месячном расчете содержания, и только по постановлению акта соглашения 21 сего августа этот вычет был отменен.

При больнице состоит врач, который, имея частную практику и занятия в других учреждениях, например, на Балтийской железной дороге, не живет при больнице, а посещает ее только в известное время; при нем состоят: один фельдшер с двумя помощниками, постоянно находящиеся при больнице, и мужская и женская прислуга.

Относительно содержания больницы сведений не доставлено управлением мануфактуры, хотя эти сведения и были затребованы комиссией; доктор с ноября нынешнего года получает 1 500 рублей в год (пред сим оклад его был 800 рублей, а ранее — 400 и 600 рублей).

По отношению к исполнению христианских треб все православные рабочие причислены к нарвскому Преображенскому собору; рабочие лютеранского исповедания причисляются к городским церквам, а католического исповедания — к ямбургской католической церкви. Нарвскому Преображенскому собору и лютеранской церкви ежегодно отпускается в виде пособия управлением мануфактуры некоторая сумма.

В 1871 году из живущих в Кренгольме:

	крещено	обвенчано	похоронено
по православному обряду	65	17	53
» лютеранскому »	50	28	59
» католическому »	17	3	13
	132	48	125 чел.

Следовательно, смертность, по отношению ко всему числу живущих на Кренгольме (5 055 чел.), составляет почти 2½%.

Для новорожденных младенцев фабричных работниц отведен в здании питомцев воспитательного дома один номер, в котором матери во время нахождения на работе могут оставлять новорожденных под присмотром надзирательницы и бабки, причем от управления мануфактуры отпускается бесплатно белье, люльки и молоко.

На самой мануфактуре, именно на главном казарменном дворе, построена православная часовня, в которой совершается богослужение 4 раза в год: 30 августа — в день тезоименитства его величества государя императора, в новый год, в день св. пасхи и перед рождественским постом.

Для сохранения денежных сбережений на мануфактуре устроена сберегательная касса, в которую принимаются вклады не менее 1 р. и не более 100 р. от одного лица, с выдачей вкладчику особой квитанции, на которой напечатаны все правила кассы. Существеннейшие из этих правил заключаются в следующем: 1) выдача вклада производится только самому вкладчику; 2) квитанция не может быть продана, заложена или передана другому лицу; 3) ни управление мануфактуры и никто из посторонних лиц не имеет права за долги или другие денежные взыскания требовать наложить запрещение на выдачу сохраняемого вклада; 4) проценты считаются за полные месяцы со дня вложения, и 5) при выеме денег ранее 6 месяцев насчитывается 4%, а более 6 месяцев — 5% годовых.

К 3 ноября сего года всех вкладов в сберегательной кассе состояло налицо 30 922 руб., а число вкладчиков — 922 человека.

Вспомогательной кассы для пособия бедным и увечным работникам, а также сиротам умерших на мануфактуре не имеется, тогда как для составления ее могла бы отсчитываться часть штрафных денег. Равным образом, управление мануфактуры не имеет места в городской богадельне для своих престарелых работников, предоставляя об них заботиться, как заявило управление, тем обществам, к которым они

приписаны. Такое равнодушие к рабочим, потратившим свои силы для пользы владельцев мануфактуры, действительно достойно сожаления; вспомогательная касса могла бы в этом случае оказать существенную услугу.

В заключение еще необходимо упомянуть о самых фабричных зданиях мануфактуры. Они заключаются в нескольких корпусах, выложенных из местного плитняка и построенных почти несгораемо, т. е потолки всех рабочих зал прикрыты сводами, а полы (за исключением одной залы) выложены аршинными плитами; двери железные, но оконные переплеты деревянные. Залы весьма высоки, но искусственной вентиляции, за исключением шлихтовальной, не устроено, и освежение воздуха производится только открытием фрамуг (верхняя часть переплета) в окнах, что иногда производит сквозной ветер, вредно действующий на вспотевших рабочих. Удержание же фрамуг закрытыми делает в залах слишком большую жару, в особенности в зимнее время, когда работают при освещении; а равно от большого числа рабочих, горения газа и смазочного масла и самый воздух становится удушливым. Впрочем, как было заявлено, управление мануфактуры намерено устроить в фабрике искусственную вентиляцию. Отопление всех рабочих зал производится горячей водой и освещение — собственным газом; в каждом этаже имеется свежая вода для питья из большого бака и отхожие места, отводящие нечистоты в выгребные ямы, а отчасти — в р. Нарову.

При входе на фабрику рабочие должны оставлять верхнее платье у сторожа.

Председатель комиссии действительный статский советник
Л. Габерзанг
Члены: майор Андреянов
профессор Н. Лабзин[1]

VII. Записка № 2 по вопросу об исследовании во всей полноте отношений, существующих между управлением фабрики и рабочим населением.

Отношения между фабричным управлением и рабочим населением определяются главнейше полицейским уставом и правилами, изложенными в рабочей книжке.

Полицейский устав, утвержденный губернским начальством, составлен в 1857 году и явился тогда необходимою мерой для установления порядка и спокойствия в новой и отдаленной от города Ревеля местности, на которой должно было сосредоточиваться довольно большое количество рабочего народа. Подчинение этого рабочего населения ведению гакенрихтера представлялось не вполне удобным, так как служебные занятия его распространялись на весь Аллентакенский дистрикт, к которому принадлежит и местность Кренгольм, а потому нельзя

[1] Дело по канцелярии министра внутренних дел, 1872 г. № 6 лл. 197—227.

было ожидать, что гакенрихтер мог прибыть на место тотчас, как только в этом потребуется необходимость.

Население же Кренгольма, доходившее в первые годы существования мануфактуры до 2 000 человек, не могло еще требовать учреждения здесь отдельной должности гакенрихтера. Таким образом, появление собственно полицейского устава для фабрики представлялось в принципе делом совершенно естественным, которое, как кажется, могло служить к обоюдным выгодам фабричного управления и рабочих: первое всегда в состоянии было найти в уставе скорую расправу с виновными, а вторые, не теряя времени, могли находить для себя скорую защиту, если бы действия управления мануфактуры им казались несправедливыми. Гакенрихтер в этом случае поставлен был уже таким лицом, к которому прибегали лишь тогда, когда постановленные на основании полицейского устава приговоры требовали апелляции; следовательно, гакенрихтер представлял собой уже следующую инстанцию, к которой могло обращаться управление мануфактуры и рабочие. Однако при составлении полицейского устава уже было придано ему несравненно большее значение, вполне отклонившее его от того принципа, который, в видах указанных обстоятельств, казался совершенно естественным и полезным для дела. В этот устав вошли такие параграфы, которые с одной стороны совсем не вызываются необходимостью, а с другой предоставляют исполнителям его слишком широкие права, превышающие во многих случаях права гакенрихтера, несмотря на то, что он составляет уже правительственную инстанцию. Например, по § 20, п. 1, полицейского устава за проступки может быть определено взыскание в размере стоимости поденной платы от 1 до 10 рабочих дней, т. е. от 14 коп. до 1 р. 40 к. (малолетние рабочие в ватерном отделении прядильной фабрики) и от 1 р. 80 к. до 18 руб. (шлихтовальщики в ткацкой фабрике), тогда как гакенрихтер, на основании статьи 691 крестьянского положения Эстляндской губернии, может налагать взыскание не выше 12 р.; по § 20, п. 2, фабрично-полицейского устава рабочие могут быть наказываемы 50 ударами розог, а гакенрихтеру, по ст. 691 того же положения, предоставлено право наказывать виновных не более как 30 ударами розог. Далее полицейским уставам (§ 19, п. 8) дается право назначения опек и, наконец, по § 29, вся переписка с высшими учреждениями не требует употребления гербовой бумаги и оплаты почтовых денег, следовательно, в этом последнем случае совершенно частное учреждение возведено уже на степень учреждения правительственного.

Всматриваясь глубже в полицейский устав и анализируя его параграфы, невольно придется притти к тому заключению, что фабричное управление желало создать себе вполне независимое положение, при котором оно могло бы управлять рабочими по своему собственному усмотрению. Таким образом, полицейский устав предполагает две судебные инстанции: одна — в виде рабочей выборной полиции, другая — в виде фабричной полиции, сосредоточенной, по §§ 26 и 27, в лице управляющего или директора мануфактуры, или же в лице его доверенного. Рабочая полиция, по §§ 2 и 3, составляется путем вы-

бора, из старшины, помощника его и трех надзирателей, которые при исполнении своих обязанностей не оставляют фабричных занятий и, следовательно, употребляют на производство дел только часть обеденного и вечернего времени. Но если принять во внимание те обязанности, которые по §§ 17, 18 и 19 возлагаются на рабочую полицию, то становится весьма ясным, что все эти обязанности должны представляться в большинстве случаев только номинальными и, насколько можно было заметить, вся деятельность рабочей полиции, или, вернее, старшины ее, сосредоточивается главнейше на разбирательстве жалоб по обиде одних рабочих другими или по неуплате долгов и следуемых бесспорных выдачах, причем карательной мерой главным образом является наложение штрафа в вышеуказанных пределах, без соблюдения какой-либо последовательности и справок о прежней судимости виновного.

Таким образом, исходною точкою всех действий рабочей полиции является наложение штрафов, которые, без сомнения, ставят рабочих во враждебные к ней отношения, в особенности если она производит взыскания свои без надлежащей последовательности и внимания к характеру самого проступка.

Как на пример, характеризующий деятельность рабочей полиции, можно, между прочим, указать на наложение рабочему штрафа, в присутствии одного из членов комиссии, в 2 рубля только за то, что он толкнул рядом работавшую с ним девушку, у которой, однако, не осталось на теле никаких знаков, как она сама заявила.

Кроме того, право отказа управляющего мануфактурой в утверждении выборных на должности лиц (§ 6) и в особенности прекращение службы старшины вместе с выбытием его из фабрики (§ 11), или, другими словами, вместе с увольнением его из фабрики, как всякого другого рабочего, дает фабричному управлению чрезвычайно широкое поле свободы по отношению к действиям его над рабочими. Из справок и расспросов, которые комиссия могла собрать, действительно, оказывается, что управляющий мануфактурой, постоянно живя на фабрике, держал, так сказать, бразды правления только в своих руках и, обладая в то же время силой воли и большими администраторскими способностями, не только заставлял подчиняться своим предписаниям, какого бы рода они ни были, но и сами рабочие постоянно, видя перед собой строгого и сильного по положению своему начальника, нелегко решались заявлять неудовольствия высшим властям, хотя полицейский устав и предоставлял им это право.

Надлежащему пользованию правами полицейского устава препятствовали, кроме того, следующие причины: во-первых, боязнь быть отказанным от места; во-вторых, дальность места жительства гакенрихтера (в местечке Иеве, в 53 верстах от Кренгольма), и, в-третьих, предписание приходскому судье, как следующей за гакенрихтером инстанции, не принимать к разбирательству дела Кренгольмской мануфактуры. Из этого видно, что все обстоятельства слагались не в пользу рабочих, и видимый порядок удерживался лишь силой воли управляющего мануфактурой и уменьем его вести дело; некоторые иногда случавшиеся слабые вспышки неудовольствия рабочих никогда не вы-

ходили далее окраин Кренгольма, следовательно, зародыш зла и своеволия существовал на мануфактуре уже давно, быть может, в течение всех 15 лет действий фабрики. Отсюда понятно, что все полицейское управление мануфактуры, построенное на вышеизложенных началах, могло держаться только до тех пор, пока этот управляющий неуклонно входил в самую жизнь мануфактуры. Некоторое отдаление от нее, а затем и передача управления другому, менее опытному лицу, естественно, должны были с одной стороны нарушить правильность заведенного строя, а с другой — дали возможность рабочим немного поднять головы. Результатом всего этого вышли известные уже беспорядки, в которых, между прочим, заявляли губернатору просьбы о смене старшины (Петра Секка) и других лиц рабочей полиции, в том предположении, что они служили более интересам фабричного управления, нежели интересам рабочих, которые выбрали их как своих представителей.

Все изложенные здесь данные свидетельствуют о крайнем вреде, вносимом в рабочее сословие существованием полицейского устава 1857 года, а потому полное отменение его представляется безусловно необходимым, тем более, что теперешнее население Кренгольма, превосходящее 6 000 человек и долженствующее в скором времени дойти до 10 000 и более человек, требует местной полицейской власти, назначаемой правительством.

Что касается до правил, помещенных в рабочей книжке, то они определяют собой подчиненность рабочих известным постановлениям фабричного и полицейского начальства, а равно в них постановлены те меры взыскания, которым подвергаются рабочие в случаях нарушения ими правил книжки. Самое важное значение здесь, без сомнения, имеют штрафы и вычеты, налагаемые за ослушание начальству и за порчу обрабатываемых материалов и машин. В этих-то штрафах, размеры которых заключаются в пределах от 10 к. до 10 р., а по отношению к поломке машин доходившие, по произволу, и до больших цифр, заключается слабая сторона правил, вследствие полнейшего отсутствия в последовательности наложения их, что было также поводом к происшедшим на мануфактуре беспорядкам. В особенности краеугольный камень зла доставлял § 24 правил, по которому «собираемые штрафные деньги употребляются на вознаграждение тех лиц, которые исполняют свои обязанности к удовольствию мануфактуры и отличаются хорошей работой и поведением, а также эти деньги служат к поддержанию церквей и школы, учрежденной при мануфактуре». На практике существовало так, что штрафные деньги — в полной сумме или отчасти, это неизвестно — поступали в награду мастерам и техникам, которые именно и накладывали штрафы, а, следовательно, которые прямым путем были заинтересованы в сборе возможно большего количества штрафов; рабочие же из штрафных денег обыкновенно ничего не получали.

Кроме того, почти во всех параграфах книжки, по которым в особенности могли быть назначаемы большие штрафы, не установлено решительно никакой последовательности взысканий. Таким образом, по

§ 4 правил за ослушание распоряжениям директора, мастера или надзирателя отделения налагается штраф от 50 коп. до 10 руб.; по § 6 за оставление своего места или болтовню с другими, а также за принос на фабрику хлебного вина или тому подобных напитков налагается штраф от 50 коп. до 5 руб.; по § 18 за ослушание караульным, в отношении наблюдения за безопасностью, тишиной и порядком как в самой мануфактуре, так и в жилых домах взыскивается от 1 руб. до 10 руб.; такому же штрафу подвергаются рабочие, по § 9, за выкидывание в отхожие места, за окно и двери остатков попорченной пряжи и хлопка, чтобы скрыть свою дурную работу. По многим параграфам книжки, например, §§ 5, 14 и 25, совсем не определено размера штрафа, а по § 22 налагается на рабочего ответственность всем его имуществом и лицом за убытки и ущербы, не поименованные в правилах, и по § 23 налагается на обличенного в воровстве штраф вдесятеро стоимости похищенной вещи.

Слишком широкое назначение пределов штрафов, с одной стороны, без всякой последовательности в наложении взысканий и полная неопределенность некоторых взысканий, с другой стороны, дают фабричной администрации полный произвол в ее действиях и справедливо вызывают негодование рабочих, которые относительно § 22, особенно тягостного для них по неопределенности и праву приложения его в самых широких размерах, обратились во время беспорядка к губернатору с просьбой о назначении таксы для вычетов за поломанные части машин. Результатом этой просьбы явилось составление такс для прядильного и ткацкого отделений фабрики, а для других отделений таковые таксы еще не вывешены.

Весьма интересно сравнить правила Кренгольмской мануфактуры с такими же правилами соседней суконной фабрики барона Штиглица, тем более, что суконная фабрика при составлении правил имела перед собой, как образец, правила Кренгольмской мануфактуры.

Параграф 4 правил Кренгольма, дающий вообще возможность самого частого приложения его к делу, на фабрике барона Штиглица совсем не заключает в себе взысканий в виде денежных штрафов, а прямо дает право на увольнение рабочего или, смотря по важности последствий, от непослушания происшедших, к передаче его местной полиции. За пронесение вина на фабрику рабочие подвергаются в первый раз штрафу в 50 коп., во второй раз в 1 рубль, а в третий раз увольняются с фабрики без предварительного о том объявления (в Кренгольме — от 50 коп. до 5 руб.). За отлучку со своего места и проведение времени в ненужных разговорах налагается штраф по усмотрению, но не более дневного заработка (в Кренгольме — от 50 коп. до 5 руб.). За ослушание караульному налагается штраф от 1 рубля до 3 рублей (в Кренгольме — от 1 рубля до 10 рублей). Параграфа об ответственности рабочего всем его имуществом и лицом за убытки и ущербы, в правилах не поименованные, совсем не имеется, а равно обличенные в краже совсем не штрафуются (в Кренгольме — в 10 раз более стоимости), а только передаются местной полиции для поступления с ними по законам.

Во всех остальных случаях в правилах определена последовательность штрафов, и самый размер их вообще весьма не велик.

В правилах барона Штиглица можно указать еще на некоторые другие пункты, совсем не имеющиеся на Кренгольме и показывающие, что владелец фабрики, кроме карательного принципа, применил у себя и вполне гуманные начала; так, например, в параллель с взиманием штрафа с попорченного товара (а товар этот, именно сукно, весьма дорогой, но фабрика взимает весьма небольшие штрафы) управление назначает небольшие и вполне определенные награды каждому, доставившему кусок сукна без пороков; каждый рабочий, прослужив более 3 месяцев, пользуется жалованием в половинном размере за все время нахождения его в фабричной больнице (на Кренгольме за это время ничего не платится), за исключением только тех, которые лечатся от венерической болезни, скрыв ее предварительно от доктора, а беременные, как замужние, так и незамужние женщины, но заявившие заблаговременно доктору, отпускаются с фабрики за две недели до наступления родов и могут оставаться дома для выздоровления до 4 недель после родов, получая во все это время половинное жалованье.

Штрафные деньги, собираемые с рабочих суконной фабрики барона Штиглица, вносятся, согласно правилам книжки, в особо для сего заведенную книгу и употребляются на расходы по библиотеке для рабочих, на покупку для них газет и частью — содержание школы.

Между всеми видами штрафов на Кренгольмской мануфактуре наиболее заметным образом выступает тот из них, который взыскивается с рабочих на основании § 22 правил — за поломку частей машин. Рабочие всегда тяготились этим штрафом, так как, судя по имеющимся сведениям, он доходил иногда до 25 рублей, взыскиваемых с рабочего за один раз за поломку какой-либо части машины. За неимением табели, штрафы за поломку частей машины назначались по усмотрению техника, и, надо полагать, они были настолько значительны, что порождали в рабочем сомнение, не взыскивают ли с них штраф более действительной стоимости сломанной части. Подтверждение этого мнения можно найти в акте соглашения 21 августа, в котором один из пунктов касается установления вычетов за поломку частей машин в размере действительной стоимости их. Впрочем, впоследствии — в видах ли сознанной управлением тяжести для рабочих в уплате полной стоимости поломанных частей машин, или потому, что такса должна быть вывешена на видном месте на стенах фабрики — начальство мануфактуры переменило таксу, назначив ее в размере от 10 до 50% с действительной стоимости поломанной части.

Плата рабочими за поломку частей машин приняла на Кренгольме, так сказать, права гражданства; насколько можно было узнать, эта плата установлена только года четыре тому назад, причем подмастерьям, заведывающим, например, в ткацком отделении 66 станками, дается на месяц только определенный комплект запасных вещей, и, как заявляли некоторые рабочие, этот комплект вообще слишком мал, не оправдываясь действительной потребностью. Вследствие такого порядка,

за недостатком запасных ремонтных частей машин, приходится иногда работать с попорченными частями, а это вызывает нередко поломку других частей машин. Однако весьма мало можно найти таких фабрик, на которых рабочие были бы обязаны принимать значительную долю ремонта машин на свой собственный счет; напротив, громадное большинство фабрик таких вычетов не делает, за исключением только тех случаев, когда поломка машины произойдет видимо от шалости или крайней небрежности рабочего. Чаще всего машины ломаются от службы своей, в особенности те части их, которые во время действия подвергаются ударам, более или менее сильным давлениям и трению о другие части машины. Наконец, трудно представить себе, чтобы рабочий нарочно портил машину, потому что во все время остановки и починки машины он лишается своего заработка.

Вычеты за дурную работу и за небрежное выполнение работы производятся также с недостаточной правильностью; хотя управление мануфактуры и доставило в своих сведениях указание тех норм, которых оно держится, но эти сведения не подтверждаются просмотром старых рабочих книжек, из которых можно усмотреть, что эти вычеты делались, так сказать, по усмотрению.

На вопрос, предложенный управлению мануфактуры относительно того, что налагаются ли штрафы за проступки, не упомянутые в правилах рабочей книжки, оно отвечало отрицательно, между тем как за малую выработку, о которой в правилах ничего не говорится, на рабочих ткацкого отделения налагается штраф, что было введено, насколько известно, также только года четыре тому назад. Эти штрафы, надо полагать, были довольно чувствительны для рабочих, потому что они (ткачи) об них упоминают в акте соглашения от 21 августа, прося за малую выработку не штрафовать, а удалять с машины или увольнять с фабрики. Действительно, рассматривая прилагаемую при сем книжку ткача Прокофия Ильина (№ 645), видно, что вычет за худую работу и малую выработку повторяется ежемесячно с сентября 1870 по апрель 1872 года, т. е. в течение 20 месяцев, за исключением только двух месяцев, прошедших без этих взысканий, но зато со штрафами за другие проступки, равняющимися 2 р. 05 к. Сумма всех вычетов и штрафов с ткача Прокофия Ильина за дурную работу, малую выработку, поломку частей машины и баловство составляет за рассматриваемый период времени 47 р. 25 к. при полученном им заработке в 288 р. 84 к., или более 16%, между которыми наибольшая сумма падает на дурную работу и малую выработку. Самый выдающийся по величине своей штраф в 9 р. 25 к. был наложен в феврале м-це 1872 года при заработке 14 р. 40 к.

То же самое по отношению к штрафам и вычетам за худую работу и малую выработку можно заметить и в двух других прилагаемых при сем книжках ткачей Козьмы Антонова (№ 811) и Ann Ehhra (№ 92) за 1871 и 1872 гг. У первого из них сумма всех штрафов и вычетов составляет 10 р. 30 к. при выработке в 167 р. 80 к. (более 6%), а у второго — 13 р. 90 к. при выработке в 190 р 20 к. (более 4%).

Вообще становится весьма непонятным в настоящем случае то явление, что начальство мануфактуры находит выгодным для себя удерживать такого работника, который ежемесячно штрафуется или за порчу товара, или за порчу и малую выработку его, т. е. работника, приносящего прямой ущерб владельцам мануфактуры, так как надо непременно предположить, что дурной товар продается с значительной уступкой.

В двух последних книжках за №№ 92 и 811 можно усмотреть, между прочим, что за поломку шпинделя взято с одного рабочего 20 коп. (Ann Ehhra), а с другого — 40 коп. (Кузьмы Антонова) в январе 1872 года, т. е. когда, очевидно, такса вычетов, если только она существовала, оставалась одна и та же. Это обстоятельство подтверждает справедливость предположения, что вычеты за поломку частей машины делались лишь только по усмотрению заведывающих лиц, без определенных правил, или, выражаясь другими словами, по личному произволу.

Подобный же произвол, но еще в больших размерах, подтверждается наложением штрафа в 5 рублей на мальчика Генриха Вильмана за оторванный первый листок рабочей книжки, как это видно из прилагаемого при сем рапорта п. д. кренгольмского полицеймейстера поручика Катарского, которому была заявлена жалоба Генрихом Вильманом. По § 3 правил рабочей книжки за упомянутый проступок следовало бы сделать вычет только в 20 к.

Равным образом надлежит обратить внимание на штрафы за прогульные дни. По правилам рабочей книжки за каждый день болезни вычитается с рабочего денное жалование, а прогульный день — удвоенное денное содержание. Вычеты эти вписывались в рабочую книжку иногда не вполне правильно, а именно больше того, чем следует. Так, например, в прилагаемой при сем книжке Kustaw Liht'a (№ 1403) вычтено за три прогульные дня 2 р. 75 к., тогда как должно вычесть только 2 р. 64 к., считая рабочий день в 44 коп. при жаловании 11 р. в месяц (расчет на фабрике ведется за 25 месячных рабочих дней). Кроме того, из дел, разбираемых у гакенрихтера по жалобе рабочих Кренгольма на неправильный расчет, также оказывается, что управление фабрики делало вычеты за прогульные дни и дни болезни не всегда правильно, и эти ошибки, если назвать их таким именем, были обыкновенно не в пользу рабочих. Не придавая этому обстоятельству толкования, нелестного для начальства мануфактуры, во всяком случае нельзя не упрекнуть его за то, что оно не следило за небрежным выполнением конторщиками их прямых обязанностей и не удовлетворяло справедливых требований рабочих, которые ранее жалобы гакенрихтеру должны обращаться к фабричной конторе. Если подобные жалобы и всплывают теперь на свет, то только благодаря присутствию гакенрихтера в гор. Нарве, а в прежнее время, когда гакенрихтер жил за 53 версты от Кренгольма, все эти недочеты были прямой потерей для рабочих.

Из сведений, сообщенных фабричным управлением за 1871 год, видно, что число случаев наложения штрафа составляло для одного прядиль-

ного отделения 5 699, из которого на долю русских приходится 1 089 и на долю эстонцев — 4 610.

Одним из членов комиссии, рассматривавшим штрафной журнал прядильного отделения за 1871 год, сделана прилагаемая при сем выписка, из которой оказывается, что сумма всех штрафов и вычетов, наложенных на прядильное отделение в упомянутый период времени, составляет 3 052 руб. 27 коп. По проступкам эта сумма распределяется следующим образом:

За худую работу	914 р. 46 к.
Разные штрафы	1 476 р. 42 к.
Воровство, драку и безвозвратный уход с фабрики	661 р. 39 к.
Всего	3 052 р. 27 к.

Для ткацкого отделения этих сведений не было получено, за исключением одного июля месяца 1872 года, относительно которого была предъявлена комиссии в заводской конторе ведомость всех наложенных штрафов; они распределяются следующим образом:

За худую работу	202 р. 52 к.
За малую выработку и разные штрафы	307 р. 20 к.
За воровство, драку и безвозвратн. уход с фабрики	10 р. 75 к.
Всего	520 р. 47 к.

Комиссия сожалеет, что управление мануфактуры не доставило сведений о штрафах для ткацкого отделения, хотя эти сведения и были затребованы ею. Руководствуясь же данными, полученными из расспросов у лиц, более или менее знакомых с делами мануфактуры, а также принимая в соображение вышеуказанные цифры, можно притти к заключению, что эти штрафы не упадали ниже 600 рублей в месяц и весьма часто доходили[1] до 900 и более рублей. Подобные цифры, надо предположить, весьма близко подходят к действительным, если принять во внимание, с одной стороны, то огромное количество случаев наложения штрафа, которое сообщило само управление мануфактуры, а с другой — ту систему наложения и даже самый размер штрафов, какие применялись в практике мануфактуры.

Подробное рассмотрение вопроса о штрафах приводит к тому заключению: во-первых, что штрафы должны быть точно определены в правилах рабочей книжки с установлением надлежащей последовательности при наложении их за те или другие проступки; во-вторых, что наибольший размер налагаемых штрафов не должен превышать 3 рублей. как это сделано на фабрике барона Штиглица; в-третьих, что за проступки, не поименованные в правилах книжки, не должны быть налагаемы взыскания и виновные должны быть передаваемы местной полицейской власти, и, в-четвертых, что для вычетов за поломку частей машин, происшедшую не по вине рабочего, а также за дурную работу и

[1] В тексте: доходило.

малую выработку, если управление мануфактуры намерено удержать ее, должны быть составлены подробные и определенные табели, которые следует вывесить в рабочих залах мануфактуры.

Для большей обеспеченности в том отношении, что вышеупомянутые предположения, как крайне необходимые для достижения порядка, введутся в рабочие книги Кренгольмской мануфактуры, было бы безусловно полезным потребовать, чтобы управление мануфактуры представило свои измененные правила книжек на рассмотрение и утверждение их правительственной властью. Это требование представляется тем более необходимым, что доверенный правления товарищества мануфактуры никак не согласился с предложением комиссии относительно установления последовательности при взыскании штрафов и даже проводил ту мысль, что на будущее время из правил книжки будет исключено распределение штрафов по статьям и только в конце всех правил прибавится новый параграф, в котором укажется, что за нарушение поставленных правил будут взыскиваться штрафы от 10 коп. до 5 руб. Подобные правила дадут фабричному управлению еще больший произвол в действиях, нежели какой существовал до настоящего времени.

Наконец, нельзя не признать весьма полезным помещение в рабочей книжке выписок из законов об обязанностях и правах хозяев заведений, мастеровых и фабричных рабочих, как это делается в книжках многих фабрик наших. Ознакомление рабочих с этими законоположениями представляется делом чрезвычайно важным и может положительно устранить их от многих проступков и даже преступлений, которые они часто делают по незнанию той ответственности, к какой они могут быть привлечены за свои поступки.

Чтобы соблюсти последовательность в наложении штрафов и тем устранить нарекания со стороны рабочих, необходимо завести управлению особую штрафную книгу, в которую на каждый номер (или лицо) записывать в последовательности все налагаемые на него штрафы. Кроме того, необходимо сделать строгое отделение штрафов от вычетов, по отношению к которым открыть особые счеты. К штрафам надлежит отнести все взыскания, производимые, так сказать, за полицейские проступки, а к вычетам — плату за поломку частей машин, за дурную работу и малую выработку (если управление непременно производит за нее вычеты), а также за прогульные дни и дни болезни рабочего. Сумма вычетов должна поступать в кассу мануфактуры, а сумма штрафов, по мнению комиссии, должна иметь какое-либо специальное назначение, имеющее связь с бытом рабочих, и никоим образом ее не следует раздавать в награду техникам, мастерам и прочим служащим, как это делалось до сих пор.

Самое лучшее назначение штрафных денег, по мнению комиссии, было бы следующее: 45% ее отчислять в вспомогательную кассу, которую крайне полезно учредить в видах большой массы работающего населения Кренгольма, и 25% отчислять на награды хорошим ученикам школы, учителям и на учреждение и постоянное пополнение библиотеки, которую сделать доступною для посещения всеми рабочими,

а равно на выписку русских и эстонских газет. Капитал вспомогательной кассы мог бы быть употребляем на вспомоществование старым, больным и увечным работникам, на приобретение постоянных мест в городской богадельне, на содержание круглых сирот умерших работников в детских приютах, на выдачу пособий, на похороны умерших рабочих и на выдачу ссуд, за небольшие проценты, для уплаты податей под обеспечение заработка рабочего. Подобная касса должна иметь, без сомнения, свой устав, и управление ею необходимо вверить нескольким выборным из рабочих, под председательством директора мануфактуры.

Председатель комиссии действ. стат. совет. А. Габерзанг.
Члены: майор Андреянов, профессор Н. Лабзин[1].

VIII. Донесение начальника эстляндского губернского жандармского управления шефу жандармов от 23 октября за № 191[2]

21 октября Эстляндский обер-ланд-герихт постановил приговор, утвержденный начальником губернии, над главнейшими виновниками последних беспорядков на Кренгольмской мануфактуре. По этому приговору присуждены: в каторжную работу 6 человек, из коих трое в рудники на 8 лет, один в крепости на 8 лет, один в крепости на 6 лет и один на заводы на 4 года. На поселение в отдаленные

---

[1] То же дело, лл. 228—248. Предложения комиссии обсуждались министром вн. дел Тимашевым, министром финансов Рейтерном и пом. шефа жандармов, из них были приняты только: отмена старого полицейского устава, введение общей полиции и суда. По основным вопросам рабочего быта — начало работ, перерыв на обед, штрафы, работа малолетних — решено было войти в соглашение с фабрикантами. В таком смысле и было составлено заключение, одобренное царем 26 января 1873 г. После долгого отстаивания прежних порядков фабриканты сделали следующие уступки: перерыв на обед в $1^1/_4$ ч., приглашен постоянный врач, упразднены совместные жилища семейных и холостых и одновременное посещение бани мужчинами и женщинами, число обыскивающих увеличено до четырех, так что обыски продолжались 15—20 минут, хотя попрежнему производились на мосту. Таким образом, почти все пожелания комиссии были сведены на-нет, и работа ее не сыграла почти никакой роли. Правительство не посчиталось, конечно, с ее заключением, в котором она писала: «... оказывается необходимым установить отношения между трудом и капиталом, т. е. между рабочими и фабричным управлением, которое, извлекая огромные выгоды от труда, пользуется одним правом эксплоатации, без всяких обязанностей в пользу рабочих».

[2] Д, III отд., 3 эксп., 1872 г., № 50, ч. 1, л. 207. Эстляндский губернатор сообщил 27 октября в III отделение несколько другой приговор: в каторжные работы на заводе приговорен только один рабочий — Ганс Майкало, рабочие Ганс Сильд и Яков Ялакас — в арестантские роты на $2^1/_2$ г., Кристиан Юрна — на 1 год, Яков Там приговорен к ссылке в отдаленные губернии Сибири. Вильгельм Прейсман и Адам Адосон были освобождены за недостаточностью улик, но по ходатайству губернатора вместе с Пиккамяги, Брунсом и Секком высланы из Нарвского уезда. Первые трое были высланы из боязни возбудить волнения рабочих, так же, как Кольбе и Фохту был воспрещен въезд в Нарву и Кренгольм. При каких обстоятельствах был изменен приговор—из дел не видно.

местности Сибири — один человек. В арестантские роты: трое на 2½ года и трое на 1 год. И к тюремному заключению 14 человек, из коих один на 1 год и 4 месяца, двое — 8 месяцев, пятеро — на шесть месяцев и шестеро — на три месяца.

Полковник (подпись неразборчива).

3. Стачка рабочих платочно-набивной фабрики Котова в Москве 12 сентября 1872 г.

Донесение[1] в III отд. от 29 сентября 1872 г.

На платочно-набивной фабрике купца Котова, находящейся Серпуховской части, в Даниловской слободе, рабочие, которых состояло там до 100 человек, прекратили работы 12 сентября. Причиною этому послужили сделанная Котовым новая расценка задельной платы, уменьшенная на 35%, а также сделанный им вычет у них при расчете денег: за растраченный товар по 1 руб. 25 коп. с каждого, за расчетные тетрадки по 25 коп., в возврат внесенных им в думу пошлин по 30 коп. и за разбитые на фабрике стекла 11 руб. со всей артели. Претензию свою об этом на Котова рабочие заявили тогда же чрез выборных мировому судье Серпуховского участка, которым было назначено разбирательство на 21-е число сентября. Котов же воспретил рабочим варить в фабричной кухне пищу и хотя по предложению пристава отменил это, но чрез день снова не допустил их готовить пищу, которая и изготовлялась ими в соседнем доме; а 15 сентября он подал в местную полицию письменное объявление о том, что рабочими на его фабрике прекращены работы по подстрекательству старосты их, мещанина Степанова, и 9 человек товарищей и что лица эти наносили ему оскорбление ругательствами; в день же разбирательства у мирового судьи Котов снова заявил, что у артельного старосты Степанова имеется список, по которому рабочие обязались не работать. По произведенным полициею тогда же дознаниям заявления эти не подтвердились. Между тем мировой судья, получив полицейские акты дознаний ее, передал дело судебному следователю 7-го участка г. Москвы, который 22 сентября, приступив к следствию, препроводил к приставу Серпуховской части список 11 рабочих фабрики Котова, потребовав удалить их с фабрики и подвергнуть полицейскому надзору, что и было исполнено, а вслед за тем 23 сентября прислан им список 87 рабочих, не пожелавших остаться на фабрике, с тем, чтобы они были разочтены фабрикантом, а о денежных претензиях своих обратились бы к судебной власти; из этих последних рабочих шестеро, придя в соглашение с Котовым, остались на фабрике, а прочие разочтены Котовым, причем он выдал им из удержанных за растраченный товар и внесенных в думу всего по 1 руб. 55 коп. на человека; что же относится до 11 человек, подвергнутых по распоряжению следователя полицейскому надзору, то они, как доносит пристав, являются каждый вечер в полицию, прося ночлега, потому что паспорты их отобраны

[1] Без обращения, бланка и подписи.

следователем к делу, а без письменных видов их никто не принимает, днем же они выпрашивают подаяние, не имея средства к пропитанию, по невыдаче им Котовым расчета, и хотя пристав уведомил об этом судебного следователя, но распоряжения с его стороны никакого не последовало, почему сообщено о сем на распоряжение г. прокурора московского окружного суда [1].

Во все это время со стороны рабочих фабрики Котова порядок и спокойствие на фабрике нарушены не были [2].

4. Стачка рабочих столярных мастерских Алексеева в Петербурге 15 ноября 1872 г.

I. Записка для памяти от 16 ноября 1872 г.

15-го сего ноября рабочие столярной мастерской купца Алексеева, состоящей в Охтенском участке Выборгской части, вследствие возникших в среде их неудовольствий к хозяину, прекратили работы. По дознанию оказалось, что 15 человек рабочих отправились в трактир и, напившись допьяна, принесли в мастерскую ¾ ведра водки, напоили прочих рабочих и склонили их оставить работу; вечером того же числа человек 30 отправились в такую же мастерскую купца Алексеева, состоящую в Шлиссельбургском пригородном участке, в Смоленской слободке, с целью склонить к тому же работающую там артель (в обеих мастерских находится по 40 человек рабочих). При разбирательстве по этому делу рабочие жаловались на малую заработную плату, происходящую оттого, что лес на работы отпускался совершенно сырой.

Главным зачинщиком был крестьянин Григорий Леонтьев Комаров, а второстепенными, присоединившимися к нему впоследствии, рабочие-крестьяне: Ефимов, Иванов, Дрофа и Павлов.

Дальнейшее дознание производится, и о последствиях его будет сообщено дополнительно [3].

II. Записка для памяти от 25 ноября 1872 г.

Беспорядки, произведенные артелью рабочих в столярной мастерской купца Алексеева, состоящей в Охтенском участке Выборгской части, имели своим последствием высылку троих зачинщиков из числа поименованных в записке от 16 текущего ноября, крестьян Тверской губернии: Григория Леонтьева, Степана Павлова и Матвея Иванова. В настоящее время порядок в сказанной мастерской водворен, и рабочие продолжают работать у Алексеева на прежних основаниях [4].

---

[1] 29 сентября рабочие получили паспорта и были освобождены от полицейского надзора.

[2] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 2, лл. 7—8.

[3] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 2., л. 10.

[4] То же дело, л. 13.

5. Стачка рабочих на бумагопрядильной фабрике Ермакова в г. Вышнем-Волочке 18 ноября 1872 г.

Донесение тверского губернатора министру внутренних дел от 25 ноября 1872 г. за № 8157.

18-го сего ноября, вечером, в городе Вышнем-Волочке рабочие бумагопрядильной фабрики купца Ермакова, в числе около 60 человек, явились перед квартирою помощника вышневолоцкого уездного исправника с жалобою на делаемые им со стороны хозяина притеснения, но когда помощник исправника разъяснил им, что заявления, делаемые толпою на улице, незаконны, то они немедленно разошлись и с подобными жалобами к местным полицейским властям более не обращались. Получив об этом сведение, вышневолоцкой уездный исправник сделал распоряжение об усилении надзора за фабричными, а вместе с тем начал собирать сведения о причинах, вызвавших означенное заявление фабричных его помощнику, причем оказалось, что 18 ноября управлением фабрики Ермакова было объявлено всем рабочим, что с 20-го числа заработная плата будет производиться им на 10% менее, чем была до того времени, что с сделанным уже в сентябре месяце нынешнего года понижением платы на 40% составит уменьшение в 50%. Вследствие такого распоряжения, 20-го числа для работ на фабрике явилось только 1 050 человек, вместо работавших обыкновенно 2 000, остальные же 950 от работы отказались и собрались у ворот фабрики, надеясь, что купец Ермаков согласится принять их за прежнюю плату, но, не получив удовлетворительного ответа от своего хозяина, разошлись и вслед за тем были рассчитаны деньгами по 20 ноября. 22-го числа и остальные фабричные, согласившиеся работать за уменьшенную плату, заявили, что они со следующего дня, т. е. с 23 ноября, прекратят работы на фабрике, если им не восстановят платы, существовавшей до 20-го числа, но фабрикант, не согласившись на это требование, распорядился рассчитать и этих рабочих. Последние, узнав об этом и не ожидая никаких уступок со стороны купца Ермакова, с вечера 23 ноября начали постепенно являться в контору фабрики и изъявлять согласие работать за вновь установленную плату, и действительно, с 23-го числа стали на работу 1 211 человек; полным же комплектом рабочих начнется действие фабрики 29-го сего ноября, так как в настоящее время недостаточно необходимых для сего материалов.

Доводя о всем этом до сведения вашего высокопревосходительства, долгом считаю присовокупить, что фабричные вполне спокойны и в настоящее время между ними не замечается никаких волнений или беспорядков и что вышеизложенное обстоятельство, по моему мнению, находится в теснейшей связи с возникшими недоразумениями между вышневолоцким городским управлением и купцом Ермаковым по делам вышневолоцкого общественного банка, директором которого он состоит ныне, о чем я имел честь представить вашему высокопревосходительству 23-го и 24-го сего ноября за №№ 8096 и 8152. А. Сомов[1].

---

[1] Д. деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1870 г., № 401, лл. 75—76.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1872 г.

11 января 1872 г. на Александровском механическом заводе в Петербурге произошли волнения при объявлении новых правил для рабочих. Работа была возобновлена только после вмешательства полиции. («Голос» 1872 г., 14 января, № 14.)

В мае 1872 г. произошла стачка матросов на пароходе «Златоуст». (Опись делам деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1872 г., № 428. Дело уничтожено.)

В начале мая рабочие на постройке Кишиневско-Ясской железной дороги потребовали увеличения заработной платы и улучшения пищи. Несколько зачинщиков было арестовано, после чего стачка прекратилась. («Голос» 1872 г., 8 июня, № 39.)

27 мая рабочие бумагопрядильной фабрики С. Морозова и К° в Орехово-Зуеве отказались работать под праздник. То же произошло 28 июня. Фабричная администрация предъявила рабочим иск о неисполнении договора о найме. (Н. Шаханов, «Очерки по истории рабочего движения в Владимирской губ. в 70-х годах прошлого столетия», Владимир 1929 г.)

2 июня 1872 г. в Кронштадте забастовали рабочие, нанявшиеся к подрядчику Бруну на постройку казармы. Несмотря на уступки, сделанные подрядчиком, рабочие произвели беспорядки. Была вызвана вооруженная команда, и арестовано пять рабочих. 15 июня работы были возобновлены, и четверо рабочих выпущено из-под ареста. («Народная ремесленная газета» 1872 г., 15 июля, № 14, стр. 530—531.)

В июне происходили стачки рабочих кирпичных заводов в Москве. Рабочие требовали повышения заработной платы. Больше 100 чел. рабочих зав. Катуара бросили работу и отправились к дому заводчика. («Голос» 1872 г., 26 июня, № 57.)

В августе бастовали рабочие фабрики Немоляева в Подольске Московск. губ. из-за дурной пищи. («Голос» 1872 г., № 167).

В августе бастовали рабочие (83 чел.) на кирпичном заводе Немчинова в Московском уезде. (Опись делам деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1872 г., № 285. Дело уничтожено.)

В сентябре 1872 г. была стачка рабочих на каменноугольной копи в Мелевицах. (Там же, № 430. Дело уничтожено.)

В 1872 г. на химическом заводе П. К Ушкова (Бондюжский завод) в Елабужском у. Вятской губ. ушли с работы рабочие, но вскоре под давлением полиции вернулись обратно. (Д. III отд., 3 эксп., 1872 г., № 70, лл. 94—98.)

В 1872 г. на частных золотых промыслах Томской губернии произошли беспорядки. Рабочие ушли с приисков ранее контрактного срока, вследствие неправильного понимания некоторыми рабочими распоряжений администрации. После разъяснения работы возобновились. («Томские губ. ведомости» 1874 г., № 6. Цит. у В. Семевского, т. II, стр. 648.)

В том же году[1] произошли следующие стачки и волнения на сибирских золотых промыслах: в Олекминском округе на промыслах Трапезникова не вышло на работу 200 человек; на Олекминских промыслах рабочие, вопреки договору, отказались перейти на другой прииск; на промыслах К° Сибирякова рабочие силой освободили арестованного товарища. (В. Семевский, т. II, стр. 689.)

Стачка на Путиловском заводе из-за задержки заработной платы. Требования были удовлетворены. («Красный путиловец», Л. 1927, стр. 54—55).

---

[1] Точные даты неизвестны.

1873 г.

1. Стачка на мануфактуре Морозова в г. Богородске, близ Москвы, 2 апреля 1873 г.

Донесение московского губернатора министру внутренних дел от 7 апреля 1873 г. за № 123

2 апреля близ г. Богородска, на бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре купца Морозова, рабочие, в числе 50 человек, занимающиеся не фабричными, а подворными работами, произвели беспорядки.

Поводом этих беспорядков была неясность заключенных условий, по которым сказано, что рабочие обязываются работать до праздников воскресения Христова, а по какой день — не определено; и так как все они из других губерний, то, желая своевременно прибыть к празднику на родину 30 марта, в пятницу, потребовали расчета, и когда им было заявлено, чтобы они за расчетом явились в понедельник, то они в субботу не явились на работы, а в понедельник явились в контору, настоятельно требовали расчета, причем некоторые выразили желание остаться на фабрике, если им прибавят жалованья. Главными зачинщиками оказались 8 человек; из них крестьянин Смоленской губернии Илья Захаров позволил выразиться, что его и «сам царь не может удержать».

Во вторник, 3 апреля, 42 рабочих получили расчет и отправились на родину; крестьянин же Захаров, по распоряжению местного жандармского чиновника, заарестован, а остальные семь человек тоже рассчитаны, так как из донесений уездного исправника видно, что означенные беспорядки не имели характера стачки, а произошли от неточного определения окончательного срока для работ; причем мною сделано распоряжение, чтобы на случай появления их снова на работы в Московскую губернию за ними иметь наблюдение.

О чем имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Губернатор Дурново[1].

---

[1] Д. деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1870 г., № 401, лл. 77—78.

2. Стачка рабочих на бумагопрядильной фабрике И. Н. Коншин в Серпухове 19 ноября 1873 г.

I. Донесение начальника московского губернского жандармского управления от 5 декабря 1873 г. за № 1385 управляющему III отд.

19-го минувшего ноября на бумагопрядильной фабрике купца Коншина рабочие, в числе 200 человек, явились к директору и стали просить о надбавке задельной платы, так как им приходилось в последнее время зарабатывать в месяц вместо 12 только 9 рублей и менее. Директор фабрики, англичанин Чарок, не хотел их выслушать, а потребовал, чтобы для объяснения явились к нему трое из них; когда же таковые прибыли, то он дал знать в полицию о беспорядках, произведенных будто бы рабочими.

Прибывшие в то же время исправляющий должность исправника и полицейский пристав, не найдя никаких беспорядков, по исследовании дела составили обо всем происшедшем акт и, между прочим, нашли, что просьба рабочих совершенно справедлива, а потому, на основании 1359 ст. Уложения о наказаниях, хозяин фабрики за понижение задельной платы должен подлежать взысканию.

Помощник мой в Серпуховском и Подольском уездах майор Юзвицкий по возвращении своем из вверенного ему района в Серпухов немедленно приступил, совместно с помощником исправника, к дальнейшему расследованию происшедших беспорядков и к выяснению причин неудовольствия рабочих. При этом оказалось, что рабочие (прядильщики и подсучальники) на фабрике Коншина живут по условию до пасхи 1874 года и получают задельную плату по условной расценке сортов пряжи. В конце августа было объявлено рабочим, что с 1 октября задельная плата на 10% понижается, а потому, кто не желает остаться, тот может уходить; вследствие чего до 100 человек разошлись, а 21 человек из этой категории рабочих, не найдя себе работы, явились на фабрику и просились снова туда поступить. Директор согласился их принять, но вместо штрафа обязал их жертвовать по два рубля в пользу голодающих жителей Самарской губернии.

Вообще в настоящее время неудовольствие рабочих произошло оттого, что заработок их значительно понизился как от уменьшенной расценки задельной платы, так и по той причине, что при употреблении на фабрике хлопка худшего, противу прежнего, качества вырабатывалось из него в то же время меньшее количество пряжи, нежели из материала высшего сорта. Следует заметить, что принятая фабрикантом мера — понижение заработной платы — вынуждена была стеснительными торговыми обстоятельствами, в которые они были поставлены весьма плохим исходом Нижегородской ярмарки.

Опрошенные при расследовании несколько рабочих подтвердили, что с них приказано было удержать по 2 рубля в пользу голодающих, на что они и согласились, не желая лишиться места. Вследствие сего майор Юзвицкий, находя это распоряжение неправильным, предложил ди-

ректору фабрики такого вычета не производить; относительно же расчета директор обещал производить его по-старому.

Получив о сем донесение помощника моего в Серпуховском уезде, я имею честь об изъясненном довести до сведения вашего превосходительства.

Генерал-майор Слезкин[1].

II. Донесение начальника московского губернского жандармского управления от 18 декабря 1873 г. за № 1490 управляющему III отд.

От 5-го сего декабря за № 1385 мною донесено было вашему превосходительству о неудовольстве рабочих на фабрике купца Коншина в Серпухове, возбужденном в них уменьшением задельной платы.

Ныне мною получены от помощника моего в Серпуховском уезде майора Юзвицкого о дальнейшем ходе сего дела следующие сведения.

В сказанном донесении моем упомянуто было, что местный исправник, прибыв на фабрику по приглашению директора оной фабрики и не найдя беспорядков, произведенных, по словам директора, рабочими, составил акт о самовольном понижении управляющим фабрикою задельной платы. Судебный следователь, которому было передано дело по сему предмету, усматривает, что директор, от лица хозяина фабрики, согласился на оставление рабочим прежней платы и что понижение задельной платы еще не последовало, а имелось только в виду, и что, следовательно, нарушения условия хозяином фабрики с рабочими не совершилось, заключил поэтому предоставить настоящее дело на усмотрение товарища прокурора для прекращения.

11 декабря ткачи фабрики Коншина, в числе 200 человек, согласившиеся до того на сокращение им платы, обратились к директору с просьбой, чтобы им, в виду уменьшения заработка, оставлена была, по примеру прядильщиков, прежняя плата. Прибывший на другой день исправник входил по сему предмету в объяснение с директором, который и дал обещание оставить им прежнюю плату. Затем, по взаимному соглашению двух сторон, при участии исправника было составлено о сем условие, подписанное выборными от рабочих и директором фабрики и засвидетельствованное исправником.

13-го числа декабря часть рабочих на той же фабрике оставила работы с 12 часов дня. Сделано это было ими с тем, чтобы хозяин фабрики надбавил им плату более той, которая была установлена с пасхи сего года, так как года три тому назад, по дурному качеству хлопка, плата тоже была по сему случаю надбавлена.

Явившийся на фабрику исправник нашел, что 67 прядильщиков, которым плата была оставлена прежняя, не пошли на работу, чему последовали частью и подсучальщики, так что пришлось остановить паровую машину, за отсутствием рабочих. Вызвав выборных от рабочих и объяснив им незаконное их домогательство об увеличении платы в требуемом ими размере, а также поставив им на вид самоволь-

---

[1] Д. III отд., 1870 г., № 64, ч. 2, лл. 32—33.

ное оставление ими работ, исправник успел убедить их продолжать работы, которые и были возобновлены в тот же день. При описанном случае между фабричными оказались лица, подговаривавшие и возбуждавшие других к отказу в работе, а именно: крестьяне Захар Ефимов, Александр Селиверстов, Сергей Родионов и Прохор Дмитриев; из них последний, в присутствии посторонних лиц и рабочих, выразился перед исправником так: «Что же нам даром, что ли, работать?», а затем, когда ему напомнили об ответственности, то сказал: «Не повесят же меня за это». В виду всего этого об означенном Дмитриеве составлен был акт за оскорбление исправника при отправлении им своей обязанности. Поименованные крестьяне до времени находятся под надзором полиции.

В настоящее время на фабрике Коншина повсюду идут работы, и беспорядков нет.

Об изъясненном имею честь донести вашему превосходительству в дополнение к донесению моему за № 1385.

Генерал-майор Слезкин[1].

3. Стачка рабочих фабрики Третьяковых в г. Серпухове 1 декабря 1873 г.[2]

I. Донесение начальника московского губернского жандармского управления от 6 декабря 1873 г. за № 1392 управляющему III отд.

В субботу 1-го сего декабря на фабрике купцов Третьяковых, в г. Серпухове, в ткацком отделении, рабочие, числом до 700 человек[3], не явились на работу, вследствие уменьшения им задельной платы. По произведенному расследованию, причина отказа их работать заключалась в следующем:

Рабочие наняты были на фабрику сроком по 1 сентября сего года с платою 35 коп. со штуки миткаля, и работы производились днем и ночью, в две смены. Когда срок найма кончился, то хозяин предложил рабочим одну денную работу, прекратив ночную, и назначил плату по 25 к. со штуки, на что рабочие и согласились. В конце же ноября им было объявлено, что с 1 декабря опять будет введена ночная работа сменами и плата оставлена по 25 коп., а затем прибавлено к ней еще 3 коп. Рабочие, находя, что при таком порядке работы они будут получать менее, на предложение фабриканта не согласились.

В последующие затем дни хозяин фабрики хотя и решился прибавить им платы до 30 коп. со штуки, а потом даже ввести одну денную работу, попрежнему за 25 коп., но рабочие, несмотря на убеждения исправника принять эти условия, на то не согласились, объясняя отказ свой невыгодностью их, так как материал, даваемый им в выработку, стал хуже и самый заработок меньше.

---

[1] То же дело, лл. 38—39.

[2] См. статью И. Сидорова «Материалы для истории стачек в начале 70-х годов 19 века», «Архив истории труда в России», кн. V, 1922 г.

[3] В корреспонденции в журн. «Вперед» 1874 г., т. II, «Что делается на родине», стр. 127—128, указано, что бастовало около тысячи рабочих.

Беспорядков при этом не происходило, и все движение пока носит характер обыкновенных переговоров, в которых обе стороны — фабрикант и рабочие — стараются добиться наиболее выгодных для себя условий по установлению заработной платы.

Получив об этом донесение от помощника моего в Серпуховском уезде, имею честь довести о том до сведения вашего превосходительства, присовокупляя, что о дальнейшем ходе настоящего дела мною будет донесено в свое время.

Генерал-майор Слезкин[1].

II. Донесение его же от 14 декабря 1873 г. за № 1428

От 6-го сего декабря за № 1392 я имел честь донести вашему превосходительству об отказе рабочих на фабрике Третьяковых в Серпухове продолжать работу на предлагаемых им условиях. Ныне получены мною от помощника моего в Серпуховском уезде следующие сведения о дальнейшем ходе сего дела.

Рабочие, согласившись на предложенную им цену со штуки за сменную работу, должны были 7-го числа декабря начать работы, но, придя на фабрику и увидав на стенах старую расценку, усомнились в обещанной им цене, а за старую работать не согласились, о чем они, в числе более 200 человек, и заявили исправнику. Здесь рабочим было приказано удалиться на фабрику и ждать окончательного решения настоящего дела по прибытии управляющего фабрикою от хозяев, купцов Третьяковых; вслед за тем эта масса рабочих двинулась к квартире помощника моего и, остановившись у ворот, чрез 3 выборных заявила ему о происшедшем, причем майор Юзвицкий, успокоив их, обещал обратить внимание на их дело.

Между тем прибывший управляющий Третьяковых объявил, что имеет от них приказание — ткацкую работу прекратить и рабочих расчесть; когда же ему сделано на то возражение и выставлены все невыгодные последствия, могущие от того произойти, возлагая частью ответственность и на хозяев, то уполномоченный Третьяковых согласился на плату рабочим по 30 коп., с тем чтобы их обязать работать сроком до пасхи 1874 года. По объявлении о сем выборным от рабочих последовало взаимное соглашение, по которому и составлено условие, в коем обозначены как цена за работу, различная по роду ткани, срок, на какой обязались рабочие жить на фабрике, так равно и обязательство со стороны фабриканта прекращать работы на фабрике накануне праздников в 6 часов вечера. Относительно же соблюдения порядка и других правил на фабрике все оставлено попрежнему. Все означенное было передано собравшемуся фабричному народу, который и подтвердил свое согласие на постановленное условие.

Об изъясненном имею честь донести вашему превосходительству в дополнение к донесению моему за № 1392.

Генерал-майор Слезкин[2].

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 2, лл. 34—35.
[2] То же дело, лл. 36—37.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1873 г.

В начале года (январь — февраль) произошли волнения рабочих в Петербурге, недовольных тем, что подрядчики (два случая) не уплатили во-время заработной платы. Администрация заставила произвести расчет. («Голос» 1873 г., 13 февраля, № 44.)

Тогда же бастовали рабочие фабрики деревянных ящиков в Охтенском участке (Петербург), требуя повышения сдельной платы. Два зачинщика были высланы из Петербурга. (Там же.)

Тогда же произошло столкновение между рабочими-финнами и хозяином сталелитейного и чугуноплавильного завода инж.-технологом Голубевым в Петербурге. Арестовано несколько человек. (Там же.)

В январе бастовали рабочие на льнопрядильной фабрике И. С. Михина в Костроме из-за принуждения работать в день Нового года. Л. Мартов, «Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России», 1923, стр. 13.)

В первых числах мая бросили работу рабочие (около 500 чел.), занятые на постройке Лозово-Севастопольской дороги, и заявили жалобу мировому судье на неаккуратную выдачу задельной платы, громадные вычеты за прогул и крайне неудовлетворительную пищу. Мировой судья отказал в иске, а подрядчики в выдаче паспортов. Тогда рабочие подали жалобу вел. кн. Михаилу Николаевичу, который передал ее таврическому губернатору. Последний окружил рабочих войсками, арестовал 10 человек зачинщиков. Но рабочие не согласились работать и за исключением 40 человек, возвратившихся на работы, были отправлены на родину по этапу. («Вперед» 1873 г., т. I, «Что делается на родине», стр. 123—125.)

В июне отказались работать рабочие, нанятые по устройству бухты в Казани, в количестве около 2 000 чел. (Деп. пол. исп., 3 отд. 1 ст., 1873 г., № 158, л. 1.)

Летом около 300 рабочих Баскунчакских солеваренных промыслов (Астраханская губ.) бросили работы, требуя выдачи денег по условию. Бастовали два дня, в ожидании смотрителя, которому по приезде его пожаловались на отказ подрядчиков заплатить деньги и на недоброкачественную пищу. В ответ около 20 человек было арестовано, а один избит до полусмерти объездчиками. («Вперед» 1875 г., № 22 и 23, стр. 718—719.)

18 июля бастовали извозчики в Ревеле, протестуя против введения новой таксы. («Голос» 1873 г., 21 июля, № 200.)

В октябре рабочие винокуренного завода Д. К. Гриневского, в с. Выхвастове Черниговской губ., забастовали, требуя повышения заработной платы. Заводчик уступил, но постепенно стал протестантов заменять новыми рабочими и уменьшать плату. Борьба продолжалась. Рабочие, не бастуя открыто, вынудили вновь значительную прибавку, портя машины и подводя заводчика под неустойку казне. («Вперед» 1875 г., № 10, 1 июня, стр. 305.)

В 1873 г. на Ново-Александровском прииске К° Сабашникова (Забайкальской области, Нерчинского округа) 90 рабочих забастовали и отправились в Читу с жалобой на неправильные действия администрации относительно продовольствия, работы и платы. В Чите их посадили в острог, и когда им было приказано возвратиться на работу, они встретили конвой кирпичами и досками из разломанных нар. Когда их все же отправили обратно, к забастовщикам присоединилось еще 128 человек. Рабочие избили исправника и были преданы суду. (В. Семевский, т. II, стр. 704—705).

В том же году (дата также неизвестна) в Олекминском округе на прииске К° арендаторов рабочие избили двух казаков и были отправлены в Якутский острог. (Там же, стр. 689.)

1874 г.

1. Стачка рабочих суконных фабрик в г. Згерже 13 февраля 1874 г.

Донесение начальника жандармского управления Лодзинского, Равского и Брезинского уездов Петроковской губ. в III отд. от 4 февраля 1874 г. за № 163.

13-го сего февраля в г. Згерже Лодзинского уезда на суконных фабриках Адольфа Маергофа, Адольфа Борста, Карла Вольфа и Германа Вольфа подмастерья, в числе 100 человек, прекратили занятия с целью добиться от хозяев возвышения платы; пять человек из числа главных зачинщиков арестованы и отправлены в г. Лодзь[1]. В г. Згерже все спокойно, и беспорядков никаких не произошло.

14-го сего февраля начальник Лодзинского уезда в моем присутствии произвел первоначальное расследование, причем названные фабриканты заявили, что по случаю застоя в торговых делах они не в состоянии возвысить рабочим плату, что для них было бы выгоднее закрыть свои фабрики на некоторое время, так как сбыта почти нет, и что подмастерья зарабатывают от 4 до 7 руб. в неделю, смотря по их прилежанию. Подмастерья заявили, что по случаю существующей дороговизны заработок недостаточный для пропитания своих семейств[2], а потому не начнут работать, если не получат возвышения платы.

Обстоятельства эти начальник уезда представил на благоусмотрение губернатору.

О чем имею честь донести.

Капитан Зелингер[3].

---

[1] Где были преданы суду.
[2] Так в тексте.
[3] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, л. 2.

2. Стачка в мастерских Николаевской железной дороги в Москве в середине февраля 1874 г.

Рапорт начальника московского отделения жанд. полиц. упр. Николаевской ж. д. начальнику жанд. полиц. упр. Николаевской и Московско-Нижегородской ж. д. от 17 февраля 1874 г. за № 119

Начальник 8-го участка службы тяги Бишле 15-го сего февраля заявил мне, что находящиеся в его ведении рабочие, оштрафованные вследствие пьянства, продолжавшегося между ними на первой неделе поста, пришли в заметное волнение и, бросив работу, явились в его контору, в числе около 200 человек, с заявлением незаконных требований об уничтожении наложенного на некоторых из их товарищей штрафа. Видя такой беспорядок, г. Бишле потребовал к себе старших рабочих и, хотя эти последние не отличались поведением от прочих, уговорил их оставить претензии, обещая уничтожить отметки, подвергавшие некоторых оштрафованию.

Хотя мерою этою беспорядок был немедленно прекращен, но, тем не менее, в кругу рабочих осталось возбужденное состояние, допускавшее возможность ожидать повторения беспорядков и в следующий день. Поэтому, переговорив со мною, г. Бишле решился на следующий день, т. е. 16 февраля, уволить тех рабочих, которые, по его мнению, имели более заметное влияние на прочих своих сотоварищей.

В виду серьезности этого дела, я в назначенный час лично прибыл в контору Бишле и пригласил его приступить к расчету в моем присутствии. Вызванные в присутствии моем в означенную контору рабочие, в числе семи человек, были крайне изумлены предложенным им расчетом, и некоторые из них отказались принять расчет и деньги, другие же приняли его; но как первые, так и вторые раздраженным тоном доказывали свою правоту и удаление от службы считали незаслуженным ими наказанием [1]. Одному из не взявших расчета рабочему, Петру Туникову, объявлено было, что с этого дня на работу он не принимается и расчет его будет ему передан через меня. Остальные призванные к расчету упросили г. Бишле оставить их на службе, на что он согласился, и они оставлены продолжать работу. Так как рабочий Петр Туников был несколько в пьяном виде, то в виде осторожности, дабы не допустить его вновь к работе, где он мог бы произвести какой-либо беспорядок, я приказал задержать его и отправил сперва в командный карцер, затем в контору квартала, для вытрезвления.

Окончив таким образом с призванными к расчету рабочими и разъяснив им ответственность, которой они могут подвергаться за делаемые беспорядки, я пригласил г. Бишле и мастера Гама, заведующего рабочими, отправиться вместе со мною в мастерские, чтобы, обойдя их, быть в состоянии вывести правильное заключение о настроениях рабочих и затем, смотря по обстоятельствам, дать этому делу законное направление. Но, взойдя в мастерские, я нашел всех рабочих по

---

[1] В тексте: показанием.

своим местам, каждый занимался своею работою, все переходившие по какому-либо делу мимо нас чрез здание оказывали должную вежливость, на вопросы отвечали скромно и спокойно, без всяких признаков раздражения. Видя, таким образом, что беспорядков в кругу рабочих не существует, и убедясь на месте, что беспорядки минувшего дня следует приписать положительно [не?] пьянству рабочих, а недоразумению между рабочими и мастером Гам, который, проверяя рабочих и не видя некоторых на работе, поставил им заметки для денежного оштрафования, тогда как некоторые, попавшие под его замечание, штрафа не заслуживали, а работали там же, но только в другом отделении; поэтому, получив удовлетворение от г. Бишле, порядок между ними тогда же водворился.

Затем, убедясь также, что причины этих беспорядков нельзя искать в каком-либо опасном подстрекательстве посторонних лиц, так как ничего подобного расспросом и дознанием не обнаружено и причина возбуждения рабочих вполне разъяснена, я никакого дела об этих беспорядках не начинал, а ограничился лишь донесением о нем, для сведения, вашему высокоблагородию, докладывая при этом, что 16-го же числа, вечером, мною был вызван арестованный в конторе квартала Туников, который, быв уже совершенно трезв, заявил мне, что совершенно хорошо понимает невозможность продолжать работу, если начальство того не желает, что он чрезвычайно жалеет о своем увольнении, так как прослужил на Николаевской дороге в мастерских 20 лет, никогда не получал никаких замечаний и сам никаких претензий ни к кому не имел; не желал же взять расчет потому, что виновным в беспорядках не был и считал себя обиженным таким решением, причем полагал, что если высшее начальство узнает о его увольнении, то не разрешит мастеру увольнять его, ибо служба его прежнему начальству хорошо известна. В виду изложенного, не имея причины задерживать далее Туникова под арестом, я освободил его, взяв, как бы для окончания дела, с него подписку, что он ни к каким беспорядкам между рабочими на Николаевской дороге никогда принадлежать не будет и посещать мастерские прекратит.

Начальник отделения майор Б а ж е н о в[1].

3. Стачка рабочих кожевенного завода Барановского в Петербурге 4 марта 1874 г.

Служебная записка от 5 марта 1874 г.[2]

4 марта на кожевенном заводе Барановского и К°, находящемся в Петергофском участке с.-петербургской пригородной полиции, по Петергофскому шоссе, на даче под № 1, рабочие, в числе 103 человека, не вышли на работы; к этому, как оказывается, отчасти служило причиной неудовлетворение рабочих следуемыми им в субботу после

[1] Д. III отд., 1874 г., № 70, лл. 6—9.
[2] Зачинщики были высланы: Адам Присман за границу, как баварский подданный, а Яков Полосин—на родину, в Тульскую губ.

15 февраля заработанными деньгами, главною же причиною было то, что в феврале месяце 22-го числа было отказано от работ мастеру прусскому подданному Францу Шредеру, который был изобличен в предумышленной порче опойковых и лайковых кож и на которого г. Барановский заявил жалобу мировому судье, за каковое обстоятельство озлобились все рабочие-немцы, числом 11 человек, возбудившие к беспорядку и русских рабочих. По требованию пристава часть рабочих вошли вместе с ним в завод и объявили ему, что за хозяином у них денег никогда не пропадало; бывало иногда и прежде задержание заработанных денег в продолжение нескольких дней, но зато когда была и нужда в деньгах, то хозяин никогда не отказывал и давал вперед; что они, как и большая часть рабочих, готовы стать на работу, но не выходили единственно во избежание неприятностей со стороны некоторых недовольных.

Владелец завода дворянин Петр Викторович Барановский объявил, что заработанные рабочими деньги будут розданы через несколько часов, что и исполнил. Об этом случае полициею для преследования по суду обвиняемых составлен протокол [1].

4. Стачка рабочих ткацкой фабрики Шибаева близ Богородска Московской губ. 24 апреля 1874 г.[2]

I. Записка от 5 мая [3].

24 апреля на фабрике купца С. М. Шибаева, находящейся около г. Богородска Московской губернии [4], более 600 рабочих отказались работать и, оставив фабрику, собрались близ города. Помощник начальника губернского жандармского управления капитан Кузьмин тотчас отправился к означенным рабочим, которые без всякого шума объяснили ему следующее. До святой недели они работали на фабрике Шибаева по условию получать по 37 коп. за каждый сотканный кусок миткаля, мерою 67 аршин длины; после же пасхи, по принятому порядку, условия с рабочими возобновляются сроком до 1 октября, и в виду этого приказчик фабрики Петр Антонов словесно объяснил рабочим, что они после пасхи будут получать не 37 коп. за кусок миткаля, а 40 коп., но письменных условий никаких не заключил. Цель промедления заключить письменное условие рабочие объясняют тем, что приказчик желал выиграть время и, дав окрестным фабрикантам возможность нанять нужное число рабочих, объявить затем оставшимся свободным от работ прежнюю 37-копеечную плату, на которую они вследствие нужды должны были бы согласиться. Для большего успеха в этом от рабочих принимались непомерно строго сделанные ими куски миткаля, и увеличивались штрафы, вследствие чего рабочие задолжали фабрике.

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, лл. 11—12.

[2] См. статью И. Сидорова «Материалы для истории стачек в начале 70-х годов 19 века». «Архив истории труда в России», кн. V, 1922 г.

[3] Записка была составлена в III отделении, повидимому, для главного начальника и доложена Александру II, судя по пометке, 18 мая в Эмсе.

[4] При селе Истомине.

При выдаче рабочим после пасхи первого расчета по 37 коп. за кусок они заявили приказчику претензию, и хотя последний, отказываясь от прежнего своего обещания платить по 40 коп., и объяснил рабочим, что он уменьшил размер куска, вместо 67 до 55 аршин, но рабочие этого объяснения не приняли, возражая, что миткаль стал ткаться чаще прежнего и что на выделку куска требовалось то же самое время, как и прежде. Поэтому все рабочие и отправились в г. Богородск с целью заявить о своей претензии полиции.

Полицейским надзирателем г. Богородска никакого распоряжения сделано не было, и толпа рабочих осталась в сборе до прибытия капитана Кузьмина, который убедил их возвратиться на фабрику, куда они хотя и явились, но работать на фабрике не согласились, боясь того, что их сочтут как бы принявшими условия работать по 37 коп. за кусок.

Генерал-лейтенант Слезкин присовокупляет в своем донесении, что работы на ткацком отделении фабрики Шибаева не начались и что к удовлетворению претензии рабочих местною полицией еще ничего не предпринято, а между тем им отказывают в выдаче продовольствия, чтобы чрез это согласить их к принятию прежней заработной платы.

Вышеописанный случай представляет признаки стачки рабочих в смысле действия скопом, хотя забастовка, насколько можно судить до более обстоятельного обследования дела, не вышла из инициативы рабочих или их намерения вынудить повышение заработной платы. Неизвестно также, были ли лица, подстрекавшие рабочих к забастовке и внушившие им мысль о прекращении работ, или же эта мысль явилась как бы сама собою, в виду отказа фабричного управления исполнить обещанные условия. Судя по донесению генерала Слезкина, рабочие не имели дурных намерений; они не буйствовали, а, оставив фабрику, обратились к защите полицейской власти.

Такого рода забастовка существенно различается от стачек западно-европейских рабочих, систематически возбуждаемых с целью вымогательства повышения заработной платы. Тем не менее она по своим последствиям может быть весьма вредна, возбуждая, с одной стороны, антагонизм между капиталом и трудом и, с другой стороны, приучая рабочих, в случае недоразумений с нанимателями, отстаивать свои требования скопом.

Положение как местной полиции, так и высшей полицейской власти в подобном случае крайне затруднительно. На какую сторону встать? Поддерживать рабочих против фабриканта и тем внушить им на будущее время строптивость так же трудно, как и принудить их строгими мерами к продолжению работ на условиях, которые, на их взгляд, несправедливы и действительно могут оказаться несправедливыми.

Нельзя упустить из виду и то, что если упомянутая забастовка и не была результатом агитации в духе так называемого «рабочего вопроса», то во всяком случае рабочее население, находящееся в возбужденном состоянии против своего нанимателя-капиталиста, представляет восприимчивую среду для агитаторов.

Этот случай является новым доказательством пользы той меры, которую ваше сиятельство предполагали осуществить в Царстве Польском и которая, будучи применена в Царстве, дала бы полезные указания для образа действий в других частях империи[1].

II. Донесение исполняющего должность московского губернатора министру внутренних дел от 31 мая 1874 г. за № 176.

В исполнение предложения за № 1801 и в дополнение к представлению моему от 6-го сего мая за № 145, имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что первое уведомление о беспорядках на фабрике купца Шибаева получено мною от помощника богородского исправника, который телеграфировал 25 апреля, что он отправляется на место. Затем богородский исправник телеграммою же от 27 апреля известил, что, несмотря на его убеждения, за работу принялись только 213 человек, остальные же ткачи, не соглашаясь на предлагаемые им условия, хотят итти в Москву. Желая предупредить появление толпы рабочих в Москве, я телеграфировал исправнику предостеречь рабочих, что они за самовольную отлучку подвергнут себя ответственности, а г. московского обер-полицеймейстера, на случай прибытия рабочих, просил сделать зависящее от него распоряжение к отвращению беспорядка. Вместе с сим командировал чиновника особых поручений Курбатова, предписав ему произвести надлежащее дознание о причинах беспорядков на фабрике купца Шибаева и принять совместно с исправником меры к их прекращению. В день отъезда Курбатова, 29 апреля, получена телеграмма от исправника, что из 812 ткачей 768 вышли на работу. Мая 1-го возвратившийся чиновник особых поручений донес мне, что фабрикант Шибаев согласился прибавить на кусок по 2 коп. и не взыскивать штрафа за прекращение работы в течение 3½ дней. Порядок восстановлен, и все, исключая разочтенных по их желанию конторою фабрики 35 человек, принялись за работу. О происшедших беспорядках и о прекращении их я имел честь донести вашему высокопревосходительству. Мая 8-го начальник московского жандармского управления генерал Слезкин уведомил меня, что хотя на фабрике Шибаева и выданы рабочим расчетные книжки, но что условий с ними никаких не заключено и что претензия их вовсе не устранена. Вследствие сего 10 мая мною предписано исправнику принять надлежащие меры к устранению могущих возобновиться беспорядков, причем к действительному и справедливому удовлетворению претензий рабочих, если таковые окажутся основательными, разъяснить им порядок заявлений неудовольствий на притеснения со стороны фабричного начальства. О распоряжении же по сему предмету донести. О чем исправнику подтверждено 24-го, а 30 мая послана телеграмма, на которую получен ответ, что на фабрике все спокойно и жалоб ни от кого из рабочих не поступало. Причиною замедления ответа исправ-

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, лл. 37—39.

ник выставил свое отсутствие из города для розысков вследствие моего предписания весьма важного арестанта Чуркина, бежавшего из богородского тюремного замка 9 декабря 1873 г. и пребывающего, по дошедшим до меня сведениям, в разных местностях уезда. К вышеизложенному имею честь присовокупить, с приложением копии письма г. Слезкина, что о бездействии надзирателя города Богородска Окша-Хацимовского и об участии в этом деле капитана корпуса жандармов Кузьмина никто меня не извещал.

Подп. подл. и. д. губернатора вице-губерн. Перфильев[1].

Стачка рабочих на бумагопрядильной фабрике Я. Ермакова в г. Вышнем-Волочке 26 апреля 1874 г.

Донесение тверского губернатора министру внутренних дел от 6 мая 1874 г. за 144.

Имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что рабочие фабрики потомственного почетного гражданина Ермакова в городе Вышнем-Волочке, вследствие вновь установленных управлением фабрики правил для работ, не изъявили желания подчиниться изложенным в правилах условиям и потому 26-го минувшего апреля, в числе 1 300 человек, прекратив работы, потребовали от конторы расчета и затем оставили фабрику. Контора же, считая означенные правила известными рабочим, так как последние поступили на фабрику тогда, когда правила уже были вывешены в корпусах, отказывала в расчете, вследствие чего рабочие жаловались полиции, и последняя, принимая во внимание заявление рабочих относительно того, что вновь составленные условия фабрикою были только вывешены, но не объявлены рабочим при поступлении их на работы после пасхи, предложила конторе фабрики, во избежание недоразумений, рассчитать рабочих и затем объявить им новые условия, что конторою и исполнено.

При этом долгом считаю доложить вашему высокопревосходительству, что оставление рабочими фабрики произошло, как оказалось по произведенному дознанию, без всякого предварительного между ними уговора, вследствие одного только недоразумения, допущенного главным образом конторою фабрики.

Подпис. подлин. губернатор Сомов[2].

6. Стачка извозчиков в Выборге 22 мая 1874 г.

I. Докладная записка от 27 мая 1874 г.

Находящийся в Выборге подполковник Ревальд донес, что 22-го текущего мая произошла там стачка легковых извозчиков, которых состоит 107. Из них 102 отказались от извоза и возвратили в полицию свои номерные знаки.

Причиною этого был объявленный местным полицеймейстером при-

---

[1] То же дело, лл. 64—65. Воспроизводится по копии.

[2] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, лл. 54—55. Воспроизводится по копии.

каз о том, чтобы ежедневно 25 извозчиков находились при вокзале Выборгской станции железной дороги во время прихода поездов. За неисполнение этого полагается штраф в 20 марок. Между тем этой обязанности не было внесено в контракт, заключенный извозчиками с городским магистратом.

24 мая стачка еще продолжалась.

Дальнейших сведений еще нет[1].

II. Докладная записка от 30 мая 1874 г.

27-го текущего мая представлена была записка о стачке извозчиков в г. Выборге, отказавшихся исполнить распоряжение полиции о том, чтобы ежедневно 25 извозчиков находились при вокзале Выборгской станции железной дороги.

Ныне подполковник Репвальд донес, что 25-го числа происходило в Выборгском магистрате разбирательство этого дела, причем решено объявить извозчикам отсрочку на 14 дней приведения в исполнение приказа полицеймейстера с тем, чтобы в течение этого времени извозчики, в случае сознаваемого ими затруднения в исполнении приказа, представили на усмотрение губернатора просьбу об отмене помянутого приказа.

Это подействовало успокоительно на извозчиков, которые, прекратив стачку, в тот же день возобновили свой промысел[2].

7. Стачка судовых рабочих на Волховских порогах в мае 1874 г.

Докладная записка петербургского губернатора министру внутренних дел от 5 июня 1874 г.

22-го текущего мая новоладожский исправник донес мне телеграммою, что вследствие стачки судовых рабочих судоходство чрез Волховские пороги остановилось и на Гостинопольской пристани скопилось до 300 судов. Почему в то же время мною сделаны исправнику надлежащие наставления, вследствие чего телеграммою от сего числа он донес, что на означенной пристани порядок восстановлен, 120 паузков нагрузились и не вышли лишь по случаю противного ветра. Причина стачки — дороговизна и требование судорабочими прибавки против установленной цены за провод чрез пороги[3].

8. Волнения на Невском механическом заводе Русского общества (Семянниковском) в мае 1874 г.

I. Служебная записка от 11 мая 1874 г.

10 мая на заводе Русского общества по окончании работ, в 7 часов вечера, рабочие, недовольные распоряжениями управляющего

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 67, л. 16.

[2] То же дело, л. 18.

[3] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, л. 58. Печатается по копии.

Василия Трифонова Ефимова, начали кричать: «у! у!» Но вскоре были остановлены; 11-го же числа они имеют намерение вновь произвести беспорядки вследствие неудовольствия следующими распоряжениями Ефимова, а именно: 1-е, если кто-либо из рабочих не является на завод несколько дней, то штрафуется суточным за каждый день жалованьем, т. е. лишний день отрабатывается за каждый прогульный; 2-е, отдавая на руки штучную работу за одну цену, при изготовлении ее платят половину или четверть условленной, и 3-е, за отказ вновь поступающих рабочих продолжать работу за ранее условленную плату не рассчитывают тотчас же, а принуждают ждать платежа до 1-го числа следующего месяца.

Василий Трифонов Ефимов исполняет должности директора и управляющего и назначен правлением завода, помещающимся в Петербурге по Невскому проспекту в доме № 12[1].

II. Служебная записка от 12 мая 1874 г.

11 мая, утром, на заводе Русского общества, на новой половине, в отхожем месте, кем-то из рабочих было вывешено объявление следующего содержания: «Господа рабочие, постарайтесь сего 11-го числа приступить к заводскому начальству и требовать, чтобы не вводили новые порядки, не ставили штрафов, и затем предадим своему суду».— Объявление это списано буквально и в настоящее время находится у пристава Шлиссельбургского участка, оно написано на желтой бумаге и никем не подписано.

Подстрекателей к беспорядку, а равно писавших объявление еще не обнаружено, они разыскиваются.

В 5 часов вечера, по окончании работ, рабочие вышли из завода толпой и пошли по шоссе с криками «у! у!», но не останавливались и никаких других беспорядков не произвели.

Управляющий заводом Василий Трифонов Ефимов вывесил по всем цехам объявления, в которых предлагает рабочим выбрать из каждого большого цеха по 4, а из каждого малого по 2 человека и явиться к нему для объяснения причины неудовольствия рабочих[2].

III. Служебная записка от 14 мая 1874 г.

Сего 13 мая на заводе Русского общества управляющим заводом Василием Трифоновым Ефимовым вновь было вывешено объявление по всем цехам, приглашавшее выборных от цехов явиться для изъяснения неудовольствий своих к Ефимову; но, несмотря на прибавление в объявлении о намерении Ефимова итти с недовольными для объяснений к губернатору, никто из рабочих не пошел, опасаясь быть уволенным с завода.

Между рабочими пока все тихо и спокойно[3].

---

[1] Д. III отд. 3 эксп., 1874 г., № 70, л. 45.
[2] То же дело, л. 47.
[3] То же дело, л. 50.

9. Стачка рабочих химических заводов Ушкова в июне 1874 г.

I. Донесение начальника вятского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 19 июля 1874 г. за № 89.

8 июня елабужский купец Ушков телеграммою заявил исправляющему должность вятского губернатора, что крестьяне Симбирской губернии, Ардатовского и Алатырского уездов, в числе 75 человек, обязанные по контракту работать на его, Ушкова, химических заводах — Кокшанском и Бондюжском (в Елабужском уезде, Вятской губернии), не заработав полученных ими задатков, сделали стачку и самовольно ушли с заводов; из них 30 человек Бондюжского завода 30 мая хотя и были остановлены в г. Елабуге и привлечены к ответственности по суду, но они, получив копию с решения мирового судьи и не обжаловав в узаконенный срок приговора мирового судьи (по которому рабочие обязывались продолжать работы у Ушкова согласно контракта), отправились в места своих жительств, в Симбирскую губернию; затем 2-й партии 45 человек, ушедших с Кокшанского завода, 2 июня были также привлечены к ответственности, и они выжидали только решения мирового судьи и намеревались также отправиться в места своего жительства, но были задержаны в г. Елабуге полициею. Купец Ушков, опасаясь остановки действий химических заводов, просил исправляющего должность губернатора вице-губернатора сделать распоряжение о высылке в заводы его самовольно ушедших рабочих.

Вследствие сего исправляющий должность начальника губернии 9 июня за № 3132 предписал елабужскому уездному исправнику, если действительно есть по вышеизложенному делу, как объясняет в телеграмме Ушков, решение мирового судьи об обязании рабочих к исполнению контракта, то немедленно задержать скрывшихся с заводов рабочих и отправить их обратно на заводы; равно о задержании и высылке в заводы Ушкова рабочих, ушедших в Симбирскую губернию, сообщить в надлежащее полицейское управление. Одновременно с этим предписанием исправляющий должность начальника губернии секретно предложил елабужскому уездному исправнику дознать, действительно ли рабочие Ушкова отказались от работ по стачке, и, в утвердительном случае, виновных в подстрекательстве рабочих немедленно арестовать и о действиях их произвести дознание.

По произведенному помощником елабужского исправника дознанию, оказалось следующее. Рабочие, крестьяне Симбирской губернии, подряжены на работы в заводах Ушкова — Кокшанском и Бондюжском — по контрактам, с платою по 5 руб. 80 коп. в месяц и с выдачею провианта каждому рабочему; при заключении контрактов рабочим были даны задатки. Рабочие перестали работать в заводах Ушкова по стачке, и главными подстрекателями и зачинщиками стачки рабочих Кокшанского завода были следующие лица: 1) крестьянин Симбирской губернии, Алатырского уезда, Поводимской во-

лости, села Поводима, Леонтий Петров Баранов, имеющий на родине жену, брата женатого и дом; Баранов убеждал всех находящихся в Кокшанском заводе рабочих оставить работы и уйти домой, причем объяснял рабочим, что они спокойно могут дойти до своих жительств и без паспортов, а что касается до возвращения полученных от Ушкова задатков, то их можно будет возвратить по частям и следует только дать об этом подписки; при этом похвалялся пред рабочими, что он сидел в тюрьме два раза и ничего не боится, внушал рабочим, что ныне не прежние времена, и если они уйдут с работ, то с ними ничего не поделают; 2) отставной солдат Алатырского уезда, Паранеевской волости, деревни Дубровки, Федор Кузьмин; 3) крестьянин того же уезда, Поводимской волости, села Поводима, Прокопий Михайлов и 4) крестьянин Ардатовского уезда, Карамчинской волости, Нефед Яковлев Потанин. Последние три, как товарищи Баранова, также уговаривали рабочих оставить работы. Они подстрекали рабочих везде, где только представлялась возможность, так, например, уговаривали рабочих оставить работы в теплушке, в сборной, на работе, во время отдыха и после ужина. По уговору этих 4 лиц ушли с завода: первый раз, 2 июня, 33 человека, а потом, на другой день, 12 человек. Эти 45 человек, в числе которых находились и поименованные выше подстрекатели, были задержаны и арестованы в г. Елабуге.

Виновными в стачке рабочих Бондюжского химического завода Ушкова, убежавших в первой партии 30 мая, оказались: крестьяне Симбирской губернии, Ардатовского уезда, Начипальской волости, деревни Начипаль: 1) Осип Антонов, 2) Василий Куликов, 3) Григорий Егоров и 4) солдат Егор Макаров. Эти лица убеждали всех рабочих оставить работы, уговаривали их, что они могут дома найти более выгодные работы, причем объясняли, что можно уйти без паспортов и относительно возвращения задатков можно дать подписки об уплате по частям. По уговору этих подстрекателей 30 мая бежало с завода 30 человек (ушедшие потом в Симбирскую губернию в места жительства).

Телеграммами от 10 и 14 июня елабужский исправник донес начальнику губернии, что задержанные в Елабуге 45 человек рабочих, несмотря ни на какие убеждения, будучи подстрекаемы зачинщиками стачки, не идут обратно на заводы и объясняют, что если их отправят туда, то они снова уйдут с работ.

Исправляющий должность начальника губернии по соображении вышеизложенных обстоятельств и имея в виду: во-1-х, что поименованные выше крестьяне Баранов, Кузьмин, Михайлов, Потанин и Селейкин (замеченный исправником впоследствии), задержанные в г. Елабуге, были главными подстрекателями рабочих к стачке с целию прекратить действие химических заводов Ушкова и что влиянием своим они поддерживают упорство в задержанной партии рабочих, в числе 45 человек; во-2-х, что подобное уклонение рабочих заводов Ушкова к оставлению работ было уже и в 1872 году, но дело это было прекращено, потому что бежавшие рабочие по убеждениям мест-

ного начальства возвратились в завод на работы, и, в 3-х, что подобные стачки, оставаясь безнаказанными, могут весьма вредно влиять на рабочих в других заводах губернии, а потому необходимо подавить эту стачку строгими мерами, постановил: на основании высочайшего повеления, объявленного в циркуляре г. министра внутренних дел от 6 июля 1870 года за № 1906, вышеупомянутых пять человек крестьян выслать административным порядком под надзор полиции: Баранова — в Архангельскую губернию на один год, Кузьмина и Михайлова — в г. Слободской на 2 месяца, Потанина и Седейкина — в г. Глазов на 2 месяца; последних 4-х с тем, чтобы по истечении 2 месяцев они были возвращены на работы в заводы Ушкова на время, означенное в контрактах и по решению мирового судьи; в случае же нового упорства их, продолжить срок надзора до 6 месяцев. Эти 5 человек зачинщиков, согласно постановления начальника губернии, высланы этапом в назначенные города 29 прошлого июня.

Одновременно с распоряжением о высылке административным порядком 5 подстрекателей исправляющим должность вятского губернатора было предписано елабужскому исправнику задержанных в г. Елабуге бежавших с заводов Ушкова 40 человек рабочих выслать обратно на работы в заводы Ушкова мелкими партиями; в случае же сопротивления составлять о каждой партии особые акты и передавать их судебной власти. При отправлении этих партий из г. Елабуги на заводы 2-е из рабочих — Николай Кучкин и Петр Крапивин заявили исправнику, что если их отправят обратно в заводы, то они уведут оттуда всех рабочих; поэтому Кучкин и Крапивин в то же время были заарестованы в г. Елабуге.

Вслед за этим 3-го сего июля, № 683, елабужский исправник донес начальнику губернии, что высланные им обратно партиями в заводы Ушкова рабочие не приступают к работам в виду того, что в Симбирской губернии по случаю урожая хлебов плата заработков гораздо дороже, куда они и домогаются уйти. 5 июля из возвращенных на завод Кокшанский вновь бежало 22 человека рабочих и 10 человек с Бондюжского завода, но первые задержаны в г. Елабуге и по распоряжению начальника губернии будут снова высланы на заводы.

О вышеизложенном имею честь донести вашему превосходительству и к сему присовокупить, что настоящим донесением я запоздал по случаю долгого нахождения в Алешинском починке Вятского уезда.

Полковник Щетинин[1].

II. Представление вятского губернатора от 8 июня 1874 г. № 3598 управляющему министерством внутренних дел.

Одновременно с распоряжением о высылке административным порядком 5 человек подстрекателей рабочих химических заводов елабужского купца Ушкова мною было предписано елабужскому уездному исправнику задержанных в г. Елабуге бежавших с заводов Ушкова

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, лл. 94—98.

40 человек рабочих высылать на работы в заводы Ушкова мелкими партиями, в случае же сопротивления составлять о каждой партии особые акты и передавать их судебной власти.

Елабужский уездный исправник от 29 июня за № 678 донес мне, что следовавшие к высылке административным порядком 5 человек подстрекателей рабочих заводов Ушкова — Баранов, Кузьмин, Михайлов, Потанин и Седейкин — им высланы этапным порядком: Баранов в Архангельскую губернию, Кузьмин и Михайлов в г. Слободской, Вятской губернии, и Потанин и Седейкин в Глазов. Затем из числа задержанных в Елабуге 45 рабочих Ушкова отправлено мелкими партиями в заводы Ушкова на работы 24 человека; при высылке этих рабочих два из них — Николай Кучкин и Петр Крапивин — заявили, что если их отправят в заводы, то они уведут оттуда всех рабочих; поэтому Кучкин и Крапивин задержаны в Елабуге.

Вслед за тем елабужский исправник от 3-го сего июля за № 683 донес мне, что высланные в заводы Ушкова рабочие, в числе 22 человек, не приступив к работе в виду того, что в Самарской губернии по случаю урожая хлебов плата заработков гораздо дороже, вновь бежали с заводов Ушкова, а за ними также сделали побег и с Бондюжского завода 10 рабочих. К сему г. исправник присовокупил, что по настоящему делу собирает сведения о задержании полициею рабочих Ушкова товарищ прокурора окружного суда г. Мещанинов для доставления, чрез прокурора казанской судебной палаты, г. министру юстиции и что временный судебный следователь 1-го уч. Елабужского уезда Соколов, по получении от него, исправника, актов с 15 рабочими по делу о сопротивлении их при высылке в завод, советовался с товарищем прокурора г. Мещаниновым о том, как поступить в отношении этих рабочих, т. е. заключить их в тюрьму или отдать под надзор полиции до решения дела окружным судом. Товарищ прокурора г. Мещанинов впредь до получения распоряжения от прокурора казанской судебной палаты г. Червинского просил г. судебного следователя пока содержать 15 рабочих при полиции, ибо, по мнению г. Мещанинова, все эти рабочие должны быть освобождены.

Вследствие вышеизложенного донесения я телеграммою предписал елабужскому исправнику произвести строгое, секретным образом, дознание о причине нового побега рабочих Ушкова, и если откроется действительно стачка, то главных зачинщиков этой стачки из числа задержанных арестовать, а остальных, если заключенные с ними Ушковым контракты будут признаны мировым судьею правильными, немедленно отправить на работы в завод, а также отправить в заводы на работы, согласно решению судебно-мирового съезда, и вновь бежавших, из числа прежних 22 рабочих; если же при этом крестьяне будут оказывать сопротивление, то о сем составить акты и передать судебной власти, о последующих же донести мне.

О вышеизложенном имею честь довести до сведения вашего сиятельства в дополнение к представлению от 28-го минувшего июня за № 3476 и присовокупить, что 1) по получении от елабужского исправника ожидаемого донесения я о последующем буду иметь честь

донести вашему сиятельству своевременно и 2) что прокурор вятского окружного суда и товарищ прокурора Мещанинов мною уведомлены, что дело о стачке рабочих завода Ушкова передаче судебной власти не подлежало и что оно, на основании особого уполномочия, данного губернатором, должно окончиться административным порядком[1].

10. Стачка рабочих на свекловичных плантациях Горецкого в Полтавской губ. 18 июня 1874 г.

Донесение полтавского губернатора министру внутренних дел от 1 июля 1874 г. за № 4846.

Переяславский уездный исправник донес мне, что 18 июня в м. Борисполе около 200 душ поденных местных рабочих разного возраста бросили работы на свекловичных плантациях г. Горецкого, вследствие слухов о том, что кто будет работать у помещиков, тот будет записан в крепостные. Слух этот пущен неизвестным мальчиком, который будто бы приезжал 17-го числа вечером в казармы и говорил: «Бросайте работы у панов, а кто останется, тот будет записан в панские люди; кроме того, приедет становой, запишет тех, кто будет на работах, и взыщет штраф за первый 5 р., за второй 10 р., а за третий 25 рублей». Когда слух этот распространился и по всему м. Борисполю, с прибавлением, будто бы «в церкви читали манифест, что будут записывать в панские люди находящихся у них рабочих», то некоторые родители желали взять своих детей из службы от дворян, но по различным убеждениям, а иногда и по здравому смыслу рабочих, остались все на местах. Кто был тот мальчик, который будто бы приезжал в казармы на плантации Горецкого вечером 17 июня, никто из рабочих утвердительно не сказал, объясняя каждый, что слышал о нем в толпе рабочих, а от кого — не помнит, сам же его не видел. По поводу этих слухов уездный исправник выезжал в м. Борисполь для разъяснения ложности и нелепости их, причем успел привести рабочих г. Горецкого к сознанию своей ошибки, и таким образом порядок водворен. С тем вместе исправником поручено местному становому приставу и волостному старшине иметь постоянное по этому предмету наблюдение и принять надлежащие меры к предупреждению распространения подобных слухов, о чем также сделано внушение и урядникам смежных селений[2].

11. Стачка землекопов на Або-Тавастгусско-Таммерфорсской железной дороге 8 июля 1874 г.

I. Донесение помощника начальника финляндского жандармского управления в г. Або в III отд. от 27 июля 1874 г. за № 25.

Крестьяне Тверской губернии, числом 126 человек, по письменному условию наняты в г. Риге подрядчиком евреем купцом Ратмером для

[1] То же дело, лл. 100—101. Печатается по копии.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, л. 104. Печатается по копии.

земляных работ Або-Тавастгусско-Таммерфорсской жел. дор., и работа началась с 1 июня сего года. Хоть и по желанию рабочих 20 июня были изменены противу первого условия некоторые статьи, на которые Ратмер и согласился, но как подрядчиком не было выдано печатных книжек по причине, что нужно было послать в Петербург для напечатания расчетных книжек. Так как первоначально выданные подрядчиком книжки оказались не годны, по причине измененных некоторых в условии статей, почему Ратмер выдал письменные тетрадки за подписом своим. Но таковых тетрадок рабочие от подрядчика Ратмера не приняли, а требовали, чтобы книжки были бы непременно печатные. 8 июля вышеупомянутые рабочие вновь оставили работу, имея претензию и неудовольствие на подрядчика, что они из г. Риги до г. Або во время переезда на пароходе должны были кормиться на свой счет, и в первоначальном условии в 7 § сказано, «что в дороге содержание рабочего в пути должно быть его собственное, но переезд на пароходе из г. Риги до Або принимает подрядчик на свой счет, равно и по окончании работы, т. е. 1 ноября, из Або до С.-Петербурга». Вторичное условие, составленное самими же рабочими и подписано ими 23 июня, в 6 § означено: «В случае неисправности подрядчика мы. рабочие, не в праве оставить работу, а должны выбрать из каждой артели 2 или 3 поверенных, которые имеют право итти с жалобою к начальству, в противном случае мы подвергаемся штрафу, как за прогул». Несмотря на данное обязательство, рабочие вновь пришли в город. подали письменно жалобу на подрядчика Ратмера в Абоское губернское правление. Таковое прошение препровождено в Абоский магистрат для первоначального расследования.

Причина нежелания их продолжать работу, как видно, тем заставить подрядчика увеличить им плату или принудить подрядчика к расчету за полные два месяца и отправить их на свой счет в С.-Петербург, несмотря, что действительной их работы было только с 1 июня по 8 июля.

При всем моем старании убедить рабочих продолжать работу и не нарушать условия, я не успел их склонить. Проездом в г. Або и. д. финляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта барона Индрениуса 11 июля означенные рабочие приходили к его превосходительству с той же просьбой, но им было объявлено, чтобы они продолжали работу и не в праве нарушать условие, в противном случае будут высланы этапным порядком на место жительства на ихний счет.

Подрядчик Ратмер со своей стороны не препятствует и согласен к расчету с рабочими, но только они получат за действительные рабочие дни, за 1 месяц и 6 дней, и не ставит им дни, оставленные самовольно работу, как сказано в условии, «в прогул», а также в § 6 сказано, «что проезд обратно из Або до С.-Петербурга обязан подрядчик только по окончании срока найма, т. е. после 1/13 ноября сего года». Тем же рабочим, которые по расчету перебрали и остаются должными, согласен принять от них расписки.

Во все время рабочим выдавалась пища, которой они были довольны.

Окончательное разбирательство губернское правление 25-го числа сего

месяца, в присутствии губернатора графа Крейца, по допросу рабочих поодиночке определило: которые оказались более причиной в нарушении условий, так как некоторые из них грамотны, подписались за себя и за своих по просьбе товарищей, равно более оказывали нежелание принять никаких доводов. Таковых 22 человека арестованы и будут высланы посредством земской полиции до г. Выборга для дальнейшей их отсылки Остальным 84 человекам объявил граф Крейц, что их отправляют обратно на работу с тем, если они ослушаются и не будут продолжать работу, согласно принятого ими условия, то с ними будет поступлено так же, и будут подлежать к отправлению на их же счет. 20 человек добровольно возвратились к работе. При объявлении решения рабочие единогласно ответили графу Крейцу, что работать не будут у подрядчика Ратмера.

По сношении губернского правления с абоским плац-майором было потребовано 20 человек нижних чинов при одном офицере, рабочие под конвоем отправлены до места работы, расстояние от города Або 6 верст, и при отправлении рабочих лично находился абоский плац-майор господин полковник Головачев.

Майор Симанов[1].

II. Отношение петербургского градоначальника шефу жандармов от 19 августа 1874 г.

Крестьяне Тверской и Смоленской губерний, в числе 63 человек, явясь 17-го сего августа в мое управление, заявили, что они прибыли в С.-Петербург без паспортов с земляных работ в г. Або и намерены принести жалобу на неисполнение подрядчиком Ратнером[2] заключенного с ними условия о задаточных деньгах.

Из объяснений рабочих оказывается, что дело их с подрядчиком уже разбиралось по распоряжению тамошнего губернатора на месте работ еще в начале августа, последствием чего было взятие под стражу и отправление этапным порядком на родину 22 рабочих из этой же артели, а всем остальным приказано возвратиться к подрядчику; но они соглашались продолжать работу только под условием, чтобы исполнение заявленных ими к подрядчику требований было обеспечено ручательством местных властей, а так как в допущении условия этого им отказано, то они и отправились в столицу.

Не имея никакого уведомления об отлучке рабочих из г. Або, я в то же время сделал распоряжение о затребовании оттуда сведений, могут ли быть рабочие высланы на родину, вследствие чего последовал ответ, что подрядчик Ратнер просит возвратить их к нему водяным путем на его счет, если они охотно починятся этому требованию.

Имея в виду упорное нежелание рабочих этих возвратиться добровольно в г. Або и принимая во внимание, что присутствие в столице недовольной толпы, без паспортов, занятий и средств к существованию, может поселить дурной пример в рабочей среде, я вместе с сим сделал

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, лл. 87—89.
[2] Вероятно: Ратмером, как в предыдущих донесениях.

распоряжение об отправлении их на родину, по неимению у них собственных средств.

Об изложенном имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Генерал-адъютант Трепов.[1]

12. Стачка рабочих Долматовской ткацко-бумажной фабрики Зубкова в 1874 г.

Доклад царю от 16 ноября 1874 г.

В Кинешемском уезде, Костромской губернии, недавно открыта Долматовская ткацко-бумажная фабрика, принадлежащая купцу Зубкову.

Впредь до окончательного устройства этой фабрики рабочим производилась плата не от выработки, как это обыкновенно бывает, а посуточно, по 50 коп. на человека.

Ныне, с приведением фабрики в должное устройство, управляющий оною великобританский подданный Ворсвик распорядился перевести всех ткачей на задельную работу от куска.

Это не понравилось многим рабочим, и они отказались от работ на фабрике, вследствие чего им и предложено было получить расчет.

После этого означенные рабочие, под предводительством ткача мещанина Евстратия Игнатьева и крестьян Никиты Петрова и Федора Васильева, начали уговаривать прочих рабочих не оставаться на фабрике за задельную плату или требовать от хозяина увеличения этой платы против назначенной управляющим. Но так как многие из рабочих не желали оставлять фабрику, основываясь на том, что предложенная задельная плата, сравнительно с другими фабриками, представляется достаточно выгодною, то зачинщики силою стали принуждать остальных рабочих к отказу работать, отбирая от них верхнее платье и возвращая оное тем только, которые брали окончательный расчет в фабричной конторе.

По 8 т[екущего] ноября из 79 рабочих, получивших расчет, 55 человек возвратили свои паспорта в контору и снова приняты на фабрику.

О вышеизложенном доведено до сведения костромского губернатора, и приняты меры к задержанию виновников беспорядков, вышеупомянутых Игнатьева, Петрова и Васильева.

По случаю этой стачки фабрика оставалась в бездействии всего одни сутки[2].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1874 г.

15 февраля на Невском механическом заводе (Семянниковском) в Петербурге произошли волнения. 2 500 рабочих вышли из здания завода вследствие отказа администрации выдать заработную плату в уста-

[1] То же дело, л. 110—111.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, л. 117.

новленный день (четвертый случай на этом заводе). («Голос» 1874 г., 20 февраля.)

В начале апреля (на заводе Новороссийского общества) в Юзовке, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии, произошло столкновение рабочих-каменноугольщиков, хотевших устроить стачку из-за отказа директора в обещанном увеличении заработной платы, с вальцовщиками, напоенными управлением завода. Кончилось избиением и высылкой протестантов. («Вперед» 1875 г., 1 июля, № 12, стр. 373.)

Перед пасхой произошли волнения среди рабочих Саратовской железной дороги. Требование их — выдача денег перед праздниками — было удовлетворено. (Автобиография С. Волкова.)

1—4 мая бастовали рабочие на Иоанно-Дамаскинском прииске Забайкальского товарищества Гинцбурга и К°, требуя два дня отдыха в месяц. В наказание за стачку администрация уменьшила выдачу продовольствия. Агитаторы были преданы суду. (В. Семевский, т. II, стр. 708.)

В мае произошли волнения на восьми Нижнетагильских заводах Демидова из-за введения паспортных книжек. Рабочие, боясь закрепощения, отказывались их брать. Заводы закрыли. До 10 тыс. человек остались без работы. По прошествии нескольких недель рабочие стали брать книжки. («Голос» 1874 г., 23 июня, № 172.)

В июне происходила стачка на бумагопрядильной фабр. Барановых во Владимирской губ. (более точных указаний нет). (Н. Шахапов, «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ. в 70-х гг. прошлого столетия». Владимир 1929.)

В августе (?) рабочие по очистке и углублению лиговских прудов в Петербурге бросили работу из-за задержки заработной платы. («Голос» 1874 г., 11 августа, № 220.)

В августе бастовали рабочие малярного цеха Невского механического завода Русского общества в Петербурге. (Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, л. 109.)

В конце сентября (30-го?) бастовали рабочие на гвоздильной фабрике в Ландварове, Виленской губ. Дело рассматривалось мировым судьей, мировым съездом и в кассационном департаменте правительствующего сената, который признал его не подходящим под ст. 1358 уг. уложения (о стачках). (Сборник решений общего собрания кассационных деп-ов правит. сената, стр. 372. «Вперед» 1875 г., 31 декабря, № 24, стр. 754.)

29 октября забастовали рабочие суконной фабрики Лазарева в Москве. Требование — отмена штрафов за недовес, вызванный изменением способа сушки пряжи. Фабрикант продержал 4 дня рабочих запертыми в здании фабрики. Произошли беспорядки. Мировой судья, на рассмотрение которого поступило дело, признал обвинение рабочих в стачке недобросовестным. Дело было перенесено в мировой съезд, который 31 января 1875 г. приговорил 12 рабочих к семидневному аресту при арестном доме, так как требование рабочих отменить неправильные вычеты было приравнено к стремлению увеличить заработную плату, что наказывалось по 1358 ст. Сенат кассировал это решение, и в апреле 1878 г. был новый разбор дела в съезде, который признал обвинение

рабочих в стачке недобросовестным[1]. («Голос» 1875 г., №№ 48, 58, 76 и 97; «Неделя» 1875 г., № 7 и 1878 г., № 19; «Русские ведомости» 1875 г., № 42; «Новое время» 1875 г., № 42; «Современные известия» 1875 г., № 55; «Московские ведомости» 1875 года, № 44.)

В октябре была стачка на заводе Товарищества латунного производства в Петербурге. Отказалась от работы прокатная мастерская, так как администрация ввела круговую поруку во избежание кражи и грозила вычитать со всех за украденные вещи. Дело окончилось в пользу рабочих,— распоряжение было отменено. («Вперед» 1875 г., 1 мая, № 8, стр. 243.)

15 ноября произошла стачка на ткацкой фабрике Шау в Петербурге. Рабочие остановили станки и потребовали улучшения освещения (фабрика освещалась газом с собственного газового завода, и вследствие экономии, которую проводила администрация, газ горел тускло и распространял зловоние). Освещение улучшилось, но зачинщиков рассчитали. В декабре того же года ткачи снова забастовали и потребовали или увеличения поштучной платы, или лучшей основы и больше газа. Им отказали, и они потребовали расчет. Хозяин пошел на некоторые уступки. Часть рабочих (30 чел.) ушла, другая, оставшаяся, поплатилась за стачку вычетом за прогульные дни. («Вперед» 1875 г., 1 мая, № 8, стр. 240.)

В декабре произошли волнения в мастерских Петербургской станции Варшавской железной дороги. Рабочие подали в правление дороги протест против вывешенного 30 ноября объявления относительно введения 1% обложения на устройство медицинского приемного покоя. Был вызван эскадрон жандармов, но дело окончилось в пользу рабочих. Вычеты не производились, и взятые деньги были возвращены, хотя рабочие лишились даровых билетов на проезд по железной дороге («Вперед» 1875 г., 1 мая, № 8, стр. 239.)

На патронном заводе в Петербурге 80 мальчиков, занимавшихся обрезыванием гильз, приостановили работу из-за понижения задельной платы[2]. Был остановлен завод. Стачка продолжалась ½ дня. Директор уступил и рассчитал мальчиков по прежней расценке. («Вперед» 1875 г., 1 апреля, № 6, стр. 172.)

---

[1] Стачка вызвала сочувственный отклик в прессе, а судебное разбирательство этого дела породило любопытную полемику между прис. пов. Шкеневым, защитником интересов купца Лазарева на первом разборе дела в мировом съезде, и защитником ткачей, пом. прис. пов. Н. Львовичем-Кострицей.

[2] Дату этой стачки не удалось установить. Корреспондент журнала «Вперед» сообщает о ней в апрельском номере, как об «устарелом факте». По всей вероятности, стачка произошла в конце 1874 г.

1875 г.

1. Волнения на фабрике Максвеля в Петербурге в январе 1875 г.[1]

Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 17 января 1875 г. за № 15.

Помощник мой, заведывающий С.-Петербургским уездом, майор Гец от 16-го сего января за № 19 донес мне, что на бумажной фабрике купца Макселя[2], по Шлиссельбургскому тракту, произошел беспорядок, вследствие возникших недоразумений между владельцем фабрики и рабочими. Купец Максель выстроил 5-этажное здание для помещения рабочих, и так как здание это уже окончено, то Максель объявил рабочим, чтобы они перешли во вновь отстроенное для них помещение с квартир, которые в настоящее время они нанимают от обывателей, причем объявил им, что за право пользования квартирами они обязаны платить ему в месяц по 2 р. 25 к. Плату эту рабочие находят слишком высокою, потому что в настоящее время имеют квартиры от обывателей с платою по 1 р. 25 к. Несмотря на протест рабочих, хозяин настоятельно требует безусловного исполнения, вследствие чего во время объяснений хозяина с рабочими на дворе фабрики происходил сильный шум. Рабочие говорят, если хозяин не изменит предложенных им условий относительно квартир, то 18 числа они решили все не выходить на работы.

[1] На фабрике купца Максвеля рабочие бастовали еще в 1859 г. Во «всеподданнейшем» отчете III отделения за 1859 г. (л. 132) об этом говорится: «В. С.-Петербургской губернии, на фабрике купца Максвеля, 400 работников, требуя увеличения платы, оставили свои занятия, вышли с шумом на Шлиссельбургскую дорогу и насильно вынудили прочих своих товарищей последовать их примеру. Личным распоряжением начальника губернии, при содействии воинских чинов, 8 грузчиков взято под стражу, а прочие усмирены и обращены к работам» («Красный архив», т. II. А. Сергеев, «К истории рабочего класса в России», стр. 186). Волнения на этой фабрике не прекращались и позже. Об этом свидетельствует прокламация, выпущенная в 1879 г. под названием «Голос рабочего народа, живущего и работающего у подлеца Максвеля», написанная, по свидетельству Плеханова, самими рабочими (Г. Плеханов, «Русский рабочий в революционном движении», Собр. соч., т. III, стр. 180—181).

[2] Так в оригинале; следует же читать Максвеля.

Донося о сем вашему превосходительству, имею честь присовокупить. что о беспорядках этих майором Гец сообщено с.-петербургскому уездному исправнику.

Полковник Бирин[1].

2. Волнения на Путиловском заводе в Петербурге в феврале 1875 г.

Агентурные сведения от 10 февраля 1875 г.

Рабочие Путиловского механического завода (за Нарвской заставой) находятся в последнее время в весьма возбужденном состоянии, так что при первой сколько-нибудь серьезной причине легко можно ожидать с их стороны неповиновения и беспорядков; всего более они враждебно настроены против одного из директоров завода — Колесова (за налагаемые по его распоряжению на рабочих разные вычеты и штрафы), которого рабочие грозят даже поколотить при первом удобном случае[2].

3. Беспорядки на Невском механическом заводе Русского общества (б. Семянниковском) в Петербурге 10 апреля 1875 г.[3]

Служебная записка от 11 апреля 1875 г.

Рабочие завода Русского общества (бывший Семянникова, по Шлиссельбургскому тракту), в числе 2 500 человек, 10 апреля в 7 часов вечера пришли к конторе завода и требовали выдачи жалованья, но им объявили, что таковой произведено не будет; вследствие этого они начали сильно шуметь, кричать, затем бросились на помещения конторы, управляющего завода Ефимова[4] и главного инженера Ясюковича, сломали четверо ворот и выломали рамы в окнах, врывались в квартиры, где разломали все, что им попадало под руки; пристав Шлиссельбургского участка с.-петербургской пригородной полиции, прибывший на место происшествия, не мог уговорить расходившихся рабочих, почему он немедленно отправился к командиру л.-гв. казачьего полка и просил его содействия; был выслан эскадрон казаков, по прибытии которого рабочие разбежались.

В настоящее время между рабочими заметно сильное волнение, и можно ожидать сегодня вечером повторения беспорядков.

О бывшем происшествии местным приставом донесено прокурору

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, л. 121.

[2] III отд., II секретный архив, секретные сведения в пакетах за 1875 г., № Р/4.

[3] Беспорядкам на Семянниковском заводе была посвящена большая корреспонденция в журнале «Вперед» 1875 г., 15 июня, № 11. Была издана также прокламация—«Письмо к семянниковским рабочим», судя по шрифту, за границей, в типографии «Работника». Воспроизведена эта прокламация в кн. Н. Паялина «История завода Ленина» (приложение).

[4] О нем неоднократно было сообщено, как о человеке, притесняющем рабочих разными несправедливыми своими распоряжениями, чем доводил рабочих до крайности, вызывал их тем на беззаконные, подобно последнему, поступки. (Примеч. III отд.)

с.-петербургской судебной палаты, по предложению которого приступлено к следствию[1].

4. Стачка рабочих на постройке Оренбургской железной дороги в мае и июне 1875 г.[2]

Донесение оренбургского губернатора министру внутренних дел от 11 июня 1875 г. за № 1365.

От 6-го сего июня за № 1328[3] я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства о претензиях, заявленных рабочими на строящейся от г. Оренбурга железной дороге к подрядчику Синюкову, о неосновательности этих претензий, высылке рабочих на место производства работ и о назначении главным начальником края особой комиссии, под председательством генерал-майора Кузьмина-Караваева, для восстановления между рабочими порядка.

После сего генерал-майор Кузьмин-Караваев донес, что все меры кротости и убеждений, предпринятые комиссией по восстановлению порядка между рабочими железной дороги, оказались неуспешными. Попытки к соглашению их с подрядчиком, который, по убеждению комиссии, сделал им весьма значительные уступки и облегчения против контракта, вызвали их еще более к дерзости и настойчивости.

Дерзость эта дошла до того, что они в присутствии комиссии кричали: «Бунт, не будем работать!» и т. п., а один из них, именно временно-отпускной рядовой Кузьма Ларионов Нехорошев, когда генерал-майор Кузьмин-Караваев, как председатель комиссии, объяснял толпе, что все дело будет представлено на решение генерал-губернатора, выразился крайне дерзко.

В виду такого положения дела и при каждодневно возрастающей дерзости рабочих, комиссия не считала возможным возвратиться в Оренбург из рабочего лагеря, из опасения, чтобы буйная толпа рабочих не совершила каких-либо преступлений со служащими и с теми из рабо-

---

[1] Дело о беспорядках на заводе Русского общества слушалось в петербургском окружном суде с участием присяжных заседателей 13 мая 1875 г. Обвинявшиеся, как зачинщики, рабочие К. Стольберг и Васильев были приговорены к аресту при полиции на три недели. Двое других, Лазарев и Тиханов,— оправданы. (Д. III отд., 3 эксп., 1874 г., № 70, л. 123.)

[2] Корреспонденции о стачке печатались в газетах: «Голос» 1875 г., № 183; «Русские ведомости» 1875 г., № 146; «Новое время» 1875 г., № 165; «Биржевые ведомости» 1875 г., № 132. Сведения заимствованы из собственной корреспонденции газ. «Современные известия» 1875 г., № 179. Кроме того, о стачке см. цит. работы: К. Пажитнова, стр. 199, Л. Мартова, стр. 13.

[3] Донесения от 6 июня в деле не имеется, из корреспонденции же «Современных известий» мы узнаем следующее: «В первых числах июня рабочие приходили в Оренбург с жалобой на подрядчиков за дурную пищу и неправильность расчетов; главным начальником края был командирован состоявший в его распоряжении ген.-майор Кузьмин-Караваев для удостоверения по жалобам на месте. Но 8 июня внезапно выехала туда же целая комиссия с начальником губернии во главе, и послана рота солдат и сотня казаков».

чих, которые не желают уклоняться от исполнения своего долга; выразила в представлении своем необходимость безотлагательно удалить с работ главных зачинщиков беспорядков и остальных привести к повиновению страхом, так как убеждения и увещания на них не действуют.

Вслед за сим в г. Оренбург явились новые толпы рабочих с заявлением тех же претензий, о коих известно вашему высокопревосходительству из приведенного выше представления моего, причем рабочие эти уже положительно отказывались от дальнейшего производства работ по договору с своими подрядчиками. Не входя в дальнейшее разбирательство их дела, выяснившегося уже из прежних показаний и объяснений, я распорядился отправить их под присмотром на место производства работ и вслед за сим, по поручению генерал-губернатора, для восстановления нарушенного порядка, прекращения своевольства рабочих и соглашения их к продолжению работ отправился лично туда же с воинскою командою, которую генерал-адъютант Крыжановский[1] признал необходимым послать вместе со мною.

По прибытии на место я убедился, что заразительный пример отказа от работ, поданный партиею подрядчика Синюкова, подействовал на рабочих из других партий. В совокупности вся масса рабочих, не желающих исполнять заключенные условия с подрядчиками по производству работ, простиралась до 700 человек, из губерний преимущественно Нижегородской, Владимирской и Рязанской.

Признавая настоятельно необходимым положить конец беспорядкам, я прежде всего обратился к убеждению рабочих принять уступки подрядчиков и продолжать работы, разъяснив им, что упорство их, кроме вреда, не может привести ни к каким результатам, что при продолжении его виновные подвергнутся ответственности и что оставление работ скопом во всяком случае ведет к строгой каре закона, но на все мои убеждения рабочие отвечали положительным отказом подчиниться требованиям о соглашении и продолжении работ.

Единодушие, с каким они делали подобные ответы, упорство и нежелание входить ни в какие соглашения с подрядчиками, а равно требования от них сверх договорной платы убедили меня, что между рабочими всех партий существует стачка. Я указывал им на ответственность, которой они подвергаются в случае упорства, но все эти попытки остались тщетными; при этом я узнал, что зачинщики стачки грозили смертию тем из своих товарищей, которые отступят от общего дела, и что рабочие по всей строящейся линии железной дороги ожидают исхода жалоб со стороны рабочих партий Синюкова и Кузнецова с целию отказаться от условия с подрядчиками. Но так как комиссия, по самом тщательном разбирательстве всех претензий, не нашла сколько-нибудь основательных причин упорства рабочих, убедившись в этом и лично, я, при полной безуспешности убеждений, вынужденным был прибегнуть к крайним мерам, а именно: по указанию комиссии и по собственному своему усмотрению арестовал из числа рабочих главнейших зачинщиков, наказал 6 из них для вразумления и внушения страха другим телесно,

[1] Оренбургский генерал-губернатор.

розгами, от 5 до 12 ударов, а 12 человек, поименованных в прилагаемом при сем списке, отправил для заключения в оренбургскую тюрьму. Считаю нужным удостоверить ваше высокопревосходительство, что эти меры были вызваны необходимостью, в виду того значения, какое могло бы иметь всякое послабление стачек рабочих для всей линии. Впечатление, произведенное этими мерами на остальную массу рабочих, было таково, что они после недолгого колебания оставили свои претензии, приняли уступки подрядчиков сверх условий договора и согласились продолжать работы. Достигнув таких результатов, я возвратился в Оренбург.

Считая долгом довести о сем до сведения вашего высокопревосходительства, имею честь присовокупить, что в отношении 12 человек, отправленных мною в оренбургскую тюрьму, как главных зачинщиков, я полагаю применить меру высылки в другие губернии, указанные в циркулярных предложениях от 6 июля 1870 г. за № 1906 и 30 сентября 1871 г. за № 227, о чем вместе с сим я вошел с представлением к г. оренбургскому генерал-губернатору[1].

Губернатор фон (подпись неразборчива)[2].

5. Стачка рабочих бумагопрядильной фабрики Н. Коншина в Серпухове 25 июня 1875 г.[3]

I. Доклад царю от 1 июля 1875 г.

В городе Серпухове на бумагопрядильной фабрике Николая Коншина рабочие, в числе 2 500 человек, устроили стачку и с 25-го минувшего июня совсем прекратили работы. Поводом к этой стачке послужило отчасти произвольное со стороны хозяина фабрики распоряжение о том, чтобы штуки миткаля вырабатывались 3 и 4 аршинами длиннее, чем прежде, а плата за работу оставлена без изменения. Главным же образом рабочие недовольны существующим на фабрике Коншина обыкновением работать под все праздничные дни до 6 ч. утра, что лишает рабочих возможности посещать в эти дни церковь. Такое же обязательство существовало прежде и на других фабриках в Серпухове, но давно уже отменено, а Николай Коншин попрежнему настаивает на исполнении такового.

---

[1] С разрешения оренбургского генерал-губернатора были высланы: в Архангельскую губ.—рабочие Федор Прохоров, Кузьма Нехорошев, Степан Клопов, Алексей Орлов; в Вятскую губ. — Иван Климов, Ларион Соловьев, Максим Тимофеев и Протасий Кириллов; в Вологодскую губ.—Александр Зотов, Иван Утов, Николай Хонский и Михаил Роганов. (То же дело, л. 6.)

[2] Д. деп., пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1875 г., № 158, лл. 1—3.

[3] Корреспонденции о стачке печатались в газетах: «Голос» 1875 г., №№ 184, 187, 188; «Современные известия» 1875 г., № 186; «Новое время» 1875 г., №№ 166, 184, 185, 186, 187; «Московские ведомости» 1875 г., №№ 177, 179, 182; «Петербургские ведомости“ 1875 г., № 178; «Русские ведомости“ 1875 г., №№ 146, 149 и «Биржевые ведомости» 1875 г., №№ 175, 183. Последние две газеты перепечатали корреспонденции из «Голоса». Подробная корреспонденция была помещена также в журнале «Вперед» 1875 г., № 22, 1 декабря. О стачке на фабрике Коншина упоминается в цит. выше работах: С. Прокоповича, стр. 54, Л. Мартова, стр. 13, М. Балабанова, стр. 239, К. Пажитнова, стр. 199.

Перед празднуемым 24 июня Ивановым днем, пришедшимся в нынешнем году во вторник, приказчики Коншина объявили рабочим, что желающие праздновать этот день должны отработать его в воскресенье 22 июня, что большинство рабочих и исполнило, не пошло же на работу только около 300 человек, некоторые из коих, замеченные полицией в подстрекательстве, в то же время арестованы. Затем, 25 июня, рабочие всей массой отказались от работы, заявив, что ожидают разрешения митрополита по вопросу о производстве работ по ночам накануне праздников. Рабочие ведут себя сдержанно и никаких беспорядков не делают, но требование об отмене работ в упомянутое время предъявляют настойчиво и единодушно, несмотря ни на какие увещания как местных властей, так и лиц, командированных московским губернатором для принятия мер к миролюбивому разрешению означенных недоразумений.

Окончательный исход этих недоразумений еще неизвестен [1].

II. Донесение исполняющего должность начальника московского губернского жандармского управления в III отделение от 30 июня 1875 г. за № 1131.

Помощник начальника московского губернского жандармского управления в Серпуховском и Подольском уездах от 28-го сего июня доносит следующее:

27-го числа сего месяца советник московского губернского правления Скородумов совместно с серпуховским исправником и им, подполковником корпуса жандармов Юзвицким, отправился на фабрику Коншина, где Скородумов обратился к рабочим с увещанием подчиниться правилам, изложенным в условиях, но рабочие не согласились на то, выражая настоятельно желание свое не работать под праздники, так как подобное правило отменено уже на фабрике Третьяковых. После долгих переговоров, веденных с выборными от рабочих и уполномоченным от этой фабрики г. Серебряковым, рабочие согласились, наконец, принять новые условия, предложенные хозяином, а именно: работа под праздники должна оканчиваться в 8 часов вечера, затем идет чистка машин; в следующий день после праздников на работу выходить вместо 6 в 5 часов утра; заработка за приостановку машин в течение недели отменяется; не желающие работать получают расчет за половину последнего месяца.

Затем, однакоже, между рабочими — ткачами и прядильщиками — произошел спор, и когда были написаны новые правила и прочитаны рабочим, то в среде последних начали говорить, что они теперь не могут принять правил, так как нет налицо всех людей (2 т. человек), а далее стали снова настойчиво просить об окончании работ в 6 часов вечера.

Рабочие утверждают, что они и прежде постоянно просили хозяина о том, чтобы не работать под праздники, но им не вняли, теперь, по

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1875 г., № 50, ч. 1, лл. 25—26.

словам их, время дорого для хозяина, а с сентября они, рабочие, поневоле идут на все условия.

Во время происходивших переговоров предложения некоторых рабочих были резки и грубы, масса волновалась и шумела, требовала расчета полным рублем, говорили: «Мы принесем и сложим свои книжки в кучу». Все действовали, как заметно, заодно, по заранее сделанному уговору; один из рабочих заявил советнику Скородумову, что он не знает, кто он такой, и у него нет знака.

Сверх того, сделалось известно, что 26-го числа рабочие с фабрики того же Коншина, придя, в числе до 300 человек, к его даче, водили около оной хороводы и пели песни; когда же стемнело, то многие фабричные в пьяном виде стали петь неприличные песни, самими ими сложенные, вставляя в них имя своего хозяина Коншина, причем кричали и вызывали его к расчету. Прибывшая полиция принудила рабочих удалиться.

28 июня советником Скородумовым был составлен официальный акт о самовольном прекращении рабочими на фабрике Коншина работ и был прочитан рабочим.

Телеграммою от 29-го сего июня подполковник Юзвицкий известил, что Коншин изъявляет согласие на окончание работ даже в 6 часов вечера с тем, что недовольные, желающие расчета, должны быть рассчитаны полумесячным заработком, о чем и вывешено объявление на фабрике.

Об изложенном имею честь донести III отделению собственной его императорского величества канцелярии в дополнение к донесению моему от 28 июня за № 1122.

Генерал-майор Воейков[1].

III. Донесение исполняющего должность начальника московского губернского жандармского управления в III отделение от 7 июля 1875 г. за № 1182.

По прибытии в г. Серпухов из Москвы командированного, по распоряжению московского генерал-губернатора, исправляющего должность московского вице-губернатора старшего советника московского губернского правления Карповича, а также товарища прокурора московского окружного суда Фукса, 3-го числа сего июля обэ эти лица, а также местный исправник и подполковник корпуса жандармов Юзвицкий прибыли на фабрику Коншина, где г. Карпович, обратившись к рабочим, объявил им от лица генерал-губернатора, что он, Карпович, прислан к ним для переговоров в последний раз, и если рабочие этого ослушаются и не пойдут на работы, то будут уже приняты решительные против них меры и затем все дальнейшие переговоры с ними будут уже прекращены.

---

[1] То же дело, лл. 97—99.

Собранные в фабричной конторе 50 человек, для выражения своих желаний от лица всех, заявили г. Карповичу, что они не могут согласиться на срок до 22 сентября, требуемый хозяином Коншиным, потому что это противно заключенному с ними условию. Рассмотрев расчетные книжки рабочих, товарищ прокурора Фукс нашел, что рабочие отчасти справедливы, так как некоторым из них истекал срок работ к пасхе 1876 года, а у других срока найма собственно нет. Для обсуждения этого вопроса предложено было удалить означенных рабочих и выяснить сущность заключенных условий. Г. Фукс объявил, что уступка хозяином должна простираться для годовых рабочих действительно до времени окончания срока, на что они, рабочие, и имеют право; относительно же прочих, признанных живущими не по тому условию, а только по прежнему соглашению, и отнесенных скорее к категории бессрочного найма, так как в книжках значится срок пятимесячной расценки, а не условие найма, то, в виду этого упущения и желания установить одно общее для всех правило, положено было просить хозяина изменить последний срок уступки: вместо 22-го числа сентября, до пасхи 1876 г.

После объяснения Карповичем вышеозначенного г. Коншину и убеждения последнего товарищем прокурора в справедливости просьбы рабочих г. Коншин согласился на все. Написанное в смысле сделанных уступок объявление было выставлено на фабрике.

Прибыв 3-го же числа в г. Серпухов, я принял личное участие в комиссии по обсуждению вопроса относительно сделанных новых уступок рабочим.

Вечером того же дня г. Карпович с товарищем прокурора и исправником были на фабрике, где удостоверились вполне, что все рабочие согласились на другой же день пойти на работы с утра, причем рабочие просили поднять иконы и благословить новое свое дело отслужением благодарственного молебствия, благодарили хозяина и начальство за уступки и обоюдное соглашение с хозяином.

В это же время заявлено было полицией г. Карповичу, что замечен был между рабочими посторонний человек, оказавшийся впоследствии мещ. Балашевым, который внушал рабочим «настаивать на своем и не слушать начальства». Он был задержан и доставлен в полицейское управление, где тотчас же и было произведено о том дознание полицией.

Независимо от того, по указанию служащих на фабрике Коншина лиц, задержан был рабочий, временно-отпускной рядовой Никифор Макушин, который также подговаривал рабочих не уступать и требовать от начальства, чего желают, в виду того, что в с. Зуеве на фабрике Морозова было то же, и рабочие взяли свое.

4-го числа дано было знать с фабрики Коншина, что все рабочие принялись за работы, и когда комиссия в 9 часов утра туда прибыла, то нашла все в должном порядке.

В 12 часов дня приехавший накануне московский генерал-губернатор прибыл на фабрику, где работа прекращена была заранее, и народ до 2½ тысяч ожидал его сиятельство на дворе, где под устро-

енной палаткой собралось духовенство для предстоящего молебна. Обойдя ряд рабочих, генерал-губернатор высказал свое неудовольствие на действия их и указал им путь, как бы они должны были выразить начальству свои желания и просьбы законным порядком. Затем совершено было молебствие соборным протоиереем с водоосвящением и провозглашением многолетия государю и всему царствующему дому. Протоиерей сказал краткое, но приличное делу слово в разумение рабочим.

После того его сиятельство сделал им снова внушение за произведенные беспорядки, высказал ту великую милость государя к народу, которую он им даровал и за которую они должны возблагодарить послушанием, выразил им надежду, что они загладят свою вину и честно исполнят свое обещание. Народ весь благодарил князя и выразил свою признательность криком радости, провожая его. После сего генерал-губернатор, обойдя фабричные корпуса, где в присутствии его и начались работы, отправился в тот же день в 2 часа в Москву, предварительно вызвав по телеграфу отсюда исправляющего должность московского губернатора Перфильева, которому поручил дальнейшее расследование дела и приведение всего в порядок.

Вечером комиссия, имея в виду список рабочих фабрики Коншина, замеченных в разных неправильных действиях во время происшедших беспорядков, вызвала из них более виновных, которые в полицейском управлении и были опрошены в присутствии действительного статского советника Перфильева.

По приказанию генерал-губернатора, кроме вышеназванных мещанина Балашева и отпускного рядового Макушина, задержаны и отправлены в Москву 7 человек, оказавшиеся более других вредными по влиянию своему на рабочих, а именно крестьяне: Серпуховского уезда Алексей Родионов, Василий Ефимов, Тарусского — Тимофей Гуреев, Иван Буданов, Серпуховского — Никифор Панфилов, Тарусского — Измаил Кудинов, Серпуховского — Петр Иванов [1].

Дознание по участию этих лиц в произведении беспорядков поручено генерал-губернатором старшему советнику губернского правления Карповичу, под наблюдением исправляющего должность московского губернатора Перфильева.

Об изъясненном имею честь донести III отделению собственной его императорского величества канцелярии, в дополнение к донесению моему от 30-го минувшего июня за № 1131.

Генерал-майор Воейков [2].

---

[1] В № 15 за 1876 г. журнала «Вперед», в корреспонденции «Тюремная пытка в России», сообщаются сведения о дальнейшей судьбе арестованных рабочих: «В Печенежской тюрьме сидят 2 государственные преступника (такова подпись над дверьми их камер), заключенные без суда административно на 10 лет: это рабочие, подговорившие в 1875 г. в июле своих товарищей на стачку за ограничение числа рабочих часов (в Серпухове)».

[2] То же дело, лл. 105—108.

IV. Из обзора Серпуховского и Подольского уездов Московской губ., составленного капитаном корпуса жандармов Юзвицким.

О фабриках

Около 7 лет находясь в г. Серпухове, одном из главных мест центра нашей фабричной деятельности Московской губ., я имел возможность проследить и ознакомиться с разными случаями беспорядков на фабриках и вообще с неправильными действиями фабричной администрации. Эти беспорядки, вызванные нарушением условий с той или другой стороны, т. е. рабочих и преимущественно самих фабрикантов, были причиною бывших стачек рабочих, имеющих в виду увеличение заработка. Со стороны хозяев было более оснований к неудовольствию на них рабочих: тяжкие условия, недоброкачественность материала для работ, усиленные вычеты за прогул и порчу работы и другие требования в интересах фабриканта.

Последние беспорядки на фабрике Н. Коншина являются совершенно другого характера. Под благовидным предлогом иметь время ходить в церковь, рабочие, в числе 2 500 чел., все разом прекратили работу, и, несмотря на настоятельные внушения начальства и некоторые уступки со стороны хозяина, рабочие не приступали к работам до удовлетворения их в настоящем требовании. Они не производили открытого беспорядка или какого бы то ни было насилия, а, действуя нераздельно массою, желали только выказать, что дело их общее и требование законное. Рабочие понимали, что всякое противное с их стороны действие вызовет судебное преследование. Заранее обдуманное их действие, причем они ссылались на смысл самого закона, карающего их за нехождение в церковь, имело основанием нарушение условий самим хозяином. Рабочие указывали, что только у двух братьев Коншиных на фабриках производилась работа под праздники, на других же везде была отменена, как незаконная. Впоследствии из обстоятельств этого дела было обнаружено:

1) Тяжкое условие: вычет половины заработка с рабочих, уходящих до срока найма, чего почти нет нигде. В № 195 газеты «Голос» выставлены некоторые тяжелые условия на одной из московских фабрик, совершенно соответствующие таковым же на фабрике Николая Коншина.

2) Условия не были известны рабочим, так как во время найма таковые находились в конторе, а в ночлежных помещениях и в корпусных зданиях они выставлены не были.

3) Увеличение размера штук миткаля с 55 арш. и 58 и более без объявления о том вперед рабочим и с платою по старому расценку, что и было уже обнаружено самими рабочими. Дело крайне предосудительное.

4) Усиленные штрафы за прогул часа — до денного и двухдневного заработка.

И 5) самое главное — работа по праздники и окончание таковой вместо 6 час. утра, как сказано, в 8 и даже 9 часов, так как рабочие должны были еще докончить запростойную работу в течение недели, совершенно от них не зависящую. Все это нарушало даже самое условие. В особенности же рабочие были недовольны простойной работой. Чистка машин была обязательна.

Высказывая все это, рабочие, однако, не протестовали против этого, так [как] сами подчинялись этим условиям, не желая оставаться без работы. Расчетные же книжки им были выданы уже впоследствии, спустя месяц и более.

При рассмотрении самых книжек товарищем прокурора найдено было, что в таковых, кроме найма для годовых рабочих, срок другим не был определен, а потому они считались как бы бессрочными, и хозяин во всякое время мог с ними поступить, как желал. Кроме того, в книжках не было внесено время окончания работ под праздники, что составляло главное и коренное условие. Работая же до 8 и 9 часов, рабочие, действительно, не имели возможности ходить в церковь, о чем они и заявляли еще до пасхи хозяину; но на это не было им обращено внимания. Сам хозяин почти не бывает на фабрике, предоставляя вести дело своему уполномоченному и фабричной конторе, где часто принесенные жалобы не доходят до хозяина. Что сам г. Коншин сознавался в неправильности своих действий, тому служат доказательством сделанные им уступки, изменившие прежние условия. Задержанный посторонний человек, тарусский мещанин Балашов, поселившийся незадолго в г. Серпухове у своего отца, появился в среде фабричных рабочих только в последние дни беспорядков и не мог считаться зачинщиком дела, а признан только виновным в подговоре рабочих к поданию просьбы г. генерал-губернатору и к дальнейшему упорству и несогласию.

Подчинение для наблюдения всех городских и пригородных фабрик, которых в Серпухове до 18, одному полицейскому чиновнику, о чем я имел честь просить г. начальника губернии во время его ревизии в 1874 году, ограничилось назначением для того городского полицейского пристава, что не принесло ожидаемой пользы.

Для предупреждения такого рода беспорядков и устранения разных недоразумений было бы полезно: 1) Введение более или менее однообразных условий на фабриках. 2) Введение таковых условий сполна в расчетные книжки. 3) Для установления некоторых общих порядков на фабриках и некоторых исключительно принимаемых мер необходимо соглашение между фабрикантами той местности (уезда). 4) Где существует много фабрик, как в городе, так и пригороде, подчинить их присмотру особого полицейского чиновника, что доставило бы возможность, при наблюдении за фабриками жандармского офицера, иметь всегда возможность проверить все на месте, при пособии означенного правительственного лица. Эти же лица во время найма на фабрики рабочих могли бы проверять объявленные условия найма хозяином и, в случае чего, разъяснять таковые рабочим. И 5) прекращение работы под праздники с вечера.

В настоящее время при разработке вопроса о найме рабочих, вероятно, все это имеется уже в виду.

Подполковник Юзвицкий[1].

6. Волнения на фабриках Владимирской губернии осенью 1875 г.

I. Донесение помощника начальника владимирского губернского жандармского управления в Шуйском уезде начальнику владимирского губернского жандармского управления от 22 ноября 1875 г. за № 338.

15 сентября сего года при предписании вашего высокоблагородия за № 369 я получил копии двух секретных циркуляров начальника Владимирской губернии от 16 августа и 10 сентября за № 137 и 5576 о том, чтобы полиция следила за уплатою фабрикантами денег рабочим людям и отнюдь не дозволяла производить платежи золотом по установленной фабрикантами цене, которая превышает биржевую цену.

Ныне мною получено достоверное сведение, что в Шуе, на фабрике купца Кокушкина, открыт магазин, в котором продаются все съестные продукты, чай, сахар, обувь, ситцы и одежда. Рабочие не получают плату по 5 и 6 недель и, нуждаясь в деньгах, поневоле должны забирать в лавке Кокушкина все продукты по самым высоким ценам, а именно: мука продается по 75 коп. за пуд, сахар по 24 коп. за фунт и проч.

Если же рабочему необходимо нужны деньги ранее того срока, когда Кокушкину вздумается сделать уплату, то его заставляют брать товарами из фабричной лавки; таким образом, получая из лавки ржаную муку по 75 коп., рабочие продают ее по 61 коп., сахар — по 24 коп., продают его по 19 и 20 коп. за фунт.

Такая недобросовестность со стороны Кокушкина, по всей вероятности, должна быть известна местной полиции, но к искоренению этого зла не принимается никаких мер. Рабочие ходят по базару и продают куски сахару, а полиция не обращает на это никакого внимания. Между тем мне достоверно известно, что рабочие Кокушкиным недовольны, потому что на всякий заработанный ими рубль они теряют 15 коп., а иногда и более.

Содержатели мелочных лавок около фабрики Кокушкина, нисколько не стесняясь, говорят, что к ним в лавки рабочие приносят все продукты и отдают за что ни попало, только бы получить наличные деньги, в которых они имеют крайнюю нужду, так как фабричная контора им денег не выдает и заставляет брать товарами.

На фабрике шуйского городского головы Калужского жалованье рабочим выдается тоже не аккуратно, иногда за 6 недель, а иногда и за два месяца, и если рабочему нужны деньги, то из конторы фабрики ему выдаются записки на получение продуктов из лавки Туру-

---

[1] То же дело, лл. 129—131.

шина, который у рабочих берет эти записки по 90 коп. за рубль или заставляет их брать продуктами. В последнем случае рабочие получают товары по высокой цене, продают их по лавкам или па базаре и теряют огромные проценты.

В Иваново-Вознесенске, на фабриках Зубковых, на-днях выдали рабочим плату сериями и присчитали проценты за месяц и за два вперед, а так как в этом городе нет казначейства, где бы можно было разменять серию, то рабочие продавали их частным лицам по 49 р. 50 коп. и таким образом потеряли 2 коп. на рубль.

Донося о вышеизложенном вашему высокоблагородию, имею честь присовокупить, что к искоренению этого зла и обузданию недобросовестности фабрикантов необходимо принять самые энергические меры. Рабочие особенно недовольны фабрикантом Кокушкиным, и очень может быть, что, задолжав в фабричную лавку более той суммы, которую они заработали, откажутся от работ, и, таким образом, по вине Кокушкина может произойти стачка.

Капитан Завьялов[1].

II. Донесение начальника владимирского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 24 ноября 1875 г. за № 569.

В предупреждение могущих произойти неприязненных столкновений и пререканий между фабричным населением Владимирской губернии и фабрикантами, я имею честь представить вашему превосходительству подлинное донесение помощника моего по Шуйскому уезду за № 338 и при этом присовокупить, что я признаю невозможным оставлять фабричное население в таком угнетенном положении, в какое их ставят богатые фабриканты, злоупотребления которых дошли до крайних пределов; что со стороны моей хотя ныне и сообщено об этом г. начальнику Владимирской губернии, но я лишен убеждения в пресечении подобных беспорядков мерами, указанными законом, единственно потому, что фабриканты у местной администрации находятся в исключительном положении, и в виду этого[2], какое бы ни последовало распоряжение на бумаге, оно невыполнимо для фабрикантов на деле, а между тем пропагаторы, проникнув в среду рабочего населения, будут иметь много данных к усвоению между ними стачки с целию возбудить ропот, негодование и необузданное своеволие против государственного порядка, несмотря па самое тщательное и энергическое за ними наблюдение.

В виду вышеизложенного я считаю обязанностью довести об этом до сведения вашего превосходительства, по вниманию, что хотя г. начальник губернии, согласно прежним моим сообщениям о злоупотреблениях фабрикантов, и издал свои циркуляры за №№ 137 и

---

[1] То же дело, лл. 87—88.
[2] В тексте: этом.

5576, но распоряжения эти не только не имели должного результата, а напротив того, фабриканты еще более стали притеснять рабочее население.

Полковник Беловодский[1].

7. Стачка рабочих чугунолитейного завода Неслера в Петербурге 18 ноября 1875 г.

Агентурные сведения от 19 ноября 1875 г.[2]

18 ноября во время обеда на чугунолитейном заводе Неслера (Выборгской ч., 1-го уч., по Ораниенбургской улице) были вывешены конторщиком завода Асмусом за подписью хозяина завода Неслера новые правила относительно работы, в которых было сказано, что за каждый прогульный день рабочий будет оштрафован 2 днями; это сильно не понравилось рабочим, которые, в числе до 400 человек, не пошли после обеда на работу, а столпились у ворот завода и требовали к себе для объяснений Неслера или конторщика. Неслера в заводе не оказалось, а конторщик Асмус побоялся выйти к рабочим, и им был приглашен местный пристав, который и прибыл на место, арестовал 3 рабочих как зачинщиков, и они...[3] тотчас же получили расчет с завода. Затем ему удалось уговорить остальных рабочих итти на работу. Вечером того же дня с каждого цеха было потребовано в полицейский участок по 2 человека рабочих для объяснения их неудовольствий, и приставу удалось уговорить все цеха подчиниться новым заводским правилам, за исключением слесарного.

В настоящее время все тихо и спокойно. Рабочие же слесарного цеха будут уволены с завода, если до сегодняшнего вечера не согласятся подчиниться новым правилам[4].

Щ.

8. Волнения рабочих Сестрорецкого оружейного завода 19 ноября 1875 г.

Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления в III отд. от 2 декабря 1875 г. за № 274.

Вследствие предписания вашего превосходительства от 17-го прошлого ноября за № 4728, мною поручено было подполковнику Гец вновь проверить донесение его о готовящихся будто бы беспорядках между рабочими на Сестрорецком оружейном заводе.

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1875 г., № 104, лл. 85—86.

[2] Печатается по черновику, имеющему множество исправлений. Мы воспроизводим исправленный текст, не отмечая все зачеркнутые места, как поправки главным образом стилистического характера.

[3] Одно слово не разобрано.

[4] III отд., II секретный архив, секретные сведения в пакетах за 1875 г., № Б/58.

Ныне подполковник Гец от 27 ноября за № 321 донес мне, что по проверке вновь сведений, сообщенных им в донесении за № 314, оказалось, что рабочие до 19 ноября действительно не были удовлетворены; один цех, которым заведывал иностранец Штупель, уволенный с завода 19 ноября, не был удовлетворен за два с половиною месяца, а остальные за две недели.

Удовлетворение рабочих, как надо полагать, последовало вследствие возбудившейся переписки по поводу этого обстоятельства; это доказывается тем, что расчет получили рабочие в 12 часов ночи с 19 на 20 ноября; сперва были удовлетворены рабочие цеха Штупеля, которым следовало получить за 2½ месяца, на другой же день, т. е. 20-го числа, выдавали деньги и остальным рабочим. При этом подполковник Гец присовокупляет, что экстренный расчет в такое позднее время не мало удивил рабочих; они не знали, чем объяснить такую поспешность со стороны заводского управления в удовлетворении их деньгами.

О вышеизложенном имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник Бирин[1].

9. Стачка рабочих шелковой фабрики Л. Д. Лезерсона в Богородском уезде Московской губ. в начале декабря 1875 г.

Донесение начальника московского губернского жандармского управления в III отд. от 16 февраля 1875 г. за № 3090.

Помощник мой в Богородском и Дмитровском уездах донес мне, что рабочие, в числе 358 человек, на фабрике шелковых изделий купца Лезерсона, находящейся в Богородском уезде, в первых числах сего месяца отказались работать вследствие того, что доверенный Лезерсона, французский подданный Андрей Альтман, увеличил плату, взимаемую с работ за размотку шелка, вместо 5 коп. на 10 коп. за каждый выработанный ими фунт, и наложил по ½ коп. за каждый вырабатываемый ими аршин материи в уплату за инструмент, которым пользуются рабочие при выделке товара. Хотя купец Лезерсон и признал распоряжения Альтмана неправильными, заявив в то же время местному исправнику и капитану Кузьмину об этом, но рабочие не соглашались приступать к работам, указывая на то, что ими подана жалоба мировому судье и послано из их среды доверенное лицо к московскому губернатору и что они ищут убытков, причиненных им распоряжениями Лезерсона за прежнее время. Мировой судья при разбирательстве дела 10 декабря, постановив оставить без рассмотрения прошение поверенных от рабочих, предоставил право как поверенным, так и их доверителям заявлять свои претензии словесно. Предложением этим воспользовались 16 человек, а затем отказались от предъявления претензий, ссылаясь на то, что от имени всех рабочих послана уже просьба к губернатору и что до получения ответа

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1875 г., № 32, ч. 2, л. 9.

никто из них не приступит к работам. По возвращении посланного к губернатору доверенного рабочего все оставшиеся на фабрике рабочие, в числе 101 человека, заявили желание приняться за работу на тех условиях, какие существовали до 1 декабря сего года, с чем вполне согласился и Лезерсон, а затем явились для работы и остальные рабочие, кроме 11 человек, не прибывших на фабрику по уважительным причинам, и 4 человек, пожелавших взять расчет.

Внешнего подстрекательства к возбуждению претензий рабочих не обнаружено, а равно не усматривалось между ними преднамеренной стачки, так как впоследствии многие из рабочих сожалели о том, что напрасно прекращали работу.

О вышеизложенном имею честь донести 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии.

Генерал-лейтенант Слезкин[1].

10. Волнения на фабриках Московской губернии в 1875 г.

Из обзора Богородского и Дмитровского уездов Московской губ., составленного помощником начальника московского губернского жандармского управления капитаном Кузьминым.

Население Богородского и Дмитровского уездов занимается почти исключительно фабричною производительностью, и материальное благосостояние его находится в прямой зависимости от местных фабрикантов, зависящих в свою очередь от курса кредитного рубля, рыночных цен на материалы, ими покупаемые, и, наконец, от успеха сбыта своих произведений. Казалось бы, что эти одна из другой вытекающие зависимости обусловливали бы задельную плату рабочего на фабрике и вызывали бы ее колебания; но в действительности этого нет, и раз установленная фабрикантом плата за труд рабочему почти никогда не изменяется в будущем, хотя жизненная обстановка рабочего вообще сделалась сравнительно дороже.

Большая часть местных фабрикантов не имеет наличных капиталов, что и заставляет их производить расчет с рабочими два или три раза в год; но, чтобы не лишать возможности получать рабочему крайне для него необходимое, фабриканты выдают им книжки, а иногда и записки, по которым рабочие забирают в лавках все необходимое в долг и как бы на ответственность фабриканта. Но так как не всегда возможно обойтиться[2] рабочему без наличных денег и если получить таковые от фабриканта почему-либо рабочему будет нельзя, тогда нуждающийся в деньгах рабочий берет из лавки того же хозяина-фабриканта на книжку провизию и с большим убытком перепродает ее за наличные деньги и тем выручает себя в крайностях.

Расчетные книжки, в которых изложены правила и условия найма рабочих и выдаваемые каждому рабочему, поступающему на фабрику,

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1875 г., № 50, ч. 2, лл. 6—7.
[2] Так в тексте.

не всегда служат руководством для фабрикантов, и нередко бывали случаи нарушений ими правил, в книжках изложенных, что вызывало иногда со стороны рабочих претензии, заявляемые целыми артелями рабочих, а не в отдельности. Благодаря вмешательству местной администрации правительства, претензии эти устранялись не в ущерб рабочих, и в претензиях этих ни разу не случалось обнаружить стороннего подстрекательства к устройству стачек с целью принудить фабриканта возвысить задельную плату. Претензии эти были не более как естественное последствие нарушения фабрикантами своих обязанностей по отношению к рабочим.

Есть много данных полагать, что среда рабочих на местных фабриках как [по] условиям своего быта, так и по своим особенностям, если и может представлять агитаторам почву для развития в ней противоправительственных идей, но в почве этой никогда не укоренится и не скроется зло настолько, чтобы оно могло проникнуть и развиваться в целых массах рабочих. Случаи эти будут по большей части единичными. Пользование же земельными наделами фабричных рабочих, как крестьян вообще, мешает выработаться из рабочего тому фабричному типу, который заметен в западных европейских государствах[1].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1875 г.

В середине января 300 человек мюльщиков, подручных и мальчиков Новой бумагопрядильной фабрики в Петербурге потребовали отмены наложенных штрафов и удаления мастера. Волнения были прекращены репрессиями. 7 человек было выслано на родину. («Вперед» 1875 г., 1 мая, № 8, стр. 242.)

17 февраля произошли волнения рабочих на заводе «Беллино-Фендерих» в Одессе из-за понижения заработной платы на 15%. («Вперед» 1875 г., 1 ноября, № 20, стр. 629.)

В феврале 1875 г. половина рабочих литейной мастерской[2] завода Товарищества латунного производства взяла расчет и ушла с завода. Причина — введение новых, невыгодных для рабочих, правил об угаре металла. Вскоре часть стачечников вернулась на завод. («Вперед» 1875 г., 1 мая, № 8, стр. 243.)

В марте (?) произошли волнения рабочих свекло-сахарного завода в м. Вороновица, Подольской губ., из-за задержки заработной платы. Рабочие подали жалобу мировому судье. («Голос» 1875 г., 15 марта, № 74.)

В марте (?) на ст. Затишье Одесской железной дороги 30 рабочих ушли с работы, не дождавшись уплаты заработанных денег. («Голос» 1875 г., 29 марта, № 88.)

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1875 г., № 50, ч. 2, лл. 40—41.

[2] Всего там работало 50 чел.

В первых числах мая на заводе Новороссийского общества (Юза) в Юзовке, Екатеринославск. губ., произошли беспорядки из-за несвоевременной уплаты денег. Рабочие громили питейные заведения и лавки. Прибывшие из Бахмута солдаты и исправник арестовали 30 чел. Перед троицей беспорядки возобновились. («Вперед» 1875 г., 1 июля, № 12, стр. 373—374., см. также «Голос» 1875 г., № 141; «Русские ведомости» 1875 г., №№ 111, 141; «Новое время» 1875 г., № 123; «Современные известия» 1875 г., № 140. Все эти сведения заимствованы главным образом из газ. «Биржевые ведомости» 1875 г., №№ 140 и 176, и «Петербургские ведомости» 1875 г., № 138.)

На суконной фабрике А. Х. Моэса в Хороще, Белостокского уезда, произошли волнения из-за недостаточного освещения фабричного помещения. («Вперед» 1875 г., 31 декабря, № 24, стр. 755.)

На постройке Киево-Брестской жел. дор. произошли волнения рабочих, долго не получавших денег. Для усмирения их были вызваны жандармы, которые также настаивали на немедленной выплате заработной платы. Все же многие рабочие не дождались денег, так как наступила зима, и они, не имея теплой одежды, ушли на родину. («Вперед» 1876 г., 15 августа, № 39, стр. 512.)

На табачной фабрике Дурунча и Фишмана в Вильно забастовали кройщики. Требования — повышение заработной платы и переход рабочей кассы в руки выборных из рабочих. Двух зачинщиков выслали административным порядком в Архангельскую губ.: одного на 1 год, другого на 3 года. Стачка закончилась поражением рабочих. («Вперед» 1875 г., 15 декабря, № 23, стр. 726.) [1]

На суконной фабрике в с. Замошье, Ельнинского уезда, Смоленской губ., произошли волнения рабочих — крестьян Замошьинской волости, вызванные требованием волостного старшины наложить арест на заработанные ими на фабрике деньги для покрытия недоимок. Под давлением исправника заработок рабочих был передан старшине. Рабочие потребовали выдачи денег на руки, угрожая забастовкой. Директор фабрики, во избежание волнений, уволил всех крестьян Ельнинского уезда [2]. («Вперед» 1876 г., 15 марта, № 29, стр. 150.)

В типографии Бирукова в Одессе забастовали рабочие, требуя своевременной выплаты денег, задерживавшихся по 3—4 месяца. Деньги были выплачены, но зачинщик стачки через некоторое время был уволен. («Вперед» 1876 г., 15 марта, № 29, стр. 148—149.)

---

[1] В корреспонденциях журнала «Вперед» обычно даты стачек и волнений не указываются. Так, остается неизвестным, когда происходили волнения на фабрике Моэса и стачка на фабр. Дурунча и Фишмана в Вильно.

[2] В корреспонденции не указана дата стачки, но, исходя из того, что в номерах мартовских и февральских журнала «Вперед» описываются факты, происшедшие в 1875 г., мы и вышеописанную стачку предположительно относим к этому году.

1876 г.

1. Волнения на Александровском механическом заводе Главного общества российских железных дорог в Петербурге 7 января 1876 г.

I. Доклад царю от 8 января 1876 г.

7 января, после обеда, рабочие Александровского механического завода (принадлежит Главному обществу российских железных дорог, по Шлиссельбургскому тракту), в числе около тысячи человек, не пошли на работу, а, собравшись около ворот завода, начали свистать, кричать «у! у!» и требовать отмены введенных новых правил управляющим заводом американцем Проттом.

Беспорядок был прекращен к 3 часам пополудни, и, как главные зачинщики, приставом Шлиссельбургского участка были арестованы пять человек рабочих, а именно: крестьяне Михаил Петров Евстигнеев, Федор Кириллов Дроздов, Василий Петров, Алексей Агафонов и Александр Тимофеев.

Новые правила, введенные управляющим Проттом, заключаются в следующем: 1) кто во время работы на заводе получит увечие и будет находиться на излечении в больнице, то за все время его там пребывания рабочий никакого содержания от завода получать не будет, между тем до этого времени рабочие получали в таком случае половинное жалованье; 2) даровой проезд рабочих по железным дорогам Главного общества отменяется; до этого времени рабочие, давно служащие на заводе, имели право на даровой проезд, и 3) поштучная задельная плата отменяется, а все должны быть на жалованьи, до этого же времени большая часть рабочих работала поштучно.

Вышеприведенные правила сильно стеснили рабочих и послужили поводом к беспорядку [1].

II. Доклад царю от 9 января 1876 г.

8 января рабочие Александровского механического завода явились все на работу, и все в настоящее время тихо и спокойно; управляющий Протт вывесил объявление у входа следующего содержания:

---

[1] Д. III. отд., 3 эксп., 1876 г., № 10, лл. 4—5.

«Сим объявляется рабочим Александровского завода, что штучные работы будут попрежнему, по усмотрению мастеров, под моим наблюдением». Подписано: «Управляющий Протт».

Арестованные 7-го числа пять человек рабочих ныне освобождены [1].

2. Стачка рабочих машиностроительного завода Лильпопа, Рау и Левенштейна в Варшаве 2 февраля 1876 г.

Донесение начальника жандармского управления Варшавского, Новоминского и Радиминского уездов в III отд. от 3 февраля 1876 г. за № 168.

Вчерашнего числа, около 8 часов утра, в г. Варшаве на железной фабрике Лильпопа, Рау и Левенштейна рабочие, занимающиеся в котлярном отделении [2], в числе до 100 человек, собравшись в конторе фабрики, требовали, чтобы им уплачивали зарабатываемые деньги вперед за месяц; когда же им было в этом отказано, то они угрожали прекратить работы и даже высказывали намерение вовсе оставить фабрику. Стачка эта продолжалась не более часа времени, а затем большинство рабочих, сознав неосновательность своих требований, разошлись и опять приступили к работе; таким образом, беспорядок этот окончился без всяких дурных последствий. Между тем по поверке оказалось, что упомянутая стачка состоялась по наговору нескольких рабочих с тою целью, чтобы посредством произведенных беспорядков заставить хозяина фабрики возвысить заработную плату, а потому зачинщиков и подстрекателей к этой стачке предположено удалить из фабрики.

О случае этом мною донесено начальнику варшавского жандармского округа.

Майор (подпись неразборчива) [3].

3. Стачка рабочих на ситцевой фабрике Кнорре в Петербурге 6 февраля 1876 г.

I. Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления в III отд. от 5 февраля 1876 г.

Помощник мой в С.-Петербургском уезде подполковник Гец сего числа за № 26 доносит, что на ситцевой фабрике англичанина Кнорре, находящейся в Шлиссельбургском участке при городской полиции, вчера и сегодня рабочие, в числе 120 человек, не выходили на работу на этой фабрике, по причине неудовлетворения их за два месяца заработанными деньгами.

Сего числа несколько человек рабочих явились к местному приставу и заявили ему претензию на владельца фабрики. Вследствие чего, по распоряжению пристава, работы на фабрике Кнорре приостановлены.

Донося о сем, имею честь присовокупить, что при этом никаких беспорядков не было.

Полковник Бирин [4].

---

[1] То же дело, л. 6.

[2] Так в тексте.

[3] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 25. л. 8.

[4] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 10, л. 33.

II. Записка для памяти от 6 февраля 1876 г.

За Александровско-Невской заставой сего 6 февраля рабочие ситцевой фабрики Кнорре, около ста человек, отправились в город и, как они говорили, к градоначальнику с жалобой на фабриканта Кнорре о том, что сей последний не платит им жалованье [1].

III. Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 3 марта 1876 г., за № 40.

Помощник мой, находящийся в С.-Петербургском уезде, подполковник Гец от 28-го прошлого февраля за № 41 донес мне, что дело по неудовлетворению жалованьем рабочих на фабрике Кнорре разбиралось у мирового судьи 2-го участка С.-Петербургского уезда и всем рабочим, не получившим удовлетворения, были выданы исполнительные листы, по которым в настоящее время деньги взысканы с фабриканта Кнорре.

О чем имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник Бирин [2].

4. Стачка извозчиков в Белостоке 16 февраля 1876 г.

Донесение начальника белостокского г. Бельского жандармского управления в III отд. от 18 февраля 1876 г.

Белостокские биржевые извозчики (евреи) 16-го числа сего месяца вовсе не выехали, через что, не говоря о неудобстве местным жителям, сообщение между городом и станциями С.-Петербургско-Варшавской и Бресто-Граевской железных дорог сделалось невозможным; пассажирам, приезжавшим в город, приходилось на расстояние почти двух верст итти пешком или останавливаться на станции. В таком положении приезжавшие и отъезжавшие пассажиры оставались сутки, и, вследствие сделанного мною заявления местному начальству о необходимости устранения этого препятствия, впредь до разъяснения повода стачки биржевых извозчиков, удалось при содействии белостокского уездного исправника Киселевского пригласить из ближайших деревень, Скорупы и Белосточек, легковых извозчиков, мещан и крестьян, которые хотя и не желали выехать, опасаясь преследования со стороны евреев, исключительно занимающихся этим промыслом, но, заручившись уверением исправника, что со стороны местной полиции будут вполне ограждены от всяких преследований евреев, они немедленно выехали в числе до двенадцати человек. Таким образом, с вечера 17-го числа пассажирам предоставлена возможность проезда со станции железных дорог в город и обратно.

Поводом к стачке биржевых извозчиков было не требование с их стороны увеличения таксы за езду, а собственно нежелание подчиниться распоряжению местного полицеймейстера относительно выдачи предло-

---

[1] То же дело, л. 32.
[2] То же дело, л. 51.

женной им подписки. Почти за месяц до случившегося было объявлено полицией, что к 15-му числу сего февраля м-ца все извозчики должны взять из городской думы билеты на право промысла извозом, и в то же время было сообщено думе, чтобы билеты выдавались тем только извозчикам, которые на получение таковых предъявят разрешение полицеймейстера. 15 февраля, утром, все извозчики были зазваны полицейскими чинам на пожарный двор, но, по случаю воскресенья, отпущены и вызваны на 16-е число. В этот день, 16 февраля, утром, полицеймейстером предложено извозчикам подписать изготовленную им подписку, состоявшую из 11 пунктов, заключавшихся: в порядке содержания пролеток, сбруи лошадей, одежды; указании мест для стоянки, корма и водопоя лошадей, равно обязательного имения каждым трех ярлыков за одним №: один на ремне за спиной, другой на шапке и третий при себе. Причем сказано в подписке, что после двух напоминаний виновные в неисполнении будут привлекаемы к ответственности.

Условия, изложенные в подписке, до мелочи выработанные, хотя и правильны, но для извозчиков уездного города показались стеснительными. Староста извозчичий, еврей Тодрис Штурман, явясь ко мне 17-го числа вместе с двумя извозчиками, объяснил, что они сейчас же выедут, если получат разрешение полицеймейстера на получение из думы билетов, но подписки выдать не желают, потому что, при сложности поясненного в оной и невозможности исполнения в скором времени, они подвергали бы себя ответственности.

Из всех, весьма подробных, требований полицеймейстера они признают для себя более всего неудобными два: т. е. недозволение поить лошадей из обоих колодцев, на городской площади находящихся (дозволено только из одного, не прилегающего к улице), и ношение ярлыка на спине. Первое для них крайне стеснительно по недостаточности в г. Белостоке общественных колодезей и недоброкачественности воды из пруда и при полной возможности брать воду из городских колодцев, за право пользования коими вносят ежегодно в думу деньги, а второе, т. е. ношение ярлыков, находят как бы постыдным. После разъяснения старосте Штурману необходимости исполнения законных требований местной полиции, основанной на распоряжении г. гродненского губернатора в предписании белостокскому полицеймейстеру 1873 года за № 1200, и той ответственности, которой подвергают себя за стачку, они объявили готовность подчиниться, прося лишь ходатайства о дозволении поить лошадей из упомянутых выше городских колодцев и о непреследовании их, вслед за выдачею подписки, за те мелочи, которые затруднительно исполнить сразу.

Выслушав просьбу извозчичьего старосты, я предложил ему отправиться к полицеймейстеру для исполнения требуемого им, и хотя он являлся к нему, но до сего числа подписка не выдана, и никто из извозчиков не получил разрешения на получение билета из думы.

При этом долгом считаю объяснить следующее. В г. Белостоке нет реки, вода из пруда вообще для пищи не употребляется, колодези хотя и есть при частных домах, но к ним собственно для пойла лошадей не

допускают, а потому в виду этого, равно того, что напредь сего[1] извозчики поили своих лошадей из городских колодцев, за пользование коими вносят в думу деньги, я передавал г. полицеймейстеру просьбу извозчиков о дозволении поить лошадей попрежнему, из обоих колодцев, но удовлетворение таковой просьбы он находит излишней.

До настоящего времени вполне не выяснилось, кто именно из извозчиков евреев влияет на большинство в отношении неисполнения требования полицеймейстера по выдаче затребованной им подписки, но, насколько можно было заметить, два извозчика — Гецель Розман и Мулько-Пясечный — более других противны подчиниться вышеприведенному требованию, и, как говорят, преимущественно первый из них имеет влияние на прочих извозчиков.

Майор Подвербный[2].

5. Волнения на фабрике Максвеля в Петербурге 26 февраля 1876 г.

Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 23 марта 1876 г. за № 52.

Помощник мой, находившийся в С.-Петербургском уезде, подполковник Гец от 28-го прошлого февраля за № 42 донес мне, что до сведения его дошло, что фабрикант Максель приказал из заработанных денег удерживать со всех рабочих по 1 р. 25 к. в месяц за квартиры, независимо того, живут ли они в казарме, выстроенной для помещения рабочих на фабрике, или же на вольных квартирах; рабочие, не пользующиеся квартирою на фабрике, отказались от уплаты этих денег и 26-го числа февраля сего года отправились к губернатору с жалобою, вследствие чего 27-го числа пристав Шлиссельбургского участка пригородной полиции и фабрикант Максель были вытребованы для объяснений к начальнику губернии.

Ныне же подполковник Гец от 19-го сего марта за № 56 донес мне, что Максель в присутствии пристава Шлиссельбургского участка пригородной полиции возвратил рабочим деньги, неправильно удержанные с них из заработков, с каждого рабочего по 1 р. 25 к. в месяц, за помещение, которым некоторые рабочие хотя бы и не пользовались.

Денег этих пришлось получить на руки рабочим от 20 р. и более на человека.

О чем имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник Бирин[3].

---

[1] Так в тексте.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 32, лл. 18—21.
[3] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 10, л. 67.

6. Стачка рабочих фабрики Т. С. Морозова в м. Никольском, Владимирской губ., 1 марта 1876 г.[1]

Акт дознания

1876 года марта 5-го дня начальник владимирского губернского жандармского управления полковник Беловодский и старший чиновник особых поручений при владимирском губернаторе надворный советник Оссовский, вследствие поручения г. исправляющего должность владимирского губернатора, получившего телеграмму от покровского уездного исправника о стачке рабочих в Покровском уезде, на фабрике товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°», прибыв на эту фабрику, дознали: 1-го числа сего марта, в 9 часов утра, когда фабрика была на полном ходу и все рабочие находились на своих местах при работах, прядильщики и все прочие работавшие на прядильной фабрике люди, в числе 540 человек, вдруг все вместе оставили свои работы, вышли из прядильного корпуса и объявили управлению мануфактуры, что они не пойдут на работы до тех пор, пока не будет отменен назначенный с них в феврале месяце новый штраф и не будет вывешено на фабрике расписания о штрафах и о размере их за каждую порчу товара. О событии этом управление мануфактуры известило местную полицию только на другой день, 2 марта, когда и в этот день рабочие опять не вышли на работы, о чем покровским уездным исправником составлен акт. Дело началось с того, что в прошлом феврале месяце два главные мастера, англичане, заведывающие прядильной, внесли на фабрику подписанное директором фабрики объявление, извещавшее рабочих, что с этого месяца с них будет взыскиваться при расчете из жалованья штраф за мягкие початки, за каждые два фунта от 50 до 25 коп., смотря по достоинству пряжи. Рабочие заявили о своем несогласии подчиниться этому новому штрафу, назначенному пред окончанием заключенных с ними условий найма. Тем не менее при расчете их жалованьем 29 февраля за январь месяц контора удержала у некоторых из них из жалованья какой-то неизвестный, по словам их, «темный» штраф, который не был записан им в расчетные книжки. На Никольской мануфактуре существует тот порядок, что размер штрафа определяется главными мастерами, налагается директором фабрики, вписывается конторою в расчетные книжки и затем удерживается у рабочих из жалованья ежемесячно при расчете. Штра-

---

[1] Корреспонденции о стачке на фабрике Морозова печатались в газетах: «Голос» 1876 г., № 68; «Русские ведомости» 1876 г., № 61; «Новое время» 1876 г., №№ 11, 12; «Биржевые ведомости» 1876 г., № 66; «Московские ведомости» 1876 г., № 59. Все газеты, кроме «Русских ведомостей», почерпнули сведения из газ. «Современные известия» 1876 г., №№ 63, 64. Кроме того, в журнале «Вперед» 1876 г., № 31, также была помещена большая корреспонденция о стачке.

См. также работы: С. Прокоповича, стр. 55; Л. Мартова, стр. 14; К. Пажитнова, стр. 199; М. Балабанова, т. II, стр. 240—241; Н. Шаханова—«Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ. в 70-х гг. прошлого столетия». Владимир 1929, сб. «На баррикадах революции», стр. 9.

фы за порчу изделий чрезвычайно многочисленны и различны по размеру; так, например, за спущенные съемы с трех веретен, за допущенную из ровницы черную нитку в початок, за помарку початков и за всякий даже недосмотр какой-либо порчи тех частей машин, на которых они работают, взыскивается от 25 до 50 коп.; за пьянство 1 руб; за прогульные дни по 1, по 2 руб. и более, смотря по количеству получаемого жалованья; удерживается также у каждого рабочего из жалованья по 40 коп. за освещение казарм и какие-то пожертвования от 10 до 30 коп., смотря тоже по количеству жалованья. Между тем в условии найма рабочих ничего не говорится ни о каких штрафах, кроме вычета из рядной заработанной платы рабочего, если он не доживет на фабрике срока найма. Хотя ст. 9 особых правил по фабрике, приложенных к расчетным книжкам каждого рабочего, один экземпляр которой при сем прилагается, дает право хозяину фабрики приносить жалобу на взыскание с рабочих и мастеров штрафа за порчу изделий, но эти правила и никакие другие законы не дозволяют хозяину удерживать с рабочих самому, произвольно, в размере по своему усмотрению, из заработанной платы штрафы, расходы по фабрике и на пожертвования, как это делается на Никольской мануфактуре. При таком порядке вещей весьма понятным становится совершенно основательное опасение рабочих, что введение нового штрафа и удержание его произвольно из жалованья поставит их пред окончанием срока найма, долженствующего наступить пред самою пасхою, в такое положение, что к празднику они ничего не получат из своей заработанной платы и будут вынуждены, по необходимости, поступить в наем на Никольскую фабрику на прежних условиях. Не только одни прядильщики, но и ткачи и все прочие рабочие и мастеровые на Никольской фабрике подвергаются ежемесячно произвольному вычету из заработанной платы штрафов на расходы по фабрике и на пожертвования. Все они громко выражают свои жалобы на налагаемые на них несоразмерно с жалованьем большие штрафы и грозят также, подобно прядильщикам, оставить на фабрике свои работы. Не выражая, впрочем, никакого буйного настроения, они заявляют полную покорность и готовность немедленно отправиться на работы, если управление мануфактуры объявит им об отмене нового штрафа и если не будет взыскан штраф за эти дни, в которые они оставили и не выходили на работы. Хозяин фабрики Тимофей Морозов отказал им в отмене нового штрафа, а согласился только на сложение штрафа за два дня, если они отправятся на работу; рабочие же требуют расчета без всякого вычета. Событие это далеко не имеет того характера стачки рабочих, которое признается нашим законом (1358 ст. ул. о наказ.), потому что рабочие на Никольской фабрике прекратили работы прежде истечения условленного срока найма не для того, чтобы принудить хозяина фабрики к возвышению получаемой ими заработной платы, а были вынуждены к тому произвольным со стороны управления мануфактуры вычетом у них из заработанной платы. Поэтому принятый местною полициею на Никольской мануфактуре надзор за недопущением развития беспорядков между недовольными рабочими представляется в этом деле пока мерою

достаточною. Настоящий акт представить к г. исправляющему должность владимирского губернатора на зависящее распоряжение[1].

С подлинным верно: Полковник Белозодский[2].

7. Стачка рабочих Мышегского чугуноплавильного завода Хрущевой в Тарусском уезде, Калужской губ., 2 — 13 марта 1876 г.[3]

I. Донесение начальника калужского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 13 марта 1876 г. за № 39.

Тарусский уездный исправник от 4-го сего марта донес г. начальнику Калужской губернии, что рабочие Мышегского чугуноплавильного завода генеральши Хрущевой, находящегося в Тарусском уезде, в двух верстах от г. Алексина, прекратили 2-го сего марта работы, вследствие предложения им со стороны управляющего заводом г. Вахмистрова принять новые условия о найме[4], а равно знаки, без которых никто не будет допускаем на завод, и когда рабочие, в числе 200 человек, живущие в зданиях завода, отказались принять знаки, то завод распоряжением управляющего был закрыт.

Г. начальник губернии, препроводив ко мне донесение помянутого исправника, при отзыве своем от 5-го текущего марта за № 94, пригласил меня к себе и лично выразил желание, чтобы я принял на себя разъяснение точных причин прекращения работ на чугуноплавильном заводе г-жи Хрущевой.

Вследствие сего я в ночь того же числа отправился в сказанный завод, куда и прибыл на следующий день, т. е. 6 марта, и результатом этой поездки, из которой возвратился в Калугу 7-го числа, выяснилось следующее:

1. Рабочие прекратили работы на заводе не по своей инициативе, а по инициативе управляющего заводом г. Вахмистрова, который предложил рабочим 2-го сего марта принять новые условия о найме, а равно знаки, без которых никто не будет допускаем на заводы, где должна производиться по этим знакам поверка прихода их на завод. Таким образом, рабочие, не быв заблаговременно приготовлены к этому,

---

[1] 5 марта 359 рабочих из 540 взяли расчет, остальные встали на работу. Вскоре были приняты и остальные, кроме 34 зачинщиков.

[2] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 39, лл. 17—18. Печатается по копии.

[3] См. «Голос» 1876 г., № 76; «Московские ведомости» 1876 г., № 78; «Русские ведомости» 1876 г., № 70; «Биржевые ведомости» 1876 г., № 75; «Современные известия» 1876 г., № 83. Последние три газеты заимствовали сведения из «Голоса». Кроме того, цит. работы: С. Прокоповича, стр. 55, Л. Мартова, стр. 14, М. Балабанова, стр. 289.

[4] По донесению калужского губернатора министру внутренних дел, 1 марта управляющий заводом предъявил рабочим «весьма тяжелые для них условия, заключающие в себе огромное количество штрафов, так что, приняв эти условия, едва ли кому из них придется получить даже четвертую часть жалованья». Деп. пол. исполнит., отд. 3, ст. 1, 1876 г. № 35.

отказались принять знаки, и завод распоряжением управляющего был закрыт.

2. Рабочие, при личном моем разговоре с ними и подробном рассмотрении всех пунктов вновь составленного конторою завода условия, вполне спокойно и сознательно выказали готовность согласиться на новое условие, с изменением лишь или дополнением некоторых пунктов оного; причем последовало согласие на заявленные изменения и со стороны управляющего заводом.

3. Рабочие на предложение мое разработать это условие найма еще подробнее, по тщательном обсуждении ими и конторою завода всех пунктов условия, заявили мне совершенно неожиданно, что хотя они и соглашаются с пунктами условия, но таковое не подпишут и даже не будут рассматривать, пока не обеспечат их усадебною оседлостью, которой они не имеют и о которой ходатайствовали еще в 1862 году, но не получили будто на это никакого объявления. При этом они сослались на тяжкое положение свое в данном случае, так как, не имея усадебной оседлости, они вынуждены в случае отказа мастеровому от работы, иногда по одному даже только капризу управляющего, скитаться с одного места на другое с семействами своими, в числе которых могут быть престарелые отцы и матери, дети, изувеченные на работах завода члены семьи и т. д.

4. Рабочие, после долгих моих прений с ними о необходимости отделения вопроса об усадебной оседлости их особо от рассмотрения предлагаемого заводом условия найма рабочих, согласились с этим, но не иначе как по тщательном еще раз рассмотрении условия и особенно таксы на заработок и инструменты, о которой, т. е. таксе, вовсе не упомянуто в новом условии.

5) Рабочие на предложение мое приступить снова к работам с понедельника, 8 марта, на прежнем существовавшем порядке, но со взятием знаков, тем более, что начальство завода изъявило готовность не учитывать присшедшего прогула дней, изъявили согласие, испросив на это несколько часов времени для окончательного обсуждения, и затем, заручившись таким разрешением, испросили изложить свое заявление на бумаге вместо словесного ответа, дабы определеннее мог выясниться их ответ, в копии при сем прилагаемый.

6. Рабочие, обсудив мое предложение о начатии работ на заводе на прежнем основании, отозвались затруднением приступить к работам в том единственно внимании, что завод был закрыт по инициативе управляющего оным, а на основании циркуляра от 29 мая 1868 года № 1627[1] они имеют будто право воспользоваться от владельца завода годовою пропорциею довольствия и даже обеспеченным положением помещения; если же они явятся на работу, то за ними признается согласие итти на все условия и тем самым они лишат себя снова всякого обеспечения в будущем. Впрочем, рабочие соглашались переговорить еще раз между собою, если они могут сослаться, что пошли

[1] Положение Главного комитета об устройстве сельского состояния, утвержденное 12 марта 1868 г., о мерах к обеспечению быта горнозаводского населения.

работать по моему убеждению, и тем самым не будут лишены привилегий, изложенных в помянутом циркуляре. Затем обещали дать окончательный ответ в воскресение 7 марта[1].

В дополнение сих пунктов необходимо разъяснить, что:

А) Мышегский завод существует с 1828 года, и предпоследняя владетельница завода княгиня Бибарсова, купив от казны землю завода, построила на оной дома, в которые и поместила крепостных крестьян своих, работающих на заводе, а эти последние выстроили на свой счет на усадебной земле амбары, сараи, развели садики и огороды.

Б) Когда последовала крестьянская реформа 19 февраля 1864 года, то мастеровых этих причислили к разряду дворовых людей, т. е. не наделив их никакою землею, хотя впоследствии в разных правительственных учреждениях возникало разноречие, можно ли отнести означенных мастеровых всецело к разряду дворовых, тем более, что они всегда составляли и составляют отдельное сельское общество.

В) Мастеровые, оставаясь, таким образом, попрежнему как бы в закрепощенном состоянии к владелице завода, представили в 1862 году калужскому губернатору просьбу об оставлении в собственность их занимаемых ими усадеб и о наделе сверх того землею, ссылаясь на беспомощное положение в случае отказа им от работ на заводе, а следовательно, и от права пользования теми помещениями, которые они занимают при заводе, т. е. со всею семьею, не имея лошади, должны бродяжничать. Просьба эта была передана на рассмотрение бывшего мирового посредника Сабанеева, который в заключении своем высказал о необходимости усадебной оседлости мастеровых и возможности прирезки земли из числа заводской, предваряя, что вопрос о наделе будет постоянным замешательством в рабочем деле Мышегского завода, и действительно, в октябре 1863 года рабочие, в числе 400 душ, получив отказ в своей просьбе, рассматривавшейся в губернском по крестьянским делам присутствии, в земском отделе министерства внутренних дел и в горном правлении, начали настоятельно добиваться своих прав на усадьбу и на надел земли. Незначительное волнение, бывшее по этому поводу, было прекращено миролюбиво калужским губернатором и особой комиссией, под председательством чиновника особых поручений министерства финансов Гирса, обещанием снова рассмотреть просьбу мастеровых о наделе землею, но дело это до конца 1864 г. опять окончилось полным отказом. Тогда мастеровые подали уже всеподданнейшее прошение, ограничиваясь желанием иметь в собственность хотя одну только усадебную землю с постройками, но по прошению этому ничего не последовало, и где оно находится, не разъяснено.

Г) Рабочие, в ожидании резолюции, продолжали производить работы в мастерских завода на прежнем основании, т. е. без всяких условий, так сказать, домашним образом, подчиняясь всем распоряжениям заводского начальства, пока оно не предложило ныне принять знаки и составленные условия, а затем, при отказе на принятие знаков, за-

[1] Рабочие ответили, что не поступят на работы. (Прим. Шрамма.)

крыло и самый завод для впуска мастеровых, которых числится теперь живущими в помещениях завода до 200 человек.

Д) Затем заводское начальство предлагает очистить мастеровым с их семействами занимаемые помещения и итти куда угодно, предваряя, что об очищении помещений будет возбужден иск у мирового судьи, а мастеровые, почти нищие, имея притом на руках стариков, детей, изувеченных членов семьи, не знают, куда устроить свои семьи, пока отыщется работа.

Е) На границе заводской земли имеется государственная земля, не приносящая дохода, на которой могли бы быть устроены усадьбы, с ссудой от казны.

Таким образом, из всего изложенного ваше превосходительство усмотреть изволите, что:

1) Инициатива прекращения работ принадлежит исключительно управляющему и особенно главноуправляющему генеральши Хрущевой г. Кулешову, который, кстати будет доложить, неприлично держал себя с рабочими, позволяя себе резкие выражения.

2) Главным и существенным затруднением к улажению дела является вопрос усадебной оседлости рабочих, которые с устранением сего готовы на заключение условия и на полное подчинение заводскому начальству.

3) Отказ пойти на работу в мастерские завода на прежнем основании следует отнести скорее к страху их потерять опять право на приобретение усадебной оседлости, руководствуясь помянутым циркуляром № 1627, нежели к какой-либо стачке.

4) Все наблюдения, как с моей стороны, так и со стороны командированных мною на завод двух жандармских унтер-офицеров, показали, что толки рабочих происходят при спокойном нравственном состоянии их, без всякого желания учинить какую-либо стачку, а лишь по крайней необходимости иметь усадебную оседлость, воспользовавшись закрытием завода по инициативе заводского начальства.

5) Если дело дойдет до выселения их по решению мирового судьи, то, само собою разумеется, они не оставят добровольно своих помещений; следовательно, надо употребить силу, но тогда образуется пролетариат в 200 человек, с прибавлением нищих семей.

Доводя о сем до сведения вашего превосходительства, считаю долгом присовокупить, что начальник губернии, предполагая, что рабочие Мышегского завода могут добровольно пойти на работу с устранением введения знаков и новых условий, по крайней мере, до сентября текущего года, просил моего содействия к личному убеждению генеральши Хрущевой или ее сына, проживающих в Москве, согласиться оставить на этот срок прежний порядок работ, пока не разрешится вопрос об усадебной оседлости мастеровых завода, а потому, в видах желаемого предотвращения каких-либо волнений в среде рабочего народа, я отправляюсь с этой целию завтра, 9 марта, в Москву. Затем для наблюдения за характером могущих быть сходок в среде рабочих мною командированы на заводы два жандармских унтер-офицера, а со стороны губернатора исправник и чиновник особых поручений, и, наконец,

сколько можно заключить, на массу рабочих имеют влияние из среды их следующие рабочие: Мурашев, Конюхов, Ченцов, Каретников и Константинов, особенно два последние.

Полковник Шрамм[1]

II. Заявление рабочих Мышегского чугуноплавильного завода.

Его высокородию господину жандармскому полковнику

Общество мастеровых Мышегского чугуноплавильного завода

Объяснение

На предложенное вашим высокородием условие, составленное заводскою конторою относительно исполнения нами работ на вышесказанном литейном заводе, мы имеем честь объяснить, что на все пункты, выраженные в том условии, мы не соглашаемся, потому что некоторые из этих пунктов есть для нас обременительны.

1) Работать никогда не осмеливались отказываться и производить работы, как производили и прежде.

2) Не принимаем на себя обязанности ходить на заводе с ярлыками, которые будут для нас стеснительны; в таком лишь случае мы готовы их принять, если со стороны конторы по оным для нас не будет притеснения.

3) Квартиры, занимаемые в настоящее время нами, они должны оставаться в нашу пользу безвозмездно на праве собственности, а также и усадебными оседлостями, и в таком лишь случае мы согласимся на все изложенные конторою условия.

4) Если же конторе не заблагорассудится принять во внимание нашей просимости, согласно 3-го пункта, то пусть контора или вообще владелец завода даст нам возмездие, согласно циркуляра, изданного 29 мая 1868 года за № 1627, о мерах к обеспечению быта горнозаводского населения и частных заводов.

И — 5) Со дня поступления нами на работу и заключения с конторою формального условия, которое бы [не] было никогда и никем нарушаемо на том основании, что в случае перемены или уничтожения вышесказанного циркуляра могли бы мы себя гарантировать именно выраженным 4-м пунктом в сем объяснении[2].

III. Донесение начальника калужского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 20 марта 1876 г. за № 48

В дополнение донесения моего от 8-го сего марта за № 39, имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что рабочие Мышегского завода начали постепенно и добровольно поступать на ра-

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 119, лл. 3—11.

[2] То же дело, лл. 12—13. Печатается по копии, заверенной полковником Шраммом.

боты в мастерских завода с 9-го сего марта, а 12-го числа окончательно поступили на работы все без исключения, приняв беспрекословно вновь установленные заводом для контроля рабочих знаки или номера. Независимо этого, г. начальник губернии, в сопровождении некоторых чинов местной администрации, адъютанта вверенного мне управления штабс-капитана Тумило-Денисовича и шести унтер-офицеров дополнительного штата, отправился на Мышегский завод для окончательного восстановления порядка на заводе личным разъяснением рабочим должных с их стороны тишины и спокойствия, которые скорее всего дадут возможность озаботиться устройством их быта и разработкою надлежащих условий порядка работ на заводе по обоюдному соглашению. Рабочие, отнесясь в свою очередь с полною покорностию и почтением к разъяснениям г. начальника губернии, возвратившегося в Калугу 14-го сего марта, представляют возможным своим поведением вынести твердое убеждение, что порядок на Мышегском заводе не только восстановлен, но и не будет нарушаться, если предстоящие новые условия об отношениях рабочих к заводу будут выработаны основательно, не в короткий промежуток времени и притом с обоюдного согласия, и если разрешение вопроса об усадебной оседлости заводских мастеровых последует в благоприятном для них смысле. Последнее обстоятельство, о котором возбуждено со стороны рабочих ходатайство чрез г. начальника губернии, очевидно, не может не обратить серьезного внимания правительства, так как всякая паллиативная мера в данном случае не достигнет своей цели и заводские рабочие, оставаясь без усадебной оседлости, снова вызовут замешательства на заводе при первом неблагоприятном столкновении, особенно, если допустить случайное давление на умы рабочих со стороны лиц, пропагандирующих революционные идеи; по крайней мере, означенный вопрос, помимо участия в нем каких-либо пропагаторов, беспрерывно, с начала 1862 года, тревожит умы заводских мастеровых, сознающих свое беспомощное положение при отсутствии усадебной оседлости, как видно из краткого очерка экономического быта рабочих, изложенного в донесении моем за № 39. Впрочем, г. начальник губернии, руководствуясь таким же воззрением, возбуждает ходатайство об устройстве усадебной оседлости для мастеровых Мышегского завода на государственной земле, граничащей с заводскою землею.

Обращаясь затем к поездке своей в г. Москву, по приглашению г. начальника губернии, для личного всестороннего обсуждения с владетельницею Мышегского завода настоящего положения дел на этом заводе, имею честь доложить вашему превосходительству, что владетельница завода, дочь генеральши Хрущевой, изъявила готовность на оказание следующих льгот:

1. В случае отказа рабочих приступить теперь же к работам на заводе, предоставить им право пользования занимаемыми ими квартирами до 1 августа текущего года, с тем чтобы в течение этого срока времени производилось по распоряжению администрации Калужской губернии постепенное переселение рабочих с семействами их на другие места по указанию правительства, а вновь поступающих рабочих до

очищения квартир поместить во временных бараках, которые построить на счет завода.

2. Если рабочие заявят просьбу приступить теперь же к работам без вновь установленных знаков или номеров, то допустить им эту льготу до 1-го наступающего апреля месяца, но с тем, чтобы некоторые из рабочих, вредно влияющие на массу заводских мастеровых, были выселены в непродолжительном по возможности времени из завода.

И 3. Введение новых условий порядка работ на заводе отложить на более продолжительный срок времени, для достижения обоюдного по возможности соглашения с рабочими и с присоединением в условии заработной платы, а равно и подробной таксы на разные предметы, до заводского дела относящиеся.

Таким образом, сообщив вместе с сим г. начальнику губернии результаты личного объяснения моего с владетельницею Мышегского завода, я присовокупил, что так как принятие окончательных мер к водворению порядка на заводе принадлежит всецело начальнику губернии, то заводовладетельница, по указанию моему, предложила своему главноуправляющему Кулешову отправиться в г. Калугу к начальнику губернии, уполномочив Кулешова действовать в окончательной форме во всем за себя, и вновь присоединила просьбу об удалении вредно влияющих рабочих.

В заключение настоящего донесения считаю долгом дополнить, что на Мышегском заводе оставлены временно, по моему распоряжению, два унтер-офицера дополнительного штата вверенного мне управления для наблюдения за действиями и состоянием умов заводских мастеровых, без всякого, однако, вмешательства в суждения с ними об отношениях их к заводу, и для преследования всех подозрительных личностей, могущих появиться в среде мастеровых с целию распространения ложных идей.

Полковник Шрамм[1].

IV. Мирской приговор

1876 года марта 2 дня мы, нижеподписавшиеся, Калужской губернии, Тарусского уезда, Солопенской волости, села Мышегского завода мастеровые, быв сего числа на полном сельском сходе, при старосте Никите Смирнове, обсуждали дело, которое нам предлагал управляющий Мышегского завода Степан Егорович,— об условии об исправлении должности; мы усмотрели это условие, считаем для нас очень [тяжелым?] [2], потому показаны большие штрафы; единогласно приговорили: 1) Если из нашей среды кто возьмет билет или номер, тот будет штрафован на 5 руб. 2) Если управляющий кого сгонит с работы без причины или не примет на работу, то мы единогласно приговорили: должны защищать друг друга, в случае дать ему помощь или его семейству. 3) Если управляющий будет вызывать по одному и посылать

---

1 То же дело, лл. 17—21.
2 В копии, с которой воспроизводится приговор, в этом месте пропуск.

на работу, и кто изъявит желание, тот будет штрафован на 15 руб., тот, кто без согласия общества пойдет в заведение.

Следует 137 подписей[1].

8. Волнения на Путиловском заводе в марте 1876 г.

Агентурная записка от 23 марта 1876 г. за № 203.

Рабочие завода товарищества Путиловских заводов, что за Нарвской заставой, находятся в крайне возбужденном состоянии, вызванном[2] в них громадными штрафами, прекращениями работ, влекущими за собою усиленный отказ рабочих с завода (так в ноябре или в начале октября было отказано более 800 человек[3]), задержан[ием] жалованья и т. п. Состояние это все увеличивается и готово перейти в открытое возмущение[4]. Рабочие небольшими партиями собираются друг у друга для обсуждения настоящего своего положения. На этих собраниях некоторые предполагают действовать мирным путем, т. е. обратиться к посредству г. градоначальника, другие предлагают просто поколотить управляющего заводом г. Степанова, против которого особенно возбуждены.

По справкам оказывается, что в администрации завода действительно существуют большие беспорядки, дела в застое и служащим с большим затруднением выплачивается жалованье, задерживая его иногда по нескольку месяцев.

М. Х.[5]

9. Стачка ткачей фабрики Скороспелова (Московской губ.) в марте 1876 г.

Донесение начальника московского губернского жандармского управления в III отд. от 26 марта 1876 г. за № 867.

Помощник мой капитан Кузьмин донес мне от 22-го сего марта за № 61, что 336 ткачей фабрики купца Скороспелова, находящейся около г. Богородска, прекратили работы вследствие последовавшего со стороны фабрики распоряжения удерживать с них разницу в весе материалов, даваемых рабочим и получаемых от них после надлежащей выделки в плис. Ткачи эти, а равно и служащие в конторе, по расспросе их капитаном Кузьминым и местным уездным исправником, подтвердив сказанное, объяснили, что означенные вычеты по сие время с рабочих не производились, к тому же контора пожелала произ-

---

[1] То же дело, л. 31.

[2] В тексте: вызванное.

[3] В тексте слова, заключенные в скобках, зачеркнуты. Мы восстанавливаем первоначальный текст.

[4] Зачеркнуто от слов: «Состояние это», кончая словами: «открытое возмущение».

[5] III отд., II секретный архив, секретные сведения в пакетах за 1876 г., № Н/6.

вести их за несколько предшествовавших месяцев разом, так что рабочим на пополнение провеса приходится отдать не малую часть всего заработка. Межу тем в исчислении провесов замечены некоторые неправильности; так, например, провес, образовавшийся у рабочего фабрики, получившего окончательный расчет и уже ушедшего с нее, значится в книжке того, кто поступил на его место, и этому вновь вступившему рабочему приходится быть ответчиком за своего предместника. Причем рабочие заявили, а также и служащие в конторе фабрики не отвергали того, что получаемая на фабрику пряжа не всегда бывает одинаково суха, а вследствие большей или меньшей степени ее сырости и провес должен соответственно колебаться.

За отсутствием хозяина, купца Скороспелова, который вызывается из Москвы телеграммой, претензии рабочих о сложении с них упомянутых вычетов еще не устранена.

Стороннего влияния на возникновение претензии рабочих не замечается, и хотя они до приезда хозяина фабрики за работы приняться не согласились, но при этом других беспорядков не обнаружено.

О вышеизложенном 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии донести честь имею.

Генерал-лейтенант Слезкин[1].

10. Побег рабочих винокуренного завода И. М. Манина в Лодейном Поле, Олонецкой губ., в апреле 1876 г.

Письмо олонецкого губернатора управляющему министерством внутренних дел Лобанову-Ростовскому от 5 августа 1876 г.

Милостивый государь князь Алексей Борисович.

В последствие письма моего от 13 мая имею честь уведомить ваше сиятельство, что чиновник особых при мне поручений, которому я поручил проверить донесение лодейнопольского уездного исправника от 11-го прошедшего апреля за № 445 о побеге рабочих с винокуренного завода купца Манина, донес мне, что тульские уроженцы оставили службу на винокуренном заводе Манина и ушли на родину потому, как отозвались оставшиеся на заводе их земляки, что заводоуправление не в точности исполняло заключенные с ними условия в отношении квартиры, пищи и дачи им ежедневно положенной порции водки. Когда же и по наступлении праздников пасхи пища для них не улучшилась и в винной порции отказано было, то большинство рабочих, при воспоминании лучшей жизни на родине, загуляли и про службу на заводе с досады забыли, за что и подвергнулись установленному штрафу за каждый просроченный час по 25 коп., а за целый день по 3 руб. Действия же полиции, клонившиеся к примирению рабочих с заводоуправлением, а вместе с тем и к тому, чтобы заста-

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 53, л. 45.

вить итти на работу в завод, рабочие сочли за пристрастные действия, почему они заявили полиции, что жить при заводе не будут, и если им не выдадут паспортов, то и без них уйдут на родину, что и было ими исполнено.

Большинство, до 80 человек, ушли. Относительно поведения тульских рабочих лодейнопольцы отзываются, что народ тульский веселый, любит и умеет петь песни, в особенности подвыпивши. Те же, кто более знаком с заводом, говорят, что тульские рабочие неполадливы, сварливы, заводскому начальству иногда не уступают и любят выпить, считают себя чужестранцами и держатся особняком.

По произведенной в минувшем июле месяце губернским врачебным инспектором ревизии винокуренного завода купца Манина в гигиеническом отношении оказалось: 1) что помещение рабочих на заводе, расположенное в нескольких наемных домах, тесновато; в холодное время года от этого может быть вредное на здоровье рабочих влияние, так как в них никакой вентиляции не существует; в настоящее теплое время этого не бывает, когда свежий воздух в изобилии входит в сии помещения через открытые двери и окна, и 2) что пища рабочих хорошего качества.

Вследствие вышеизложенного я вместе с сим предписал лодейнопольскому исправнику иметь строгое наблюдение за тем, чтобы заводоуправлением купца Манина во всей исправности исполнялись заключенные с рабочими условия относительно квартир и продовольствия их.

С глубочайшим почтением и неизменною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга Григорьев[1]

11. Стачки рабочих кирпичных заводов в Шлиссельбургском уезде, Петербургской губ., в мае 1876 г.

I. Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 8 июня 1876 г. за № 95.

Помощник мой, находящийся в Новоладожском и Шлиссельбургском уездах, майор Пекарский от 2-го сего июня за № 78 донес мне, что в Шлиссельбургском уезде на 4 кирпичных заводах рабочие без всяких, повидимому, побудительных причин со стороны хозяев прекратили работы и, несмотря на заключенные условия и полученные задатки, требуют непомерного увеличения платы.

О чем имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник Бирин[2].

II. Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 12 июня 1876 г. за № 98.

Помощник мой, находящийся в Новоладожском и Шлиссельбургском уездах, майор Пекарский от 8-го сего июня за № 82 донес мне в

[1] Д. деп. пол. исп., 3 отд., ст. 1, 1876 г., № 143, л. 1.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 10, л. 111.

дополнение донесения от 2-го сего июня за № 78, что, по наведенным им неофициальным путем справкам, оказывается, что недоразумения, возникшие между владельцами и рабочими 4 кирпичных заводов в Шлиссельбургском уезде, не имеют характера стачки, а просто рабочие, воспользовавшись на одном заводе смертию владельца, а на других тем, что владельцы не успели приготовить все нужное для производства работ, предъявили свои условия, весьма невыгодные для владельцев.

Для прекращения этих недоразумений местными властями приняты деятельные меры, и, кроме того, для той же цели губернатор командировал исправника Петербургского уезда и приказал принять участие советнику губернского правления Студенкину; последний, впрочем, не поехал, находя, что и без него беспорядки эти будут прекращены. При этом майор Пекарский присовокупляет, что в настоящее время означенное дело находится в следующем положении: некоторых из рабочих, настаивающих на изменении условий найма, увольняют от работы, а некоторых наказывают розгами, конечно, прибегая в этом случае к волостному суду, а главных зачинщиков отправили в Петербург.

О чем вашему превосходительству в дополнение донесения моего от 8-го сего июня за № 95 имею честь донести.

Полковник Бирин[1].

III. Докладная записка петербургского губернатора министру внутренних дел от 25 июня 1876 г.

В последнее время на кирпичных заводах, находящихся в С.-Петербургском и Шлиссельбургском уездах, стали часто повторяться случаи внезапного прекращения работ, частию вследствие возникавших между рабочими и хозяевами недоразумений, частию же из желания рабочих поставить хозяев в необходимость возвышения заработной платы.

Принятыми своевременно мерами все недоразумения между хозяевами и рабочими уничтожены, и последние продолжают работать.

Но при подробном разборе причин описанных явлений выяснилось, что там, где прекращение работ вызвано желанием возвышения заработной платы, рабочие действовали под влиянием некоторых из своих товарищей, которым сильно доверялись.

Такое влияние особенно ясно высказалось при прекращении работ на кирпичном заводе купцов Лядовых, где 102 человека рабочих, взявших в задаток по 30 руб. на человека и деньги на харчи, вдруг прекратили работы, требуя выдачи им паспортов и соглашаясь начать работы вновь лишь в том случае, если им будет дана плата значительно высшая, чем на соседних заводах.

По произведенному дознанию оказалось, что стачка эта состоялась главным образом под влиянием трех рабочих, крестьян Калужской

---

[1] То же дело, лл. 113—114.

губернии, Масальского уезда, Григория Иванова, Онуфрия Андреева и Ильи Иванова.

Хотя по убеждении с.-петербургского уездного исправника полковника Ридингера все рабочие эти принялись снова за работы на заводе, тем не менее я не считал бы удобным ограничиться в настоящее время таким ходом дела и полагал бы необходимым, в видах предупреждения дальнейших подобных беспорядков, выслать помянутых трех крестьян в одну из губерний, указанных в циркулярном предложении министерства внутренних дел от 10 июля 1870 г. за № 1906[1].

Мера эта, я убежден, будет иметь нравственное влияние на рабочих не только указанного, но и всех окрестных заводов, люди которых, как показало секретное разведывание, внимательно следили за действиями товарищей на заводе Лядовых, с тем чтобы при удачном для рабочих исходе дела и самим уйти с завода, не заработав взятых задаточных и харчевых денег.

Долгом себе поставляю довести об этом до сведения вашего высокопревосходительства[2].

IV. Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 24 июня 1876 г. за № 106.

Помощник мой, находящийся в С.-Петербургском уезде, подполковник Гец от 21-го сего июня за № 164 донес мне, что на кирпичном заводе братьев Лядовых, находящемся в 1-м стане С.-Петербургского уезда, рабочие, в числе 100 человек, отказались от работы, несмотря на заключенный ими контракт с владельцами завода, как говорят, вследствие недоброкачественности глины, находящейся в той местности.

Уездный исправник 20-го сего июня, прибыв в Рыбацкое волостное правление, вызывал этих рабочих, причем в волостном правлении находилось 12 околоточных надзирателей и 75 человек городовых. После сделанных исправником внушений рабочие согласились продолжать работы на заводе Лядовых и, не произведя никакого беспорядка, совершенно спокойно отправились на завод.

Причем подполковник Гец присовокупляет, что, по распоряжению исправника, для наблюдения за порядком на заводе назначен один городовой.

О чем вашему превосходительству имею честь донести.

Полковник Бирин[3].

---

[1] Рабочие Григорий Иванов, Онуфрий Андреев и Илья Иванов были высланы по распоряжению губернатора в Новгородскую губ. административным порядком на 6 месяцев, что было ему министром внутренних дел Тимашевым поставлено на вид, так как высочайшее повеление от 6 июня 1871 г. не предусматривало права губернаторов устанавливать сроки высылки.

[2] Д. деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1876 г., № 107, лл. 1—2.

[3] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 10, л. 117.

12. Стачка рабочих фабрики купцов Ермаковых в Вышнем-Волочке 14 июня 1876 г.

Донесение тверского губернатора управляющему министерством внутренних дел от 16 июня 1876 г.[1]

Имею честь довести до сведения вашего сиятельства, что 14-го сего июня в г. Вышнем-Волочке на фабрике купцов Ермаковых рабочие половинщики и стельщики, в числе 114 человек, оставили работы, прося прибавки задельной платы и выставляя причиной оставления работ то, что на них будто бы налагают слишком частые и большие штрафы, но контора фабрики на прибавку платы не согласилась, почему остальные рабочие должны были оставить свои занятия, так как без вышеупомянутых 114 рабочих оказалось невозможно продолжать работы, и фабрика в настоящее время остановилась.

При этом долгом считаю доложить вашему сиятельству, что так как ни со стороны рабочих, ни со стороны фабричного управления не поступило никаких заявлений по этому делу, то местные власти и не встретили надобности принимать какое-либо участие в настоящем деле.

Губернатор Симов[2].

13. Волнения на фабриках Московской губ. (в Бронницком и Коломенском уездах)

Из обзора Коломенского и Бронницкого уездов Московской губ., составленного помощником начальника московского губернского жандармского управления от 30 июня 1876 г. за № 54.

Достаточно лишь поверхностного взгляда, чтобы убедиться, насколько бедственно и безотрадно положение рабочих. Так, хозяйство сельского населения после нескольких сряду годов, скудных урожаем, при полнейшем отсутствии капиталов, необходимых для обработки земли и других сельскохозяйственных производств, при недостатке леса, неумении примениться к условиям новой жизни, вызванным великой реформой 19 февраля 1861 года, находится в самом жалком положении. Хлебопашество в здешней местности не удовлетворяет

[1] В ответ на донесение тверской губернатор получил выговор от министра внутренних дел Тимашева за то, что не начал дознания до получения заявления от рабочих или владельцев фабрики. Тимашев, между прочим, пишет: «...Означенный беспорядок со стороны фабричного населения, выразившийся прекращением занятий с целью добиться возвышения заработной платы, составляет один из самых опасных и вредных видов стачки; предупреждение вредных последствий подобных стачек составляет постоянную заботу правительства...»

Тверской губернатор в свое оправдание заявил, что стачки на фабрике Ермаковых вообще не было: «рабочие лишь заявили свои требования, а владельцы в ответ на это сами остановили фабрику и рассчитали рабочих».

[2] Д. деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1876 г., № 103, л. 1.

потребностям населения, а потому вынуждает его прибегать к промыслам. Уезды Коломенский и Бронницкий — преимущественно промысловые уезды: кроме таких значительных фабрик и заводов, как братьев Малютиных в Раменском, братьев Деминых в Харлове, Щербаковых и Маргунова в Озерах, Струве в Коломне, существует еще значительное число второстепенных фабрик и заводов и затем уже кустарная промышленность, служившая главным подспорьем рабочему населению и, к сожалению, год от году все более поглощаемая крупными фабриками и заводами. Таким образом, значительное число населения из собственников-промышленников становится постепенно батраками фабричными, находящимися в полной зависимости от хозяев, которые в свою очередь, за весьма лишь немногими исключениями (Милютины, Струве и Сергеев), ведут дела не рационально, не заботясь о сохранении здоровья и сил рабочих, не думая о завтрашнем дне, а делая лишь все возможные усилия для достижения единственной цели — удешевления труда, причем обман, неправильный расчет рабочих и другие неблаговидные приемы не составляют исключений.

Сознание в рабочих этой беспомощности начинает сказываться, и хотя до сих пор в пределах Коломенского и Бронницкого уездов оно не выразилось еще фактическим протестом (стачка, забастовка), ограничиваясь глухим ропотом, то это благодаря лишь выносливости рабочих, а главным образом — глубоко вкоренившейся вере в благодетельную опеку правительства, поддерживающей в них твердую надежду на улучшение их быта распоряжениями свыше. Тем не менее среди рабочих есть исключительно та почва, на которой противоправительственная пропаганда может встретить сочувствие, не по недостатку преданности и любви к престолу и правительству, а исключительно вследствие тяжелого экономического положения. Вот почему скорейшее регулирование законодательным путем отношений нанимателей к нанимающимся является неотложной потребностью, могущей, без сомнения, принести существенное улучшение быта рабочих [1].

14. Волнения на суконной фабрике Ф. В. Пусловского в Слонимском уезде, Гродненской губ., летом 1876 г.

Донесение начальника жандармского управления Слонимского и Волковского уездов в III отд. от 9 июня 1876 г. за № 139.

Во вверенном моему наблюдению Слонимском уезде в 3 верстах от г. Слонима находится Альбертинская суконная фабрика помещика Франца Пусловского. Фабричные люди, приписанные к этой фабрике в числе 400 душ, не наделены землею, а получили в надел одни только усадьбы с огородами. Такое исключительное положение фабричных людей дает фабрике возможность учреждать против них монополию, так как фабричные, будучи с малолетства приучены только к фабричному суконному производству, не зная никакого другого

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 53, лл. 84—85.

ремесла и при бедности своей, не имеют возможности для приискания работ перейти на другие фабрики, большею частию отстоящие в дальнем расстоянии от г. Слонима.

В настоящее время монополия фабрики выразилась при следующих обстоятельствах. В имении Альбертине много лет от помещика Пусловского содержал в аренде корчму слонимский еврей Иосель Лидский, который распаивал фабричных людей и нередко принимал от них в уплату за водку шерсть и краски, которые некоторые фабричные воровали с фабрики. Когда срок аренды кончился, то г. Пусловский на дальнейший срок отдать корчму еврею отказал, а посадил от себя в качестве шинкаря немца, обязав его словом не продавать каждому из фабричных более 2 крючков водки в продолжение суток; тогда еврей Иосель нанял хату и сад у одной вдовы и таким образом остался на жительстве в среде тех же фабричных. Администрация фабрики, заметив, что присутствие еврея между фабричными, озлобленного противу Пусловского, продолжает вредно влиять на нравственность их, задумала совершенно выселить еврея из Альбертина, для каковой цели придумала составить приговор от имени фабричных о том, что если кто из них пожелает оставить работу на Альбертинской фабрике и приищет работу на другой фабрике, то обязан отдать в аренду свою хату и огород никому другому, как только владельцу фабрики г. Пусловскому, за сумму, какая будет назначена по оценке шести лиц, выбранных из среды тех же фабричных (подлинная копия этого приговора представлена мною начальнику гродненского губернского жандармского управления), и предложила таковой к подписи; затем тех из фабричных, которые отказались подписать этот приговор, администрация фабрики под разными предлогами отказала им от работ в числе 38 рабочих, что составляет 137 душ [1].

Вследствие подобного распоряжения фабрики около 16-го числа прошлого апреля месяца явились ко мне 7 или 8 человек фабричных с жалобою на означенные действия фабрики, вручив мне в то же время сказанную копию приговора. Я же, не бывши хорошо знаком с этим делом, обещал им предварительно видеться с местным мировым посредником и затем дать им ответ; вскоре после этого те же фабричные, именно 22 апреля, о вышеизложенном обстоятельстве подали на имя мое донесение (каковое мною также представлено начальнику губернского жандармского управления). При этом случае я объяснил им (в промежуток этого времени я успел видеться с мировым посредником), что подобный приговор существовать не может, потому что они не составляют сельского общества, а главное, как совершенно незаконный, не может быть утвержден волостным правлением, а также старался разъяснить им, что они, как люди свободные, во всякое время могут оставить фабрику, точно так же, как и владелец может закрыть фабрику или отказать тому из рабочих, который окажется ему непригодным.

Вскоре затем из донесений унтер-офицера вверенной мне команды

---

[1] Так в тексте. Повидимому, подразумеваются семьи рабочих.

Евлампиева, командированного мною для секретного дознания, в чем собственно заключается суть дела, я узнал, что между фабричными существует то убеждение, что если они подпишут какую-либо бумагу, вышедшую от Пусловского, то будут опять обращены в крепостных людей помещика Пусловского. Вслед за этим, именно 3 мая, в Шиловическом волостном правлении произошло следующее обстоятельство (деревня Шиловичи принадлежала также Пусловскому). По распоряжению сельского врача приказано было поставить шкаф с аптечными медикаментами, но крестьяне, на том основании, что шкаф этот прежде находился у фельдшера Масальского, живущего в имении Альбертине, поставить этот шкаф в волостное правление не дозволили, объясняя нежелание свое иметь этот шкаф в своем волостном правлении тем обстоятельством, что если только они примут этот шкаф, то они будут также обращены опять в подданных Пусловского. О настоящем неповиновении крестьян местным мировым посредником было донесено товарищу прокурора, которым поручено было полиции произвести дознание, но и здесь крестьяне отказались от подписи составленного протокола командированным становым приставом Кояловичем, объявляя в то же время полную свою покорность правительству, все-таки нежелание принять шкафа[1], чтобы этим не закрепостил их прежний владелец; а потому дело это передано судебному следователю.

Из полученных мною донесений от унтер-офицера Просвирнова и Иванова, командированных для дознания, а также и собранных мною лично из-под руки сведений я убедился, что как между фабричными, так и крестьянами Шиловической волости волнение в умах происходит не вследствие какой-либо антиправительственной пропаганды, а единственно только от их неразвитости, которою, вероятно, воспользовался тот же еврей Иосель вследствие своей распри с помещиком Пусловским.

Желая, с одной стороны, нравственно удостовериться, в чем именно заключается волнение в умах, а с другой стороны, надеясь убедить как фабричных, так и крестьян, что никакие прошения и бумаги не могут их никогда опять обратить в крепостных, я, совместно с уездным исправником и местным мировым посредником, лично отправился в имение Альбертин, а затем, 21 мая, ездил в Шиловическое волостное правление, но, несмотря на то, что я уже 12 лет служу в здешнем уезде, а потому лично известен многим, как фабричным, так и крестьянам, все мои доводы и убеждения остались тщетными, хотя в то же время повторяю: ни бунта и никакой антиправительственной пропаганды в действительности не существует. Более того, я просил фабричную администрацию для умиротворения настоящего принять на фабрику всех фабричных, которые были удалены, но администрация тоже отказалась это исполнить, в виду того, что этот поступок даст возможность фабричным не исполнять в точности своих работ, чрез что фабрика может понести значительные убытки.

---

[1] Так в тексте.

В дополнение вышеизложенного долгом считаю доложить, что фабричные подавали уже в гродненское по крестьянским делам присутствие прошение о наделении их полными участками земли, но получили из оного присутствия уведомление, что просьба их уважена быть не может, то в то время, когда я при разговоре с ними упомянул об этом обстоятельстве, тогда фабричные отозвались: «В таком случае мы будем просить царя-батюшку». В тот же момент к директору фабрики г. Шульцу, который стоял около мирового посредника г. Доманговича, подошла к Шульцу одна женщина с вопросом: «А за что удалили вы из фабрики моего мужа?» На это Шульц ответил: «Попроси лучше у Иоселя». Совпадение ответа Шульца данной женщине с отзывом крестьян, что они будут просить царя, выказалось таким образом, что как будто бы Шульц ответил этими словами фабричным, т. е. что им лучше просить Иоселя, а не царя. Составить об этом акт я не решился потому, во-первых, чтобы не возбудить еще более умы фабричных, имея притом в виду, что как со стороны моей, так и со стороны исправника будет представлено это обстоятельство на благоусмотрение высшего начальства; причем докладываю, что, по моему нравственному убеждению, Шульц не имел намерения этими словами оскорбить особу государя императора, тем более на это не решился бы в присутствии моем, исправника и мирового посредника; характеристика Шульца следующая: он прусско-подданный, с 8 лет от роду живет в пределах России, профессию приобрел на Белостокских суконных фабриках; около 6 лет состоит директором Альбертинской суконной фабрики и в политическом отношении ни в чем предосудительном замечен не был. Далее докладываю, что в виду пропаганды, обнаруженной в 36 губерниях и сообщенной мне при предписании от 10 мая 1875 года за № 206, мною внушено унтер-офицерам вверенной мне команды иметь самый бдительный надзор за фабриками и за учителями народных школ. А потому если бы в этом деле участвовал кто-либо из агентов антиправительственного общества, то, наверно, он был бы обнаружен и выдан теми же самыми крестьянами или евреями.

Майор Романов[1]

15. Беспорядки на Путиловском заводе в Петербурге 26 июня 1876 г.

Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 30 июня 1876 г. за № 112.

Помощник мой, находящийся в С.-Петербургском уезде, подполковник Гец от 27 июня за № 170 донес мне, что 26-го числа, в 7 часов вечера, рабочие механического и рельсового завода Путилова во время получки месячного жалованья произвели беспорядок, требуя настоятельно недополученного ими за месяц жалованья. Когда толпа рабочих стала сильно бушевать, то к ним вышел сам владелец завода

---

[1] Там же.

Путилов, которому, впрочем, удалось уговорить рабочих обождать расчета, причем некоторым выдано было половинное жалованье.

При сем подполковник Гец присовокупляет, что, кроме того, мастера, подмастерья, конторщики и другие должностные лица не удовлетворены жалованьем за три месяца, что возбуждает сильный ропот на заводе.

О чем вашему превосходительству имею честь донести.

Полковник Бирин[1].

16. Волнения на Абаканском железоделательном заводе Н. Г. Пермикина в Енисейской губ. в сентябре 1876 г.

Записка для памяти от 10 сентября 1876 г.

Получены сведения, что Енисейской губернии, Минусинского округа, на Абакинском железоделательном заводе Пермикина рабочие находятся в весьма сильном возбужденном состоянии по недостатку на заводе денег для расчета с рабочими и припасов для их продовольствия.

Если несостоятельность завода продлится еще неопределенное время, то нельзя ручаться за спокойствие рабочих, поставленных в безвыходное положение.

Енисейский губернатор телеграфировал с.-петербургскому градоначальнику, прося его объявить о вышеизложенном Пермикину для принятия с его стороны надлежащих мер. Также предписано местной полиции войти по этому предмету в сношение с заведующими складами железа Пермикина, а равно с управляющим завода[2].

17. Волнения на Сормовском механическом заводе в сентябре 1876 г.

Донесение начальника нижегородского губернского жандармского управления в III отд. от 17 ноября 1876 г. за № 297.

На Сормовском механическом заводе, Балахнинского уезда, поступивший в сентябре месяце новый старший механик, находя прежние задельные платы рабочих по токарному и слесарному делу невыгодными или высокими для завода, а вместе с тем, что люди, занимающиеся ночной работой, спят или уходят, понизил цены на работы, что возбудило между этими рабочими неудовольствие, и некоторые из них, но кто именно — неизвестно, ночью разбили в квартире механика несколько стекол, а потому управляющий заводом приказал ставить ночных караульщиков во избежание могущих быть повторений подобного случая.

Генерал-майор Коптев[3].

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 10, л. 125.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 139, л. 24.
[3] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 81, л. 37.

18. Волнения на Путиловском заводе в Петербурге 2 октября 1876 г.

Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления в III отд. от 4 октября 1876 г.

Помощник мой, заведующий С.-Петербургским уездом, подполковник Гец от 3-го сего октября за № 273 донес мне, что 2-го сего же октября на Путиловском механическом и рельсовом заводе рабочие двух цехов, стального-литейного и старо-чугунолитейного, в числе до 500 человек, произвели беспорядок, разбили каменьями окна в конторе по поводу неудовлетворения их жалованием за минувший сентябрь месяц.

Прибывшему на место происшествия подполковнику Редингеру, вместе с управляющим заводом, удалось уговорить рабочих обождать получение жалованья до присылки денег от владельца завода.

При этом подполковник Гец присовокупляет, что беспорядок на заводе начался в 7 часов вечера, а окончился около 9 часов вечера.

О чем я имею честь донести.

Полковник Бирин[1].

19. Стачка рабочих угольных копей „Кошелево" в Домброве, Петроковской губернии, 1 ноября 1876 г.

Донесение начальника петроковского губернского жандармского управления в III отд. от 18 ноября 1876 г. за № 2748.

Имею честь довести до сведения, что 1-го сего ноября месяца в дер. Домброве, Бендинского уезда, на частных угольных копях «Кошелево», переуступленных компании Французско-Италианского банка, рабочими были остановлены работы на три дня, вследствие того, что владельцы копей не хотели заплатить обещанной и уже заработанной ими платы. Об обстоятельстве этом мною немедленно было доведено до сведения начальника Петроковской губернии, который уведомил меня, что остановка работ произошла по недоразумению между владельцами копей и горнорабочими, а именно: когда копи принадлежали казне, то рабочие получали плату как за работу в угле, так и за работу вне угля, с тою только разницею, что за сии последние работы, так называемые «королевские шихты», получали уменьшенную плату.

Ныне же компания отказала им в вознаграждении за подобные работы, и как одновременно пришлось горнорабочим пробиваться к углю даром, то они вследствие этого прекратили работы, не произведя никаких беспорядков. Когда же компания убедилась, что и за такие работы следует вознаграждение, и определила таковое, то рабочие сейчас же возвратились к работам.

Подполковник Тимирев.

Адъютант штабс-капитан (подпись неразборчива)[2].

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 10, л. 155.

[2] Д. III отд., 3 эксп., 1876 г., № 49, л. 68.

20. Волнения на Соливанском сахарном заводе Киевской губ. в декабре 1876 г.

Донесение киевского губернатора министру внутренних дел от 2 января 1877 г. за № 2.

Происшествие на Соливанском сахарном графа Браницкого заводе, о котором я имел честь вчера телеграфировать вашему высокопревосходительству, как оказалось по личному расследованию васильковского исправника и особо командированного мною чиновника, не имело характера стачки между заводскими рабочими, но была лишь ссора и простая драка между приказчиком завода и рабочими. Приказчик завода, крестьянин Семякин, заметив несколько женщин, сидящих праздными в своей камере, с бранью приказывал им итти на работы и при этом одной из них, Марии Дюбочкиной, за дерзкий ответ нанес побои. Обиженная бросилась с плачем к своему отцу, также работавшему на заводе, который, отыскав приказчика на дворе, завел с ним ссору; к ним подбежали 12 других рабочих, бывших в то время на дворе, так как на заводе работала другая смена, и, когда заметили, что приказчик Семякин стоит с колом в руках, бросились отнимать у него кол и при этом нанесли ему побои. Прибывший по заявлению об этом директора завода становой пристав, узнав, что некоторые из обвиняемых в драке ушли на базар в с. Гребенки, расположенное не более одной версты от завода, послал приказание сотскому задержать их, но когда двое из них были взяты и арестованы при волостном правлении, то остальные рабочие явились туда и с угрозой требовали освобождения, заявляя, что в противном случае употребят силу. Такое же требование заявили и прибывшему с завода приставу; между тем один из рабочих успел в это время пригласить с завода еще нескольких товарищей, так что их собралась толпа около волостного правления до 50 человек, но, впрочем, не прибегая к насилию, все они отправились на завод. Вслед за ними отправился и становой пристав, взявший с собою потребованную им военную команду от квартирующей в с. Гребенках роты 70-го пехотного Ряжского полка, и на заводе арестовал, впрочем, без всякого участия военной команды, еще трех человек, оказавшихся более виновными в буйстве. Других беспорядков на заводе не было, и, как заявил управляющий заводом, рабочие, участвовавшие в беспорядках, по наступлении их очереди все явились на работы без всякого понуждения, и остановки в заводских работах никакой не было.

Полицейское дознание об этом происшествии, как не имеющем характера стачки, согласно моему предложению, передано подлежащему судебному следователю, который и освободил задержанных приставом под надзор полиции.

Доводя об этом до сведения вашего высокопревосходительства, в дополнение к телеграмме моей от 31-го минувшего декабря, считаю долгом присовокупить, что по поводу опрометчивых донесений и действий местного пристава, вытребовавшего без нужды военную ко-

манду, потребованы от него объяснения для подвержения законной ответственности.

Губернатор Гессе[1].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1876 г.

В конце февраля пильщики (350 чел.) в имении кн. Ухтомского (Финляндия) потребовали через мирового судью паспорта и расчет. («Голос» 1876, 15 марта, № 75.)

В феврале бастовали рабочие фабрики Вольфберга в Москве. («Голос» 1876 г., № 152.)

Рабочие Усольских соляных промыслов подали жалобу губернатору на условия труда (в марте 1876 г.). («Голос» 1878 г., № 104.)

21 июня забастовали 200 рабочих механического чугунолитейного завода Д. Шипова в Иваново-Вознесенске. Причина — задержка заработной платы. Полицеймейстер убедил рабочих встать на работу. Деньги были выданы на следующий день. (Н. Шаханов. «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ. в 70-х гг. прошлого столетия», Владимир 1929.)

31 июля на приисках Прибрежно-Витимской К° Сибирякова и Базанова произошли волнения рабочих, требовавших освобождения товарища, арестованного командой черкесов за тайный пронос спирта на прииски. Причины волнений, как показывают данные дознания, иные — грубое обращение с рабочими, скверная пища, высокие цены на продукты. Дело рассматривалось в якутском окружном суде. Приговор: двух рабочих наказать плетьми, одного 15 ударами, другого 30-ю, и обратить в работу на заводах на 3 года; шесть рабочих подвергнуть аресту на 1 месяц, одного — на 7 дней; двух поселенцев наказать 30 ударами розог. (Арх. Ирк. горн. управления К. 2578, № 215—269. Цит. у В. Семевского, т. II, стр. 690—693.)

В октябре произошла стачка наборщиков в типографии Линдфорса, издателя ревельской газеты. (Опись делам деп. полиции исполн., 3 отд., 1 ст., 1876 г., № 214. Дело уничтожено.)

На Поти-Тифлисской железной дороге произошли волнения среди рабочих, нанятых подрядчиком Красновым. Причина — трехмесячное удержание заработной платы. («Вперед» 1876 г., 15 июля, № 37, стр. 454.)

---

[1] Д. деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1877 г., № 1, лл. 3—4.

1877 г.

1. Волнения на Путиловском заводе и заводе Главного общества российских железных дорог в октябре 1877 г.

Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления от 26 октября 1877 г. за № 815.

Помощник мой, находящийся в С.-Петербургском уезде, подполковник Блументаль от 26-го сего октября за № 144 донес мне, что рабочие Путиловского завода должны были получить 22 октября жалованье за сентябрь месяц, но им эту выдачу снова отсрочили до 29 октября; рабочие хотя и разошлись без особого шума, но недовольство их возрастает, и они намерены, если не получат в назначенный срок жалованье, произвести беспорядки, и что 25-го сего же октября, в 10½ часов утра, на заводе Главного общества российских железных дорог в вагонном отделении произошли беспорядки между рабочими, которые кричали и требовали, чтобы к ним вышел управляющий Ветвицкий, и когда он появился, то шум увеличился, рабочие его ругали, а некоторые бросали в него грязью, о чем с.-петербургскою пригородною полициею составлен протокол.

По собранным сведениям оказалось, что Ветвицкий поступил к ним недавно управляющим и сделал новые распоряжения, весьма стеснительные для рабочих. Так, например, при старых порядках рабочий мог работать поштучно, за что получал значительную плату, лишь бы она не превышала двойной поденщины; Ветвицкий это отменил и за такую работу назначил только 30% на рубль. Жалованье им выдавалось по субботам до обеда, не воспрещалось брать с собою хлеба и оставаться в вагонном отделении во время обеда, в ночное время могли брать фонари, и если какая-либо вещь во время работы была сломана, то рабочий мог починять и исправлять сломанную или испорченную вещь в рабочее же время; Ветвицкий же сделал распоряжение, чтобы жалованье им выдавалось по окончании работ после обеда, фонари начал у них отбирать, а испорченную или сломанную рабочим какую-либо вещь заставлял исправлять без всякого за это вознаграждения; рабочие уже неоднократно просили его оказать им снисхождение, но управляющий стоит на своем.

О чем имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник Бирин[1].

---

[1] Д. III отд. 3 эксп., 1877 г., № 2, лл. 94—95.

2. Стачки рабочих суконных фабрик в Белостоке и Белостокском уезде осенью 1877 г. и в 1878 г.

I. Донесение начальника гродненского губернского жандармского управления в III отд. от 27 октября 1878 г за № 354.

По сведениям, полученным мною из гродненского губернского статистического комитета и проверенным на месте, оказывается, что в г. Белостоке с уездом состоит до 168 фабрик драповых, суконных и вообще шерстяных изделий, с 3 725 рабочими, за исключением женщин и детей, причем 89 владельцев фабрик принадлежат к еврейской национальности, 77 человек немцев и 2 католика. Сведения эти я счел нужными собрать в виду тех недоразумений, которые стали возникать с осени минувшего 1877 года между рабочими и владельцами фабрик, не прекращаясь и по настоящее время. Главную причину этих недоразумений составляет вопрос о заработной плате, повышения которой домогаются рабочие, во-первых, на том основании, что с введением так называемой золотой пошлины дела фабрикантов пошли до того бойко, что они не в состоянии бывают исполнять все обращаемые к ним заказы. Между тем отношения фабрикантов к рабочим самые неопределенные, и попытки местной администрации регулировать эти отношения встречают скорее противодействие, чем сочувствие со стороны владельцев фабрик. Так, и. д. гродненского губернатора, применяясь к 107 ст. устава о промышленности фабричной и заводской (ч. II т. XI Свода гражд. законов), в истекшем сентябре месяце чрез местную полицию предложил ввести на фабриках рабочие книжки, ибо ныне, за неимением таковых, равно как и расчетных листов, местная власть, в случае недоразумения между рабочими и фабрикантами, лишена возможности определить, которая сторона права. Но, к сожалению, фабриканты, как дошло до моего сведения, обратились к флигель-адъютанту полковнику фон-Валь с прошением, в коем ходатайствовали об отмене вышеозначенного распоряжения, а рабочим из-под руки внушили, что если они примут рабочие книжки, то этим поставят себя в крепостную зависимость от фабрикантов. Вследствие сего в г. Белостоке вечером 26-го минувшего сентября рабочие с фабрики Розенталя, будучи недовольны введением книжек на фабрике Трускера, выбили камнями окна на сей последней фабрике. Произведенное о сем дознание передано местному судебному следователю.

Нежелание фабрикантов содействовать введению рабочих книжек происходит оттого, что в настоящее время их отношения к рабочим не подчинены никакому контролю, что дает возможность фабрикантам брать рабочих, каких им вздумается, и рассчитывать их во всякое время, причем владельцы фабрик не считают даже для себя обязательным спрашивать рабочих, имеют ли они паспорты, находя, что это обязаны делать домохозяева, у которых рабочие нанимают квартиры. А так как примечанием к 114 ст. устава о промышленности фабричной и заводской г. Белосток с уездом не отнесены к

числу местностей, в коих должны быть введены обязательные для фабрик и заведений правила, изложенные в статьях 102—104, 106—109, 113 и 114 означенного устава, то местная полиция поставлена в безвыходное положение при разборе недоразумений, возникающих между фабрикантами и рабочими, а также и по надзору за последними.

Оставляя отношения фабрикантов к рабочим в настоящем положении, есть основание опасаться, что со временем беспорядки на фабриках будут повторяться все чаще и чаще и, наконец, местная власть для прекращения таковых поставлена будет в необходимость прибегнуть к открытой силе. В видах предупреждения сего было бы полезно включить г. Белосток с уездом в разряд местностей, означенных в примечании к 114 ст. устава о промышленности фабричной и заводской, с объявлением фабрикантам, что та фабрика, на которой произойдут беспорядки при введении рабочих книжек, будет закрыта.

Донося о сем, имею честь присовокупить, что о вышеизложенном мною вместе с сим сообщено и. д. гродненского губернатора.

Приложение: копия с записки к и. д. гродненского губернатора от 27 октября за № 355.

Полковник Юган[1].

II. Донесение начальника гродненского губернского жандармского управления гродненскому губернатору от 27 октября 1878 г. за № 355.

Как в г. Белостоке, так и в Белостокском уезде на существующих там фабриках разного рода шерстяных изделий уже около года возникают недоразумения между фабрикантами и рабочими. Так, из имеющихся у меня сведений видно: а) 24 ноября 1877 года рабочие Добриневской суконной фабрики, принадлежащей фабрикантам Якоби и Риберт, не явились на работы с целью заставить таким образом владельцев фабрики возвысить заработную плату, причем главными руководителями стачки оказались: английский подданный Иоанн Вильгельм Брандшау и прусский подданный Фридрих Вильгельм Клят, которые, однако, после увольнения за сие с вышеназванной фабрики были приняты в г. Белостоке фабрикантами Комихау и Филипп, по незнанию будто бы причин удаления сих рабочих с Добриневской фабрики; б) 1 марта сего года на 8 фабриках местечка Кнышина 105 человек рабочих прекратили работы вследствие того, что фабриканты-евреи вдруг понизили заработную плату с 23 коп. с аршина выделанной материи на 18 коп.; в) 22-го минувшего мая в м. Супрасле рабочий фабрики прусского подданного Онерта, Мельцер, недовольный хозяином за неправильный будто бы, по его, Мельцера, мнению, расчет заработной платы, пришел в контору и избил Онерта; когда же его арестовали, то рабочие не пошли на работы, угрожая до тех пор не ходить на фабрику, пока Мельцер не будет освобожден, что, впрочем,

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 18, лл. 50—52.

продолжалось до 27 мая; г) в исходе августа рабочие белостокских фабрикантов Бара и Комихау, затребовав увеличения заработной платы, прекратили работы и до тех пор не возобновили их, пока требование рабочих не было удовлетворено; затем 3 сентября по той же причине прекратились работы на фабрике Филиппа, и, наконец, д) вечером 26 сентября в г. Белостоке рабочие фабрики Розенталя, будучи недовольны принятием на фабрике Трускера предложенных по распоряжению вашего превосходительства ко введению на всех фабриках рабочих книжек, камнями выбили окна на сей последней фабрике.

Все эти беспорядки происходят отчасти потому, что с падением курса все вздорожало, тогда как со введением так называемой золотой пошлины фабриканты стали получать от своих фабрик большие барыши, что небезызвестно рабочим, у которых, таким образом, является естественное стремление увеличением благосостояния фабрикантов увеличивать и свое. Между тем отношения фабрикантов к рабочим совершенно не формулированы, и попытки к установлению легальных между ними отношений, как вы изволили усмотреть из поданного вам по полномочию владельцев фабрик прошения бароном Захерт, не встречают сочувствия со стороны фабрикантов, что, как говорят, даже выразилось в распущенном ими между рабочими слухе о том, что с принятием рабочих книжек фабричные поставят себя в крепостную зависимость к владельцам фабрик. Наконец, фабриканты не считают даже нужным требовать паспорты от рабочих, ссылаясь на то, что это должно лежать на обязанности домохозяев, у которых рабочие нанимают квартиры. Вследствие сего местная власть поставлена в безвыходное положение как по надзору за рабочими, так и при разборе претензий их на фабрикантов, которым, однако, настоящий порядок потому удобен, что они теперь могут принимать всяких рабочих, с паспортами и без паспортов, а также и увольнять их во всякое время. Но так как по собранным на месте сведениям оказывается, что в г. Белостоке с уездом состоит до 4 т. фабричных рабочих, которые, судя по тому, что было, едва ли прекратят свои домогательства относительно возвышения заработной платы, подкрепляя эти домогательства производством беспорядков, которые, усиливаясь, могут поставить, наконец, местную власть в необходимость для водворения порядка прибегнуть к открытой силе.

В видах предупреждения сего было бы полезно теперь же формулировать отношения фабрикантов к рабочим, для чего необходимо включить г. Белосток с уездом в разряд местностей, означенных в примечания к ст. 114 устава о промышленности фабричной и заводской (ч. II т. XI Св. гр. зак.), с объявлением фабрикантам, что та фабрика, на которой произойдут беспорядки при введении рабочих книжек, будет закрыта на срок от одного месяца до трех.

О вышеизложенном имею честь сообщить на усмотрение вашего превосходительства.

Подписал и с подлинным верно:

Полковник Юган[1].

---

[1] То же дело, лл. 53—56.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1877 г.

21 мая рабочие фабрики Шорыгина и Треумова в Ковровском у., Владимирской губ. (в количестве ок. 1 000 чел.), прекратили работы и потребовали увеличения заработной платы. Причина забастовки — большие штрафы. Администрация увеличила расценки и согласилась не делать вычетов за дни стачки. 24 мая работы были возобновлены. За активное участие в стачке шесть человек уволено с фабрики и арестовано. (Н. Шаханов, «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ. в 70-е гг. прошлого столетия».)

В мае волновались рабочие лесопильного завода Русакова в Мезенском уезде, Архангельской губ. (200 чел.). («Голос» 1877 г., № 148.)

20 июля произошли волнения среди рабочих Пермско-Екатеринбургской железной дороги (360 чел.). («Голос» 1877 г., № 176.)

Волнения на зав. Берда в Петербурге. («Деятели рев. движения», т. II, в. 3, ст. 993.)

В 1877 г. бастовали рабочие зав. Главного общества российских железных дорог в Петербурге. («Община» 1878 г., № 3—4, стр. 27.)

1878 г.

1. Стачка рабочих Екатерингофской мануфактуры в деревне Волынкиной, близ Петербурга, 17 января 1878 г.

I. Докладная записка петербургского губернатора шефу жандармов.

С.-Петербургский уездный исправник донес мне, что из числа 750 человек, работавших в Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуре, находящейся в деревне Волынкиной, 150 человек 17-го сего января, в час дня, заявили заведывающему фабрикою, что не желают более продолжать работу на фабрике. Причинами отказа от работы, по объяснению их, послужили частые и строгие взыскания с них штрафов, в размере от нескольких копеек до 7 и более рублей в месяц с человека, несправедливость этих взысканий и, наконец, наложение этих штрафов мастерами-англичанами, которые, не зная и не понимая русского языка, не могут объяснить ни поводов к наложению штрафов, ни понять оправданий рабочих.

Рабочие вели себя тихо, и никаких беспорядков не произошло, но работать эти 150 человек отказались. Управляющий помянутою фабрикою г. Трейман по уходе 150 человек отпустил и остальных 600 человек, работавших на фабрике.

Приехав на фабрику в четвертом часу, исправник уже не застал рабочих, но пристав участка, околоточный надзиратель и городовые находились близ фабрики и в оной, так что порядок был везде сохранен.

Заявив управляющему сожаление, что он отпустил и остальных 600 человек рабочих и тем как бы присоединил к числу недовольных 150 ч. всю остальную массу рабочих, которые, уйдя с фабрики и переговорив с недовольными, могут также завтра не притти на работу, исправник сделал следующие распоряжения: 1) просил управляющего утром сего 18-го числа в обычный час начала работы на фабрике, т. е. в 5 часов утра, дать звонок призыва людей на работу; 2) приказал к этому времени усилить число чинов полиции на фабрике и 3) объявил рабочим, что желающие работать могут итти в мастерские, а не желающие получат в конторе расчет.

Прибыв сего числа на фабрику в 5-м часу утра, исправник не застал рабочих, потому что управляющий изменил его распоряжение,

приказав дать звонок не в 5, а в 8 часов утра, отчего можно было ожидать, что рабочие, придя в обычный час и найдя фабрику запертою, произведут какой-нибудь беспорядок, но этого не случилось, и все рабочие, кроме недовольных 150-ти, пришли на фабрику и принялись за работу.

Так как большинство из 150 человек, отказавшихся от работы, в прошлую субботу получили жалованье и пьянствуют, то полковник Редингер остался на фабрике ожидать прибытия их за расчетом, и он уверен, что порядок ни в чем нарушен не будет.

Обо всем изложенном имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Губернатор Лутковский[1].

II. Записка начальника петербургского губернского жандармского управления от 19 января 1878 г.

Подполковник Блументаль доносит, что на Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуре всех рабочих 750 человек, из которых мюльщики с их подручными (до 250 чел.) также и 19 января не пошли на работу; причина их неудовольствия заключается в штрафах, на них наложенных, за различного рода порчи и неисполнение условий рабочими. Штрафовала дирекция и прежде, но штраф не превышал суммы 60 руб. в месяц, в декабре же месяце штраф этот возвысился до 167 рублей.

Техническим директором на мануфактуре — англичанин, почти не говорящий на русском языке; в числе его пяти помощников есть Карл Петров, личность, по отзывам, весьма благонамеренная и знающая хорошо русский язык, не объяснял рабочим, за что именно и на сколько он их штрафовал, и рабочие только узнавали о штрафах при расчете жалованьем.

В настоящее время администрация Екатерингофской мануфактуры готова на всевозможные уступки рабочим, лишь бы они продолжали работать добросовестно; так, она им прощает наложенный на них штраф, обязуется вывешивать табели о налагаемых штрафах, удалить старшего мастера Петрова и назначить техническим директором человека, знающего хорошо русский язык; не соглашается только на требование рабочих уплатить им жалованье за два прогульных дня во время беспорядков, когда они самовольно не пошли на работу, причем им объявили, что если завтра, 20-го числа, они не пойдут на работу, то вся фабрика будет закрыта на время, пока не приищут других рабочих-«мюльщиков».

Большая часть рабочих-«мюльщиков» желают и в настоящее время быть на работе, но боятся своих товарищей коноводов, между которыми как главные руководители стачки выделяются: 1) Василий Яковлев, 2) Василий Хомяков, 3) Федор Воробьев, 4) Иван Сладкий и 5) Иван Тимофеев; в особенности указывают на первого, который

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 10, ч. 1, лл. 4—5.

прошедшим летом уже пробовал произвести беспорядки на мануфактуре и только из страха быть высланным на родину просил извинения у директора фабрики и был оставлен рабочим.

О результатах завтрашнего дня — будет ли мануфактура закрыта, или же будет соглашение между рабочими и ее администрацией — буду иметь честь доложить.

Полковник Бирин[1].

III. Докладная записка петербургского губернатора шефу жандармов от 27 января 1878 г.

В дополнение к записке от 18-го текущего января имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что происходившие между рабочими и управлением Екатерингофской бумагопрядильной фабрики недоразумения прекратились и работа возобновилась попрежнему.

При этом имею честь представить копию с рапорта начальника пригородной полиции, выясняющего подробности этого дела.

Губернатор Лутковский[2].

2. Волнения на Путиловском заводе в январе 1878 г.

I. Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 27 января 1878 г. за № 155.

Помощник мой, находящийся в С.-Петербургском уезде, подполковник Блументаль от 28-го сего января за № 8 донес мне, что рабочие Путиловского рельсового и механического завода 21 января сего года согласились на предложение конторы завода получить следовавшее им в этот день жалованье 28 января; но так как между ними распространен слух, что и завтрашний день они не будут удовлетворены жалованьем, то они, как говорят, не согласятся вновь на отсрочку, причем хотят произвести беспорядок.

С 1 января сего года рабочие этого завода получают продукты по книжкам в счет жалованья из мелочных лавочек купца Рассадина, который вчера с обеда прекратил им отпуск продуктов вследствие неплатежа денег конторой Путиловского завода; в 5 часов вечера в контору приехал г-н Путилов, где переговорил с купцом Рассадиным, который с 6 часов вечера снова приказал из лавок отпускать рабочим продукты.

Причем подполковник Блументаль присовокупляет, что неудовлетворение рабочих как жалованьем, так и продуктами может вызвать серьезные беспорядки, потому что рабочие уже и теперь находятся в возбужденном состоянии.

О чем имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник Бирин[3].

---

[1] То же дело, лл. 6—7.

[2] То же дело, л. 12.

[3] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 10, ч. 1, л. 26.

II. Отношение петербургского губернатора управляющему III отд. от 28 января 1878 г.

Милостивый государь Александр Францевич.

На отношение вашего превосходительства за № 310 поспешаю уведомить, что принятыми еще неделю тому назад мерами рабочие Путиловского завода получили сего числа жалованье и беспорядков никаких не было.

К этому я считаю необходимым присовокупить, что неисправность в выдаче рабочим жалованья повторяется на заводе Путилова ежемесячно уже не первый год. Отсутствие возможности законных мероприятий противу неплатежа на фабриках вообще ставит меня каждый раз в крайне затруднительное положение. Необходимо было бы установить если не новый закон, то, по крайней мере, утвержденную высшей правительственной властью инструкцию, которая давала бы способы к быстрому взысканию с хозяев фабрик и заводов, по крайней мере, месячной платы рабочим, чем устранились бы беспорядки между рабочими, справедливо ропщущими на неполучение в срок жалованья, необходимого им для насущного пропитания.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Вашего превосходительства покорный слуга

О. Лутковский[1].

3. Волнения на фабрике Паля в Петербурге 1 февраля 1878 г.

Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления управляющему III отд. от 3 февраля 1878 г.

Помощник мой, находящийся в С.-Петербургском уезде, подполковник Блументаль от 2-го сего февраля за № 11 донес мне, что 1-го сего февраля, в 8 часов вечера, на ситцебумажной фабрике купца Паль, на 8-й версте по Шлиссельбургскому тракту, рабочие произвели шум и выражали свое неудовольствие на объявленное им приказание прибыть на работу 2 февраля, и что не прибывшие из них на работу будут оштрафованы каждый на 1 руб. 50 коп. серебром; между тем как до сего года в этот день, «сретение господне», они никогда не работали. 2 февраля, в 6 часов утра, рабочие собрались к воротам фабрики, шумели, ругались, отказывались работать и кричали «ура»; по прибытии полиции все они разошлись по домам, а часть из них согласилась в этот день работать. Рабочих на этой фабрике состоит 200 мужчин и 69 женщин.

О чем имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник Бирин[2].

---

[1] То же дело, л. 28.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 10, ч. 1, л. 35.

4. Стачка на Новой бумагопрядильной фабрике в Петербурге 27 февраля—20 марта 1878 г.[1]

I. Докладная записка петербургского градоначальника главному начальнику III отд. от 28 февраля 1878 г. за № 1659.

Вчера на бумагопрядильной фабрике, по Обводному каналу, № 64, принадлежащей «Обществу Новопрядильной ткацкой фабрики», возник беспорядок, заключающийся в том, что рабочие отказались от работы и, сгруппировавшись на дворе фабрики, стали заявлять свое неудовольствие на администрацию фабрики.

Причины, вызвавшие неудовольствие рабочих, сводятся к следующему:

Поступивший с 1 января текущего года на фабрику новый управляющий, великобританский подданный Фиш, стал заводить новые порядки, направленные явно к ущербу рабочих. Так, прежде они зарабатывали в месяц по 25 руб. и более, а с 1 января, в силу новых порядков, получали расчет по 18 рублей. Кроме того, при новом управляющем с них стали вычитать за кипяток для чая по 1 коп. в день, ставить громадные штрафы за прогулы, вычитать за поломку от употребления щеток, иголок, вилок не по действительной их стоимости, а по высоким ценам и пр.

Фабрика принадлежит пайщикам, почти исключительно великобританским подданным; директорами общества состоят великобританцы: Гвейер, Гизико, Жютинг, а управляющим — Фиш. Последний не знает ничего по-русски, человек суровый, не входит в нужды рабочих, а лишь эксплоатирует их посредством мастеров, также англичан и почти не говорящих по-русски. Мастера обращаются с рабочими грубо, ставят за всякую безделицу штрафы, поступающие в пользу мастеров же.

Прежний управляющий хотя также был англичанин, но родившийся и воспитавшийся в С.-Петербурге, свыкшийся с рабочими и входивший в их нужды.

---

[1] В газ. «Новости» 1878 г., №№ 61, 62, 71, 81, были помещены корреспонденции Г. В. Плеханова о стачке, перепечатанные затем в газете «Голос» 1878 г., № 89. Кроме того, на стачку откликнулись газеты: «Русские ведомости» 1878 г., №№ 63, 73, 83; «Новое время», №№ 740, 742; «Биржевые ведомости», № 78; «Московские ведомости», № 67; «Современные известия», № 70; «Современный вестник», №№ 67, 68, 77, 87.

Подробная корреспонденция Г. Плеханова была напечатана в нелегальном журнале «Начало» 1878 г., № 1.

Воспоминания о стачке: «Русский рабочий в революционном движении» Г. В. Плеханова; «Из моего революционного прошлого» М. Р. Попова («Былое» 1907 г., кн. 5 и 7); «Воспоминания» П. А. Моисеенко.

Прокламация «К рабочим всех фабрик и заводов», написанная Г. Плехановым по поводу стачки, напечатана в «Историко-революционном сборнике», т. II.

Подробно изложен ход стачки у М. Балабанова, стр. 241—248. Имеются упоминания у С. Прокоповича (цит. раб.), стр. 56—57; К. Пажитнова, стр. 200; Л. Мартова, стр. 15.

Хотя особых беспорядков пока не произошло и рабочие, вследствие принятых мер, группируются только на фабричном дворе, а не на улице, тем не менее, как вчера, так и сегодня бо́льшая половина рабочих, более 1 000 человек, отказалась от работы и, оставаясь без занятий и средств к существованию, постоянно группируются.

Доводя об этом до сведения вашего высокопревосходительства, имею честь присовокупить, что со стороны полиции принимаются зависящие меры к предупреждению беспорядков, которые все-таки продолжаются, так как фабрика медлит войти в соглашение с рабочими.

Свиты его величества генерал-майор Козлов[1].

II. Докладная записка исполняющего должность петербургского градоначальника шефу жандармов от 13 марта 1878 г. за № 2021.

Докладной запиской от 28-го мин. февраля за № 1659 я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства о беспорядке, возникшем на Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрике, по Обводному каналу, под № 64, принадлежащей обществу на паях и слагающемуся почти из одних великобританских подданных.

Беспорядок тот, вызванный отчасти администрацией фабрики, впоследствии был улажен так, что с 7-го сего марта почти все рабочие были при своих занятиях, причем администрация фабрики, по моему предложению, сделала некоторые уступки в пользу рабочих и изъявила согласие после 15-го числа сего марта повысить заработную плату и сократить время рабочих часов.

Заботясь о своевременном приведении в исполнение администрацией фабрики ничтожных уступок в пользу рабочих, с тем чтобы и рабочие были предварительно поставлены о том в известность путем печатных объявлений, вывешенных на видном месте фабрики, я предложил администрации напечатать заблаговременно объявление и таксу заработной платы.

Из представленной ныне на мое утверждение администрацией фабрики таксы я усматриваю, что фабрика увеличила заработную плату только прядильщикам, в пользу же прочих фабричных почти никакой уступки не сделала.

В виду таких действий администрации названной фабрики я не уверен в том, что после 15 марта рабочие станут продолжать свои занятия и что между ними и администрацией снова не возникнут неудовольствия, о чем счел долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Свиты его величества генерал-майор Козлов[2].

III. Объявление

Сим объявляется всем рабочим Новой бумагопрядильни и ткацкой фабрики, что полная уплата по прежним ценам за работу с 1 февраля

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 10, ч. 1, лл. 52—53.
[2] То же дело, л. 72.

по 15 марта и за пять прогульных дней будет произведена в субботу, 18 марта. Затем, с 16 марта, работа на фабрике будет продолжаться по таксе и новым печатным правилам, выставленным на видном месте фабрики.

Директора: А. Гизико,
Б. Вишау.

Печатать разрешается. С.-Петербург. 12 марта 1878 года.
И. д. с.-петербургского градоначальника, свиты его величества генерал-майор Козлов[1].

IV. Новые правила для найма в работу на Новой бумагопрядильне и ткацкой фабрике с 16 марта 1878 года.

1) Работа начинается ежедневно в 5 часов утра и оканчивается в 8 часов вечера, с остановкою машин для обеда с 12 часов до 1¼ часа; для завтрака машины не останавливаются. По субботам работа, без остановки машин для обеда, оканчивается в 2½ часа пополудни.

2) Горячая вода дается безденежно.

3) Все инструменты даются рабочим безденежно, но за инструменты, с умыслом поврежденные, взыскивается по таксе.

4) Рабочие книжки с условиями найма должны находиться на руках каждого рабочего.

5) Штрафы за дурное поведение назначаются не свыше двух рублей, а за прогул целого дня по цене полутора дня.

6) Размеры задельной платы будут выставлены в особой печатной таксе, и всякие перемены в ней будут объявляться за 15 дней выставлением печатной таксы за подписью гг. директоров и управляющего фабрикою.

Директора: А. Гизико, Б. Вишау.

Печатать разрешается. С.-Петербург. 12 марта 1878 года.
И. д. с.-петербургского градоначальника, свиты его величества генерал-майор Козлов[2].

V. Такса задельной платы рабочим Новой бумагопрядильни и ткацкой фабрики с 16 марта 1878 года

По прядильной фабрике:

За пряжу утка:

На старых	машинах	в 468	веретен	с п. 59 к.
» новых	»	» 480	„	» » 44 »
» новых	»	» 540	»	» » 42 »

За пряжу основы:

На старых	машинах	в 468	веретен	с п. 52 к.
» новых	»	» 480	»	» » 46 »

[1] То же дело, л. 69.
[2] То же дело, л. 70 об.

По ткацкой фабрике:

					За кусок длин. около 55 аршин
За миткаль	шириной	16	вершков		40 коп.
»	»	»	18	»	43 »
»	»	»	20	»	44 »
»	»	»	22	»	46 »
»	«	»	24	»	48 »
»	»	»	26	»	64 »
»	»	»	28	»	66 »

При работе других сортов миткаля или при работе узкого миткаля па широких станах плата делает по пропорции, по объявленным каждый раз вперед ценам.

За испорченные с умыслом инструменты, как-то: щетку, вилку, челнок и проч., взыскивается по 15 коп. за штуку.

Директора: А. Гизико, Б. Вишау. Управляющий Р. Фиш.

Печатать разрешается. С.-Петербург. 12 марта 1878 года.
И. д. с.-петербургского градоначальника, свиты его величества генерал-майор Козлов[1].

VI. Докладная записка исполняющего должность петербургского градоначальника от 15 марта 1878 г. за № 2139.

Имею честь донести до сведения вашего высокопревосходительства, в дополнение к донесению моему от 13 сего марта за № 2021, что сего числа, в 2 часа дня, были розданы рабочим Новой бумагопрядильной фабрики объявления и новая такса.

При этом одни из фабричных рабочих остались недовольны задельною платою, а другие — числом рабочих часов. Ткачи тотчас же бросили работу и вышли из фабрики. Недовольным объявлено, что они могут получить расчет и отправиться на другие фабрики. Все рабочие разошлись без шума, но заявили, что завтра на работу не придут.

Меры к предупреждению могущих возникнуть беспорядков приняты.

Свиты его величества генерал-майор Козлов[2].

VII. Докладная записка исполняющего должность петербургского градоначальника шефу жандармов от 16 марта 1878 г. за № 2153.

Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что сего числа, около 3 часов пополудни, рабочие Новой бумагопрядильной фабрики, прекратившие занятия вследствие возникших недоразумений с администрацией фабрики, собрались толпой около 200 человек у Аничкова дворца с целью подать прошение государю наследнику цесаревичу.

Проезжая мимо, я предложил толпе разойтись, а прошение взял и представил его императорскому высочеству.

Свиты его величества генерал-майор Козлов[3].

---

[1] То же дело, л. 71.
[2] То же дело, л. 75.
[3] То же дело, л. 76.

VIII. Докладная записка исполняющего должность петербургского градоначальника шефу жандармов от 21 марта 1878 г. за № 2327.

Имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что беспорядок, возникший на Новой бумагопрядильной фабрике, прекращен. Расчет между фабрикою и рабочими за прежнее время сведен и покончен. Сегодня фабрика в полном ходу, и все рабочие, кроме загулявших, при своих занятиях.

При этом имею честь присовокупить, что в результате беспорядков, не вызвавших серьезных столкновений, я вообще вижу следующее: а) администрация фабрики, послужившая отчасти причиною возникновения беспорядка, не осталась ненаказанною: она понесла убыток до 20 000 руб.; б) рабочие, прогуляв по нескольку дней, тоже потеряли приблизительно по 3 руб. с лишком каждый и осязательно убедились, что путем явных демонстраций нельзя добиться того, что им сулили подстрекатели; в) фабрика, не сделав почти никаких уступок и не увеличив задельной платы, что могло возбудить рабочих других фабрик, водворила порядок и постановила определенные правила; г) во время беспорядка задержан давно поискиваемый известный коновод, студент университета Николай Тютчев, и, кроме его, еще несколько личностей [1] удаление коих из столицы подействует, без сомнения, внушительно на подобных им личностей и отрезвит рабочих и, д[алее], при беспорядке уяснилось, что преступная пропаганда глубоко пустила свои корни в среде фабричных рабочих этой фабрики и что, поэтому, необходимо иметь за ними бдительный надзор.

Свиты его величества генерал-майор Козлов [2].

IX. Анонимные требования рабочих Новой бумагопрядильной фабрики [3]

Под фирмою товарищества Новобумагопрядильной миткальной ткацкой фабрики

Требования русских рабочих

1. Мы требуем от Вас за прогул за 5½ дней деньгами 4 руб. 40 коп.

2. Ежели прогульные не будут выданы, то ожидайте забастовки рукопашного штурма все будут бить, ломать, коверкать, терзать, кри-

---

[1] В связи со стачкой были арестованы рабочие: в марте — Семен Васильев, Федор Марков и Алексей Федоров, в апреле — Петр Анисимович Моисеенко, Иван Симанов и В. Парфенов. Все они были высланы на родину. Вместе с Н. Тютчевым был арестован Г. Плеханов, но сейчас же выпущен и успел скрыться.

[2] То же дело, л. 77.

[3] Требования эти были подброшены в апреле 1878 г. временно заведывающему технической частью на фабрике Усову, бывшему посредником между фабрикантами и рабочими. Мы печатаем их по копии с точным сохранением особенностей языка и правописания, вставками и добавлениями в конце, приписанными, повидимому, кем-либо в шутку.

чать, мастеров бить, бороды таскать, стриженную башку ломать, телячий язык рвать, стальные зубы вставлять.

3. Мы требуем чтобы была постоянно невская вода не только для кипятка, а чтобы и для питья; на баки сделайте крышки, чтобы раскрытые не стояли.

4. Мастера чтобы с народом обходились аккуратно когда рабочий просит у мастера увольнения на квартиру, чтобы он пускал не ломался.

5. Рабочий народ, чтобы пропускали утром у ворот до 7 часов ну не как 10 минут проспишь должен ¼ дня делать прогул также в обед до 2 часов это чтобы было исполнено.

6. Мы требуем, чтобы расценка платы с куска была введена в рабочие книжки, чтобы нам с Вами каждый месяц не торговаться это не на бирже.

7. Требуем чтобы нам была сбавка на работу утром в 6 час., кончать работу веч. в 7 час.

8. Чтобы сартиры были переведены на двор не выходя из фабрики входить в них этой гадости чтобы не было.

9. Предъявляем вам, чтобы ежедневно в обед фабрика не запиралась на замок, а чтобы было можно рабочим людям оставаться во время обеда на фабрике.

10. Самовары те которые приготавливают кипяток для заварки чая, чтобы их вылудили и которая труба проведена внутри самовара, чтобы пар не проходил на воздух, а прямо внутро самовара и чтобы вода нагревалась от горячей трубы это чтобы было устроено, мы не собаки, а крещенные люди, для собак лучше приготавливают как Вы для нас.

Прошение русских рабочих

11. На наше прошение дайте свой ответ 7 апреля 1878 г., сделайте свою выписку и повесьте на стене внутри фабрики для рабочих. Благодарю Вас русские рабочие, что стоите дружно, друг за друга готовы померать, рады стараться, в русских руках железных как увязнет не вырвется, благодарю Вас братцы и я очень рад за Вас стараться, постараюсь.

7 апреля 1878 года.

Адрес: Для передачи Новому Директору да ежели это прошение разорвется то не обижайтесь на нас. 7 апреля 1878 г.

С подлин. верно: действ. стат. сов. Устинович[1].

5. Стачка рабочих фабрики Простякова в Москве 27 марта 1878 г.

Донесение начальника московского губернского жандармского управления от 30 марта за № 300 в III отд.

27-го сего марта на фабрике московского купца Простякова, находящейся в 4-м квартале Серпуховской части, рабочие, в числе 212 чело-

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 10, ч. 1, лл. 89—90.

век, забиравшие из фабричной конторы деньги на покупку себе провизии, с условием 10% уплаты за сие из зарабатываемых ими денег, прекратили работу. Производящимся по сему предмету местною полицией дознанием до настоящего времени выяснено, что означенные рабочие, заподозрев своего старосту — рабочего же по хозяйственной части — в утайке им двух пудов говядины, просили хозяина фабрики оштрафовать его 50 рублями, с передачей этих денег в их артель. Купец Простяков отказал в просьбе рабочих под предлогом того, что об этом они должны жаловаться мировому судье. После сего означенные рабочие, прекратив работу, потребовали от Простякова возвращения вычтенных уже с них вышеобъясненных процентов, и когда сей последний на это не согласился, то они через своих товарищей, рабочих Андрея Семенова, Василия Игнатьева и Ивана Григорьева, подали прошение местному мировому судье, который в иске им отказал по неподсудности. Из числа означенных рабочих вчерашнего числа 6 человек уже приступили к работам.

Донося об изложенном 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии, имею честь присовокупить, что дальнейшие сведения по сему предмету будут мною представлены своевременно.

Генерал-лейтенант Слезкин[1].

6. Стачка рабочих Новой бумагопрядильной фабрики в Петербурге 8 мая 1878 г.[2]

Записка от 9 мая 1878 г.

Вчерашнего числа, в час пополудни, ткачи (около 600 человек) Новой бумагопрядильной фабрики бросили работу и разошлись по домам. На спрос о причине забастовки ткачи заявили, что сделали это потому, что фабрика не уважила их просьбы об уменьшении числа рабочих часов, не возвратила за кипяток денег, которые они платили в течение 7 лет.

Прекратившие работы, без сомнения, сделали по предварительной стачке, но разошлись без всякого шума[3].

7. Стачка на Александровском механическом заводе Главного общества российских железных дорог 20 мая 1878 г.

Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления 22 мая 1878 г. за № 647 в III отд.

Помощник мой, находящийся в С.-Петербургском уезде, подполковник Блументаль от 21-го сего мая за № 27 донес мне, что за Нев-

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 40, л. 29.
[2] Д. III отд., 3 эксп. 1878 г., № 10, ч. 1, л. 106.
[3] По сообщению и. д. градоначальника Козлова, 10 мая рабочие приступили к работам. (То же дело, л. 107).

ской заставой, на 10-й версте, на Александровском механическом заводе Главного общества российских дорог в минувшую неделю были розданы рабочим рабочие книжки, в которых отпечатаны 20 параграфов общих правил и условий найма мастеровых и рабочих; книжки эти были розданы сначала котельному цеху, и, кроме сего, правила эти были 20 мая утром вывешены в кузнечной мастерской, где рабочие, около 400 человек, обратились к местному приставу с протестом против 10-го параграфа условий найма, который гласит, что работы экстренные должны быть исполняемы по приказанию мастера беспрекословно, хотя бы они и требовались к исполнению и после установленного на заводе рабочего времени, ночью или в воскресенье или в праздничные дни, в вознаграждение же за такую работу им назначается особая дополнительная плата.

Обязательность этого пункта рабочие находят для себя крайне обременительным, причем говорят, что работы в такое время следует представить желанию рабочих, по соглашению с мастером, а не по его принуждению, причем восставали и против штрафов, которые могут на них налагаться за неисполнение 10-го параграфа. По этому же поводу все рабочие механического завода 20-го сего мая, после обеда, не пошли на работу.

Начальник пригородной полиции приступил к разбору этого дела и увещеванию рабочих.

О чем имею честь донести.

Полковник Бирин[1].

8. Стачка рабочих кожевенного завода Курикова в Петербурге в мае 1878 г.

Записка царю от 29 мая 1878 г.[2]

Отказавшиеся работать на шорном заводе купца Курикова прибывшие из Москвы рабочие вновь принялись 27-го сего мая за свое дело. Поводом же к тому главным образом послужило: во-первых, решение мирового судьи, по которому несколько рабочих приговорены к аресту, во-вторых, им выяснены подробно правила фабрики, и, в-третьих, каждому рабочему прибавлено жалованья по 5 рублей в месяц, а некоторым из них предложена штучная работа, каковую они признают для себя более выгодной[3].

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 10, ч. 1, лл. 118—119.

[2] У Прокоповича завод Курикова ошибочно назван механическим заводом Курикина (стр. 56). Эта же ошибка повторяется у Мартова и К. Пажитнова. Причина стачки, как пишет Прокопович, задержка владельцем завода расчетных книжек и уклонение его от обозначения в них заработной платы. Мировой судья приговорил 2 чел. к $2^1/_2$ мес. ареста, 27 чел. к 10 дням ареста. Рабочие, по словам Прокоповича, апеллировали в съезд, который их оправдал.

[3] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 10, ч. 1, л. 133.

9. Стачка рабочих бумагопрядильной фабрики А. Каретникова в с. Тейкове, Владимирской губ., 24 июня 1878 г.

I. Телеграмма начальника владимирского губернского жандармского управления товарищу шефа жандармов от 24 июня 1878 г. за № 24.

Сего числа [на] фабрике Каретникова около трех тысяч рабочих отказались от работ дружно, без шума. Отправляюсь Тейково.

Полковник Беловодский[1].

II. Телеграмма его же товарищу шефа жандармов от 27 июня за № 182.

Доношу спокойствие рабочих н афабрике Каретникова ныне водворено, подробности почтою.

Полковник Беловодский[2].

III. Донесение начальника владимирского губ. жандармского управления от 30 июня 1878 г. за № 118.

В дополнение к телеграммам за №№ 24 и 182 касательно беспорядков, происшедших на фабрике купца Каретникова, имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что по прибытии моем в с. Тейково я узнал, что рабочие, около 3 т. душ, два месяца тому назад обращались к директору фабрики с жалобою на весьма малый их заработок, сказав притом, что если им не увеличат платы, существовавшей в 1876 г., то они оставят работу.

Рабочие, долгое время не получив на свое заявление удовлетворения, уговорились между собою одновременно прекратить работу и 24-го числа сего июня отправились к хозяину фабрики, купцу Каретникову, имеющему место своего жительства в 7 верстах от с. Тейкова.

Г. Каретников успокоил рабочих тем, что прибавил им 10% более зарабатываемой ими платы, на что рабочие согласились; затем 26 июня рабочие заявили, что на эту прибавку они не согласны, а требовали весьма усиленной прибавки, и при всем желании согласовать рабочих с фабрикантом не предстояло возможности, и г. Каретников объявил им, что он их рассчитывает и работу на фабрике прекращает, сказав мне, что требования рабочих невозможны к выполнению.

Сообразив, с одной стороны, положение фабриканта с делами заказа по случаю Нижегородской ярмарки, а с другой, положение рабочих, остающихся без средств к жизни, и при этом принимая во внимание, что подобный расчет весьма легко может повлиять на рабочих в Иванове-Вознесенске, где их находится около 100 т душ, я принял зависящие от меня меры убеждения к умиротворению обеих сторон, и результатами моего участия было то, что фабрикант Каретников прибавил к 10% еще 5%, а некоторым, смотря по роду их занятий,

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 51, л. 6.

[2] То же дело, л. 8.

до 20%, на каковую прибавку рабочие согласились, пошли сейчас же на работу, и тем водворено должное спокойствие.

Независимо этого, полицейская власть произведенное ею дознание препроводила судебному следователю для производства следствия.

В виду просьбы ко мне г. Каретникова и массы рабочих, заявивших мне, что они все виноваты в нарушении спокойствия, я признал необходимым следственное производство приостановить, единственно с тою целию, чтобы не возбудить новых беспорядков, почему, для пользы дела, телеграммами ходатайствовал об этом у прокурора владимирского окружного суда и начальника губернии. Ходатайство мое было уважено.

Ныне получил телеграмму от г. Каретникова, что работа идет с большим усердием и старанием[1].

Полковник Беловодский.

10. Стачка рабочих бумагопрядильной фабрики бр. Третьяковых в Московском уезде 18—19 июля 1878 г.

Донесение начальника московского губернского жандармского управления в III отд. от 24 июля 1878 г. за № 649.

Помощник мой, в Московском уезде донес мне, что на бумагопрядильной фабрике товарищества братьев Третьяковых, где состоит до 1 500 рабочих, рабочие эти 18-го и 19-го сего июля не производили работ и некоторые из них сделали беспорядок, выразившийся выбитием в здании фабрики нескольких оконных стекол и рам. Причины, вызвавшие это обстоятельство, заключались в систематическом, постепенном уменьшении поступившим на эту фабрику около 3 лет тому назад на должность директора английским подданным Францем Бал заработной платы фабричным рабочим, с прежней — 20 к. с пуда — до 17 коп., и в обязательном для них наборе из фабричной лавки дурного качества жизненных продуктов по высокой цене. Рабочие еще в марте месяце сего года просили Бала восстановить им прежнюю плату, что он и обещал сделать после пасхи; но затем не только не привел в исполнение своего обещания, но, напротив, продолжал уменьшать плату, успокаивая при этом рабочих тем, что съездит для переговоров по сему предмету в Москву, к главному директору фабрик братьев Третьяковых и их компаньону, московскому купцу Татаринову. Не видя никаких благоприятных результатов от своей просьбы, рабочие, в числе до 700 человек, 18-го числа сего месяца объявили, наконец, г-ну Балу, что если они сегодня же не будут поставлены в известность об увеличении им платы, то прекратят работы, и хотя съездивший

[1] То же дело, лл. 9—11. 26 июня возобновили работу все, кроме присучальщиков, требовавших повышения расценков не по 1 октября, а по пасху 1879 г. Вслед за ними забастовала снова вся фабрика. Рабочие предъявили требования, чтобы прибавка распространилась на время до пасхи 1879 г., чтобы прогульные дни во время стачки были оплачены и чтобы никто не пострадал за участие в стачке.

немедленно к Татаринову Бал и объявил рабочим об увеличении по 5 коп. на рубль, но когда он отказался вывесить об этом объявление за своею подписью, то рабочие стали волноваться до того, что и остальные из них прекратили работу. По приезде 19-го числа на фабрику главного директора Татаринова, объявившего рабочим, что они будут получать прежнюю плату, прядильщики — по 20 коп. с пуда, а их помощники, мальчики, по 9 коп., с новой прибавкой 5 коп. на каждый заработанный рубль,— порядок был восстановлен, и рабочие снова приступили к работе. О случае этом был составлен полицейский акт, в котором главными зачинщиками беспорядка выставлены прядильщики, крестьяне Московского уезда Михаил Зорин, Трофим Солопов и Алексей Андрошин с некоторыми другими.

Донося об изложенном 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии, имею честь присовокупить, что из собранных негласным путем сведений о беспорядке на фабрике Третьяковых не усматривается, чтобы рабочие были побуждаемы в своих действиях против фабричной администрации какими-либо сторонними подстрекательствами, но все это было вызвано единственно бессовестною эксплоатациею рабочих директора фабрики Бала, который, как известно, бывши прежде в той же должности на фабрике Коншина в Подольском уезде и еще до того времени на одной из фабрик в Тверской губернии, был удален с обеих этих фабрик за беспорядки, вызывавшиеся на них нечестным его отношением к фабричным рабочим.

Генерал-лейтенант Слезкин[1].

11. Волнения на фабрике И. Н. Коншина в Серпухове 1 августа 1878 г.

Донесение начальника московского губернского жандармского управления в III отд. от 4 августа 1878 г. за № 681.

Помощник мой в Серпуховском и Подольском уездах подполковник Юзвицкий донес мне, что 1-го сего августа на фабрике товарищества мануфактур потомственного почетного гражданина Николая Коншина в г. Серпухове при вступлении новой смены на работу, в 12 часов ночи, человек 30 рабочих из самоткацкой, не желая работать в праздничный день, хотя таковой по условию значится в числе рабочих дней, заняли вход на фабрику и не допускали туда рабочих, преимущественно женщин, которых там значительно более (до $^2/_3$). Женщин они отгоняли, стегая фартуками, приостанавливали возку дров, а в тех рабочих, которые заранее вошли в корпус к станкам, кидали в окна песком и камнями, от которых в здании и побито до 53 стекол, но никому при этом побоев и увечья не нанесено. На других фабриках в тот день работ не производилось. Хотя рабочие на фабрике Николая Коншина заявили, что они за день говорили, что не будут работать,

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 40, лл. 37—38.

но директор фабрики это отрицает. По заявлению конторы означенной фабрики о произведенном беспорядке, туда был послан полицейский пристав, который и дознал, что участвовавших в беспорядке было до 30 человек. Дело это передано на разбирательство мирового судьи. Особо выделявшихся лиц, руководивших беспорядками не замечено. 2-го числа на означенной фабрике все рабочие явились на работы, и никакого вновь беспорядка не было.

Об изложенном имею честь донести 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии.

Генерал-лейтенант Слезкин[1].

12. Волнения на механическом чугунолитейном заводе Д. П. Шипова в Костроме 9—21 августа 1878 г.[2]

Донесение начальника костромского губернского жандармского управления в III отд. от 22 августа 1878 г. за № 109.

19 и 21-го сего августа на механическом чугунолитейном заводе, находящемся в Костроме, принадлежащем действительному статскому советнику Дмитрию Павловичу Шипову, рабочими, в количестве до 800 человек, были произведены шум и беспорядки. Причиною тому была несвоевременная выдача жалованья рабочим; оказалось, что в кассе заводской конторы нет денег, а сам г. Шипов находится в отсутствии. При появлении полиции на место порядок немедленно был восстановлен, причем ни буйства, ни ослушания со стороны рабочих хотя и не проявлялось, однако, судя по возбужденному состоянию их, можно ожидать прекращения работ на заводе, и особенно, ежели не исполнится обещание доверенного г. Шипова, что жалованье будет выдано 26 августа.

Доводя о том, честь имею присовокупить, что сегодня рабочие явились на завод работать и за действиями их продолжается полицейский надзор.

Полковник (подпись неразборчива).

13. Волнения на фабрике братьев Дьяконовых в Нерехте 13 сентября 1878 г.

Донесение костромского губернатора министру внутренних дел от 24 сентября 1878 г. за № 3124.

Нерехтский уездный исправник рапортом от 18-го сего сентября доносит, что 13 сентября, в 6 часов вечера, на фабрике братьев Дьяконовых в г. Нерехте до 50 человек рабочих, преимущественно дети

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 40, л. 39.

[2] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 17, л. 15. Корреспонденции были напечатаны в газетах: «Голос» 1878 г., № 242; «Русские ведомости» 1878 г., № 220; «Новое время» 1878 г., № 209; «Биржевые ведомости» 1878 г., № 242. Сведения заимствованы из газ. «Современные известия» 1878 г., №№ 239, 261. См. также цит. работы: С. Прокоповича, стр. 57—58, Л. Мартова, стр. 15, К. Пажитнова, стр. 201.

от 12 до 14-летнего возраста, отказались итти на работу по случаю наступившего праздника воздвижения креста господня, объясняя, что в прежнее время в этот день работ не производилось.

При производстве уездным исправником дознания один из владельцев фабрики, Алексей Александрович Дьяконов, настоящему поступку рабочих никакого значения не придал; второй владелец, Александр Иванович Дьяконов, объяснил, что означенные рабочие по его требованию обязаны были продолжать работы до утра 14 сентября и своим отказом являются ослушниками его требования, как владельца фабрики, почему просил содействия исправника к предупреждению на будущее время повторения подобных случаев. При этом объяснил, что виновниками отказа рабочих-мальчиков были старшие из них: деревни Антонова — Дмитрий Иванов, Петр Федоров и Николай Терентьев и села Ковалева — Иван Ларионов. Почему уездным исправником вызваны были указанные г. Дьяконовым виновные в ослушании рабочие, а также вызваны родители их для должных внушений, причем первые в своем поступке раскаялись, а последние обязались не только не потакать, но строго следить на будущее время за нравственностью своих детей и принимать против их, в случае надобности, исправительные меры. Все они испросили у фабрикантов Дьяконовых в своем поступке прощение, и затем Дьяконовы от преследования их отказались.

Об этом имею честь донести вашему высокопревосходительству и доложить, что наблюдение за фабричным населением фабрики братьев Дьяконовых возложено перехтским уездн. исправн. на полицейского урядника Вилинского.

Подписал: за губернатора вице-губернатор Свербеев[1].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1878 г.

В мае произошли волнения на Попутном прииске купца Мотонина, южно-енисейской системы (135 чел.). Рабочие не повиновались администрации, при аресте одного из рабочих оказали сопротивление и после этого прекратили работы. Под давлением исправника работы были вскоре возобновлены. (Архив горн. испр. южн. части Енис. окр., д. 1878 г., № 29. Цит. у Семевского, т. II, стр. 654.).

В июне забастовали рабочие на постройке Сясьского канала (в Новой Ладоге). («Голос» 1878 г., № 195.)

15 июля забастовали рабочие механического чугунолитейного завода Д. П. Шипова в Иваново-Вознесенске, требуя отмены штрафов за прогульные дни. После удовлетворения требований стачка прекратилась. (Н. Шаханов. «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ. в 70-х гг. прошлого столетия».)

В конце августа на фортепианной фабрике Беккера в Петербурге произошла стачка рабочих (около 40 чел.). Через три дня хозяин

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 17, л. 18. Печатается по копии.

выполнил их требование — повысил плату, и работа возобновилась. («Земля и воля» № 3, 15 января 1879 г., корреспонденция Г. В. Плеханова.)

20 сентября забастовали рабочие вагонных мастерских Московско-Курской железной дороги в Москве. Толпа слесарей в 400 чел., надев на палки рогожные флаги, осадила правление дороги, требуя немедленной выдачи заработной платы. Требование их было удовлетворено. («Голос» 1878 г., №№ 263, 266; «Русские ведомости» 1878 г., № 240; «Современные известия» 1878 г., № 263 (из «Моск. вед».); «Биржевые ведомости» 1878 г., № 264 (из «Голоса»)«; «Московские ведомости» 1878 г., № 240.)

24 сентября на табачной фабрике Мичри в Петербурге понижение заработной платы вызвало возмущение мастериц (около 100 чел.), отказавшихся от работы. Фабрикант оставил прежнюю плату. («Земля и воля» № 3, 15 янв. 1879 г. Корреспонденция Г. В. Плеханова.)

26 сентября произошла аналогичная стачка на табачной фабрике бр. Шапшал в Петербурге (ок. 200 чел.). Там также попытка понизить плату не увенчалась успехом. (Там же.)

27 сентября забастовали рабочие слесарно-столярной мастерской Ангирского в Петербурге и отправились с жалобой к градоначальнику на то, что хозяин не выплачивает им денег. («Голос» 1878 г., № 27; «Руские ведомости» 1878 г., № 248; «Современные известия» 1878, № 273; «Новое время» 1878 г., № 932; «Моск. ведомости» 1878, № 249. Сведения всех газет, кроме «Голоса», взяты из газеты «Петербургский листок» 1878 г., № 193.)

В сентябре произошли волнения среди рабочих зав. Курикова в Петербурге. («Голос» 1878, № 174).

26 октября забастовали рабочие артели, занимавшейся выгрузкой и нагрузкой товаров на товарной станции Одесской железной дороги. Причина стачки — дурное помещение и ночные работы. Трое зачинщиков были арестованы и преданы суду. Остальные подчинились и возобновили работы. Им было отведено новое помещение. («Голос» 1878 г., №№ 305 и 308; «Русские ведомости» 1878 г., № 282 (из «Голоса»); «Новое время» 1878 г., № 966; «Биржевые ведомости» 1878 г., № 306; «Русская правда» 1878 г., № 36; «Правда» 1878 г., №№ 243 и 246.)

6 ноября рабочие Борщанского свекло-сахарного завода пришли в сильное возбуждение, так как их накормили гнилой говяиной. Арендатор продовольствия рабочих был избит. («Голос» 1878 г., 16 ноября, № 317.

29 ноября на Екатерингофской мануфактуре (Кенига) в Петербурге произошла стачка. Забастовали 33 мальчика, на которых была возложена новая обязанность — сортировка «пыли», которую раньше выполняли женщины. Мальчиков поддержали остальные рабочие: прекратили работы и отправились с прошением к наследнику, но их не приняли, и прошение было передано градоначальнику. Кениг не пошел на уступки, и рабочие (около 200 чел.) взяли расчет. («Земля и воля», № 3, 15 января 1879 г., корреспонденция Г. Плеханова; «Голос» 1878 г.. № 332; «Биржевые ведомости» 1878 г., № 132.)

29 ноября бастовали рабочие фабр. Кениг в Петербурге. (Там же.)

В начале декабря на суконной фабрике В. С. в Москве произошла стачка. Ткачи два дня не работали из-за того, что им выдавали старую пряжу и налагали штрафы за недовес. Администрация уступила, дав подписку не штрафовать рабочих из-за недовеса. («Современные известия» 1878 г., № 342; корреспонденция была перепечатана в газ. «Голос» 1878 г., № 342; «Русская правда» 1878 г., № 73.)

На фабрике бр. Деминых в Коломенском уезде, Моск. губ., произошли волнения. Причина — приостановка работ из-за порчи машин. («Голос» 1878 г., 24 декабря, № 355; «Русские ведомости» 1878 г., № 324.)

На постройке Боровичской железной дороги произошли волнения рабочих. 212 человек, не получая денег, осадили управление дороги и потребовали расчета. Им выдали по 10 коп. на человека. («Набат» 1878 г.)

1879 г.

1. Стачка на Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрике и фабрике Шау 15 января 1879 г[1].

I. Из заключения прокурора о дальнейшем направлении дознания о стачках на Новой бумагопрядильне и фабрике Шау.

15 января 1879 г. на ткацком отделении Новой бумагопрядильни, что по Обводному каналу, № 60, произошел отказ рабочих от продолжения работ под предлогом недовольства рабочих на распоряжение управляющего фабрикой о расчете из числа 44 человек с 1 февраля за ненадобностью и по недостаточности вырабатываемого материала. Но при этом к требованию об отмене этого распоряжения присоединились со стороны рабочих еще требования об увеличении заработной платы, уменьшении числа рабочих часов и других льготах.

Вместе с тем, настаивая на своих требованиях, рабочие не ограничились одним прекращением работ, но имели в виду довести об этих требованиях до сведения высшего правительства, во исполнение чего целая толпа рабочих направилась к дворцу его императорского высочества, государя наследника цесаревича, но была остановлена полицией при содействии конной команды с.-петербургского жандармского дивизиона. (Д. министерства юстиции, II уголовн. отд., 1879 г., № 7799, л. 2.)

II. Показания Кирилла Абакумова от 2 февраля 1879 г.

1879 года февраля 2 дня доставленный в управление сыскной полиции крестьянин Смоленской губернии, Сычевского уезда, Хотьковской вол., дер. Рябинок, Кирило Михайлов Абакумов, проживающий в пределах Шлиссельбургского участка пригородной полиции, по Шлиссельбургскому тракту, на бумагопрядильной фабрике Макселя,

---

[1] Подробная корреспонденция о стачке была помещена Г. В. Плехановым в нелегальном журнале «Земля и воля» 1879 г., №№ 2 и 4. Воспоминания о стачке см. «Русский рабочий в революционном движении»—его же; «Воспоминания» П. Моисеенко.

Ход стачки изложен у М. Балабанова, стр. 251—257, краткие сведения о ней имеются у Л. Мартова, стр. 17—18, С. Прокоповича, стр. 56—57, К. Пажитнова, стр. 200, 201.

на предложенные вопросы о ходе беспорядков, произведенных рабочими на Новой бумагопрядильной фабрике, по Обводному каналу (3 уч. Александро-Невской части), дал следующее объяснение. Начиная с 10 января сего года, на Новой бумагопрядильной фабрике, по недостатку материала, по нескольку дней сряду без движений стояли станки, вследствие чего многие из рабочих не выработали установленного количества кусков ткани; 15 января, при расчете, вновь назначенные мастера, проверяя работу, нашли, что у 44 человек не было полной выработки, почему администрация фабрики им приказала более не работать. Это послужило поводом, что около 700 ткачей, поддерживая означенных рабочих, отказались также работать. Но всех рабочих подстрекали три молодых человека, повидимому, студенты, одетые по-немецки, а когда являлись на фабрику, то переодевались в рабочие костюмы. Называются они: 1) Петр Анисимов, небольшого роста, белокурый, рябоватый, одного переднего зуба недостает; 2) Иванов, высокого роста, с черными волосами на голове и бороде, небольшой. горбоносый, лицо продолговатое, стриженый, с черными глазами, и 3) по фамилии неизвестный, высокого роста, белокурый, без бороды и усов, волосы коротко острижены. Эти три человека, начиная с 16 января, стали часто являться на фабрику и подстрекнули рабочих заступиться за уволенных 44 человека и, кроме того, научали требовать от фабриканта надбавки за выработку. 16 января рабочие перестали ходить на работу; когда же некоторые намеревались итти на работу, то эти три человека с помощью других недовольных рабочих не допускали работать. Заподозрев ткача Николая Яковлева Кислова в принадлежности к правительственным агентам, Петр Анисимов с товарищами своими подстрекали рабочих убить его, потом же, когда выяснилось, что Кислов не агент, то отпустили его; затем рабочие разошлись по домам. 17 января рабочие, в числе около 200 человек, собрались в Шемелевом переулке и стали совещаться о дальнейших действиях. К ним подошли и помянутые три человека, когда рабочие, идя в 3-й участок Александро-Невской части, остановились на Боровой улице. Анисимов с товарищами своими стали внушать толпе итти жаловаться к наследнику цесаревичу. Рабочие послушались их и пошли к его императорскому высочеству. Пройдя Обводный канал, Звенигородскую улицу, Лештуков переулок, толпа прошла на Фонтанку, но там жандармы и полиция остановили толпу, приказывая ей разойтись; а когда рабочие не послушались, то по распоряжению полиции жандармы силою разогнали толпу, причем задержали около 50 человек. Анисимов же с товарищами успел скрыться. Того же 17 января, около 2 часов дня, Анисимов с товарищами пришел в дом Петрова, по Воронежской улице, в квартиру рабочего Семена[1]. Там было еще 5 рабочих и заявитель Абакумов. Анисимов рассказал, как на Фонтанке разогнали рабочих. Анисимов послал за полштофом водки, которую все выпили. Анисимов говорил также, что жандармы когда разгоняли толпу, то он имевшимся у него кинжалом ударил жандармскую

[1] По всей вероятности, Павла Семенова. По агентурным сведениям, собрание было у него.

лошадь в бок, отчего у ней пошла кровь. Когда Абакумов усомнился в этом, то Анисимов из кармана пальто вынул кинжал с ½ аршина длины. Кинжал этот в то время видел также рабочий Степан Мороз, живущий в доме Петрова. Тот же Анисимов и товарищи его собравшейся вечером 16 января в доме Романова, по Боровой улице, толпе рабочих внушали, чтобы агентов правительственных убивать и рвать их на куски. Собравшиеся в квартире № 9 рабочие соглашались на это. Там же Анисимов и товарищи предложили рабочим сделать сбор в пользу неимущих рабочих, и собранные 3 р. 80 к. Анисимов взял себе. 16-го же января он предложил рабочим итти за Нарвскую заставу и взбунтовать рабочих на бумагопрядильной фабрике Шау. Согласилось 50 человек и с Анисимовым пошли на эту фабрику, где им удалось встревожить рабочих. Абакумов добавил еще, что в доме Романова, по Боровой улице, Петр Анисимов рабочим внушал вредные мысли против правительства и фабрикантов и там же списывал карандашом статьи требования выгод от фабрикантов. На другой же день, то есть 17 января, Абакумов взял из рук рабочего Якова Лыткина, жившего в доме Петрова, по Воронежской улице, прокламацию, в которой было сказано все то, что накануне говорил рабочим Анисимов. Он же, Анисимов, сочинил требование рабочих фабрики Шау, которое они представили начальству. Анисимов с товарищами послал 5 рабочих на фабрику Макселя за Невской заставой, чтобы взбунтовать рабочих, но желание его не исполнилось, хотя те же 5 рабочих старались распространить прокламации. Товарищи Анисимова, т. е. Иванов и другой, проживали по Звенигородской улице, дом указать может, а Анисимов говорил, что он живет где-то за Нарвскою заставою. О чем и составлен протокол.

Подлинный подписали: Чиновник для поручений Лерман.
Крестьянин Кирило Михайлов Абакумов[1].

III. Показания Кирилла Абакумова от 3 февраля 1879 г.

1879 года февраля 3-го, в дополнение к объяснению, данному 2 февраля крестьянином Кириллом Михайловым Абакумовым, он говорил, что 16 января, в полдень, когда рабочие собрались на Новой бумагопрядильной фабрике с целью недопущения работ, во дворе более всего кричал крестьянин Николай Яковлев Кислов, требуя, чтобы никто не смел итти на работу. К нему подбежал слесарь Александр, проживающий в доме Дмитриева, по Боровой улице, и стал бранить Кислова, зачем он возмущает народ; при этом Александр сорвал с него шапку и с нею побежал в слесарню. Толпа приняла Александра за правительственного агента. Бывшие в толпе крестьянин Лука Иванов, Сорокин, Кислов и другие закричали на Александра: «Он фискал, надо его убить». Около сотни человек бросились вслед за Александром с целью побить его. Растворив дверь слесарной, толпа проникла туда и потребовала от Александра шапки Кислова. Александр побежал в паровую комнату; толпа хотела следовать за ним, но другие слесаря не

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 73., ч. 1, лл. 142—143. Печатается по копии.

пропустили толпу; тогда она возвратилась во двор, и так как у Кислова не было шапки, то кто-то дал ему фуражку. Когда толпа узнала, что Александр не фискал, то спокойно разошлась по домам. Все это толпа делала по наущению Петра Анисимова и товарищей его, ранее подговоривших рабочих. Лука Иванов живет в доме Тарачкова, по Обводному каналу. Рабочие Новой бумагопрядильной фабрики имели неудовольствие на подмастерьев: 1) Пимона[1] Матвеева (живущего по Лиговке в небольшом каменном доме, близ Волкова кладбища), 2) Федора Иванова (в доме Холмушина, по Боровой улице), 3) Василия Матвеева (по Обводному каналу в деревянном доме Федорова, внизу мелочная лавка), 4) Степана Макарова (жительство неизвестно), 5) Егора Филатова (жительство неизвестно) и 6) Михаила (небольшого роста, живущего по Боровой улице, в д. Смиряева),— за то, что эти подмастерья притесняли рабочих пристрастно. Этих подмастерьев рабочие желали прогнать вовсе из фабрики. Когда возникли на фабрике беспорядки, то Петр Анисимов с своими товарищами научали рабочих, чтобы их более на фабрику не допускать. Анисимов ходил по домам и научал рабочих. 17 января, пополудни часу в 3-м, Анисимов принес в дом Петрова, по Воронежской улице, кв. № 7, две печатные прокламации, в которых было сказано, чтобы рабочие требовали себе от фабрики разные выгоды. Там в то время были рабочие, живущие в той квартире, и другие посторонние, около 5 человек. Анисимов передал один экземпляр прокламации рабочему Якову Лыткину, живущему в той же квартире. Анисимов при этом сказал Лыткину: «Эту прокламацию прочитайте перед народом и подите по квартирам, а я сам пойду за Нарвскую заставу». Вскоре Анисимов ушел. Немного спустя, Лыткин пошел по квартирам по разным домам и читал рабочим прокламацию. Абакумов в дом Петрова, кв. № 7, вошел по приглашению Лыткина. Почему и знает все это. Абакумов, находясь в квартире этой, когда еще Лыткин не уходил, заметил в руках рабочего Степана Григорьева Мороза такую же прокламацию. Любопытствуя узнать, о чем дело, Абакумов попросил у него ее и прочел всю до последней строки. Абакумов спросил Мороза, откуда он взял прокламацию, на что ответил, что ее взял Анисимов от тех двух его товарищей, которые были с ним накануне в доме Романова, по Боровой улице, когда Анисимов карандашом списывал жалобы рабочих. Того же 17 января — Абакумов не знает, в какое именно время и где — рабочий Лука Иванов и еще четыре рабочих получили от Анисимова по две штуки прокламаций и по его наставлению пошли на бумагопрядильную фабрику Макселя, чтобы прочесть их рабочим. На фабрике этой кто-то из 5 рабочих прибил в стене фабрики одну прокламацию, и потом кто-то из них набросал по лестницам записки вредного содержания, но там им никто не оказал сочувствия, почему они назад вернулись. Абакумов пояснил еще: 17 января Анисимов в 3-м часу пополудни ушел из дома Петрова, по Воронежской улице, прямо на бумагопрядильную фабрику Шау за Нарвскою заставою, и там он успел подговорить несколько рабочих, в том числе крестья-

---

[1] Пимена?

нина Штрипанова, итти с ним на бумагопрядильную фабрику Новую, чтобы сообща с рабочими этой последней фабрики действовать против фабрикантов. С этими рабочими Анисимов пришел на другой день, 18 января, около 3 часов дня, к трактиру «Дунай», на углу Боровой улицы, где они поджидали рабочих Новой бумагопрядильной фабрики. Между тем Анисимов, идя из дома в дом, собрал около 50 человек, привел их к тому же трактиру, откуда Анисимов, соединив рабочих с обеих фабрик, научил их уговориться не ходить на работу, и после все разошлись по домам. 17 января, в 8 часов вечера, Анисимов с двумя своими товарищами пришел в дом Романова, собрал толпу рабочих около 50 человек, и с ними только Анисимов пошел за Нарвскую заставу и там взбунтовали рабочих бумагопрядильной фабрики Шау. В числе рабочих были вышеупомянутые Лыткин и Мороз.

Подлинный подписал Кирила Михайлов Абакумов[1].

IV. Рапорт с.-петербургского уездного исправника и начальника пригородной полиции петербургскому губернатору.

В Петергофском участке, по Петергофскому шоссе, на первой даче от Нарвских триумфальных ворот, принадлежащей инженер-генерал-лейтенанту Болдыреву, находится 36 различных жилых строений, занятых рабочими, и семь разных фабрик и заводов.

На одной из этих фабрик, а именно на ткацко-миткалевой фабрике, принадлежащей обрусевшему англичанину Шау, 16-го сего января смена рабочих, пришедшая на работу в час пополудни, не встав на работу, заявила, что она не будет работать, если не прибавят плату по 5 коп. на кусок и не перестанут производить вычеты за испорченный материал, за поломку машин, за прогул и т. п. Получив от директора фабрики ответ, что желания их будут переданы хозяину, а теперь пусть идут к станкам и продолжают работу, рабочие, закричав: «Ура! у! у! Забастовка! Вон с работ! Не смей никто работать!» ушли с фабрики.

Получив об этом донесение от пристава участка, я немедленно приехал на фабрику Шау, и из первых расспросов оказалось: 1) на фабрике этой находится до 150 человек рабочих и столько же женщин; 2) работа нетрудная и прибыльная, и редкий рабочий зарабатывает менее 17 рублей в месяц; 3) плата всегда выдавалась аккуратно и в полности в назначенные дни; 4) хозяин г. Шау известен своею честностью, добротою, помогал всегда рабочим в их нуждах, давал вперед деньги на свадьбы, похороны и т. п. и в прошлом году устроил для детей рабочих ясли, а несколько дней тому назад, а именно к новому году, выдал награды всем рабочим, работающим у него более года, и вообще причин к взрыву неудовольствия никаких нет и не было, на все расспросы мои рабочие с негодованием отзывались об этой забастовке, называли зачинщиков дураками, но имен их не называли, говоря, что их не знают, и что все должны были оставить работу из боязни своих сотоварищей.

[1] То же дело, лл. 144—145. Печатается по копии.

Производя дальнейшее расследование, я узнал, что за сутки до этого, тоже в час пополудни, такая же забастовка произведена на бумагопрядильной мануфактуре в городе, находящейся на Обводном канале, близ казарм л.-гв. егерского полка, и что на-днях ожидается то же самое и на Выборгской стороне, что к рабочим фабрики Шау кто-то приходил с этой мануфактуры и что несколько рабочих фабрики Шау, человек до 50, забастовав, сейчас же пошли в город к рабочим забастовавшей мануфактуры и что, вероятно, они, возвратясь в пригород с рабочими из города, пригласят к стачке рабочих бумагопрядильни, находящейся в деревне Волынкиной и стоящей в версте от фабрики Шау.

Собрав городовых со всех постов Петергофского шоссе и из резерва, я, сколько мог, окружил подступы к фабрике Шау, предупредил директора Волынкинской бумагопрядильной, объехал все окрестные дорожки, но, разумеется, с командою в 28 человек не имел возможности сделать многое, а испрашиваемый мной казачий разъезд не прибывал. В десятом часу вечера, когда было уже темно, я услыхал крики: «Ура! Ура!» Толпа шла между огородами к Волынке, подходила к фабрике, но когда я подъехал, все разошлись, причем одни рабочие объяснили, что толпа разошлась потому, что рабочие Волынкинской фабрики отказались от их предложений, другие же объяснили тем, что увидели, что их ждет полиция и что есть казаки, и слышали, что ждут еще солдат.

На другой день, 17 января, я приказал всем рабочим фабрики Шау собраться к фабрике в час дня для выслушания их желаний и разбора их претензий.

Когда собралась толпа рабочих, то на заявление хозяина фабрики, что он не может согласиться на прибавку платы и другие их требования, а предлагает им или остаться работать на прежних условиях, или получить полный расчет, причем хозяин напомнил им, что, несмотря на вписанное в книжке каждого рабочего условие, что о прекращении работ они должны были предупредить его за две недели, он не желает воспользоваться этим правом и готов их рассчитать хоть сейчас же. На это толпа закричала, что не желает расчета, а требует, чтобы их предложения были приняты и чтобы на их новых желаниях все были приняты на работу, затем закричали: «Ура! Все вон!» и ушли.

В этот день приехали к фабрике Шау человек 40 жандармов, но рабочие разбрелись, было много пьяных; поэтому жандармы были мною в то же время отпущены, но появление их сильно ободрило людей, не сочувствовавших стачке, и вечером, когда начало темнеть, стали приходить ко мне многие рабочие, заявляя свое несочувствие к стачке, но как полиции мало, то они боятся итти наперекор товарищей. При этом всю вину слагали на молодых рабочих, которые только собирают всех остальных, причем говорили, что есть какая-то касса денег для поддержки забастовок, что собрано около 300 рублей в Новой мануфактуре — что в городе, и еще столько же на фабрике Максвеля, и стали под секретом упоминать имена главных зачинщиков этого дела. Этот день прошел благополучно, а на другой день, когда рабочие известились, что несколько человек арестованы, а в 12 часов, когда увидели, что прошли мимо фабрики и деревни Волынки две роты л.-гв. Измайлов-

ского полка, то шумевшие сильно приуныли, а большинство рабочих, состоявшие из людей, не сочувствовавших стачке и находившихся лишь под страхом каких-нибудь 20 человек молодежи, ободрились совершенно и все явились с просьбою принять их на работу на прежних условиях и забыть их вину или, если хозяину угодно, рассчитать их всех с тем, чтобы с понедельника взять на работу, кого хозяину будет угодно, а не брать грубиянов и буянов.

Таким образом, стачка окончилась, все рабочие получили сполна, что им следовало, а с сего числа работа на фабрике Шау возобновилась.

По произведенному мною дознанию положительно выяснилось: 1) что стачка, начавшаяся в городе на бумагопрядильной мануфактуре, находящейся на Обводном канале, по уговору нескольких агитаторов, перешла на другой день на загородную фабрику Шау; 2) что у зачинщиков стачки были деньги, которые раздавались рабочим; 3) сделались известны квартиры, где бывали сходки, и 4) известны главные зачинщики беспорядка на фабрике Шау [1].

V. Требование рабочих от фабриканта Шау

1. Требуют рабочие прибавки на каждый кусок по 5 коп., а мера каждого куска не превышала бы 55 аршин.

2. Чтобы не было вычета за кипяток.

3. За больницу чтобы вычитали по 10 коп. с человека, а не с рубля.

4. За поломку каких бы то ни было вещей в машинах, т. е. с рабочего, не вычитать.

5. За прогул по хозяйской вине, сколько бы ни прогулял рабочий, то чтобы обязался бы хозяин уплачивать по расчету, сколько может работник заработать.

6. За прогул по необходимости рабочего чтобы штраф не писался, а только чем рабочий не будет пользоваться [2].

7. Чтобы товар браковать вместе с браковщиком были выбраны из рабочих депутаты, которые могли бы понимать оценку порчи.

8. Газ чтобы горел как следует.

9. Чтобы основы были настоящего материала и чтобы следили за шлихтовальщиками (приготовляющими основу): много порчи от них.

10. Чтобы перед праздником прекращались работы в 9 часов вечера, а не до 6 часов утра.

11. В рабочее время, т. е. во время чаю, останавливалась машина на ½ часа.

12. Чтобы за харчи деньги в конторе не вычитали, потому что много путаницы.

13. В час пополудни прекратилась работа, т. е. не из-за рабочих, когда рабочие обратились к хозяину с просьбою, но хозяин не принял в резон, приказал выйти с фабрики.

14. На этой работе, при всем этом, вычеты за каждую поломку машин и за брак товара и по необходимости рабочего за прогул, потому

[1] То же дело.
[2] Так в тексте.

что по такому малому расчету нам не приходится некоторым получать из конторы ничего.

15. Мы не можем в срок уплачивать казенные повинности, нам уже нехватает на содержание своих семейств.

16. По просьбе рабочих выслать из фабрики тех подмастерьев, которые неудобны, т. е. для рабочих, а именно: 1) Никифора Арсеньева, 2) Нефеда Ефимова, 3) Николая Дмитриева.

17. То есть хозяин Шау принуждает рабочих к расчету, то пусть он заплатит за 15 дней вперед.

18. А мы не желаем получить расчету, а желаем работать, только по исполнении наших требований вывесить таблицу за подписью градоначальника[1].

VI. Записка царю от 19 января 1879 г.

В последнее время, вследствие учрежденного за находящимися в С.-Петербурге и его окрестностях фабриками надзора, было обнаружено, что рабочие некоторых фабрик, подстрекаемые коноводами, принадлежащими, повидимому, к партии пропагандистов, намереваются устроить забастовки и стачки[2].

Вследствие этого заблаговременно, 16-го текущего января, сделано было распоряжение о задержании подозрительных лиц; причем у рабочих фабрики Шау, крестьян Никонова, Савельевых и др., найдено воззвание к русским рабочим, у токаря завода Кохуна-Семенова задержан сын коллежского асессора Виноградов с отпущенным кинжалом, а у проживающего на квартире вдовы статского советника Дегаевой, обучающегося в Михайловской артиллерийской академии поручика киевской крепостной артиллерии Петра Яковлева оказались: воззвание тка-

[1] То же дело, лл. 41—42.

[2] С октября 1878 г. III отделение стало получать сведения, что рабочие столичных фабрик готовятся к стачкам. Организованная на всех крупных фабриках агентура указывала на нескольких интеллигентов, принимавших в этой агитации наиболее деятельное участие: Н. Шмемана, студента Медико-хирургической академии, Г. Вилленца, студента ветеринарного отделения той же академии, студента Технологического института Д. Виноградова. Из них Вилленц примыкал к лавристам, а относительно других можно лишь высказать предположения, что они также были близки к кружку лавристов А. Мурашкинцева, А. Таксиса, А. Коршунова и др. Как свидетельствует Ст. Ширяев в своей автобиографической записке («Красный архив», № 7, 1925 г.), землевольцы во второй половине (после октябрьского провала) 1878 г. пропаганды среди рабочих не вели. Кружок молодежи, находившийся под влиянием «Земли и воли» и поставивший своею целью пропаганду среди рабочих, организовался лишь во второй половине января 1879 г. Других указаний на участие землевольцев в подготовке этой стачки мы в литературе не имеем. В архивных материалах нет достаточно точных и достоверных данных для того, чтобы определить принадлежность агитировавших среди рабочих интеллигентов к той или иной группировке.

Добавим лишь, что Шмеман был сторонником фабричного террора и даже пытался произвести взрыв на одной из фабрик. Кроме того, в агентурных сведениях фигурирует некто «Силыч», оставшийся нераскрытым. П. Моисеенко называет в своих «Воспоминаниях» М. Р. Попова «Силыч», но в воспоминаниях последнего это не подтверждается.

чей к рабочим всех фабрик и заводов, журнал «Земля и воля» и другие документы, относительно коих Яковлев не дал удовлетворительных объяснений.

По задержании поименованных и других близких к ним лиц усиленным наблюдением выяснилось, что остающиеся еще на свободе руководители стачек соберутся 18 числа во 2-м участке Коломенской части, в доме № 4 по Витебской улице, для обсуждения вопросов, клонящихся к принятию мер для продолжения беспорядков.

Тотчас же приказано было задержать всех их, и по задержании один из главных деятелей назвался мещанином Осипом Ивановым. Между тем дознано, что под именем Иванова скрывается крестьянин Смоленской губернии Петр Анисимов,[1] принимавший еще в прошедшем году выдающееся участие в беспорядках на Новой бумагопрядильне и скрывшийся с места высылки — с родины. У него отобран кинжал. Из других задержанных 18 января, в числе 14 человек,— у рабочего Герасима Иванова найден нож, размером лезвия $^1/_4$ аршина, а у крестьянина Якова Коняева[2] — такой же нож и прошение от рабочих фабрики Шау на имя управляющего министерством внутренних дел, к которому они предполагали отправиться. Из этих 14 задержанных трое освобождены[3].

Таким образом, стачки состоялись только на двух фабриках: на Новой бумагопрядильне и на фабрике Шау; причем на первой из них сего 19 января 200 человек выразили уже желание вновь приступить к работам.

Получены также сведения, что забастовавшие рабочие намереваются послать от себя подстрекателей к стачке в город Нарву, на Кренгольмскую мануфактуру.

К прекращению поименованных беспорядков приняты самые энергичные меры, а заарестованные коноводы преданы в распоряжение начальника с.-петербургского губернского жандармского управления для возбуждения против них формального дознания.

Параллельно с этими действиями продолжаются розыски навлекающих на себя подозрение в участии в тайной типографии.

---

[1] Моисеенко, Петр Анисимович, высланный в апреле 1878 г. на родину за подстрекательство к стачке 1878 г. и вернувшийся нелегально в Петербург.

[2] В тексте: Канаева.

[3] Были арестованы: Лука Иванов, ткач Новой бумагопрядильни; Петр Анисимов (Моисеенко), назвавшийся Осипом Ивановичем; Алексей Анисимов, брат его; Яков Дмитриев, он же Аржак (Моисеенко в своих воспоминаниях пишет, что он Ст. Халтурина назвал Яковом Аржаком и это прозвище за ним осталось, но это неверно: существовал рабочий — Яков Аржак); Герасим Иванов, рабочий фабрики Шау; Иван Григорьев, рабочий прядильни старой мануфактуры; Яков Лукин, рабочий Новой бумагопрядильни; Харлампий Кузьмин, рабочий Новой бумагопрядильни; Яков Осипов Коняев; Николай Андреев, рабочий фабрики Шау; Ефим Иванов, рабочий фабрики Шау. Кроме этих рабочих, по заявлению агентов принимавших деятельное участье в стачке, были взяты еще трое, но вскоре отпущены, как лица, ни в чем не замешанные. Позже был арестован Кирилл Абакумов.

Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 73, ч. 1, лл. 67—70.

VII. Отношение петербургского градоначальника в III отд. от 21 января 1879 г. № 868

Государь император при всеподданнейшем докладе его величеству о беспорядках, происшедших в январе сего года между рабочими Ново-бумагопрядильной и ткацкой фабрики, высочайше повелеть соизволил: виновных по этому делу выслать из С.-Петербурга.

Во исполнение таковой высочайшей воли и согласно предложению г. управляющего министерством внутренних дел от 20 августа 1875 г. за № 276, а равно циркуляру от 6 июля 1870 г. за № 1906, мною, вместе с сим, сделано распоряжение о высылке из С.-Петербурга в Вологодскую губернию крестьян: Смоленской губернии — Григория Иванова, Павла Федорова и Афанасия Васильева, Тверской — Григория Дмитриева, Арсентия Васильева, Ивана Григорьева, Андрея Иванова и Ярославской — Федора Афанасьева; на родину крестьян: Ивана Тихомирова, Ивана Курнакова, Артемия Тимофеева, Ивана Гаганова, Василия Михайлова, Степана Жалыгина, Алексея Панкова, Михаила Ефимова, Кузьму Кондратьева, Кирилла Ефимова, Егора Егорова, Федора Борисова, Ивана Иванова, Тимофея Алексеева, Сергея Михайлова и Ивана Григорьева — в Тверскую губернию; Ивана Власова, Петра Васильева, Егора Евдокимова, Нефеда Павлова, Степана Андреева, Филиппа Петрова, Василия Михеева, Осипа Федорова и Василия Егорова — в Смоленскую губернию; Василия Иванова, Никифора Фирсова — в Московскую губернию; Алексея Митрофанова и Сергея Кузьмина — в Ярославскую губернию; Карпа Обухова и Михаила Ефимова — в Калужскую и спб. мещанина Павла Александрова — в Новгородскую губернию; а также крестьян: Якова Леонтьева и шлиссельбургского мещанина Александра Гаврилова — в подлежащие уезды С.-Петербургской губернии, с воспрещением всем высланным на родину пребывания в здешней столице в течение одного года[1].

---

[1] По распоряжению петербургского градоначальника административным порядком, согласно циркуляру №1906 от 6 июля 1870 г., были высланы за стачку рабочие: Андрей Киселев, Агафон Петров, Степан Егоров, Семен Кубышкин, Михаил Иванов, Никифор Ефимов, Михаил Щербаков, Яков Евстафьев — в Архангельскую губ., а несовершеннолетние Толкушкин и Васильев — на родину, с воспрещением пребывания в столице в течение года.

Кроме того, в Вологодскую губ. были высланы, также административным порядком, рабочие Новой бумагопрядильни: Андрей Иванов, Арсений Васильев, Фед. Афанасьев, Анисим Варфоломеев, Григ. Иванов, Афанасий Васильев, Григорий Дмитриев; в Новгород — Павел Александров. Последний бежал, был арестован в Петербурге, выслан в Восточную Сибирь, оттуда снова бежал в том же 1879 г.

Управляющий III отделением Шмит в отношении от 23 января 1879 г. просил петербургского градоначальника сделать распоряжение, чтобы в число предназначенных к высылке рабочих не попали зачинщики, привлеченные к дознанию, производящемуся в петербургском губ. жанд. управлении. К дознанию были привлечены: П. Анисимов (Моисеенко), Павел Никонов, Онуфрий Степанов, Тим. Семенов, Гер. Иванов, Як. Коняев, Лука Иванов, Ак. Стульцев, Григорий Савельев (Штрипан), Петр Шилов, Кир. Абакумов, Мир. Дорофеев, а из интеллигентов: Петр Яковлев и Дм. Виноградов. Дорофеев не был разыскан, Абакумов же выслан в Восточную Сибирь, Стульцев — на родину.

О вышеизложенном имею честь уведомить 3-е отделение собственной его императорского величества канцелярии.

Свиты его величества генерал-майор Зуров[1].

VIII. Записка царю от 8 февраля 1879 г.

По случаю происходивших в половине мес. января стачек рабочих на Новой бумагопрядильне и на ткацкой фабрике Шау возбуждено было особое дознание, которым ныне вполне установлено, что означенные стачки не были вызваны экономическим положением рабочих или несправедливым отношением фабричных администраций, но совершились под влиянием и руководством преступных лиц, преследующих социально-революционные цели.

Стачки на означенных фабриках не имели серьезных последствий, так как рабочие вскоре одумались и, убедившись, что были увлечены посторонними лицами, чуждыми их среде и интересам, немедленно возобновили работу.

Тем не менее дознание обнаружило и привлекло к ответственности несколько лиц, обвиняемых в тайном подстрекательстве рабочих к стачкам[2].

Так, например, разъяснено, что поручик киевской крепостной артиллерии Петр Яковлев, у которого найден номер революционной газеты «Земля и воля» и два экземпляра «Воззвания ткачей к русским рабочим», имел намерение собирать деньги на помощь ткачам, прекратившим работы, в чем он уже и сознался.

Точно так же установлено, что сын коллежского асессора Дмитрий Виноградов, воспитанник практических мастерских Технологического института, собирал сходку для устройства кассы вспомоществования нуждающимся рабочим. При обыске у Виноградова найдены, кроме фальшивого паспорта, разные заметки и выписки, свидетельствующие о явном его участии как в революционном движении вообще, так и в подстрекательстве рабочих к стачкам.

Наконец, из девяти рабочих, арестованных и привлеченных дознанием к ответственности, обращают на себя внимание крестьяне: Петр Анисимов, высланный в м[инувшем] году на родину за участие в беспорядках, бывших на Новой бумагопрядильне, и самовольно возвратившийся в С.-Петербург, Тимофей Семенов, проживавший по фальшивому паспорту, и Аким Стульцев, у которого найдено 34 экземпляра вышеупомянутого воззвания ткачей[3].

---

[1] То же дело, лл. 78 — 79.

[2] 19 января были арестованы заподозренные в агитации среди рабочих студенты: Г. Вилленц, А. Вахрамеев, А. Морозов, И. Босяцкий, Клушин. Вилленц был выслан в Архангельскую губ. Кроме того, был арестован раньше и не выслан административным порядком, а привлечен к дознанию по делу о стачке поручик артиллерии П. Яковлев.

[3] По агентурным сведениям, активно агитировали за стачку: Петр Шилов, кантонист Кирюшка, Андрей Дымов, Иван Жмуркин, Никита Губрик и Федот Лазарев — на Новой бумагопрядильне, и Аким Стульцев и Мирон Дорофеев — на фабрике Мальцева. Последние двое были распропагандированы ранее. Стульцев судился по процессу 193-х, но

Дознание деятельно продолжается [4].

IX. Отношение министра юстиции Д. Набокова главному начальнику верховной распорядительной комиссии Лорис-Меликову от 17 апреля 1880 г. за № 991

По всеподданнейшему докладу обстоятельств дела о преступном сообществе, организовавшем стачки рабочих на фабриках Шау и Новой бумагопрядильне в январе 1879 года, государь император в 16-й день апреля 1880 года высочайше повелеть соизволил: разрешить настоящее дело административным порядком, с тем чтобы:

I. Выслать в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири для водворения на жительство под надзор полиции в местностях вверенного ему края: 1) Якова Коняева, 2) Луку Иванова и 3) Петра Анисимова.

II. Выслать на родину с подчинением гласному надзору полиции на три года и с воспрещением в течение означенного срока отлучек с места жительства: 4) Павла Никонова, 5) Герасима Иванова и 6) Онуфрия Степанова.

III. Выслать 7) поручика Яковлева на родину к отцу его, проживающему в городе Спасске, Тамбовской губернии.

IV. Вменить в наказание предварительное по сему делу одиночное заключение: 8) Дмитрию Виноградову, 9) Тимофею Семенову и 10) Петру Шилову, с подчинением Виноградова надзору полиции на два года и с воспрещением ему в течение означенного срока проживать в столицах, губернских городах и во всех тех местностях, в коих воспрещено пребывание лицам, подвергаемым по судебным приговорам надзору обществ или полиции.

V. Никакой дальнейшей по сему делу ответственности не подвергать за последовавшею уже высылкою: 11) Кирилла Абакумова и 12) Акима Стульцева.

VI. Приостановить дознание производством относительно 13) Мирона Дорофеева, впредь до явки его или задержания и

VII. Дознание со всеми последствиями прекратить производством в отношении 14) Григория Савельева.

О таковом высочайшем повелении, мною вместе с сим сообщенном и. д. прокурора с.-петербургской судебной палаты к исполнению, имею честь уведомить ваше сиятельство, вследствие сообщения от 29 марта 1880 года за № 630, для зависящих с вашей стороны распоряжений по подчиненному вам ведомству III отделения собственной его императорского величества канцелярии относительно вышеупомянутой высылки Коняева, Луки Иванова, Анисимова, Никонова, Гера-

---

заболел душевно и был освобожден. Дорофеев привлекался к дознанию по делу Кобылянского, ведшего пропаганду среди рабочих Петербурга, но был освобожден за недостатком улик.

[4] То же дело, лл. 158—159.

сима Иванова, Степанова и Яковлева и учреждения вышеозначенного надзора полиции над Виноградовым.

Министр юстиции статс-секретарь Д. Набоков.

И. об. вице-директора член консультации А. Казим-Бек[1].

2. Стачка на стеклянном заводе Фишмана в Петроковской губ. 22 января 1879 г.

Донесение петроковского губернатора управляющему министерством внутренних дел от 26 января 1879 г. за № 1289.

Начальнику Новорадомского уезда сделано было вечером 22-го сего января заявление бухгалтером стеклянного завода в селении Ясень о том, что рабочие-иностранцы, в числе восьми человек, прекратили работы, нанеся предварительно побои владельцу завода еврею Фишману; вследствие сего начальник уезда на другой день отправился лично для производства дознания, причем обнаружилось, что рабочий, чех Роберт Шмидт, не будучи в состоянии содержаться на деньги, составлявшие ежедневную его задельную плату за шлифовку графинов, отправился к управляющему заводом, тоже еврею, сыну владельца, то последний вытолкал его вон, и затем, придя на фабрику и заметя Шмидта не работавшим, Фишман, на просьбу его о назначении ему другой, более прибыльной работы, ударил его два раза и приказал убираться совсем из завода, после чего находившиеся тут соотечественники Шмидта, в числе семи человек, бросились к Фишману и, защищая Шмидта, оттолкнули владельца, который сейчас же велел приостановить ход заводской машины.

Засим начальник уезда при дальнейшем разборе дела обнаружил следующие притеснения, делаемые заводчиком рабочим: а) удержание в свою пользу из зарабочей платы 20%, что доказывается бухгалтерскими книгами; заводчик объясняет этот вычет необходимостью покрыть издержки, понесенные им на постройку паровой шлифовки, совершенную им в прошлом году, и присовокупляет, что такой вычет из заработной платы он производил всегда и со всех рабочих; в контрактах, которые — все частные и заключены в Богемии, во многих условие вычета вовсе не значится, в тех же контрактах, где это условие внесено, предмет вычета определяется словом «Profession»; б) все продукты и все припасы, какие только нужны для жизненного обихода,— все получается от заводчика по весьма высоким ценам. Пекарня, лавка со всевозможными продуктами и товарами, мясная лавка и два питейных заведения принадлежат самому заводчику и управляются или сыном заводчика, или зятем его, а пекарня устроена при доме, занимаемом заводчиком, и в Ясени нет других ни промышленных, ни торговых заведений, которые бы принадлежали другому лицу и не заводчику. Из долговой книги заводчика видно, что хлеб, дрова и даже кухонная дере-

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 73, ч. 2, лл. 255—256.

вянная посуда получается в долг от заводчика, причем за булку хлеба весом в 3—3½ фунта берется круглым счетом по 15 коп., за деревянную посуду (Izafliki) удерживается по долговой книге 1 руб. 80 коп., как это значится по долговой книге рабочего Фердинанда Поля.

Тот же Поль, прибывший на завод в сентябре месяце 1878 года и получивший при заключении контракта на своей родине 16 сентября в задаток 50 руб., состоит в настоящее время должным заводчику 110 руб. 23 коп., и почти в таком же и даже много худшем положении находятся все прибывшие из-за границы в 1878 г. девять человек рабочих шлифовщиков, не видя, при существующих на заводе вычетах из зарабочей платы и порядке снабжения их жизненными припасами, а также низкой зарабочей плате, чтобы можно было, хотя в далеком будущем, выйти из долгов заводчику. Из числа лиц этой категории некто Зандер уже восемь недель лежит больной и продал на жизнь и лечение все свое и жены движимое имущество и, не будучи в состоянии работать, хотел отправиться для лечения на родину, но заводчик по поводу числящегося за Зандером долга в сумме более ста рублей отказал ему в выдаче паспорта, который, по внесенному в контракт условию, нанимающийся оставляет нанимателю как залог в обеспечение долга; в) по прибытии в марте месяце 1878 г. вызванных из-за границы рабочих паровой завод не был еще окончен и только через 18 недель был открыт, вследствие чего вызванные рабочие, принужденные в течение 18 недель работать по двое человек при одном ножном станке, несли через это большие убытки и впали в долги; г) те из вызванных девяти шлифовщиков, в контрактах которых срок найма не определен, а сказано только, что наниматель обязывается в течение круглого года давать работу, хотели выехать на родину, но заводчик, толкуя этот пункт контракта по-своему, считает обязательство срочным и задерживает выезд и паспорты, ссылаясь при том на долги рабочих; д) заводчик, требуя от Шмидта шлифовки графинов по вновь высланной, с прибытием из-за границы рабочих, модели, ссылается на тот пункт контракта, в котором говорится, что нанимающийся, кроме тех работ, цена которым означена в контракте, за остальные работы будет получать такую плату, какая выдается местным рабочим; но так как шлифовка графинов по вновь полученной модели прежде не существовала, а начала вводиться только с прибытием из-за границы шлифовщиков — чехов, то сии последние рабочие считали себя в праве домогаться установления от этой работы платы по особому условию и хотели, чтобы заводчик от такой шлифовки графина платил по 5 коп. от штуки, но заводчик назначил по 1½ коп. и больше не дает; рабочий же в виду того затруднительного материального положения, в которое он поставлен заводчиком, принужден довольствоваться тем, что ему дадут. Низкая плата за шлифовку графинов по 1½ коп. и составляет, повидимому, один из предметов, вызывающих рабочих к стачке.

Восьми шлифовщикам, оставившим работу, предложено возвратиться на завод с предупреждением о законе, преследующем подобные действия рабочих, и они согласились на это, но при сем в виду безвы-

ходного своего положения домогались лишь подробного рассмотрения их претензий к заводчику. Окончив разбор по сему делу и обязав упомянутых иностранцев возвратиться к работам, начальник уезда произведенное им дознание передал судебному следователю; о чем имею честь донести вашему превосходительству и доложить, что, по моему мнению, произведенный этими рабочими беспорядок не требует принятия в отношении их каких-либо особо строгих мер, и передачу дела на дальнейшее производство судебному следователю я полагаю мерою достаточною. В случае, если судебное ведомство не найдет оснований к преследованию, то я полагал бы необходимым всех указанных иностранцев — чехов, в числе восьми человек, выслать за границу, предоставив владельцу искать с них свои долги гражданским иском, тем более, что они заявили начальнику уезда, что если за них не заступятся, то вместо того, чтобы умереть с голоду, они решатся бежать, сами не зная куда; о чем я и представил на благоусмотрение варшавского генерал-губернатора.

Губернатор фон-Эссен[1].

3. Стачка на фабрике шерстяных изделий М. Дыльона в Лодзи 24 января 1879 г.

Донесение петроковского губернатора управляющему министерством внутренних дел от 29 января 1879 г. за № 1371.

24-го сего января в городе Лодзи рабочие с фабрики шерстяных изделий Маера Дыльона, оставив фабрику, в числе 50 человек, самовольно ушли с работы и, придя на квартиру к фабриканту, объявили, что они работать не будут, если он не прогонит еврея мастера, который их притесняет, и не откажется, как он хотел, убавить заработочую[2] плату на ½ коп. от штуки.

Дыльон согласился исполнить желание рабочих, и они ушли обратно, но стали заходить в шинки не по одному, а толпою, вследствие чего и предупреждения могущего быть беспорядка были немедленно командированы конные и пешие стражники, завидев которых толпа рабочих разбежалась, а потом собрались на фабрику и приступили к работе.

О вышеизложенном имею честь донести вашему превосходительству и присовокупить, что мною немедленно был командирован в гор. Лодзь состоящий при мне штаб-офицер для особых поручений полковник Костеницкий для производства административного дознания. О дальнейших мерах, которые я признаю по ходу дела необходимыми принять, я буду иметь честь дополнительно донести. В случае, если по

---

[1] Д. деп. пол. исп., отд. 3, ст. 1, 1879 г., № 39, лл. 1—4.
[2] Так в тексте.

обстоятельствам дела окажется необходимым, то мною будет поступлено согласно предложения господина министра внутренних дел от 15 декабря 1871 года за № 295[1].

Губернатор фон-Эссен[2].

4. Стачка на фабрике шерстяных изделий Друккера в Белостоке в январе 1879 г.

Донесение начальника гродненского губернского жандармского управления в III отд. от 20 января 1879 г. за № 32.

Белостокский полицеймейстер отношением от 14 января за № 10 сообщил начальнику жандармского управления Белостокского и Бельского уездов, что, по заявлению фабриканта, австрийского подданного Макса Друккера, из числа девяти его рабочих следующие трое: Карл Шнейвайс, Юлиюс Рыпсомен и Антон Пешке, явно распространяют социалистическую пропаганду между рабочим классом, не стесняясь даже публично заявлять о своей принадлежности к этому направлению, как это было 13-го числа сего месяца в трактирном заведении Репиха, где они высказали, что Друккер не уйдет из рук, так как они социал-демократы.

По предварительному негласному, самому тщательному, расследованию, произведенному майором Подвербным, оказалось следующее:

Австрийский подданный Макс Друккер в исходе минувшего декабря месяца открыл в г. Белостоке фабрику шерстяных изделий, законтрактовав рабочих в Австрии, из околиц Брин и Фрайберг, именно: Карла Шнейвайса, Юлиюса Рыпсомена, Антона Пешке, Югана Кин, Винцента Малясек, Матиаса Видляжа, Югана Зимак, Югана Галасек и Короля Богуминского, которые по условию, в контракте означенному, обязались работать ежедневно определенное время с вознаграждением каждый по 8 рублей в неделю; кроме того, фабрикант обязался дать им жилое помещение. Первые четыре недели условленная плата производилась аккуратно, по субботам, как это принято на всех фабриках, 13-го же числа сего месяца фабрикант Друккер приказал рассчитать рабочих по числу выделанных ими аршин, и, таким образом, одним приходилось получить больше, а другим меньше, вообще от 4 до 6 руб. Распоряжение свое Друккер объясняет тем, что рабочие плохо занимались, несвоевременно являясь на фабрику.

Оставшись недовольными распоряжением фабриканта, рабочие не приняли предложенных им денег, требуя выдачи таковых сполна, по контракту, что фабрикантом было отвергнуто.

Нуждаясь в деньгах и узнав, что фабрикант в трактирном заведении Репиха, пятеро из рабочих, именно Шнейвайс, Рыпсомен, Пешко, Кин и Зиман, вечером 13 января отправились туда с целью просить Друккера приказать удовлетворить их зарабочею платою.

[1] Рабочие Август Отто и Ян Розмус были, как зачинщики стачки, высланы за границу.

[2] Д. деп. пол. исп., отд. 3, ст. 1, 1879 г., № 45, л. 1.

Рабочий Шнейвайс, отворив двери комнаты, в коей находились фабриканты Макс Друккер, Фридрих Фриш и купец Ляндендфрост, просил первого выйти к ним, но он отказал в этом, сказав, что здесь не место говорить с ними. Шнейвайс, не сказав ни слова, удалился в общую комнату. Хозяин заведения, прусский подданный Репих, находился в это время в своей квартире и, узнав, что в заведение пришли какие-то рабочие, вышел к ним и предложил уйти, что ими в то же время исполнено беспрекословно.

Лица, сидевшие с Друккером в одной комнате, именно Фриш и Ляндендфрост, равно хозяин заведения Репих положительно объясняют, что как рабочий Шнейвайс, так и прочие, в первой комнате находившиеся, никому никаких угроз не делали, вели себя прилично и по первому предложению ушли из заведения.

При этом купец Ляндендфрост заявил, что он сам австрийский уроженец, знает фабриканта Друккера с молодых лет, находится с ним в самых хороших отношениях, но все-таки, по истине, не может сказать того, чтобы рабочий Шнейвайс, вошедший к ним в комнату, кроме просьбы, обращенной к Друккеру, выйти к ним, рабочим, делал какие-либо угрозы, называл себя социал-демократом, произносил что-либо предосудительное или дерзкое и что поводом к раздору фабриканта этого с рабочими послужил недельный расчет, несогласный с заключенным контрактом. Сам фабрикант Друккер сперва отозвался, что лично не слышал, чтобы рабочий, вызывавший его из комнаты, делал угрозы или называл бы себя социал-демократом; после того говорил, что все-таки ему кажется, что он стращал его и называл себя социал-демократом, а затем (сего 17-го числа) в присутствии местного фабриканта Пинагеля самым положительным образом высказал, что не имеет никаких данных к обвинению кого-либо из его рабочих в социальном направлении или преступной пропаганде, но что двух из них, Шнейвайса и Рыпсомена, считает главными подстрекателями в деле непринятия расчета за последнюю неделю и прекращения работ. Друккер при этом заявил, что он готов внести деньги на проезд их обратно на родину, лишь бы избавиться [от] людей, имеющих влияние на прочих рабочих.

Все девять человек рабочих Друккера прибыли в г. Белосток в конце декабря месяца 1878 года с установленными видами, явленными ими в местном полицейском управлении, и проживают во дворе фабричного здания, в одной, указанной им фабрикантом, комнате. Находясь здесь всего пятую неделю, они даже не успели ознакомиться с рабочими других фабрик, на коих состоят преимущественно русские и прусские подданные. В бытность майора Подвербного на фабрике Друккера, 15-го числа, никаких работ не производилось, все рабочие в этот день гуляли. В первой большой комнате фабричного здания лежали на полу обломки двух разрушенных станков, которые, судя по материалу, были малогодны. 16-го числа, утром, шесть человек рабочих, противу коих Друккер не питает злобы, расспрошены были майором Подвербным о поводах прекращения работ и сломки станков. Предъявив заключенный с фабрикантом контракт, они отозвались, что за нарушением оно-

го самим фабрикантом при последнем расчете 13-го числа сего месяца они не могут работать на вновь предложенных им условиях, с платою от выделанного аршина, так как это для них невыгодно и противоречит контракту, на год заключенному. Что касается двух изломанных станков, поясненных в отношении полицеймейстера, то таковые, с ведома их мастера, австрийского подданного Франца Пешек, действительно ими разобраны, как совершенно негодные, а лес из-под них употребляется частями для топки печки в их комнате, так как на отопление таковой отпускается весьма скудное количество дров.

При этом они пояснили, что в субботу, 13-го числа, вечером, некоторые из них действительно ходили в заведение Репиха к хозяину своему Друккеру просить выдачи денег, в коих крайне нуждались, и что их направил туда компанион Друккера, еврей Эпштейн.

Мастер Пешек, не отвергая того, что изломанные станки были совершенно старые, объяснил, что, во всяком случае, не разрешал ломать их. Фабрикант Друккер говорит, что он вовсе не обязался отапливать даваемое им рабочим помещение, но, надо полагать, что помещение, отведенное рабочим в здании фабрики, в зимнее время должно и отапливаться распоряжением фабричного начальства, тем более, ежели по контракту это не поставлено в обязанность рабочим.

В отношении г. полицеймейстера № 10 между прочим сказано, что, по заявлению содержателя трактирного заведения Репиха, три вышепоименованные рабочие 13-го числа, вечером, в трезвом виде вошли в его заведение, разыскивая Друккера, напали там на него и требовали денег. Вполне отвергая справедливость вышеприведенного, Репих отозвался, что хотя у него и был частный пристав, но он лично вовсе этого не заявлял последнему и что, напротив того, рабочие, приходившие к Друккеру, были немного выпивши, но вовсе не шумели, ни на кого не нападали и сейчас же по его, Репиха, предложению удалились. Фабрикант же Друккер, опасаясь итти домой, вероятно по поводу разлада с рабочими, остался ночевать в квартире его, Репиха.

Расследовав обстоятельно, насколько справедливо заявление фабриканта Друккера, изложенное в отношении г. полицеймейстера № 10, и не усмотрев в действиях рабочих Шнейвайса, Рыпсомена и Пешки государственного преступления или участия их в противозаконных сообществах, кроме произвольного прекращения ими, совместно с прочими рабочими, фабричных занятий, что вызвано самим фабрикантом Друккером, не исполнившим условий контракта, майор Подвербный не нашел возможным, применяясь к временным правилам, высочайше утвержденным 1 сентября 1878 года, подвергать названных рабочих аресту и приступать к дознанию в порядке, указанном означенными правилами, а тем более, за неимением ровно никаких данных о их политической неблагонадежности, направлять дело к дознанию в порядке закона 19 мая 1871 г.

К сему майор Подвербный присовокупляет следующее: фабрикант Друккер, связав себя с рабочими контрактом, чего не делает ни один из местных фабрикантов, прусских подданных, после разъяснения ему им, майором Подвербным, и одним из местных опытнейших фабрикан-

тов необходимости обоюдного исполнения контракта или отправления рабочих на свой счет на родину, ежели он, Друккер, ими недоволен, как это требуется тем же контрактом,— сознавая правильность такого разъяснения, изъявил готовность рассчитаться с рабочими за прошлое время по условию, что и исполнил 17-го сего января. Затем, контракт с рабочими находя для себя невыгодным, Друккер, по обоюдному соглашению, окончательно рассчитал всех 9 человек, с выдачею им причитавшихся на обратный проезд денег, как это требовалось по условию. Из числа этих 9 рабочих один только Пешек желает отправиться на родину, остальные намерены оставаться в г. Белостоке и искать занятия на одной из городских фабрик.

Доводя о сем до сведения, в дополнение донесения моего от 27 октября прошлого года за № 354, имею честь доложить, что о вышеизложенном мною, вместе с сим, сообщено гродненскому губернатору.

Полковник Юган[1].

5. Стачка рабочих меднолитейного завода Атласа в Петербурге 5—6 февраля 1879 г.

I. Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления от 7 февраля 1879 г. за № 12 в III отд.

Помощник мой, находящийся в С.-Петербургском уезде, от 6-го сего февраля за № 9 донес мне, что на меднолитейном заводе г. Атласа (за Александро-Невской заставой) рабочие, в числе 90 человек, 5-го и 6-го сего февраля не пошли на работу вследствие неуплаты хозяином завода жалованья за два месяца. В настоящее время этот завод приобретает г. Барбье, который лично объявил рабочим, что 6-го числа сего февраля им будет уплачено жалованье сполна. Рабочие изъявили свое согласие, что по уплате им жалованья они снова готовы работать на заводе.

О чем имею честь донести.

Генерал-майор Комаров[2].

II. Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления от 13 февраля 1879 г. за № 15 в III отд.

Помощник мой, находящийся в С.-Петербургском уезде, майор Огарев от 11-го сего февраля за № 14 донес мне, что новый владелец меднолитейного завода (за Александро-Невской заставой) г. Барбье отказался уплатить рабочим завода жалованье за два месяца; вследствие чего прибыл на этот завод мировой судья 2-го участка С.-Петербургского уезда г. Яковлев, который допросил каждого рабочего, сколько у кого осталось за хозяином неполученного жалованья, чтобы потом взыскать судебным порядком с г. Барьбье. Рабочими никаких беспорядков

---

1 Д. III отд., 3 эксп., 1878 г., № 18, лл. 64—69.
2 Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 34, л. 11.

произведено не было; только трое из них отправились к губернатору просить о скорейшей уплате им жалованья.

О чем имею честь донести.

Генерал-майор Комаров[1]

6. Стачка мальчиков на Екатерингофской бумагопрядильной фабрике 22 февраля 1879 г.

Докладная записка петербургского губернатора главному начальнику III отд. от 22 февраля 1879 г.

В Петергофском участке, в деревне Волынкиной, имеется Екатерингофская бумагопрядильная фабрика, на которй работу сметания остатков от разборки хлопка на мюль-машине производили до настоящего времени женщины. На этой же неделе управление фабрики распорядилось отпустить этих женщин, и их работа возложена, с 22-го числа текущего месяца, на мальчиков, нанимаемых мюльщиками, с платою по 1 копейке за фунт собранного хлопка.

Сего же числа, при перерыве работ для обеда, в 12 часов дня, до ста мальчиков с криком «ура» отказались от работы.

Администрациею фабрики вновь восстановлен прежний порядок, и затем работы продолжаются спокойно.

Уборка хлопка женщинами обходится фабрике до 3 000 руб. в год, при работе же мальчиков расход был бы вдвое меньше.

Из более шумевших мальчиков замечены: Андрей Матвеев, Антон Николаев, Василий Федоров и Семен Николаев.

Долгом себе поставляю довести об этом до сведения вашего высокопревосходительства.

Губернатор Лутковский[2].

7. Волнения рабочих на Невском механическом заводе Русского общества (б. Семянниковском) 27—28 февраля 1879 г.

I. Служебная записка от 28 февраля 1879 за № 309.

Получено сведение, что в 7 часов вечера вчерашнего дня рабочие Невского механического завода Русского общества, в числе около 300 человек, по выходе с работы подошли к конторе завода и заявили управляющему без всякого шума, что если 1 марта не останется прежняя цена, а будет сбавка, то они на работу не выйдут, т. е. сделают стачку. На это управляющий заводом технолог Игнатий Игнатьев Ясюнович объяснил, что завтра съездит в правление и к вечеру даст им ответ; тогда рабочие разошлись без всякого нарушения тишины.

Надо полагать, что рабочие помянутого завода 1 марта сделают стачку[3].

---

[1] То же дело, л. 13.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 73, л. 204.
[3] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 73, ч. 1, л. 204.

II. Служебная записка от 1 марта 1879 г. за № 315.

Вчера, 28 февраля, в 4 часа пополудни, в завод Русского общества прибыл начальник пригородной полиции полковник Редингер, ходил по цехам и разъяснял рабочим, почему сделана сбавка жалованья. К 6¼ часа вечера прибыла туда же военная команда л.-гв. казачьего полка, около 100 человек, которые и остались ночевать в заводе. Рабочие в 7 часов вечера вчерашнего числа, по окончании работы, вышли из завода тихо и разошлись по квартирам, а в 8 часов арестованы подстрекатели к стачке, рабочие Коломенский, Черынов, Колмыков, Горбачев и Бобров, которые, как говорят, будут высланы.

Сегодня, 1 марта, рабочие все вышли на работу и принялись за свое дело попрежнему [1].

III. Докладная записка петербургского губернатора главному начальнику III отд. от 2 марта 1879 г.

Получив разрешение вашего высокопревосходительства на испрошение от военного ведомства казаков, так же как пехотной команды для военной прогулки, с целью предупреждения беспорядков на заводе Русского общества, я обратился в штаб Петербургского военного округа, который, согласно моему заявлению, распорядился в тот же день (28 февраля) выслать сотню казаков, пришедших к заводу в 6½ часов вечера.

В 7 часов вечера, по окончании работ, все рабочие, при виде казаков, разошлись в полном порядке, что было, как доносит начальник пригородной полиции, единственно следствием своевременного прибытия войск.

На другой день все рабочие принялись за работу совершенно спокойно. Тогда же начальник пригородной полиции, при помощи цеховых мастеров, начал спрашивать каждого рабочего отдельно, желает ли он продолжать работу, или получить расчет и уйти. Пожелали уйти 14 человек, которые тотчас же и были рассчитаны. К 9 часам утра подошел батальон л.-гв. Павловского полка и, по указанию полковника Редингера, прошел с барабанным боем по Шлиссельбургскому тракту мимо заводов и фабрик, версты на две далее завода Русского общества.

Казаки отпущены в 8½ часов утра, а пехотный батальон в 2 часа 1-го сего марта.

При производстве допроса и по заявлению местного пристава, из числа рабочих, старавшихся склонить товарищей к беспорядкам, выделялись следующие: Василий Голованов, Иван Чирков, Иван Горбачев и в особенности Дмитрий Никифоров, наиболее возбуждавший толпу. Засим вредно влияли на рабочих: Иван Коломенский, Николай Калмыков и Василий Бобров, почему люди эти были задержаны и впредь до

---

[1] То же дело, л. 206.

распоряжения вашего высокопревосходительства останутся под арестом [1].

По обстоятельствам дела нельзя не притти к заключению, что единственно своевременное появление военной силы остановило беспорядки, которые могли произойти не только на заводе Русского общества, где более 3 000 человек, но и на других смежных фабриках.

При этом я вновь имею честь покорнейше просить о дозволении немедленно удалить на родину вышеозначенных лиц, о которых я уже имел честь представлять вашему высокопревосходительству.

Я находил бы также крайне необходимым учредить ежедневные разъезды от 6 до 8 часов вечера команды казаков, в числе от 10 до 20 человек, по Шлиссельбургскому тракту версты на три за Невскою заставою.

К сему считаю долгом присовокупить, что предполагавшаяся стачка рабочих на Екатерингофской мануфактуре не состоялась, по всем вероятиям, потому, что весть о появлении войск на заводе Русского общества достигла и до этой мануфактуры.

Губернатор Лутковский [2].

8. Волнения рабочих чугунолитейного завода Кинга в Петербурге в феврале 1879 г.

Служебная записка от 5 февраля 1879 г. за № 172.

Содержатель чугунолитейного завода по Шлиссельбургскому тракту Кинг не платит рабочим жалованья; рабочих у него около 100 человек. Сегодня рабочие приходили к приставу Шлиссельбургского участка пригородной полиции с жалобою на хозяина. Пристав предложил рабочим прислать завтра из среды своей выборных в камеру мирового судьи, где он предполагает уладить это дело [3].

9. Стачка рабочих казенных Пермских пушечных заводов в Мотовилихинском селении 19 марта 1879 г.

Докладная записка пермского губернатора министру внутренних дел от 12 апреля 1879 г. за № 137.

Для работ на казенных Пермских пушечных заводах, находящихся в Мотовилихинском селении, в 5 верстах от города Перми, заводоуправлением было нанято 81 человек крестьян разных волостей Яранского и Орловского уездов, Вятской губернии, по годовому, с 20 января 1879 г., контракту, на основании которого рабочим, при готовых

---

[1] Были высланы административным порядком за подстрекательство к стачке рабочие Русского механического завода Коломенский, Чирков, Горбачев, Голованов, Вишерский на родину, а Калмыков — в Гдов.

[2] То же дело, лл. 221—222.

[3] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 34, л. 9.

квартире и продовольствии, было положено платить от 90 до 150 руб. в год на человека, смотря по роду работ, с особою платою за работы, производимые в праздничные дни, но при этом из заработанных денег должен был производиться вычет на пополнение взятых вперед задатков и штрафов за прогульные дни.

Явившись на работы в конце января месяца, означенные выше крестьяне тотчас же получили казенное помещение с условленным продовольствием, но с самого прихода своего многие из них, как объяснил горный начальник пушечных заводов, заявили себя с очень дурной стороны: пьянствовали, буянили, били посуду и стекла, оказывали грубости, воровали друг у друга вещи и вообще обнаружили неспокойный и дерзкий характер. Проработав февраль и половину марта месяца, из числа помянутых рабочих 62 человека 19 марта самовольно прекратили работу, и из них 52 человека, явившись в Пермь, подали в пермское городское полицейское управление заявление, в котором, объясняя, что им будто бы выдается дурная пища и конторою производится неправильный с ними расчет, о чем ими подано прошение прокурору пермского окружного суда, высказали свое намерение отказаться от продолжения работы и просили, по невозвращению конторою их письменных видов, выдать им на проживание в городе Перми свидетельства, впредь до решения судебною властию их дела. Затем действительно подтвердилось, что рабочими этими 13 марта было подано прокурору пермского окружного суда прошение на действия заводоуправления, но как оно не было оплачено надлежащим гербовым сбором, то прокурор 17 марта и предложил пермскому городскому полицейскому управлению объявить просителям, чтобы они представили 76 гербовых марок, если желают получить ответ на их просьбу.

Получив сведение о вышеизложенном, я поручил пермскому полицеймейстеру немедленно отправиться в Мотовилиху и произвести об отказе от работ означенных рабочих полицейское дознание, постараясь выяснить с подробностию все те основания, которые послужили поводами к сему отказу.

При расследовании полицеймейстером истинных причин отказа рабочих им не обнаружено ни одного основательного к сему повода. Жалоба рабочих на неправильность расчета конторою ничем не подтвердилась; в отношении же отпускавшегося им продовольствия как спрошенные свидетели, так и оставшиеся рабочие показали, что пища вообще была хорошая, исключая лишь ржаного хлеба, один раз худо испеченного, по неопытности новой кухарки, которой за это заводоуправлением и было отказано от места, а хлеб закуплен готовым на рынке. Все собранные полицеймейстером данные привели к заключению, что единственным поводом отказа рабочих от продолжения работ было видимое желание их избавиться от уплаты взятых вперед задатков, за вычетом которых из заработной платы приходилось рабочим к выдаче на руки незначительное количество денег, особенно еще при удержании штрафов за прогульные дни; самый же отказ их от работ представлял положительные и несомненные признаки предварительной стачки, в чем главными из среды их руководителями были, по общему

отзыву допрошенных свидетелей и лиц заводского управления, крестьяне Яранского уезда, Кукарской волости, Василий Антонов Поперечков и Водозерской волости Марк Григорьев Баранов; из них Поперечков — еще молодой человек, решительно не соответствующий по своему телосложению и здоровью необходимым для чернорабочего физическим условиям, довольно грамотный, изучавший даже латинский язык в бытность письмоводителем у судебного следователя. Понимая ответственность, которой подвергаются главные коноводы стачек, он хотя и старался замаскировать свое влияние на артель, но при производстве подробного дознания подговоры рабочих и вообще главный почин со стороны Поперекова достаточно выяснились. Второй, Баранов, долго скитавшийся по разным местам России без письменных видов, незадолго до законтрактования на работы высланный этапным порядком, красноречивый, изучивший все приемы различных ходатаев, начиная с сбора с артели на разные будто бы расходы, был избран рабочими ходатаем по оставлению ими работ и особенно настаивал на праве артели взятые вперед задатки уплачивать произведенными суммами в неопределенное время. Поперечков и Баранов, составляя главный центр происшедшей на Пермских пушечных заводах стачки, в помощь себе избрали из числа тех же рабочих крестьян Яранского уезда, Водозерской волости, Сергея Алексеева Репина и Орловского уезда, Вятской губернии, Кожинской волости, Афанасия Федорова Багина. Обладая большой физической силою, от природы грубого и настойчивого характера, Репин и Багин, при производстве дознания, желая, повидимому, подать пример остальным рабочим, вели себя грубо и крайне нагло. Вообще все четверо, оказывая самое вредное влияние на рабочих, внушали им дух своеволия и неповиновения заводскому начальству.

В виду всего вышеизложенного и принимая во внимание, что влияние и пример лиц, подобных Поперекову, Баранову, Репину и Багину, может крайне вредно и заразительно действовать на других рабочих, которых при Пермских пушечных заводах состоит более 3 000 человек, и руководствуясь высочайшим повелением, изъясненным в циркулярных предписаниях предместника вашего высокопревосходительства 6 июля 1870 и 30 сентября 1871 г. за №№ 1906 и 227, я 29 марта сделал распоряжение об отправлении этапным порядком главных зачинщиков стачки Поперекова и Баранова в Вологодскую губернию и двух других, Репина и Багина, письменные виды которым были выданы для проживания только на Пермских пушечных заводах, в распоряжение яранского и орловского полицейских управлений, для водворения на место жительства.

Донося о сем вашему высокопревосходительству в дополнение телеграммы от 29 марта, я имею честь присовокупить, что за принятыми пермским полицеймейстером надворным советником Ильиным мерами, не вызвавшими необходимости в содействии даже полицейской команды, и вследствие удаления главных виновников происшедшей стачки, большая половина рабочих из крестьян Вятской губернии немедленно приступила и продолжает работать совершенно спокойно; на всех же остальных рабочих, находящихся на Пермских пушечных заводах, про-

изведенная вятскими рабочими стачка, за быстрым ее прекращением, не оказала никакого вредного влияния.

Губернатор Енакиев[1].

10. Стачка рабочих Вознесенской мануфактуры Лепешкина в Дмитровском уезде Московской губ. с 26 марта 1879 г.[2]

Донесение начальника московского губернского жандармского управления от 5 апреля 1879 г. за № 751 в III отд.

Помощник мой в Богородском и Дмитровском уездах майор Кузьмин донес мне, что 26 прошлого марта на фабриках Вознесенской мануфактуры купца Лепешкина, в Дмитровском уезде, рабочие, приблизительно в числе 1 500 человек, прекратили работы вследствие нарушения со стороны фабрики условий, по силе коих рабочие, работая сдельно, должны были получить за каждую сработанную срезку (кусок) в 52 аршина длиною по 35 коп. В последующее затем время, вопреки этому условию[3], фабричная администрация длину срезок увеличила с 52 аршин до 58 аршин, не увеличивая в то же время задельной платы, так что в сущности рабочие стали получать меньший заработок, который прежде был от 12 до 17 рублей в месяц, а затем, с переменою длины срезок, понизился до 7 и 12 руб. в месяц.

Это нарушение условия, в ущерб заработка рабочих, заставило их прежде просить директора фабрики добавить им за работу излишних аршинов в срезке. Директор месяц за месяцем под разными предлогами откладывал удовлетворение этой справедливой просьбы рабочих, которые, в виду предстоящего окончательного расчета с фабрики, обыкновенно бываемого перед пасхою, и прекратили работы.

Беспорядок этот прекращен местным становым приставом; хозяин фабрики письменно обязался уплатить рабочим за 14 месяцев сверх договора вырабатываемые ими 4 излишние аршина в срезке и добавить еще по 10 копеек на срезку в течение последующего рабочего года. Подстрекателей к возбуждению означенной претензии рабочих не обнаружено.

Об изложенном имею честь донести III отделению собственной его императорского величества канцелярии.

Генерал-лейтенант Слезкин.

11. Стачка рабочих Загнитковского и Чарноминского сахарных заводов (Подольской губ.) и полевых рабочих Чечельницкого сахарного завода в марте 1879 г.

Донесение подольского губернатора министру внутренних дел от 6 апреля 1879 г. за № 1002.

Ольгопольский уездный исправник рапортом от 9-го истекшего марта за № 979 донес мне, что Загнитковский свеклосахарный завод в разгаре

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 78, лл. 77—83.

[2] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 22, л. 18. Волнения на фабрике Лепешкина были также и в 1844 г., когда обнаружили неповиновение рабочие и крестьяне помещика Калужской губ. Добровина, жаловавшиеся на дурное обращение с ними их владельца. («Всеподданнейший отчет III отделения» за 1844 г., л. 59, «Красный архив», т. II; «К истории рабочего класса в России» А. Сергеева, стр. 180.)

[3] В тексте: „этого условия“.

своего действия, до окончания дела внезапно должен был прекратить производство вследствие роспуска мировым судьею 4-го участка г. Веригиным всех заводских рабочих по случаю развившейся будто бы на заводе эпидемии. Не имея никаких сведений о существующей — не только в Загнитковском заводе, но вообще в местности расположения его — какой-либо эпидемической болезни, я тотчас же командировал на означенный завод губернского врачебного инспектора, совместно со старшим чиновником особых при мне поручений, удостовериться, не проявилась ли действительно между заводскими рабочими м. Загниткова и вообще поселянами той местности какая-либо эпидемическая болезнь, и если проявилась — исследовать свойства ее, а вместе с тем осмотреть завод и принадлежащие к оному строения и определить, насколько они удовлетворяют в санитарном отношении числу помещающихся в них рабочих. Но прежде чем получено было мною от них донесение по сему предмету, тот же ольгопольский исправник от 19 марта довел до моего сведения, что артель в 32 человека орловских рабочих, нанятых экономиею князя Орлова для полевых работ при Чечельницком сахарном заводе, покинув паспорты, ушла, а вслед за сим из частного источника я получил сведения, что и в Чарноминском свеклосахарном заводе того же уезда, имения помещика Чарномского, заводские рабочие заявили нежелание оставаться на работах до окончания условленного контрактом срока, потребовали вдруг выдачи паспортов для отправки домой. Последовательно проявившиеся в короткий промежуток времени между заводскими рабочими трех заводов желания покинуть работы, к коим они были законтрактованы, до истечения договорного срока, возбудили опасение, не образовалась ли «стачка рабочих» на тех заводах, и потому, в виду циркулярного распоряжения предместника вашего высокопревосходительства от 6 июля 1870 года за № 1906, я счел необходимым лично отправиться в Ольгопольский уезд и исследовать дело.

По собранным мною на месте сведениям, оказалось: Загнитковский свеклосахарный завод, принадлежащий высочайше утвержденному товариществу и эксплоатируемый им, открыл свои действия с конца 1877 года; директором-распорядителем его состоит француз Герш. Завод этот прессовой и требует для своего производства, кроме мастеровых-техников, собственно заводских рабочих до 350 человек и полурабочих около 100, а всего до 450 душ. Такого контингента рабочих местное народонаселение, по скученности заводов в этом уголке, почти не в состоянии поставить, и потому администрация завода как в виду этого, так и относительной дороговизны рабочих рук этой местности, поставлена в необходимость контрактовать рабочих на заводские работы из других губерний и притом, по усвоенному в большей части Юго-западного края порядку, приняла за правило контрактовать их при посредстве подрядчиков. Таким подрядчиком в Загнитковском сахарном заводе явился 1-й гильдии купец Киевской губернии, Звенигородского уезда, еврей Зусь Чернобыльский — комиссионер поставки рабочих на сахарные заводы: Чарноминский, Подольской губернии, Тальное, имение графини Шуваловой, Шпола, имение действительного тайного советника Абазы, Киевской губернии, и друг. Обязавшись контрак-

том, заключенным с правлением товарищества 18 февраля 1878 года, снабжать Загнитковский сахарный завод необходимым во время производства числом рабочих, хотя бы таковых требовалось и более 450 человек, с полным их на свой счет содержанием, без всякого участия в том заводского управления, по цене 14 р. 50 к. за тридцать рабочих дней или смен от каждого рабочего и по 8 р. 75 к. от каждого полурабочего, Зусь Чернобыльский вместе с тем пунк[том] 17 контракта принял на себя обязательство отвечать за всякий ущерб товарищества, какой может возникнуть от неисполнения в точности заключенного им договора, предоставив заводскому управлению возмещать сии убытки из причитающихся ему, Чернобыльскому, по порядку денег. И в счет того подряда получил от дирекции завода авансом 4 500 руб. К открытию действий завода — в начале сентября 1878 года — Чернобыльский поставил далеко не полное число рабочих на завод. Из него невозможно было укомплектовать даже треубемых для внутренних работ завода двух перемен людей, сменяемых чрез 12 часов каждые, и потому заводское управление с началом производства уже стало нанимать, на счет Чернобыльского, в завод рабочих из местных крестьян. Слух о недостатке рабочих в заводе не остался секретом для загнитковского населения, и оно, пользуясь крайностью завода, подняло значительно задельную плату: рабочие требовали и получали от управления по 1 до 1 р. 20 к. за смену, что превышало подрядную плату Чернобыльского на 100 с лишним %. А как дирекция завода потери эти для товарищества, на точном основании § 17 контракта, ставила в счет Чернобыльского, то для него стало очевидным, что по подряду он понесет убытки. Хотя Чернобыльский, между прочим, и не переставал от времени до времени поставлять на завод новые артели рабочих,— доставляя таковые, например, еще в декабре и январе,— тем не менее общее число в казармах заводских рабочих и полурабочих даже к концу действий завода не превышало цифры 350—370 человек, а этого числа людей было недостаточно, и администрация завода не переставала нанимать рабочих на счет подрядчика из местных поселян; начеты увеличивались и в январе уже составили довольно крупную сумму — около 3 000 руб. Тогда Чернобыльский, в лице поверенных своих, евреев Антоновского и Тефлицкого, заведывавших заводскими рабочими в Загниткове, обратился в дирекцию завода с просьбою принять убытки по поставке рабочих на счет товарищества. Дирекция во внимание к положению подрядчика хотя и не отвергла просьбы приказчиков его, но согласилась принять на счет К° лишь 50 % убытка. Этим Тефлицкий не удовольствовался, стал стращать директора Герша, что «завод свистнет» (рабочие разойдутся), в виду чего, щадя интересы К° и опасаясь, чтобы приказчики Чернобыльского действительно не распустили рабочих и завод не приостановили до срока своего действия, директор Герш, как объяснял, волей-неволей согласился и на это предложение Тефлицкого — сложил за прошедшее время весь начет. Сознавая невыгодность обстоятельств, при которых произошло сложение начетов за прошедшее время, приказчики подрядчика, очевидно, не могли рассчитывать, что все остальные начеты, какие образуются к

концу действий завода от недоставки полного комплекта рабочих, согласно контракта, будут также сложены с верителя их, а главное, стало ясным, что заработков по подряду не будет. Между тем в это самое время, с прибытием в декабре и январе рабочих из Черниговской и Могилевской губерний, в заводе появилось значительное число больных, одержимых, как признавал то пользовавший их врач Островский, по преимуществу перемежающеюся лихорадкою, гастрическою, воспалением горла и единичные случаи тифозной горячки — 1, тифа — 1, страдание печени — 1 и др. Признавая всех этих больных однородными, а болезнь специфически заразительною и видя, что в декабре умерло 4 человека и в январе опять последовали смертные случаи (всего за время с 1 сентября и по 7 февраля от различных болезней умерло 13 человек), заводские рабочие пали духом. И этим обстоятельством, сколько мне кажется, приказчики подрядчика Чернобыльского успели воспользоваться: они чрез посредство бывшего на заводе рабочим чиновника Покровского, постоянно занимавшегося пьянством, подговаривали пять человек крестьян Могилевской губернии, Климовского уезда, Роднянской волости, предъявить у мирового судьи 4-го участка иск о возврате паспортов, заявляя, что в виду «тесноты, грязи и заразительности воздуха в казармах, от чего заболевают рабочие, и редкий пройдет день, в который бы не умирали, они не могут более оставаться на заводе»,—иначе чем объяснить, что исковое прошение, поданное мировому судье 16 января от имени пяти означенных крестьян, писано и подписано, за неграмотных, чиновником Покровским, что чиновник Покровский рассчитан был приказчиками подрядчика и отправлен с завода еще до подачи прошения — 4 января, что он жил в м. Песчанке, вблизи от Загниткова, и отправился домой одновременно почти со всеми заводскими рабочими. Приняв приведенный выше иск к своему производству, мировой судья Веригин, в сопровождении врача-эксперта Голембиовского, 24 января прибыл в Загнитков, осмотрел заводское помещение рабочих, больницы их, как постоянную, устроенную на 12 кроватей, так и временную, нанятую дирекциею завода тогда, когда начали прибывать больные, и найдя, что как то, так и другое помещения в санитарном отношении далеко находятся в неудовлетворительном состоянии и что, по заключению врача-эксперта, развившийся между заводскими рабочими тиф при тех условиях, в которых рабочие живут, не может быть прекращен (хотя доктор Голембиовский заявил не то, что болезнь нельзя прекратить, а то, что при тех условиях, в коих рабочие находятся, существует опасность, что болезнь будет развиваться не только между жителями Загниткова), мировой судья г. Веригин, «в виду грозящей опасности заводским рабочим», как сказано в его решении, «признал требование истцов о возврате паспортов уважительным», хотя в то же время и отказал в иске им, на основании 81 ст. Уст. гражд. судопр., так как нашел самый иск предъявленный ими неправильно к приказчику подрядчика Чернобыльского Авруму Тефлицкому, который паспортов их не имел. Решение это объявил истцам в сельском правлении в присутствии значительного числа бывших там заводских рабочих, разъяснив таковое

словесно, по показанию одних, следующими фразами: «Идите все домой, здесь эпидемия, иначе вы гибнуть будете; выдать им паспорты»; а когда приказчик Антоновский заявил судье, что завод понесет от этого большие убытки, отвечал: «Вопрос не в деньгах, а в жизни. Завод пострадает,— мне все равно: я не смотрю на интересы завода, я должен жизнь оградить»; по показанию же других, фраза была сказана такая: «Доктор передает, что люди могут пропасть, пусть идут домой, выдать им паспорты», а на возражение приказчика Атоновского отвечал: «Народ дороже, чем завод». Хотя при личном моем объяснении с мировым судьею Веригиным он и отказался категорически от того, что он сделал одно из приведенных выше словесных разъяснений к решению своему, но как оба они по существу своему тождественны, последнее из них удостоверяется сельским старостою Шайгородским, бывшим понятым при осмотре судьею заводских помещений рабочих и присутствовавшим при разборе им дела в сельском правлении, свидетелем совершенно беспристрастным; да притом в самом решении судьи, изложенном в окончательной форме, положительно выражено, что болезнь между заводскими рабочими «грозит им опасностью», и в то же время требование их о возврате паспортов, с целью оставить работы и отправиться домой до истечения контрактного срока, признано уважительным, или, другими словами, что в решении сказано почти то же, что и на словах, с небольшим изменением, и, наконец, что краткая резолюция судьи, постановленная по этому делу, изложена лишь так: «На основании 81 ст. Уст. гражд. судопр. в иске Никитина и друг. отказать», варьяция же о возврате паспортов и признании того требования подлежащим удовлетворению замечается только в мотивах решения в окончательной форме,— чистосердечность приведенных уверений г. Веригина представляется более чем сомнительною. Во всяком случае, так или иначе, факт должен быть признан тот, что заводские рабочие Загнитковского свеклосахарного завода покинули заводские работы до истечения договорного срока вопреки 2238 ст., т. X, ч. 1 и 103 ст., т. XI Уст. фаб., вследствие означенного выше решения судьи, с соизволения, так сказать, судебной власти. И этим евреи достигли цели,— они остались должны К° всего 459 р. 47 к. А определить, была ли болезнь между загнитковскими рабочими «возвратная горячка», как диагностицировал ее доктор Голембиовский, или те формы лихорадок, кои находил врач Островский и какие значатся по больнице в именных списках больных, за отсутствием во время исследования дела кого-либо из больных, казалось бы дело было рискованным. Но если принять во внимание, что по объявлении решения судьи в три-четыре дня и из казарм и из больницы, за исключением двух-трех человек, люди отправились домой; что, несмотря на постоянное сношение заводских рабочих с местным населением, среди сего последнего, вопреки ожиданиям того же доктора Голембиовского, как доказывает отзыв его в уездный комитет общественного здравия о последствиях освидетельствования всех больных, бывших в м. Загниткове, с представлением именного их списка, болезнь эта не проявилась; что тот же врач Голембиовский в том же отзыве на имя комитета от

23 февраля, вспоминая о болезни, бывшей между рабочими Загнитковского сахарного завода, называет слухи о ней «преувеличенными» и что, несмотря на значительное число больных, числившихся на заводе в декабре (137 человек) и в январе (167), относительная смертность, не обращая даже внимания на то, что смерть могла последовать и от других болезней, а не от преобладающей, была не велика, как доказывают метрические погребальные книги — всего 3%, — скорее, кажется, следовало бы присоединиться к мнению врача Островского, чем Голембиовского, тем более, что, по заявлению сельского старосты Шайгородского и указанию заводского управления, заводские рабочие, отказывавшиеся, когда наступала их очередь, под предлогом болезни от выхода на работы в завод, шли на работы с наступлением очереди следующих артелей, когда производилась вербовка посторонних и платились наличные деньги за отбытие смены по 1 р. до 1 р. 20 коп. Что же касается гигиенических условий, в кои поставлены были рабочие во время действий завода, и санитарных условий самого завода, то при осмотре моем зданий оказалось: Загнитковский сахарный завод расположен на покатости, при окраине села, к западу, на пересечении двух оврагов, выше уровня воды на 35 сажен. Жом отвозится в вагонах и закапывается в ямы в расстоянии около 50 саж. от завода; остатки от фильтр-прессов вывозятся на возах на поле в расстоянии не менее 150 саж. от завода, а грязные воды, получаемые от мытья свекловицы и промоя животного угля, специальным каналом выводятся в овраг на расстоянии приблизительно около 150 саж. от казарм и впадают в речку на расстоянии около одной версты, около плотины. При заводе имеется баня для рабочих, а вблизи ее — объемистый бассейн с постоянно теплою водою, где рабочие могут мыть себе белье, и сверх сего — казармы и больница. Казармы выстроены из камня, помещаются вне заводской ограды, на месте пересечения двух оврагов. В казармах пять камер, отдельная столовая и при ней кухня; каждая из казарм содержит 1 125 куб. аршин воздуха, так что в общей сложности все они вмещают 5 625 куб. арш., и следовательно, если принять во внимание, что в период варки 1878/79 г. высшая норма заводских рабочих, помещавшихся в казармах, была 370 человек, что заводские рабочие в Загнитковском заводе, по принятому порядку, разделяются на две смены и только одна из них остается в казармах, — выходит, что на каждого человека приходилось 30,4 кубических аршина воздуха. Больница помещается в 70 саж. от завода, состоит из трех небольших комнат (кроме аптеки и кухни), они вмещают в себе 496 куб. арш. воздуха, и как предназначена лишь на 12 больных, то на каждого больного выходит по 41⅓ куб. арш. воздуха. В больнице, как и в казармах, имеются вентиляторы, а в последних, независимо того, вытяжные душники, по два в каждой камере. При больнице состоял постоянным врачом уездный врач и один фельдшер. Если бы при таком положении заводские рабочие поддерживали чистоплотность, они находились бы в санитарном отношении в весьма удовлетворительном положении, но, к сожалению, на деле вышло иначе. Черниговцы и белоруссы вообще, составлявшие наибольший контингент заводских рабо-

чих, крайне нечистоплотны: они по 2—3 месяца носят одну перемену белья, не ходят вовсе в баню, вымывши белье, позволяют себе развешивать его для просушки в казармах, весьма неохотно допускают производить дезинфекцию казарменных помещений спрыскиванием стен карболовой кислотой, при этом вентиляторы и отдушники закрывают тряпками и в то же самое время накаливают печи так, что температура в казармах почти постоянно поддерживается в 18—19, а следовательно, очевидно, воздух не может не быть тяжелым, спертым. Так было и в период сахароварения Загнитковского завода 1878—79 г., и потому болезнь, с которою прибыли в декабре и в январе заводские люди из Черниговской и Могилевской губерний, нашла достаточную почву для своего развития. И хотя дирекция, как убедился в том губернский врачебный инспектор, не щадила средств на лечение, но при одновременном появлении 42 человек больных больничное помещение оказалось недостаточным, и этому не помогло и то, что дирекция завода наняла соседний дом под больницу, так как при последовательном появлении новых больных и это помещение оказалось малым,— больные были скучены в больничных зданиях, а конвалесценты помещались в казармах, белья в больницах нехватало.

В двух других заводах дело было иначе. Чарноминский свеклосахарный завод при посредстве комиссионерства законтрактовал в заводские рабочие, между прочим, галичан, с условием, что они могут оставить завод во всякое время, но обязаны в таком случае возвратить управлению неотработанные полученные ими авансы и, сверх того, издержки по провозу их из-за границы. Прибыв в завод в декабре месяце партиею в 35 человек, они нашли заводские работы для себя тяжелыми, но, не имея возможности, согласно договора, возвратить управлению причитающиеся ему деньги, прибегли к хитрости: стали притворяться больными и не выходить на работы. Убедившись в притворстве их, управление объявило им, что если они не будут выходить на работы, то оно прекратит им выдачу пайка. Рабочие не послушались, и дирекция уменьшила выдачу им провизии. Тогда они направились в Ольгополь с жалобою на нарушение условий контракта, обратились с таковой к председателю съезда мировых судей, а он их отослал к судье. К судье они не добрались и возвратились в завод. Между тем заводское управление пришло к убеждению в необходимости освободиться от них, вручило уже им паспорты, хранившиеся в конторе, а на-днях они отправляются обратно в Австрию. В Чечельницком же имении генерал-адъютанта князя Орлова экономическое управление в январе сего года наняло партию орловских рабочих в 155 человек собственно для полевого ферменного хозяйства. Так как ферменные хозяйства в имении этом заводятся лишь с нынешнего только года и казарменных помещений не имеется, то артель прибывших рабочих и была размещена по экономическим домикам. Помещения их тесны, не содержат достаточного количества воздуха, и воздух спертый. К тому же рабочим не отпускают кислой пищи — борща и квасу, к которым они привычны, и, сверх того, в имении нет вовсе бани, без которой великоросс не может вообще обходиться, а в частности лишается возможности мыть белье, имея нередко только

одну перемену его, которая у него на плечах, т. е. не может удовлетворить самой насущной своей потребности. Между тем все это, по заявлению рабочих, им было обещано. Считая поэтому свое положение невыносимым, рабочие стали уходить, бросать паспорты и отправляться на родину. Таким порядком ушло две партии: одна, в 30 душ, 1 марта и другая, числом 17 человек, 24 марта.

На основании приведенных данных, я прихожу к убеждению, что «о стачке рабочих», предусматриваемой 112 ст., т. XI, ч. II Уст. о фаб. и завод. промыш. и 1358 ст. Улож. о наказ., ни в одном из означенных трех случаях не может быть и речи. Загнитковские заводские рабочие хотя и прекратили работы до истечения установленного контрактом срока, но без всякой цели принудить хозяев к возвышению платы, а в силу того, признанного судом, факта, что при том положении, в каком они находились, сила действия контракта может быть прекращена; чарноминские действия договора прекратили по добровольному согласию с содержателями завода; и, кажется, собственно полевые, а не заводские рабочие Чечельницкой экономии ушли произвольно на родину, покинув паспорты вследствие плохих санитарных условий, в которые они поставлены, и несоответствия пищи с их привычками.

О вышеизложенном имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, в дополнение к телеграмме моей от 30-го истекшего марта, и присовокупить, что мною лично предложено заведующему полевым хозяйством Чечельницкого имения немедленно улучшить санитарные условия полевых рабочих приглашенной им на работы орловской артели, поместить их в более обширные здания или, разделив на мелкие партии, разместить по избам, наняв таковые у поселян, буде в экономии их нет, а ольгопольскому исправнику вменено в обязанность настоять над экономиею за приведением сего распоряжения в исполнение. Одновременно с сим полиции во всей вверенной мне губернии предписано: а) наблюдать, чтобы паспорты и другого рода установленные законом виды фабричных, заводских и полевых рабочих, приходящих в заводы и экономии, непременно были являемы в полицейских местах и там велись им списки, а самые виды до окончания контрактных сроков хранились бы в конторах заводов или экономий; б) чтобы местные полицейские чины и исправники возможно чаще посещали находящиеся в их районах фабрики, заводы и экономии, в кои приглашаются артелями рабочие других губерний, и имели бдительный надзор за ними, не упуская из виду так называемой «босоногой команды», под именем которой слывут интеллигентные лица, поступающие на заводы и фабрики в качестве рабочих; в) при каждом таком посещении лица эти осведомлялись бы о доброкачественности пищи рабочих и свидетельствовали помещения их, наблюдая, чтобы здания, в коих размещаются рабочие, и их больницы в санитарном отношении удовлетворяли бы требуемым правилам; здания эти подвергались бы дезинфекции и вентилировались бы, для чего рекомендовать заводам размещать артели рабочих по сменам так, чтобы при выходе смены на работы возможно было бы в занимаемых ею казармах, остающихся свободными, растворять окна и в зимнее время, а заводские правления обязывать

отнюдь не допускать рабочих закрывать вентиляторы и отдушники тряпками, развешивать мытое белье для просушки в казармах и т. д., вообще сохранять надлежащую чистоту и опрятность, доставляя рабочим возможность хоть один раз в неделю пользоваться банею; г) при появлении каких-либо болезней между рабочими наблюдать, чтобы больные тотчас были отделяемы от здоровых в особые помещения и не оставались без медицинской помощи и призрения, а там, где таковых помещений не оказалось бы или же где они не удовлетворяли бы санитарным условиям, требовать отсылки больных в ближайшие к месту работ больницы; д) при проявлении неудовольствий между рабочими, какого бы рода они не были, чины полиции немедленно должны отправляться на место, исследовать поводы и причины таковых неудовольствий и направлять дело к законному порядку, донося тотчас о всем случившемся по принадлежности, и е) дабы осуществить в действительности настоящие меры и не оставить их мертвой буквой, а вместе с тем, чтобы предоставить возможность контроля о каждом посещении фабрики, завода или экономии, в коей имеются рабочие, приглашенные артелями из других губерний — вообще не из местных жителей, и о последствиях каждого освидетельствования помещений рабочих чины полиции должны составлять акты, при участии лиц от заводских управлений, фабрик или экономий и рабочих, и таковые акты централизовать у гг. исправников.

Губернатор Гудим-Левкович[1].

12. Стачка рабочих Реутовской мануфактурной фабрики братьев Мазуриных в Московском уезде 17 апреля 1879 г.

Донесение начальника московского губернского жандармского управления в III отд. от 19 апр. 1879 г. за № 943.

Помощник мой в Московском уезде донес мне, что на Реутовской мануфактурной фабрике братьев Мазуриных, где находится рабочих до 3 000 человек, 17-го сего апреля, во время полуденной смены рабочих, последние, в числе 100 человек, отказавшись продолжать работу, не пошли на смену, причем подговаривали и прочих товарищей прекратить работу. Вызванные фабричною администрациею местный полицейский урядник и жандармские унтер-офицеры дополнительного штата вверенного мне управления Иван Андреев и Федор Демидов, совместно с директором фабрики, уговаривали рабочих продолжать работу, а главных виновников беспорядков, в числе 5 человек, урядник отправил в становую квартиру. Во время отправления урядником с фабрики этих пяти человек другие покушались освободить их, и урядник был вынужден обнажить саблю, но в дело ее не употреблял, так как рабочие насилия не делали. Затем, перед вечернею сменой, около фабрики опять собралась толпа рабочих, и некоторые из них не хотели итти работать, но по увещанию директора приступили к работам, за исключением четырех человек, решительно отказавшихся от работы, которые тоже были препровождены в становую квартиру, так как они не только не

[1] Д. деп. пол. исп., отд. 3, ст. 1, 1879 г., № 158, лл. 1—17

желали работать сами, но и уговаривали к тому же других и, кроме того, принимали участие в покушении на освобождение арестованных урядником первых пяти человек. По распоряжению директора фабрики и урядника хотя и была вызвана на фабрику 3-я стрелковая рота нарвского пехотного полка, под командою фельдфебеля, квартирующая в селе Ивановском близ фабрики, но никакого участия в деле не принимала, так как рабочие особенного буйства не выказали и стали продолжать обычным порядком свои работы. Рабочие, участвовавшие в беспорядке, все молодые люди, подмастерья, крестьяне разных губерний. Причина к возбуждению беспорядков была та, что некоторые из рабочих просили прибавки заработной платы, но так как директор фабрики обещал им прибавку только впоследствии, то они и прекратили работу; главная же масса рабочих никакого участия в этом не принимала.

Донося об изложенном 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии, имею честь присовокупить, что дальнейшие сведения по объясненному предмету собираются и будут представлены в свое время.

Генерал-лейтенант Слезкин[1].

13. Стачка рабочих бумагопрядильной и ткацкой фабрики товарищества мануфактуры Н. Коншина в Серпухове 18 апреля 1879 г.[2].

Записка царю от 25 апреля 1879 г.

Рабочие бумагопрядильной и ткацкой фабрики товарищества мануфактуры Николая Коншина в г. Серпухове 18-го т. апреля, в числе около 2 700 человек, прекратили работы по поводу требования от них фабричной конторой, согласно условию, подписать расчетные тетради, к которым большинство рабочих отнеслось недоверчиво, отзываясь, что первые листы склеены и что некоторые параграфы условия заключают в себе будто бы для них «ловушку». Главною же причиною прекращения работ, как выяснилось потом, было желание рабочих достигнуть этим путем увеличения себе заработной платы. С вечера 18, а также 19 и 20-го числа фабрика бездействовала, так как рабочие окончательно заявили о нежелании своем возобновить работы, но к расчету, за коим предложено было явиться недовольным, не шли. Затем, из 2 700 рабочих 21-го числа уже вышло на работы 1 147 человек, за расчетом же явилось весьма ограниченное число.

Настойчивое требование об увеличении заработной платы поддерживалось, как замечено, 18-ю рабочими с фабрики Коншина и других.

О беспорядках этих производится расследование местною уездною полициею.

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 22, лл. 23—24.

[2] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 22, лл. 29—30. В указанных выше работах Л. Мартова и С. Прокоповича говорится о стачке на фабрике Коншина в Серпухове в январе 1879 г. Об апрельской же стачке не упоминается. Не есть ли это одна и та же стачка? Причина стачки указывается, однако, другая— понижение расценок.

14. Стачка рабочих бомбочного отдела Петербургского металлического завода 11 мая 1879 г.

Вчерашнего числа на Спб. металлическом заводе (на Выборгской стороне) в бомбочном отделе токари устроили нечто в роде стачки. Они оставили работу и потребовали от мастера расчета, мотивируя нежелание продолжать работу тем, что ранее сего за работу получали больше. Когда же им было обещано требование обсудить и дать ответ сегодня после 9 часов, то принялись снова за работу. Рабочие же других отделов в этом требовании не участвовали[1].

15. Стачка рабочих завода «Успех» в Харькове 4 июня 1879 г.

Донесение харьковского губернатора министру внутренних дел от 19 июня 1879 г. за № 4975.

На кирпичном заводе «Успех» в Харькове, содержимом брауншвейгским подданным Генрихом Шмидтманом, один из рабочих, состоявший в качестве десятника, крестьянин Курской губернии, Щигровского уезда, Николаевской волости, Петр Афанасьев Бурцев, угощая водкой рабочих, уговаривал их оставить завод Шмидтмана и перейти к другому хозяину, где они могут получить больше жалования, уверяя, что за это они отвечать не будут, так как он за них постоит. Последствием этого было, что 4-го сего июня многие из рабочих вместе с Бурцевым оставили завод и предались исключительно пьянству. 8-го же сего июня 14 рабочих, под влиянием наговора Бурцева, не рассчитавшись с Шмидтманом, оставили у него свои документы и, забрав разный хозяйский инструмент, ушли неизвестно куда. В отношении пищи, помещения и расчета дознанием обнаружено, что все рабочие довольны.

По докладе обстоятельств этого дела господину харьковскому временному генерал-губернатору, его сиятельство, разделяя высказанные мною соображения, изволил приказать:

Крестьянина Курской губернии, Щигровского уезда, Николаевской волости, Петра Афанасьева Бурцева, за подговаривание рабочих оставить завод «Успех» и, не рассчитавшись с хозяином, перейти к другому хозяину, что им было сделано из личной мести к Шмидтману и достигнуто в значительной мере,— выдержать под арестом при тюрьме 10 дней и затем, в виду того, что дальнейшее пребывание Бурцева среди рабочих, на которых он имеет столь дурное влияние, может быть пагубно для самих рабочих, подвергая их строгой ответственности за стачки, выслать Бурцева этапным порядком на место родины, с учреждением над ним гласного полицейского надзора, как за лицом, могущим способствовать составлению рабочими стачек.

О вышеизложенном имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, согласно циркуляра от 6 июля 1870 года за № 1906, и присовокупить, что о принятой против Бурцева мере я не

[1] III отд., III, секретный архив, секретные сведения в пакетах за 1879 г., № С/3.

сообщал вашему высокопревосходительству по телефону, как указано в вышеупомянутом циркуляре, потому, что высылка Бурцева состоялась не по моему решению, а по решению графа Лорис-Меликова, по требованию которого все дела, сопряженные с высылкой лиц административным порядком, представляются на его усмотрение.

Исполн. должность губернатора вице-губернатор Л. Томара[1].

16. Стачки рабочих ткацкой фабрики Ильиной и фабрики Третьяковых в Серпухове 5 июня 1879 г.

I. Донесение начальника московского губернского жандармского управления от 12 июня 1879 г. за № 1645 в III отд.

5-го числа сего июня в г. Серпухове рабочие самоткацкой фабрики купчихи Елены Ильиной, в числе 200 человек, и таковой же фабрики Третьяковых, в числе 1 500 человек, прекратили работу, требуя прибавки заработной платы; и хотя явившийся в тот же день на эти фабрики для расследования дела уездный исправник принимал меры в восстановлении продолжения работ на означенных фабриках, но рабочие упорствовали в этом: на фабрике Ильиной — вследствие нежелания хозяйки увеличить заработную плату, а на фабрике Третьяковых — вследствие требования рабочих получить прибавку по 7 коп. на сработанную штуку, вместо обещаемых 3 коп. 8-го того же июня прибывший в г. Серпухов и. д. московского вице-губернатора Карнович, рассмотрев в конторах означенных фабрик таблицы расценок и у самих рабочих имеющиеся у них условные фабричные книжки и отменив объявленную уже 3-коп. надбавку на фабрике Третьяковых, объяснил собранным рабочим, что прибавки они требовать не могут, и приказал им на следующий день с 9 часов утра начать работы: но рабочие приказания этого не исполнили и доселе на работы не являются. С начала остановки фабричными работ и до настоящего времени никакого буйства и беспорядков между ними не происходило. Расследование к обнаружению лиц, возбуждавших более других настойчивые требования к увеличению заработной платы, продолжается.

Донося об изложенном 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии, имею честь присовокупить, что о последующем по сему предмету мною будет своевременно представлено.

Генерал-лейтенант Слезкин[2].

II. Донесение начальника московского губернского жандармского управления в III отд. от 14 июня 1879 г. за № 1670.

В дополнение представления моего от 12-го сего июня за № 1645, имею честь донести 3-му отделению собственной его императорского

---

[1] Д. деп. пол. исп., отд. III, ст. 1, 1879 г. № 242, лл. 1—2.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г. № 22, л. 43.

величества канцелярии, что рабочие самоткацкой фабрики Ильиной, убежденные и. д. московского вице-губернатора Карповичем[1] и в виду обещанной с 1-го будущего июня хозяйкой фабрики прибавки им в расценках, приблизительно от 3 до 5 коп. за штуку, 11-го сего июня, с 6 часов утра, хотя и не с особенною охотою, начали работу, за исключением 15 человек, получивших расчет. Из лиц, возбуждавших на этой фабрике более других настойчивые требования к увеличению заработной платы, местною полициею обнаружены фабричные рабочие, крестьяне Серпуховского уезда: Алексей Матвеев, Григорий Михайлов, Алексей Леонов, Тимофей Платонов, Степан Иванов, Илья Андреев и Тарусского уезда — Яков Филиппов, которые, однако, снова находятся на работе при фабрике Ильиной. На фабрике же Третьяковых в Серпухове все убеждения согласить рабочих снова приступить к своим занятиям остались безуспешными, вследствие чего самоткацкие работы окончательно приостановлены, и контора этой фабрики, по предложению г Карповича, выдала всем без исключения ткачам расчет и письменные их виды. Из них более настойчивыми требованиями добавочной платы и подстрекательством к этому других особенно выделялись крестьяне Серпуховского уезда Алексей Афанасьев и Алексей Григорьев, отданные под особый надзор полиции, также крестьяне: Каширского уезда — Петр Егоров, Ефим Николаев и Федор Васильев, Серпуховского — Иван Емельянов и Яков Никитин и Тарусского — Гаврил Терентьев, отправившиеся неизвестно куда; преимущественно же пред ними — состоящий в запасе рядовой курского батальона, из крестьян Алексинского уезда, Алексей Антонов Хапков, арестованный при местной полиции за настойчивые и дерзкие против начальства выражения и которого товарищи хотели вырвать из рук полиции при его задержании. Вышеназванные лица, бывшие подстрекателями, до настоящего времени не были замечены относительно своей неблагонадежности в политическом отношении и вообще в дурном поведении. И. д. московского вице-губернатора Карпович находится еще в г. Серпухове.

Генерал-лейтенант Слезкин[2].

III. Донесение начальника московского губернского жандармского управления в III отд. от 21 июня 1879 г. за № 1750.

В последствие представления моего от 14-го сего июня за № 1670, имею честь донести 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии, что контора самоткацкой фабрики Третьяковых в Серпухове по убеждению и. д. московского вице-губернатора Карповича сделала объявление рабочим о прибавке расценков по 4 копейки на штуку; тогда мало-помалу ткачи начали снова являться на фабрику, так что в настоящее время они почти все попрежнему продолжают работу в должном порядке. Расследование по этому делу продолжается, и из подстрекателей, кроме Алексея Хапкова, арестованы упоминамые

[1] В тексте: Карнович.
[2] То же дело, л. 44.

в донесении рабочие крестьяне: Иван Емельянов, Яков Никитин и Алексей Афанасьев и вновь обнаруженный — крестьянин Алексинского уезда Алексей Григорьев.

Генерал-лейтенант Слезкин[1].

17. Стачка рабочих фабрики б. Зубкова в Иваново-Вознесенске 7 июня 1879 г.[2]

Донесение начальника владимирского губернского жандармского управления в III отд. от 10 июня 1879 г. за № 311.

К неприязненному столкновению между конторою бывшей фабрики купца Зубкова и рабочими и к происшедшим от того беспорядкам послужило поводом следующее обстоятельство:

В апреле месяце текущего года Александр Зубков свою фабрику продал купцам: Никону Фокину, Федору и Александру Ватовым, Авксентию Новикову и жене своей Евгении Зубковой, от которой, не имея никакого уполномочия, 6-го сего июня прибыл па бывшую свою фабрику в довольно нетрезвом виде, где, узнав от рабочих, что хозяева фабрики в силу просьбы рабочих прибавили им по 10 коп. на рубль по 1 октября текущего года, сказал им: «Теперь держитесь, после 1 октября с вас выжмут сок, а то поставят двухколесную пушку».

В виду этого рабочие, оставив свои занятия, отправились в контору и просили прибавить им на рубль 10 коп. не до 1 октября, а до пасхи. Фабриканты па эти условия не согласились.

В таком положении, по прибытии моем в Иваново 8-го числа, я застал возникшее недоразумение между конторою и рабочими.

Все рабочие явились ко мне до единого трезвыми, на убеждения мои принять условия конторы до 1 октября 10 коп. на рубль не согласились, как равно не согласились и на прибавку 2 коп. к 10, которые я выхлопотал у хозяев фабрики, а упорно стояли на том, чтобы прибавка эта оставалась до святой, в виду могущих быть больших штрафов.

Принимая во внимание, с одной стороны, что выполнять желание рабочих и оставлять до святой прибавленную плату до 1 октября значило бы дать повод всему фабричному населению города Иванова-Вознесенска иметь претензию к своим фабрикантам, так как рабочие других фабрик ожидали уже результата, чем кончится дело, ныне рабочими возбужденное; а с другой, что выполнять требование рабочих значило бы дать им повод к подобному своеволию в будущем, и сообразив громадность фабричного населения этой местности, я пришел к

---

[1] То же дело, л. 55.

[2] О стачке см. П. Экземплярский — «Очерки по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске», 1924 г., Иваново-Вознесенск; Б. Златоустовский — «Стачечное движение в Ив.-Вознесенском районе», 1928, Ив.-Вознесенск; Балабанов, 179; Ельницкий, 137 (неправильно указана дата); Н. Шаханов — «Очерки по истории рабочего движения в Владимирской губернии», 1929 г., Владимир.

убеждению, что лучше рассчитать 700 человек, зная из опыта, что если не все рабочие, то большая их часть останется работать на фабрике, остальные же — ближайших местностей — могут уйти на полевые работы, вследствие чего предложил мой взгляд фабрикантам, не признают ли они за лучшее, устраняя худшие последствия, рассчитать рабочих, на что компаньоны изъявили полную свою готовность.

Рабочие, по объявлении моем об этом распоряжении и последним, были очень удивлены, и при произведенном 9-го числа сего июня расчете $^{4}/_{5}$ рабочих, получая расчет, просила удержать их паспорты в конторе, с разрешением остаться на фабрике для работы; остальная же часть, $^{1}/_{5}$, отправится на полевые работы или поступит на другие фабрики. Таким только путем я мог восстановить порядок и спокойствие между фабричным населением на бывшей фабрике купца Зубкова.

В виду подобных беспорядков, могущих произойти и на других фабриках, почти все фабриканты прибавили рабочим по 10 коп. на рубль по 1 октября.

О вышеизложенном имею честь довести до сведения вашего превосходительства.

Полковник Беловодский[1].

18. Стачка ткачей бумаготкацкой фабрики В. А. Мараева в Серпухове 14 июня 1879 г.

I. Записка царю от 22 июня 1879 г.

В гор. Серпухове, Московской губернии, на самоткацкой фабрике купца Мараева 14-го т. июня, в 5 часов вечера, ткачи, в числе 370 человек, потребовали увеличения заработной платы и самовольно прекратили работы.

Хозяин фабрики не согласился на прибавку и предложил рабочим расчет, который приняли 50 человек; остальные же рабочие медлят являться за расчетом.

Никаких беспорядков по этому случаю на помянутой фабрике не произошло.

Приступлено к расследованию о том, не было ли подстрекателей к остановке работ[2].

II. Записка царю от 26 июня 1879 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доложено было 23 т. июня о стачке рабочих, происшедшей на самоткацкой фабрике купца Мараева в г. Серпухове, Московской губернии.

Ныне получены сведения, что, по предложению местного уездного исправника, контора помянутой фабрики объявила рабочим прибавку от 2 до 4 коп. на штуку ткани. Вследствие этого фабрика снова начала продолжать свои работы.

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 37, лл. 56—59.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 22, л. 51.

Из замеченных в возбуждении между фабричными и требовании прибавки более других выделялись крестьяне: Серпуховского уезда — Михаил Михайлов, Каширского уезда — Петр Яковлев, Алексинского уезда — Василий Прокофьев и солдатская дочь Любовь Семенова. Но так как лица эти до настоящего времени не были замечены в политической неблагонадежности и вообще в дурном поведении, то и оставлены на фабрике.

Подобная же стачка рабочих произошла на Серпуховской самоткацкой фабрике купцов Третьяковых. И тут, по убеждению исправляющего должность московского вице-губернатора Карновича, объявлена рабочим прибавка по 4 коп. на штуку ткани; тогда мало-помалу ткачи стали возвращаться на фабрику и ныне почти все попрежнему продолжают работу.

Из подстрекателей к стачке арестованы крестьяне рабочие: Хапков, Емельянов, Никитин, Афанасьев и Григорьев.

Расследование по этому делу продолжается[1].

19. Стачка мастерских центральной кузницы петербургской пожарной команды 1 августа 1879 г.

Докладная записка петербургского временного генерал-губернатора главному начальнику III отд. от 14 августа за № 1384.

С.-петербургский градоначальник представлением от 9-го сего августа за № 11323 уведомил меня, что по донесению с. петербургского бранд-майора мастеровые центральной кузницы вверенной ему пожарной команды 1-го сего августа отказались выйти на работу, ссылаясь на праздник нерукотворного образа спасителя, и разъяснение им, что праздник этот не входит в число табельных дней, в которые, по высочайшему повелению, нижние чины не выводятся на работы, на них не повлияло.

При расследовании оказалось, что служители Спасской части, крестьяне: Новгородской губернии — Афанасий Федотов, Тульской губернии — Константин Яковлев и Тверской губернии — Иван Прохоров и Михаил Флегонтов, в данном случае являются главными виновниками и подстрекателями к неповиновению остальных мастеровых, которые хотя впоследствии и вышли в кузницу, но за отсутствием означенных служителей, как приладчиков, упорно отказавшихся исполнить приказание бранд-майора, производить работы не могли.

Хотя служители Федотов, Яковлев, Прохоров и Флегонтов за изложенный поступок подвергнуты аресту, с исключением из команды, но, принимая во внимание ту степень участия поименованных служителей в неповиновении приказанию начальства, свиты его величества генерал-майор Зуров испрашивает разрешения выслать помянутых лиц на родину, так как дальнейшее их пребывание в С.-Петербурге может вредно повлиять на остальных чинов пожарной команды.

---

[1] То же дело, л. 57.

Вполне разделяя взгляд с.-петербургского градоначальника относительно целесообразности удаления из среды чинов пожарной команды вредных элементов и в виду необходимости отстранения дальнейшего колебания дисциплины дурным влиянием помянутых лиц на мастеровых означенной кузницы и прочих лиц, служащих по найму в полиции, я, в силу предоставленной мне власти, признал необходимым выслать служителей Афанасия Федотова, Константина Яковлева, Ивана Прохорова и Михаила Флегонтова из С.-Петербурга на родину, с воспрещением им жительства в столице в течение года, о чем мною вместе с сим сообщено с.-петербургскому градоначальнику для надлежащего исполнения.

Об означенном распоряжении имею честь уведомить ваше высокопревосходительство.

Генерал-адъютант Гурко[1].

20. Стачка солдат л.-гв. Семеновского полка, нанятых на вольные работы для стеклянного завода Зиновьева в Царскосельском уезде, Петербургской губ., 27 августа 1879 г.

Донесение начальника петербургского губернского жандармского управления в III отд. от 10 сентября 1879 г.

Помощник мой, находящийся в Царскосельском и Петергофском уездах, майор Ширинкин от 7-го сего сентября за № 245 доносит мне, что 2, 6 и 15-я роты л.-гв. Семеновского полка наняты на вольные работы — пилить дрова в стеклянный завод купца Зиновьева, находящийся в Царскосельском уезде близ с. Введенского. Работы эти, вследствие болотистого леса, всегда считались очень трудными, а в этом году, по случаю дождей, оказались совершенно невыносимыми, почему нижние чины названных рот и просили начальствовавшего ими поручика Попова уволить их с работ или, по крайней мере, перевести в часть леса более сухую, так как приходилось пилить дрова по колено в воде; но полковым начальством не было обращено на это заявление нижних чинов должного внимания, несмотря даже на то, что 12 человек из 200 лежали уже в лазарете. Выведенные из терпения солдаты 27 августа отказались итти на работы и, будучи выстроены во фронт, не слушали командных слов поручика Попова: «Направо и налево на работы марш».

Близ места происшествия собралась большая толпа народа, в присутствии которой поручик Попов дозволил себе собственноручно прибить нескольких стоявших во фронте нижних чинов.

Все это время роты стояли смирно и только не повиновались приказанию итти на работы и затем выбрали двух унтер-офицеров, которые тайно уехали в С.-Петербург для принесения жалоб своим ротным командирам.

На другой же день гг. командиры 2 и 4-й рот приехали на завод и, несмотря на просьбы солдат, все-таки послали их на работы; а 15-я рота отозвана в С.-Петербург.

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 73, ч. 2, лл. 78—79.

При этом майор Ширинкин присовокупляет, что работы в лесу купца Зиновьева действительно тяжки, в особенности потому, что приходится все время работать в воде, и вольных рабочих на вырубку этих дров почти нельзя найти, в особенности при столь низкой заработной плате.

О чем имею честь донести. Генерал-майор Комаров[1].

21. Стачка ткачей Собинской мануфактуры во Владимирском уезде 6—8 октября 1879 г.[2]

Донесение начальника владимирского губернского жандармского управления в III отд. от 16 октября 1879 г. за № 739.

К неприязненному столкновению между конторою фабрики Собинской мануфактуры и рабочими и к происшедшим от этого беспорядкам послужило следующее обстоятельство:

На фабрике этой условия найма рабочих несколько разнятся от других фабрик по губернии, и разница эта состоит в том, что заработная плата остается одна и та же как летом, так и зимою, тогда как на других фабриках с пасхи по 1 октября цена выше, нежели в остальное время года. В настоящем году контора фабрики, по каким-то соображениям уравнивая заработную плату, убавила таковую ткачам с 1 октября на 2 коп. с куска миткаля, о чем и объявила им за две недели до срока. Ткачи первое время молчали, а потом заявили директору фабрики, что на объявленные конторою цены они не согласны, и если не будет прибавки, то они будут требовать расчета. Директор несколько дней не давал рабочим никакого ответа, и когда они опять обратились к нему с тем же заявлением, то отказал им, не обратив внимания на то обстоятельство, что на других фабриках заработная плата выше, нежели на фабрике Собинской мануфактуры. Ткачи, чтобы поддержать свое заявление, устроили стачку, но, видя, что другие рабочие молчат, заставили силою принять участие в стачке и прядильщиков; таким образом действие фабрики остановилось.

Волнение это происходило в субботу, 6 октября. В этот же день, вечером, контора фабрики объявила, что ткачам будет прибавка по 2 коп. на кусок, и все затихло,— на воскресенье более половины рабочих разошлось по деревням и, при уходе, обещались в понедельник приступить к работам.

8 октября условия рабочих изменились; они требовали прибавки 5 коп. на кусок, а как бывший в это время на фабрике один из хозяев оной, купец Лосев, на требование это не согласился, то предложен был ткачам расчет, и тем дело закончилось,— рабочие разошлись совершенно тихо, без всякого шуму и в тот же день начали предъявлять в контору книжки для расчета. Я не видал в этот день

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 34, лл. 94—95.

[2] О стачке см. Н. Шаханов—«Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ.».

ни одного пьяного; при разговоре со мною ни один из рабочих не возвысил голоса, все было тихо и спокойно. Из двух тысяч рабочих на другой день изъявили желание приступить к работам более 1 500 человек, и с 9-го числа фабрика начала свои действия.

Так как на этой фабрике до 800 человек имеют квартиры и забирают в конторе фабрики провизию для продовольствия, то расчет рабочих был очень сложен и окончился только к 14-му числу. В настоящее время большая часть получивших расчет уже опять поступила на фабрику, и окончательно отказались только около 30 человек.

В стачке этой не было никакого постороннего влияния, и дело произошло собственно по невниманию и неосторожности директора фабрики.

Маойр Завьялов[1].

22. Волнения на каменноугольной копи „Ренард" (Петроковской губ.) 7 июля 1879 г.

Донесение петроковского губернатора господину министру внутренних дел от 13 июля 1879 г. за № 10632.

Начальник Бендинского уезда донес мне, что 7-го сего июля в дер. Сельце названного уезда, на каменноугольной копи Ренард, при выдаче рабочим денег между ними произведены были беспорядки по наущению некоторых рабочих — прусских подданных, причем обер-штейгеру копи Юргасу и надлесному Дзяласу, вступившемуся за Юргаса, нанесены были сильные побои, вследствие коих обер-штейгер помещен на излечение в больницу; о чем имею честь донести вашему высокопревосходительству и доложить, что главные зачинщики, в числе одиннадцати человек, содержатся под стражею, и немедленно приступлено к производству следствия административною властью в виду того, что рабочие действовали скопом.

Губернатор фон-Эссен[2].

23. Стачка рабочих Дугненского литейного завода (Калужской губ.) 31 июля—2 августа 1879 г.

Донесение калужского губернатора министру внутренних дел от 9 августа 1879 г. за № 3593.

Калужский уездный исправник от 4-го сего августа за № 1600 донес мне, что 31-го минувшего июля им, исправником, получено от Дугненской заводской конторы заявление о том, что мастеровые завода литейного цеха 28 июля через сельского старосту объявили конторе, что они отказываются от продолжения литейных работ, и что это произошло, может быть, по внушению извне.

Вследствие этого заявления он, исправник, был в с. Дугне для прекращения заявленного конторою беспорядка и производства дознания о причинах, вызвавших его.

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 37, лл. 169—172.

[2] Д. деп. пол. исп., отд. 3, ст. 1, 1879 г., № 273, л. 1.

Дознанием обнаружилось: 28 июля мастеровые, в числе 100 человек, заявили сельскому старосте Тимофею Семенову Колчану, что приемщики литья, по приказанию управляющего заводом Ивана Макарова Красовского, принимая от мастеровых вылитые вещи, часто несправедливо бракуют их и вместо того, чтобы забракованное литье разбивать на куски для перелывки, ставят его в лабазы, откуда оно продается вместе с годными вещами по одинаковой цене с ними; мастеровые же за подобное литье никакой платы не получают. Кроме того, контора не уплачивает за них казенных и других платежей, как это было заведено при арендаторе Базилеве, и не увеличивает платы за литье, несмотря на то, что вновь выданные им для отливки модели гораздо более старых. Для устранения этих несправедливостей мастеровые просили старосту пригласить приехавшего на завод арендатора завода, московского купца Виктора Михайлова Ковригина, и управляющего заводом Красовского переговорить с ними. Староста Колчан, получив это заявление, велел взять у приемщиков три забракованные вещи и, представив в контору, просил Ковегина и Красовского выйти к мастеровым для переговоров. Но тот и другой отказались исполнить эту просьбу. Этот отказ староста передал мастеровым, которые поручили ему заявить конторе, что они по поводу высказанных несправедливостей не могут продолжать работу и потому желали бы переговорить с арендатором или управляющим заводом. На просьбу эту Красовский сказал старосте: «Что ты силой не хочешь ли заставить меня говорить с мастеровыми?» и не вышел к народу, арендатор же вслед за этим уехал в Москву. После сего мастеровые, заявив конторе чрез старосту, что они оставляют работу, ушли с завода. Таким образом, литейная работа не производилась до 2 августа. В этот же день арендатор Ковегин, возвратясь из Москвы, изъявил мастеровым свое согласие уплачивать за них все казенные и мирские сборы, как было прежде, и мастеровые сейчас же приступили к работам. При этом исправник присовокупил, что никаких внушений извне о забастовке работ, как заявляла контора, не было и что произведенное по означенному предмету дознание препровождено к судебному следователю по Калужскому уезду.

О чем имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Губернатор Шевич[1].

24. Стачка рабочих бумагопрядильной и ткацкой фабрики Гилля в с. Измайлове, Моск. уезда, 31 октября 1879 г.

Донесение начальника московского губернского жандармского управления в III отд. от 10 ноября 1879 г. за № 3098.

31-го прошлого октября на бумагопрядильно-ткацкой фабрике купца Гилля, находящейся Московского уезда, в селе Измайлове, на коей

[1] Д. деп. пол. исп., отд. 3, ст. 1, 1879 г., № 309, лл. 1—2.

имеется до 1 000 человек рабочих, вызван был беспорядок недовольством последних на своего хозяина, вследствие выставленного им в здании фабрики объявления, что за каждый вытканный кусок миткаля ткачи будут получать по 38 коп. вместо прежних 40 коп. Узнав об этом объявлении, все ткачи, в числе 400 человек, просили Гилля не убавлять им заработной платы, и когда получили отказ, то прекратили работы. 3 ноября восемь выбранных из среды их человек ходили в Москву и подали прошение московскому губернатору. Прибывшему в тот же день на фабрику исправнику рабочие заявили жалобу: 1) на понижение заработной платы; 2) что из фабричной лавки отпускаются с значительным обмером и обвесом, продукты дурного качества и по дорогой цене; 3) помещение рабочих тесно, грязно и сыро; 4) что вода, употребляемая ими на питье и в пищу, берется из колодца, из которого накачивают воду в паровики машин, отчего она постоянно мутна, а следовательно, вредна; 5) что с каждого рабочего ежемесячно вычитается 25 коп. за пользование фабричной баней, между тем при фабрике имеется одна только небольшая баня, и то топящаяся один раз в неделю, почему далеко не все рабочие успевают перемыться в ней; 6) что с каждого заработанного ими рубля вычитается 10% за их помещение, чего нет на прочих фабриках, и, сверх того, каждый рабочий неизбежно подвергается штрафам и вычетам под разными предлогами. Исправник, по соглашению с фабрикантом Гиллем, в удовлетворение жалобы рабочих объявил им, что заработная плата остается без понижения, цены на продукты будут уменьшены, с установлением таксы, баня будет топиться два раза в неделю и помещение рабочих будет осмотрено врачом и улучшено. На это предложение исправника согласились 230 ткачей и тогда же принялись за работу, остальные же 170 человек получили расчет. Исправник по прибытии на фабрику для разбирательства дела нашел нужным вызвать две роты 3-го пехотного Нарвского полка, квартирующего в том же селе Измайлове, которые с ружьями и под командою своих командиров пробыли на фабричном дворе 3-го числа ноября, но никакого участия в деле не принимали, так как рабочие вели себя тихо. Подавшие прошение московскому губернатору 8 ткачей, впредь до окончания дела, задержаны.

Донося об изложенном 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии, имею честь присовокупить, что, как видно из негласных сведений, посторонних подстрекательств рабочих к произведению беспорядков не было, что претензия их совершенно справедлива и что слишком недобросовестное отношение фабриканта Гилля к положению своих рабочих постоянно замечалось и прежде.

Генерал-лейтенант Слезкин[1].

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 22, лл. 95—96.

25. Стачка рабочих Долматовской мануфактуры (Костромской губ.) 30 ноября — 4 декабря 1879 г.[1]

Донесение костромского губернатора министру внутренних дел от 10 декабря 1879 г. за № 3878.

Кинешемский уездный исправник доносит мне, что заведующий Долматовскою фабрикою, на реке Мере, купцов Ивана Александровича Миндовского и Геннадия Александровича Кокорева купеческий сын Иван Иванович Миндовский заявил ему, исправнику, 1 декабря, что 30 ноября, в 8 часов пополудни, рабочие закончили самовольно работу, вследствие общей стачки, и работа на фабрике прекратилась. Почему исправник тотчас же отправился на Долматовскую фабрику и, прибыв туда, вошел в казармы, где помещаются рабочие, и, застав их всех в сборе в столовой комнате, спрашивал их, почему они прекратили работу на фабрике, и получил отзыв, что 30 ноября им объявлено артельщиком их, что за артелью состоит какой-то долг, в количестве 235 руб. 35 коп., за забранные для их артели припасы и что деньги эти будут вычтены у них при выдаче платы за ноябрь месяц, и что они не признают этот долг конторе и, кроме этого, находят, что мала плата за работу и не делают прибавки, потому они и решились прекратить работу с общего всех согласия. Потребовав в контору фабрики всех высказавших неудовольствие рабочих, исправник предложил бухгалтеру Майкову разъяснить рабочим, о каких долгах они заявляют, и затем, после разъяснения, рабочие сознали, что деньги те требуются с них правильно, но высказали, что они все-таки не желают работать без прибавки платы. Главными возмутителями рабочих, как открылось по дознанию исправника, состояли крестьяне Никитинской волости, деревни Харламихи, Никита Петров и Углецкой волости, дер. Сошникова, Василий Алексеев и солдат Михаил Алексеев, которых весьма полезно было бы, в предупреждение на будущее время таких явлений на фабриках, выслать в одну из отдаленных губерний административным порядком. Для прекращения беспорядков на фабриках исправник посоветовал Миндовскому и Кокореву дать расчет рабочим, закончившим работу, на что они и согласились. Что же касается до второстепенных виновников возмущения рабочих, в числе 10 человек, то исправник полагал бы дознание об этом передать мировому судье для привлечения их к ответственности. К чему исправник присовокупляет, что фабрика простояла всего времени с 8 часов дня 30 ноября до 9 часов утра 4 декабря. Во все это время исправник находился на фабрике. Когда приступлено было к расчету рабочих, то большая часть их пошла на фабрику и стала работать. Всех замеченных в возмущении других исправник предложил хозяевам немедленно рассчитать и удалить с фабрики. В настоящее время порядок на фабрике восстановлен, и работа производится.

---

[1] Фабрика принадлежала раньше Зубкову, в начале 1879 г. перешла к Миндовскому и Кокореву. О волнениях на ней см. статью Дюбюка «Рабочее движение в Кинешемско-Юрьевецком фабричном районе» «Труд в России», 1925 г.

Донося об этом вашему высокопревосходительству, имею честь присовокупить, что, в виду восстановления порядка и работ на фабрике Миндовского, я, руководствуясь циркуляром от 15 декабря 1871 г. № 295 и 1358 ст. Улож. о наказ., предписал кинешемскому исправнику возбудить противу виновных в стачке рабочих судебное преследование [1].

Губернатор Н. Андреевский [2].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1879 г.

В январе бастовали рабочие фабрики Коншина в Серпухове из-за понижения расценок. Стачка окончилась победой рабочих. (С. Прокопович. «К рабочему вопросу в России», 1907 г., стр. 50.) [3].

В феврале и марте бастовали в Вологде рабочие, занимавшиеся обделкою льна у местных торговцев. Причина — низкая заработная плата. Забастовка длилась около 6 недель и кончилась победой рабочих — прибавкой по 5 коп' на пуд обделанного льна. Торговцы уступили главным образом потому, что лен в обделанном виде был ими запродан за границу. («Голос» 1879 г., № 82. Корреспонденция была перепечатана в газ.: «Русские ведомости» 1879 г., № 76; «Новое время» 1879 г., № 1102, «Молва» 1879 г., № 84. См. также: Новосельский. «Социальные вопросы в России», изд. 1881 г., стр. 83, В. В. «Судьбы капитализма в России», изд. 1882 г., стр. 22.)

Ухудшившиеся условия труда на Юго-западных железных дорогах вызвали 19 марта стачку рабочих Киевских железнодорожных мастерских. Поводом было увольнение 17 рабочих, отказавшихся отработать прибавленный час в субботу. Забастовало 2 000 человек. Управление было вынуждено отменить распоряжение о прибавке часа, и на другой день, 20 марта, работы возобновились. («Правда» 1879 г., № 64, 23 марта.)

В марте произошли волнения на бумагопрядильной фабрике Г. В. Богомолова в Рузе, Московской губ., из-за задержки заработной платы (100 чел.). («Голос» 1879 г., № 70.)

16 апреля прекратили работу рабочие ситценабивной фабрики С. М. Посылина в г. Шуе, Владимирской губ. (75 чел.), требуя увеличения расценок на все сорта вырабатываемого на фабрике товара. Фабричная администрация распорядилась об увольнении зачинщиков — Коноплева и Расадина. Рабочие заявили, что до отмены распоряжения об увольнении этих двух товарищей они не будут вести переговоров о прекращении стачки. 17 апреля рабочие, получив обещание от администрации, что зачинщики не будут уволены и некоторые недостатки, влияющие на заработок, будут устранены, приступили к работам.

---

[1] За распоряжение о предании зачинщиков суду и неисполнение циркуляра № 1906 от 6 июля 1870 г. губернатор получил выговор от министра внутренних дел.

[2] Д. деп. пол. исп., отд. 3, стр. 1, 1879 г., № 466, лл. 1—2.

[3] См. в тексте стачку на фабрике Коншина в апреле 1879 г.

(Н. Шаханов. «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ. в 70-х гг. прошлого столетия».)

В апреле бастовали рабочие зав. Берда в Петербурге. (Деятелей рев. движения, т. II, в 3 ст. 1290.)

1 мая не вышли на работу 150 чел. рабочих Иннокентьевского прииска Краузе Чикойской системы (Верхнеудинский окр., Забайкальской обл.). Причина — несоблюдение администрацией при найме рабочих установленных правил. (В. Семевский, т. II, стр. 708.)

В мае крестьяне, нанявшиеся к трубчевским купцам трепать пеньку, из-за плохого качества ее попросили прибавки — 5 коп. на пуд. После отказа купцов трепачи прекратили работу. Мировой судья, которому купцы подали жалобу на рабочих, обвиняя их в противозаконной стачке и неисполнении обязательств, присудил взыскать с рабочих задатки и выдал купцам исполнительные листы. Некоторые купцы ликвидировали стачку незначительной прибавкой. («Неделя» 1879 г., № 11, стр. 390.)

15 июня на бумагопрядильной фабрике бр. С. М. и Ф. Горелиных в Иваново-Вознесенске 109 чел. рабочих, работавших на банкоброшах, прекратили работу и потребовали увеличения заработной платы. (Н. Шаханов. «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ.»)

В начале июля (или в конце июня) золотничники миасских золотых приисков прекратили работы и выставили свои требования в ответ на правила, которые им предложила миасская компания, клонившиеся к установлению круговой поруки. Исход стачки неизвестен. («Русская правда» 1879 г., № 76, 17 июля.)

1 июля на антрацитных рудниках Русского общества пароходства и торговли на станции Шахтной произошла стачка, продолжавшаяся пять дней. Причина недовольства — неправильный расчет за работы, при котором не принимались во внимание различные тары вагонеток. Весы также оказались неверными. Были вызваны казаки и представитель местного горного управления, и под влиянием увещаний и угроз рабочие возобновили работы. («Русская правда» 1879 г., № 83, 24 июля; «Новое время» 1879 г., № 1220; перепечатано в газ. «Русские ведомости» 1879 г., № 186.)

17 июля забастовали рабочие Воронежских жел.-дор. мастерских, потребовав выплаты задержанного жалования. Толпа угрожала прибывшему для объяснения управляющему, который заявил, что деньги будут выданы через два дня, а пока — «марш на работу!» В это время приближался поезд из Москвы. Вся толпа, около 700 чел., кинулась на полотно и растянулась по рельсам, так что поезд должен был остановиться, не доезжая до станции. После этого рабочие получили деньги. («Русская правда» 1879 г., № 83, 24 июля.)

18 июля на табачной фабрике А. Попова[1] в Одессе забастовали рабочие, занимавшиеся крошкой табаку. Причина — предполагавшаяся установка крошильной машины. («Русская правда» 1879 г., № 85, 26 июля.)

---

[1] В указателе С. Прокоповича («Труды Вольно-экономического общества» 1903 г.) ошибочно указана фамилия фабриканта: Панов.

Летом бастовали рабочие свекловичных плантаций Тарновского в Нежинском уезде. Стачка была вызвана распространением слухов о возвращении в крепостное состояние тех, кто работает на помещиков. (Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 75, л. 114.)

1 августа не вышли на работы рабочие приисков Зейской компании (Буреинской системы, Амурской области). Требования: 2 свободных дня в месяц вместо одного. Зачинщики были арестованы, и дело было разрешено лишь в феврале 1883 г. в окружном суде Амурской области. Рабочие признаны невиновными. (В. Семевский, т. II, стр. 713 и 717.)

16 августа произошла стачка на бумагопрядильной фабрике Гилля в Московском уезде, вызванная недовольством рабочих низкой заработной платой, дурным жилым помещением и дороговизной продуктов в фабричной лавке. После того как фабрикант обещал удовлетворить требования, работы были возобновлены. (Дело III отд. 3 эксп. 1879 г., № 22, л. 145.)

В августе была стачка рабочих на фабрике Скворцова. (Опись делам деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1879 г., № 316. Дело уничтожено.)

В августе была стачка на фабрике Балашовых в Гуслицах (под Москвой). Требования — повышение заработной платы («Голос» 1879 г., № 234; «Русская правда» 1879 г., № 117; «Русские ведомости» 1879 г., № 214.)

11 сентября в Москве бастовало 600 рабочих суконной фабрики А. А. Шрадера из-за возложенных на них обязанностей носить воду и дрова. Они требовали также отменить запрещение пить чай в своих помещениях. Была вызвана полиция, выбранные по ее требованию 3 депутата от рабочих были арестованы. Уволено 30 рабочих, 120 рабочих ушли с фабрики сами. («Голос» 1879 г., № 286; «Русские ведомости» 1879 г., № 257; «Новое время» 1879 г., № 1306 (из «Русск. вед.»); «Молва» 1879 г., № 287.)

Рабочие бумагопрядильной фабрики бр. Щербаковых в с. Кохме, Шуйского уезда, Владимирской губ. (92 чел.), потребовали отмены вечерней смены под праздники и не явились на работу. Требование не было удовлетворено. Работа продолжалась на прежних условиях. (Н. Шаханов. «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ.»)

Стачки и волнения за 1880 год

1. Стачка рабочих на Новой бумагопрядильной фабрике в Петербурге 8 мая 1880 г.

I. Докладная записка исполняющего должность петербургского градоначальника в III отд. от 9 мая 1880 г.

Вчера, в два часа дня, рабочие ткацкого отделения Ново-бумагопрядильной фабрики, в числе 800 человек, бросив работу, ушли по домам. 11 из них явились в местную полицию, заявляя жалобу на администрацию фабрики за притеснения. По расспросам местной полиции у директора фабрики и 22 подмастерьев жалоба оказалась неосновательною. К дальнейшему разъяснению этого дела, как равно к усилению надзора за рабочими, приняты меры.

До настоящего времени все спокойно.

Полковник Федоров[1].

II. Докладная записка его же от 9 мая 1880 г.

В дополнение к докладной записке по поводу оставления работ рабочими ткацкого отделения Ново-бумагопрядильной фабрики, на Обводном канале, имею честь донести вашему сиятельству, что для разбора настоящего дела был командирован на место чиновник для поручений сыскной полиции, коллежский советник Иванов, но сегодня, по случаю праздника, рабочие находятся по домам, и потому удалось объясниться по сему делу лишь с несколькими из рабочих, которые заявили, что завтра, в установленное время, они отправятся на работы. Надзор за рабочими усилен, и до сего времени все спокойно.

Полковник Федоров[2].

III. Докладная записка его же от 10 мая 1880 г.

В дополнение к докладной записке от вчерашнего числа имею честь донести вашему сиятельству, что рабочие бумагопрядильной фабрики, по Обводному каналу, сегодня все явились на работу; возникшие между

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1880 г., № 508, л. 3.
[2] То же дело, л. 4.

ними и администрацией некоторые недоразумения, по всей вероятности, будут устранены; на фабрике спокойно, и рабочие обязались также явиться на работы в будущий понедельник.

Полковник Федоров[1].

2. Стачка на Александровском заводе Главного общества российских железных дорог 20 мая 1880 г.

Докладная записка петербургского губернатора главному начальнику верховной распорядительной комиссии от 10 мая 1880 г.

Получив сего числа, в седьмом часу вечера, телеграмму от пристава Шлиссельбургского участка, что на Александровском заводе Главного общества российских железных дорог собралась толпа более чем в тысячу человек рабочих, которые требуют выдачи жалованья, причем и остальные рабочие этого завода — 1 500 человек — самовольно оставили работу, я немедленно на место командировал начальника пригородной полиции полковника Ридингера.

Из произведенных полковником Ридингером расспросов оказалось, что, согласно установленного на заводе правила и вывешенной на стенах табели, жалованье рабочим следовало получить лишь 17 мая (во всех заводах обычай выдавать жалованье в первую субботу после 15-го числа каждого месяца); но рабочие, заявляя, что управляющий заводом Прат обещал им выдать жалованье сегодня, но не выдает, собрались толпою, как сказано выше, более 1 000 человек, и стали требовать, чтобы к ним вышел для объяснения управляющий заводом, который не явился, почему толпа стала шуметь и кричать.

Прибывший на место участковый пристав, разузнав, в чем дело, телеграфировал председателю совета Главного общества российских железных дорог г. Половцеву и директору управления г. Кенигу.

Вскоре после сего пришли телеграммы с обещанием прислать деньги, которые и действительно через час были привезены и розданы, так что полковник Ридингер не застал рабочих у завода, и, таким образом, дело это улажено.

В данном случае большого беспорядка не произошло, кроме сборища толпы, шума, крика и 5—6 стекол, разбитых на самом заводе; но я считаю долгом доложить вашему сиятельству, что Александровский чугунный завод Главного общества чаще других подвержен беспорядкам. Причины этого следующие: 1) Завод этот, прежде бывший казенный,

---

[1] Дознание, произведенное на фабрике, обнаружило и «зачинщика»: крестьянина Петербургской губ., Ямбургского уезда, Семена Никифорова, предназначавшегося к высылке из столицы еще во время стачки на Новой бумагопрядильне в 1878 г. Тогда он успел скрыться, а затем вновь вернулся на фабрику. По распоряжению гр. Лорис-Меликова, он был в 1880 г. выслан на родину под гласный надзор полиции. (То же дело, лл. 5—12.)

сдерживался строгой военной дисциплиной, ныне же, с передачею в частное общество, дисциплины этой нет. 2) Не только управляющий заводом, англичанин, но и все мастера на нем, иностранцы, которые заменили бывших русских, очень дурно понимают по-русски, отчего и происходят вечные споры и неудовольствия. При передаче же приказаний и различных распоряжений от сей причины постоянно происходят недоразумения. Так и в настоящем случае, управляющий заводом Прат говорит, будто он сказал рабочим, что желал бы раздать рабочим жалованье, а рабочие говорят, что он обещал раздать жалованье. 3) При малейшем недоразумении, которое при первом начале легко было бы прекратить личным объяснением, управляющий заводом Прат никогда не выходит к рабочим, а старается скрыться, так что недоразумение переходит в озлобление рабочих и возникает беспорядок.

Управляющий заводом Прат также сильно возбуждает против себя своим надменным, грубым и, как рабочие говорят, придирчивым обращением с ними.

В виду изложенного я завтра вызываю к себе директора завода и буду иметь с ним совещание об устранении на будущее время подобных беспорядков.

Губернатор Лутковский[1].

3. Стачка рабочих, нанятых подрядчиками Астратовым и Трифоновым по прорытию канала в начале июня (?) 1880 г.

Докладная записка исполняющего должность петербургского градоначальника в III отд. от 6 июня 1880 г.

Из числа 2 000 рабочих, нанятых подрядчиками Астратовым и Трифоновым для производства правительственных работ по прорытию канала из Финского залива, 150 человек оставили работы, требуя обратно свои паспорты, и, несмотря на увещание полиции, решительно отказались продолжать таковые.

Произведенным дознанием обнаружено, что рабочие наняты упомянутыми подрядчиками на срок по 1 ноября 1880 г., по условиям, заключенным в волостных правлениях, с выдачею задатков, которых они еще не отработали, и что претензия их к подрядчикам неосновательна и вызвана лишь тем, что заработанная плата в других местностях стоит ныне выше получаемой ими.

Для обнаружения более виновных в означенном беспорядке поручено произвести дознание сыскной полиции, и вместе с тем приняты меры к тому, чтобы подобные беспорядки не распространились в среде других рабочих[2].

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1880 г., № 508, лл. 6—7.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1880 г., № 508, л. 13.

4. Волнения рабочих кирпичного завода Агапонова в Петербургском уезде в начале июня (?) 1880 г.

Докладная записка петербургского губернатора главному начальнику верховной распорядительной комисии от 7 июня 1880 г.

По получении известия о недоразумениях, возникших на кирпичном заводе Агапонова в 1-м стане С.-Петербургского уезда, был командирован на место с.-петербургский уездный исправник полковник Ридингер, который донес мне следующее:

По его прибытии на завод рабочие заявили, что они нанялись за издельную плату, а между тем не имеется в достаточном количестве ни глины, ни воды, ни шатров и проч., а потому желают, чтобы выданные им задатки по 20 руб. на каждого человека, равно как харчевые и данные деньги, были бы им прощены и, кроме того, выданы были на каждого человека по 10 руб. за невольный прогул, так же как и паспорты для приискания работ на других заводах.

Осмотрев завод, полковник Ридингер удостоверился, что действительно на этом заводе, как вновь устраиваемом, нет достаточного количества материалов и необходимых приспособлений для выделки кирпича на все число приговоренных рабочих и что в то время, когда на других заводах рабочие успели уже заработать по нескольку десятков рублей, на этом заводе еще не обожгли ни одного кирпича.

Так как сумма иска рабочих превышает 300 руб., то мировой судья не мог принять к разбору этого дела, а необходимо было с жалобою обратиться в окружной суд.

Принимая во внимание, во-1-х, что в окружном суде решение дела неминуемо замедлилось бы, а это для рабочих было бы убыточно, и, во-2-х, что подобное положение рабочих вызвало бы неудовольствие на соседних заводах, которых в окрестности более сорока, полковник Ридингер стал склонять их к полюбовному соглашению, и рабочие просили его разобрать и решить дело.

Пригласив двух экспертов, кирпичных заводчиков, известных своею благонадежностью, полковник Ридингер вместе с ними и рабочими вновь осмотрел весь завод и привел рабочих и заведывающего заводом к полному миролюбивому между ними соглашению.

За невольный прогул каждый рабочий получил по 12 руб. 50 коп.; недостающие материалы доставлены из ближайших мест; для удобства доставления воды приступлено к устройству насосов; лишние люди отпущены и им прощены задатки, харчевые деньги и выданы паспорты, а остальные рабочие в тот же день, приступили к работе.

К этому исправник присовокупил, что во все это время порядок не был ни в чем нарушен и недоразумения ограничивались лишь словесными спорами, которые после объясненного разбора дела совершенно прекратились, и водворилось полное согласие.

Губернатор Лутковский[1].

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1880 г., № 508, лл. 14—15.

5. Стачка рабочих Александровского завода в Петербурге в октябре в 1880 г.

Служебная записка от 22 октября 1880 г.

Правление Александровского сталелитейного и сталерельсового завода в выставленном объявлении дало знать рабочим мартеновских плавильных печей, что оно с 1-го будущего ноября уменьшит получаемую рабочими с каждых 100 пудов вылитой стали плату с 29 к. до 25 коп., вследствие чего 80 человек рабочих прекратили работы.

Произведенным дознанием обнаружено, что работа производилась прежде в мартеновских печах старого образца; в настоящее же время, с улучшением упомянутых печей, работа значительно облегчилась и даст возможность в одно и то же время вылить большее количество стали и, следовательно, не влечет за собою уменьшения заработной платы.

По разъяснении этого обстоятельства рабочим они согласились продолжать работы, и в настоящее время на заводе попрежнему спокойно [1].

6. Волнения на чугунолитейном заводе М. Фридланда в Петербурге 23 декабря 1880 г.

Донесение исполняющего должность петербургского градоначальника министру внутренних дел от 31 декабря 1880 г.

Имею честь донести вашему сиятельству о последовавших относительно рабочих на фабриках и заводах переменах за последнее, по настоящее число, время:

1. На фабриках шерстяных изделий Торнтон, вследствие застоя в сбыте товара, рассчитано перед праздниками до 400 человек; остальные рабочие, которых Торнтон имел намерение рассчитать, после личного с вашим сиятельством объяснения, оставлены на фабрике и продолжают работы попрежнему, но с уменьшением числа рабочих часов и с распределением их на две смены, на что рабочие изъявили согласие.

2. На экипажно-колесном заводе Смита, по случаю истребления его пожаром, все рабочие, в числе 250 человек, 23 декабря рассчитаны, но после праздников предполагается возобновить работы, для чего и будут взяты до 150 человек, остальные же рабочие частью поступают на другие заводы, а частью едут на родину.

3. На чугунолитейном заводе Фридланда при раздаче 23 декабря жалованья между рабочими произошел ропот в виду того, что им было выдано таковое лишь за ноябрь месяц. Принятыми мерами полиции неудовольствие это было устранено выдачею авансом по нескольку рублей за декабрь месяц.

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1880 г., № 508, л. 18.

4. На механическом заводе Берда, по случаю передачи оного 24 декабря новой акционерной компании, все рабочие были того же числа рассчитаны, с 2-го же января 1881 года будут работать две мастерские. железная вальцовка и корабельная, для чего предполагается пригласить рабочих до 900 человек, о чем и выставлены объявления; с 7-го же января завод будет производить работы при прежнем составе рабочих, как и при г. Берде.

Генерал-майор Федоров[1].

7. Волнения на механическом заводе Голубева в Петербурге в декабре 1880 г.

Отношение директора департамента полиции петербургскому градоначальнику от 20 декабря 1880 г.

Получено сведение, что между рабочими механического вагоностроительного завода Голубева, находящегося на Сампсониевском проспекте, происходит сильное волнение, близкое к открытому возмущению, поводом к чему послужил расчет нескольких лишних рабочих, и что подстрекателями к беспорядкам являются: некто слесарь Григорий (личность весьма сомнительная) и пять слушателей Технологическ. института, занимающихся на упомянутом заводе практическими работами, фамилии которых неизвестны.

Сообщая о вышеизложенном, департамент имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении о проверке негласным путем степени достоверности этого сведения и о выяснении упомянутых лиц, на которых указывается как на подстрекателей рабочих к беспорядкам и распространителей преступной пропаганды.

О последующем же почтить уведомлением.

Генерал-майор Федоров[1].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ
1880 г.

15 февраля забастовали рабочие (300 чел.) шерстоткацкой фабрики Н. Каверина в Москве. Причины недовольства — уменьшение сдельной платы, непомерные цены на продукты в фабричной лавке, вычет в 40% в пользу хозяина за авансы. Требования рабочих были удовлетворены, и 20 февраля работы возобновились. («Русские ведомости» 1880 г., № 52, 24 февраля.)

22 февраля приостановили работы во всех цехах рабочие Киевских железнодорожных мастерских (1 500 чел.). Причина забастовки — преследования со стороны местного начальства за нарушение правил и слухи об уменьшении заработной платы и сокращении числа рабочих. После объяснений, данных главным инженером, работы были в тот же день возобновлены. («Голос» 1880 г., № 67; «Русские ведомости» 1880 г.,

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1880 г., № 83, лл. 58—59.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1880 г., № 772, л. 2. Печатается по черновику.

№ 64; «Новое время» 1880 г., № 1444; «Московские ведомости» 1880 г., № 69. Все сведения взяты из «Киевлянина» 1880 г., № 51.)

В феврале произошли волнения на шерстоткацкой фабрике С. В. и И. В. Бровкиных в Москве (270 рабочих). Причина — надбавка цен на продукты в фабричной лавке. По убеждению полиции, фабрикант сложил начеты (около 2 руб. на рабочего). («Русские ведомости» 1880 г., № 55, 28 февраля.)

10 июня забастовали рабочие на торфяных болотах у подрядчика Л. Гальперина в Покровском уезде, Владимирской губ., потребовали увеличения заработной платы, устройства крыши над помещением и прекращения грубого обращения с ними хозяина. 12 июля работы возобновлены. Дело передано мировому судье. (Н. Шаханов. «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ.».)

9 сентября забастовало 2 600 рабочих на фабрике А. И. Хлудова в Ярцеве из-за понижения азработной платы на 10%. Позже были предъявлены требования: отмена произвольных штрафов и уплата за стачечные дни. 11 сентября для усмирения были вызваны войска (500 солдат). 11 человек было арестовано. 800 чел. отправлено этапным порядком на родину. 10 июня 1881 г. мировой судья приговорил четверых к 2 неделям и 1 месяцу тюремного заключения, трех оправдал. («Голос» 1880 г., №№ 252, 258; «Земство» 1880 г., № 1; «Русские ведомости» 1880 г., №№ 234, 236, 239 и 247 (из «Моск. вед.» и Смол. вестника»); «Современные известия» 1880 г., №№ 254, 257 (из «Моск. вед.» и «Смол. вестника»); «Новое время» 1880 г., № 1632 (из «Голоса и «Смол. вестника»); Молва» 1880 г., №№ 253 и 258 (из «Голоса» и «Русского курьера»); «Русский курьер» 1880 г., № 252; «Моск. ведомости» 1880 г., № 233; «Страна» 1880 г., № 72 (из «Голоса»); «Смоленский вестник» 1880 г., №№ 102, 103, 105. Кроме того, см. журналы: «Дело» 1880 г., X, стр. 114—115; «Слово» 1880 г., XI, стр. 78—81; «Русская мысль» 1880 г., XI, стр. 39—40).

В начале октября на фабрике Щербакова в с. Озерах, Коломенского уезда, бастовало около 600 прядильщиков из-за снижения заработной платы. Результаты неизвестны. («Русские ведомости» 1880 г., № 256, 8 окт.; перепечатано в газ. «Голос» 1880 г., № 233; «Новое время» 1880 г., № 1661; «Молва» 1880 г., № 284; «Русский курьер» 1880 г., № 279. Кроме того, см. «Земство» 1880 г., № 3.)

В ноябре на бумаготкацкой фабрике Серикова в Серпухове произошла стачка рабочих, вызванная снижением заработной платы («Голос» 1880 г., № 328. Перепечатано в газ. «Молва» 1880 г., № 329, и «Современные известия» 1880 г., № 331).

На бумагопрядильной фабрике М. И. Каретникова в Тейкове 3 000 рабочих, недовольные строгостями, введенными директором[1], объявили стачку. Она продолжалась около недели и окончилась поражением рабочих. Уволено 200 чел. (Н. Шаханов. «Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ.».)

---

[1] Директор, англичанин Крошо, в 1895 г. был убит рабочими.

МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА В БОРЬБЕ СО СТАЧЕЧНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

ЦИРКУЛЯР III ОТДЕЛЕНИЯ НАЧАЛЬНИКАМ ГУБЕРНСКИХ ЖАНДАРМСКИХ УПРАВЛЕНИЙ ОТ 14 ИЮЛЯ 1870 Г. ЗА № 1292

По высочайшему государя императора повелению г. управляющий министерством внутренних дел циркуляром от 6-го сего июля предписал начальникам губерний следующее:

«В начале текущего лета вольнонаемные фабричные люди, занимающиеся работами на одной из самых обширных фабрик близ Петербурга, устроили между собою стачку, для того чтобы вынудить хозяев фабрики увеличить заработную плату. По этому поводу назначено было следствие, и затем дело обращено было к судебному разбирательству, исход коего в свое время был опубликован в столичных газетах.

Стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратила на себя высочайшее внимание, и государю императору благоугодно было повелеть поручить гг. губернаторам, чтобы они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу, так как, без сомнения, возникновение стачек между рабочими должно быть положительно приписано влиянию лиц, стремящихся перенести эту чуждую русскому народу форму выражения неудовольствия на нашу почву с целью поселять смуты и производить беспорядки и волнения. Но, независимо от этого общего наблюдения, государю императору благоугодно было также повелеть, чтобы при первом полученном известии о стачке рабочих на каком-либо заводе и фабрике губернаторы, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными людьми высылали таковых, не спрашивая на то разрешения министра внутренних дел, в одну из нижепоименованных губерний: Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую».

Его величеству благоугодно, чтобы чины корпуса жандармов с своей стороны обратили на этот предмет самое бдительное внимание.

Вследствие таковой высочайшей воли, вы обязываетесь дать подведомственным вам чинам точные инструкции и затем обо всем, что будет замечено, уведомить начальника губернии и одновременно донести 3-му отделению собственной его императорского величества канцелярии.

Подписал: управляющий отделением свиты его величества.

генерал-майор Мезенцев[1].

Верно: и. д. старшего чиновника Филиппеус.

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, л. 19.

ИНСТРУКЦИЯ

гг. штаб- и обер-офицерам наблюдательного состава корпуса жандармов Московской губернии

Вследствие состоявшегося по высочайшему повелению циркулярного предписания 3-го отделения собственной его императорского величества канцелярии от 14 июля 1870 года за № 1292, вменяется в обязанность:

1. Обратить особенно строгое и бдительное внимание на фабрики, заводы, мастерские и вообще на все те места, где находится большое количество рабочих, наблюдая:

а) Заключены ли хозяевами фабрик, заводов и проч. с рабочими законные условия.

б) Выдается ли своевременно рабочим задельная плата.

в) Не производится ли рабочим выдача денег вперед с какою-либо неблагонамеренною целью.

г) Не делается ли рабочим со стороны хозяев и лиц, составляющих фабричную и заводскую администрацию, каких-либо притеснений, и

д) Правильны ли вообще все действия хозяев и лиц фабричной и заводской администрации в отношении к рабочим.

2. Обращать внимание относительно продовольствия рабочих, не делается ли какого-либо злоупотребления в этом со стороны хозяев или лиц фабричной и заводской администрации.

3. Вообще обращать самое строгое внимание на все те случаи и обстоятельства, которые могут послужить поводом рабочим выражать неудовольствие к хозяевам фабрик, заводов и проч.

4. Иметь наблюдение за теми рабочими, которые оставили фабрики и заводы не по собственному желанию, и вообще за всеми теми, кои оставили свои места по каким-либо неудовольствиям с своими хозяевами, так как рабочие эти легко могут возбуждать в среде своих товарищей на фабриках и заводах общее неудовольствие к хозяевам.

5. Особенно тщательно наблюдать за тем, что не ведутся ли рабочими между собой рассуждения о получаемой ими задельной плате, что плата эта, по трудности работы их, мала и что необходимо просить прибавки оной; нет ли в среде этих рабочих таких личностей, которые по неблагонамеренности своей могут иметь вредное влияние на рабочих, поселять между ними смуты, волнения и затем производить беспорядки и общие стачки рабочих.

6. Строго и бдительно наблюдать за отношениями с рабочими лиц подозрительных: выгнатых[1] студентов, семинаристов, гимназистов и вообще молодых людей, обращающих на себя чем-либо внимание.

7. Иметь также строгое наблюдение за сношениями с рабочими студентов С.-Петербургского технологического института, прибывающих на фабрики и заводы в летнее время для практических занятий.

8. Получив сведения как о существовании неблагонамеренных личностей в среде рабочих или вообще на фабриках и заводах, так и обо всех неправильных действиях хозяев, равно и лиц, составляющих фабричную и заводскую администрацию, в отношении к рабочим, доносить обо всем немедленно начальнику жандармского управления.

Примечание. Так как в московском жандармском управлении имеются положительные сведения, что некоторые полицейские чиновники весьма мало обращают внимание на фабричное и заводское население и, находя более выгодным для себя сохранять хорошие отношения с хозяевами фабрик и заводов, почти вовсе не входят в положение рабочих, которые нередко терпят разные притеснения со стороны хозяев или лиц фабричной и заводской администрации, а в данном случае легко могут быть по неудовольствию хозяев невинно назначаемы к высылке в другие губер-

[1] Так в тексте.

нии, то, в виду всякого этого и в предупреждение могущего быть злоупотребления со стороны хозяев и полицейских чиновников, необходимо иметь также самое строгое наблюдение и за правильностью назначения рабочих к высылке в определенные циркуляром министра внутренних дел губернии. Обо всему что будет замечено по сему предмету, доносить немедленно начальнику жандармского управления.

9. Согласно изложенным в сей инструкции §§, объяснить всем унтерофицерам наблюдательного состава Московской губернии их обязанности и строго внушить, чтобы они исполняли таковые тщательно и с особенным усердием, стараясь, вместе с этим, наблюдением своим не подавать никакого повода к возбуждению каких-либо столкновений как с хозяевами фабрик и заводов, так и с полициею.

Подлинную подписал начальник московского жандармского губернского управления генерал-майор Слезкин.

С подлинным верно:

адъютант управления штабс-капитан Дудкин[1]

ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ШЕФУ ЖАНДАРМОВ ОТ 15 ДЕКАБРЯ 1871 г.

В видах правильного применения высочайшего повеления, изложенного в циркулярах министерства от 6 июля прошедшего года № 1906 и 30 сентября сего года № 227, коим для предупреждения вредных последствий от возникновения стачек, какого бы рода они ни были, предоставлено начальникам губерний зачинщиков стачек, не допуская дела до судебного разбирательства и не испрашивая предварительного разрешения министерства внутренних дел, высылать в назначенные для сего губернии,— я считаю долгом разъяснить, что под словом стачка разумеется не только беспорядок, выражающийся со стороны фабричных или заводских рабочих прекращением занятий по предварительному между ними уговору с целью добиться от хозяев возвышения заработной платы, вопреки состоявшемуся письменному или словесному условию, но и всякое соглашение промышленников против потребителей в форме прекращения промысла или возвышения цен на продукты, преимущественно первой потребности.

Сообщая о сем вашему превосходительству, присовокупляю, что полномочие касательно преследования зачинщиков стачек административным порядком следует применять в самых крайних случаях и лишь тогда, когда все предварительные меры, направленные к прекращению зла, не будут иметь успеха.

Подписал: министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев.

Скрепил директор Косаговский[2].

ЗАПИСКА ДЛЯ ПАМЯТИ[3]

При представлении государю императору в настоящем году начальника московского губернского жандармского управления его величеству угодно было лично повелеть генерал-майору Слезкину «иметь особенное наблюдение за фабричными мастеровыми и артелями рабочих».

Вследствие сего циркулярно предложено было жандармским офицерам в Московской губернии иметь самый тщательный надзор за находящимися в районе их ведения фабриками, заводами, мастерскими и вообще за теми местами, где находится значительный прилив рабочих, и следить, не появятся ли между ними какие-либо подстрекатели к беспорядкам.

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1870 г., № 64, ч. 1, лл. 28—29.

[2] То же дело, л. 175.

[3] Не датировано, пометка о прочтении сделана 4 июля 1870 г.

К выполнению изложенного распоряжения встретилось, однако, существенное препятствие, ибо унтер-офицеры наблюдательного состава корпуса жандармов не имеют доступа в фабричные заведения, посещение коих для вышесказанной цели положительно необходимо по следующим причинам:

Непосредственные действия жандармского офицера по отношению к упомянутому надзору далеко не могут соответствовать настоятельной в том потребности, так как он является на фабрики в исключительных, вызывающих его прибытие, случаях или же вследствие сделанных ему рабочими заявлений, а к тому же приезд его туда всегда бывает заблаговременно известен, тогда как свободное и постоянное посещение этих заведений унтер-офицером дает ему возможность более присмотреться ко всему там происходящему, ближе ознакомиться со средою рабочих и следить за всем, что должно входить в круг его наблюдений.

По этому поводу и в том соображении, что полиция, как блюстительница общего благоустройства и благочиния, имеет право во всякое время посещать фабрики и заводы, назначение же жандармского управления состоит также в охранении безопасности, спокойствия и порядка в государстве и что, таким образом, цели как той, так и другого вполне совпадают, — генерал-майор Слезкин обращался к местной власти с просьбою сделать распоряжение о допущении жандармских унтер-офицеров на фабрики и заводы без всякого с их стороны во что-либо там вмешательства, ограничиваясь лишь наблюдением, но получил в том отказ, мотивированный предлогом, что на это не существует прямого закона.

При таком положении дела наблюдение, возложенное на чинов корпуса жандармов за фабричными заведениями, неминуемо должно остаться только номинальным, за невозможностью, в большей части случаев, получать, при их замкнутости, непосредственные сведения о том, что в них происходит.

При невозможности оспаривать, что для действительности наблюдения за рабочим классом народа необходимо иметь доступ в места многолюдного его стечения для работы, и принимая во внимание, что без этой меры лично выраженное государем императором повеление не может быть удовлетворительно выполнено, признается вполне необходимым устранить встречающееся к тому препятствие, что может быть достигнуто распоряжением господина министра внутренних дел, объявляющим чрез местных властей, что унтер-офицеры наблюдательного состава корпуса жандармов, в случае надобности, имеют право посещать во всякое время для личных объяснений всех лиц, находящихся на фабриках и заводах, согласно данной им инструкции и на основании 315 ст. I ч. III к. Св. воен. пост. изд. 1869 г., где сказано, что обязанность жандармов определяется особыми инструкциями.

Нет сомнения, что присутствие жандармов в фабричных заведениях не только не может стеснять владельцев, но скорее будет им полезно в интересах сохранения порядка и спокойствия среди находящихся у них рабочих, и есть основание полагать, что одно уже право появления там жандармских унтер-офицеров не премкнет оказать нравственное влияние как на рабочих, так и на хозяев [1].

ЦИРКУЛЯР МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1871 г. № 227

Господину начальнику губернии.

Вследствие происшедшей в августе месяце сего года в г. Одессе стачки извозчиков, по поводу введения новой таксы, местное начальство, применяясь к циркуляру министерства внутренних дел от 6 июля

---

[1] Д. деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1870 г., № 401, лл. 12—14.

прошедшего года № 1906, сделало распоряжение о высылке главных виновников возникших по сему случаю беспорядков.

По доведении о сем г. главным начальником III отделения собственной его императорского величества канцелярии до высочайшего сведения, государь император, разделяя взгляд одесской администрации на необходимость принятия срочных мер в отношении вышеупомянутых лиц, изволил при этом высочайше повелеть, чтобы состоявшееся в прошлом году по поводу стачки между рабочими Невской бумагопрядильной фабрики высочайшее повеление, по силе которого губернаторам предоставлено право при первом полученном ими известии о стачке рабочих на каком-либо заводе или фабрике, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными людьми высылать таких зачинщиков, не спрашивая на то разрешения министерства внутренних дел, в одну из наименованных в упомянутом высочайшем повелении губерний, распространялось на всякого рода стачки.

О таковой высочайшей воле сообщаю вашему превосходительству к руководству и исполнению.

Подписал: управляющий министерством внутренних дел статс-секретарь князь Лобанов-Ростовский.
Скрепил: директор Косаговский.
Верно: управляющий отделением Мавроди[1].

ЦИРКУЛЯР МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НАЧАЛЬНИКАМ ГУБЕРНИЙ ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1871 г. ЗА № 255

Одному лицу, сужденному с.-петербургскою судебною палатою и ею оправданному, но высланному по административному распоряжению министерства внутренних дел на родину под надзор полиции, выдан местною городскою думою паспорт на выезд в С.-Петербург, на основании отзыва палаты, которая сообщила думе, что помянутое лицо признано по суду оправданным и что об отсылке его на родину палатою никакого распоряжения делаемо не было.

Находя, что такие действия городской думы идут явно вразрез с распоряжениями министерства внутренних дел, я, по соглашению с товарищем главного начальника 3-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, считаю необходимым, в предупреждение случаев, подобных вышеизложенному, предложить вашему превосходительству предписать, кому следует, о точном исполнении существующих правил по предмету выдачи паспортов на отлучку лиц из места их приписки, с разъяснением притом, что лицо, подвергшееся высылке под надзор полиции на родину или в какое-либо другое место по распоряжению высшего административного учреждения, не может, без разрешения сего же учреждения, получить право на выезд куда-либо из места ссылки, хотя бы по судебному приговору означенное лицо и не подверглось никаким ограничениям прав.

Подписал: министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев.
Скрепил: директор Косаговский.
Верно: управляющий отделением Мавроди[2].

---

[1] Д. деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1870 г., № 401, л. 32.

[2] Д. деп. пол. исп., 3 отд., 1 ст., 1870 г., № 401, л. 34 по печатному подлиннику.

ИЗ ДОКЛАДА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ ПРАВИЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ВЫСЫЛКЕ И ПОЛИЦЕЙСКОМ НАДЗОРЕ КОСАГОВСКОГО МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 10 АПРЕЛЯ 1875 г.

...2. По вопросу о высылке за стачки.

Высылка зачинщиков стачек, на основании высочайшего повеления, последовавшего в июле 1870 г. по поводу стачки на Невской бумагопрядильне, предоставлена губернаторам без испрошения предварительного разрешения на то министерства внутренних дел.

Такой порядок высылки, составляющий изъятие из общего закона 2 декабря 1855 г., при существовании законов, предусматривающих всякого рода стачки и соглашения как в среде промышленников, так и между рабочими на фабриках и заводах, по мнению комиссии, основанному на точном соображении всех обстоятельств дела, вызвавших помянутое повеление 1870 г., представляется мерою временною.

При таком взгляде на дело и в виду тех неудобств, кои являются на практике (дело Акулова), комиссия не могла не выразить, что лиц, обвиняемых в стачках, было бы предпочтительно преследовать общеустановленным судебным порядком, с тем, однакоже, чтобы в случаях, когда признается необходимым принять по отношению к какому-либо из таких лиц меру административной высылки, то губернаторы руководствовались бы общими правилами, т. е. применяли бы меру высылки только по получении на то разрешения министра внутренних дел (журнал комиссии № 16, стр. 303—316).

ОТНОШЕНИЕ УПРАВЛЯЮЩЕГО МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГЛАВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ ОТ 20 АВГУСТА 1875 г. ЗА № 2768

Государь император, по всеподданнейшему докладу моему, в 15-й день августа сего года высочайше повелеть соизволил: в крайних случаях и лишь в виде временной меры, впредь до утверждения положения о найме рабочих, предоставить с.-петербургскому градоначальнику, не высылая подстрекателей артельных рабочих в местности, указанные в высочайшем повелении 1870 г., удалять их на родину, с тем, чтобы они в течение известного времени, от 1-го до 3-х лет, по назначению градоначальника, не имели права на прибытие в С.-Петербург.

О таковой монаршей воле, сообщенной вместе с сим с.-петербургскому градоначальнику к исполнению, имею честь уведомить ваше превосходительство, вследствие отношения от 2 сего августа за № 3120.

Управляющий министерством внутренних дел
статс-секретарь К. Лобанов-Ростовский[1].

ЦИРКУЛЯР ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕРНАТОРА ОТ 16 АВГУСТА 1875 г. за № 137

Гг. полицеймейстерам и уездным исправникам Владимирской губернии.

До сведения моего дошло, что многие гг. фабриканты и заводчики за прогул, несвоевременную явку на работу и другие провинности дозволяют себе по собственному усмотрению подвергать рабочих штрафам или уменьшать заработную плату, хотя бы это и не входило в договоры найма; штрафы эти нередко взыскиваются совершенно напрасно, по одним ни

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1871 г., № 589, л. 42.

на чем не основанным начетам фабричных табельщиков, и во многих случаях в размерах, далеко превышающих виновность, так что многим рабочим часто приходится уходить с фабрик без всякого заработка. При увольнении рабочих прежде истечения условного срока заводоуправление всегда удерживает у них заработанную за последние недели плату, хотя бы рабочие увольнялись по самым тяжким болезням или по требованиям начальства или общественных учреждений. Такие действия гг. фабрикантов, заводчиков и их управляющих, понятно, не могут не вызывать в среде рабочих ропота и неудовольствий, а это легко может повести к последствиям, более серьезным и весьма печальным для самих владельцев фабрик и заводов.

По действующим законоположениям и по правилам о найме рабочих (т. X, часть I зак. граж., ст. 2201—2247; прилож. II к ст. 31-й Полож. о губ. и уезд. по крест. делам учрежд.; т. XI, часть II Уст. о пром. фабр. и завод., ст. 100—114 с дополнением и изменениями по продол.) фабриканты, заводчики и вообще никто не в праве подвергать рабочих по своему произволу штрафам и каким бы то ни было вычетам, особенно когда размер их и то, за что именно они должны быть удерживаемы, с точностию не обозначены в договорах найма. Точно так же они не в праве до истечения условленных сроков убавлять и заработную плату. По ст. 1—5 Уст. граж. судопроизв., всякий спор о праве гражданском подлежит решению судебных установлений. Дела по личным обязательствам и договорам, по силе ст. 29 приведенного устава, подлежат разбору судебных мировых учреждений. За уменьшение, до истечения условленного срока, платы рабочим владельцы, по ст. 1359 Улож. о наказ., подлежат ответственности. На этом основании прошу гг. исправников и полицеймейстеров, в предупреждение всяких столкновений с рабочими, пригласить гг. фабрикантов, заводчиков и их управляющих, в видах их собственной пользы, не дозволять себе делать произвольно какие бы то ни было вычеты у рабочих из заработной платы, а обращаться в этих случаях к посредству мирового суда, особенно когда против таких распоряжений их будут заявлены споры со стороны рабочих. С этим вместе, исполнительным чинам полиции вменить в строгую обязанность, в случае предъявления им рабочими претензий на удержание владельцами или их поверенными заработной платы,— не отсылать их с грубыми отказами назад, а всегда с полным вниманием объяснять, куда и в каком порядке им следует обратиться с своими претензиями.

О получении сего циркуляра прошу мне донести.

Подписал: и. д. губернатора вице-губернатор Семенов.

Скрепил: правитель канцелярии Проскура.

Верно: за помощника правителя (подпись неразборчива)[1]

ЦИРКУЛЯР ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕРНАТОРА ОТ 10 СЕНТЯБРЯ 1875 г. за № 5576 УЕЗДНЫМ ИСПРАВНИКАМ И ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРАМ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

До сведения моего дошло, что некоторые из гг. фабрикантов, делая расчеты с фабрично-рабочими золотом, ставят им в уплату заработков ценность полуимпериала в 6 руб. 25 коп.; затем, при покупке рабочими чего-либо у них или при уплате долгов, они принимают те же полуимпериалы от рабочих в 5 руб. 50 коп.

В устранение подобных незаконных действий со стороны гг. фабрикантов, прошу гг. исправников и полицеймейстеров каждую субботу объявлять рабочим и выставлять на видных местах при фабриках объявления о стоимости полуимпериалов по биржевому курсу, извлекая эти сведения

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1875 г., № 104, л. 47.

из газетной корреспонденции; в случае же обнаружения вышесказанных притязательных действий тотчас же и неупустительно подвергать виновных в установленном порядке действию закона.

Подписал: генерал-лейтенант Струков.
Скрепил: правитель канцелярии Проскура.
Верно: за помощника правителя (подпись)[1].

ЦИРКУЛЯР ШТАБА КОРПУСА ЖАНДАРМОВ ОТ 24 ФЕВРАЛЯ 1876 г. ЗА № 21 НАЧАЛЬНИКАМ ГУБЕРНСКИХ И ПОЛИЦЕЙСКИХ ЖАНДАРМСКИХ УПРАВЛЕНИЙ

До сведения его превосходительства г. шефа жандармов дошло, что унтер-офицеры дополнительного штата губернских жандармских управлений, находящихся на пунктах в промышленных округах, нередко обращаются к рабочим на фабриках и заводах с расспросами о их быте, материальном положении, а также об отношениях, существующих между ними и их нанимателями: хозяевами, управляющими и т. п.

Знакомство с бытом населения, в особенности же фабричного и заводского, составляя одну из важнейших задач политического наблюдения вообще, является часто необходимостью при дознаниях о государственных преступлениях, направленных к распространению ложных учений или производству волнений в массах, а потому служит в равной степени целям правительства и правосудия.

Признавая несомненную пользу в изучении чинами жандармского ведомства материального и нравственного положения местностей, вверенных их наблюдению, его превосходительство изволил вместе с тем заметить, что достижение в этом отношении желательных результатов обусловливается главнейшим образом целесообразным исполнением и требует от исполнителей опытность, трезвый и беспристрастный взгляд и, сверх того, осторожность и большую сдержанность, не допускающие выражения своего личного мнения или какого-либо, даже поверхностного, обсуждения добытых через расспросы материалов. Уклонение от этих правил со стороны нижних чинов может породить среди населения убеждение, что они призваны быть посредниками между рабочими и нанимателями, и будет мешать беспристрастному пониманию дела, так как жандармские унтер-офицеры, вращаясь исключительно среди народа, знакомятся лишь с одною стороною этих отношений, не имея возможности противопоставить условия, в которых могут находиться хозяева и управляющие.

Для устранения могущих возникнуть недоразумений, в виду самой трудности падающей на долю жандармских нижних чинов задачи, начальникам частей вменяется в обязанность строго следить за тем, чтобы унтер-офицеры дополнительного штата, продолжая знакомиться с бытом рабочего класса, ограничивались представлением добытых сведений своему начальству, не входя лично ни в какие рассуждения, которые могли бы быть истолкованы рабочими в превратном смысле. Затем же жандармскому офицеру надлежит оценить достоинство полученных сведений, поверить лично их справедливость и ознакомиться и с другою стороною отношений, обращая внимание на условия, в которые поставлены и наниматели.

Вникая по возможности подробнее в сущность требований обеих сторон, не останавливаясь исключительно на слухах, к которым жадна толпа, а взвешивая обстоятельства после всестороннего личного наблюдения, жандармский офицер будет в состоянии приобрести тот беспристрастный взгляд, который один может принести ожидаемую пользу.

---

[1] Д. III отд., 3 эксп., 1875 г., № 104, л. 46.

Сообщая вышеизложенное, штаб отдельного корпуса жандармов, по приказанию его превосходительства шефа жандармов, просит начальников управлений неуклонно руководствоваться указанными правилами.

Подписал: начальник штаба

генерал-майор Никифораки[1].

ЦИРКУЛЯР III ОТДЕЛЕНИЯ ОТ 9 ФЕВРАЛЯ 1879 г. ЗА № 737 НАЧАЛЬНИКАМ ГУБЕРНСКИХ ЖАНДАРМСКИХ УПРАВЛЕНИЙ.

В настоящее время пропагандисты обратили свою усиленную деятельность на возбуждение стачек между рабочими на фабриках и заводах.

Вследствие сего покорнейше прошу обратить особенное внимание на этот предмет и, в случае обнаружения чего-либо, немедленно принимать надлежащие меры и подробно о всем сообщать III отделению собственной его императорского величества канцелярии.

Управляющий III отделением собственной его величества канцелярии

Шмит.[2]

ОТНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ШЕФУ ЖАНДАРМОВ ОТ 18 ОКТЯБРЯ 1879 г.

Вследствие полученных мною сведений, что социалисты, узнавая из напечатанных в периодических изданиях известий о каком-либо волнении на фабриках или заводах, имеющих характер стачки, посылают своих агентов для возбуждения еще больших беспорядков и распространения книг революционного содержания между рабочими, я признал нужным сделать распоряжение о недозволении печатать в московских периодических изданиях сведений или слухов о таких происшествиях на фабриках и заводах, которые имеют вид стачек; долгом считаю уведомить об этом ваше превосходительство в том внимании, не изволите ли признать нужным сделать подобное же распоряжение и по с.-петербургским периодическим изданиям.

Примите и проч.

Кн. В. Долгоруков[3].

---

[1] Архив корпуса жандармов. По печатному подлиннику.
[2] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 73, ч. I, л. 147.
[3] Д. III отд., 3 эксп., 1879 г., № 22, л. 90.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

